

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Л е н и н г р а д · 1 9 6 8

Ответственный редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

7-2-2
171-68 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является продолжением издания, подготовленного Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР и выпущенного в свет в 1963 г.: «Из истории русско-славянских связей XIX в.». Оба этих сборника имеют сходную структуру и ставили себе аналогичные задачи — осветить на новом архивном или забытом печатном материале некоторые общие и частные вопросы взаимоотношений русской и других славянских литератур — западных и южных. Советское славяноведение за последние годы сделало несомненные успехи, в частности именно в этой области; тем не менее в истории связей русской литературы с инославянскими и в особенности в истории их взаимоотношений с прочими литературами Европы все еще существует много плохо изученных, недостаточно освещенных эпизодов, разработка которых имеет существенное значение для будущих обобщающих построений славянской литературной истории; некоторые подобные эпизоды нашли свое отражение и в данной книге.

Настоящий сборник (подобно сборнику 1963 г.) не стремится осветить всю сложную историю русско-славянских литературных связей на всем протяжении их развития, так как во всей полноте и с учетом важнейших результатов предшествующих изучений подобного рода такая задача сможет быть решена только в будущем. Ограничения, которые наметили себе участники сборника, были прежде всего хронологическими: помещенные в нем статьи, в основном, почти не выходят за пределы XIX в. С другой стороны, представлялось нецелесообразным сосредоточивать внимание на какой-либо одной из славянских литератур в ее связях с литературой русской; в сборнике объединены материалы, от-

носящиеся к русско-польским, русско-чешским, русско-сербским, русско-болгарским литературным отношениям. Задача, однако, заключалась главным образом в том, чтобы в каждом отдельном случае остановиться на вопросах новых, еще мало изученных, или получавших ранее неправильное, предвзятое освещение, требующее поправок или новых решений.

Так как в основу большинства помещаемых в сборнике статей легли архивные, рукописные материалы, впервые вводимые в оборот, эти статьи неоднородны и по своему жанру: публикации подкрепляют библиографические разработки, сводные монографические очерки располагаются рядом с опытами исторических обобщений, относящиеся то к отдельным периодам русского литературного развития, то к отдельным славянским литературам.

Настоящий сборник, как и предшествующий, состоит из двух отделов: в первом сосредоточены работы большего объема и более широкого характера. Статьи Ф. Я. Приимы и Ю. Д. Левина представляют собою главы из истории русского славяноведения. Статьи К. И. Ровды и Т. С. Карской стремятся дать новое освещение связям русских славянофилов и их чешских современников, вскрывая общность и расхождения в их мировоззрении на фоне истории общественной мысли России и Западной Европы во второй половине XIX в. Статья Л. И. Ровняковой, всецело основанная на неизданных или затерянных материалах о В. Серошевском, пополняет как историю польской литературы, так и историю интеллектуального общения прогрессивных русских и польских писателей.

Во втором отделе публикуются материалы и сообщения, не претендующие на обобщающие выводы, но дающие новые фактические данные эпизодического характера, заслуживающие внимания отечественных и зарубежных славистов: здесь помещены и мелкие заметки, и публикации архивных источников, и библиографические этюды и обзоры.

I

Ф. Я. Прийма

Н. И. НАДЕЖДИН И СЛАВЯНЕ

В работах о Надеждине — критике и журналисте — вопрос о его значении в развитии русского славяноведения, как правило, не ставится. Несколько содержательных страниц на эту тему, если не считать сведений, разбросанных в различных старых периодических изданиях, можно найти лишь в «Истории славянской филологии» И. В. Ягича (СПб., 1910, стр. 486—489 и др.), но и в ней повествование о Надеждине полностью и целостностью не отличается, не говоря уже о том, что начинается оно лишь с 1840 года, когда возвратившийся из ссылки знаменитый критик совершает свою научную поездку в славянские страны.

Между тем есть все основания утверждать, что славяноведческие интересы у Надеждина возникают гораздо ранее, подтверждение чему находим мы в исторических и литературных статьях критика, написанных в самом начале 30-х годов. Взгляды Надеждина на русскую историю, как это выяснено Н. К. Козминым, сформировались под заметным воздействием М. Т. Каченовского и скептической школы, хотя правоверным сторонником последней критик никогда и не был.¹ Возможно, что Каченовский, стремившийся, как утверждал С. М. Соловьев, «сблизить явления русской истории с однохарактерными явлениями у других и, что всего важнее, преимущественно у славянских народов»,² оказал в этом отношении известное воздействие и на Надеждина. В одной из своих статей 1830 года, настаивая на необходимости обращения литературы к глубинам живого народного языка, Надеждин писал: «... богатые сокровища нашего языка, теряющиеся своими корнями в неистощимом руднике языка Славян-

¹ Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. 1804—1836. СПб., 1912, стр. 409—434.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. 1. М., 1855, стр. 402—403.

ского — благодаря гортанобесию, слышущему у нас *вкусом гостиных* — предаются спокойно в добычу рже и тлению». ³ Более определенно мысль об общности языков и культур славянских народов выражена в другой статье критика, напечатанной в том же году: «И никак невозможно подавить в себе тайной уверенности, что святая мать *Русь*, дщерь и представительница великого *Славянского* племени, назначается манием неисповедимого Промысла — разыгрывать первую роль в новом *действии* великой *драмы* судеб человеческих; и что, может быть, она будет для времен грядущих тем же, чем некогда были *Пелазги* для *Классического* мира и *Тевтоны* для мира *Романтического*... Кто знает — не соблюдается ли, может быть, для ней слава того внутреннего соединения между обоими полюсами творческой деятельности, которого требует, жаждет ныне дух человеческий?» ⁴

Историческую основу романтизма Надеждин видел в средневековой поэзии христианских народов, в то же время поэзия классицизма воспринималась им как модификация культуры античной. Мечтавший о синтезе поэзии классической и романтической критик полагал, что наиболее подготовлены к его осуществлению прежде всего славянские страны во главе с Россией. Идея провиденциализма, опирающегося на веру в счастливую будущность России, проходит через всю последующую деятельность Надеждина. В своей программной статье «Современное направление просвещения», которой открывался в 1831 году первый номер журнала «Телескоп», критик писал: «Скажем смело: если мы не имеем прошедшего, коим бы могли гордиться, то будущность для нас более, чем утешительна... Свежее и мощное лоно русского духа ощутительно проникается жизнью, разливающейся с электрической быстротою!... Тучи бродят над Европою: но на чистом небе Русском загораются там и здесь мирные звезды, утешительные вестницы утра». ⁵ В статье 1836 года «Европеизм и народность», которая была столь же программной, Надеждин находит для названной идеи, так сказать, практическое применение. Критик полагал, что дух западноевропейских языков продолжает оставаться *тевтоническим*, несмотря на то, что на протяжении длительного времени они подвергались сильнейшему воздействию латыни. «Чем более укреплялись и вырабатывались эти языки, тем ощутительней становилось в них *тевтоническое* начало, тем более отклонялись они от *латинского*». ⁶ Русский язык отличается от

³ Московский вестник, 1830, ч. 1, стр. 401 (рецензия Надеждина на «Илиаду» Гомера, переведенную Н. Гнедичем).

⁴ Цитируемая здесь статья Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии» (Вестник Европы, 1830, № 2, стр. 150) представляла собой русский перевод отрывка из его диссертации на степень доктора словесных наук «De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit», изданной на латинском языке в Москве в том же году.

⁵ Телескоп, 1831, ч. 1, стр. 40, 46.

⁶ Там же, 1836, ч. XXXI, стр. 33.

языков западноевропейских народов по своему строю и по духу. Длительное воздействие церковнославянского языка тормозило развитие заложенных в русском языке возможностей. Пагубно отражается на этом развитии также и слепое подражание русского языка языкам западноевропейским. Основой любого литературного языка может быть только живой язык народа, «завещанный ему от предков». «Отсюда открывается самый прямой, самый законный способ обогащать язык: надо изучать его не отдельно, а в семействе, к которому он принадлежит! — Наш язык принадлежит к многочисленному семейству славянскому: итак, вот где рудники его богатства! — Я не разумею здесь мертвого церковнославянского языка, а весь этот рой живых наречий, которыми оглашается большая половина Европы, от лагун Венеции до болот Померании, который на запад проникает за Эльбу и, несмотря на вековые угнетения, мужественно борется с враждебной неметчиной. Какое-то странное ослепление закрывает от нас эту дружную, однокровную, одноплеменную половину Европы; мы перекинулись насильственным прыжком за Рейн и пропустили ее меж ног, подобно богатырскому коню наших сказок...».⁷

Можно с уверенностью утверждать, что подчеркнутое противопоставление Надеждиным *славянского Востока* *тевтоническому Западу*, ровно как и присущий ему пафос providенциального мессианизма по отношению к русской культуре были впоследствии взяты на вооружение идеологами русского славянофильства. На наличие преемственной связи между теоретическими воззрениями Надеждина и славянофильским учением в свое время справедливо указывал Аполлон Григорьев.⁸ Не следует, впрочем, забывать, что, кроме сходства, между учением славянофилов и историческими взглядами Надеждина существовало также и большое различие. Так, например, в отличие от славянофилов Надеждин признавал огромное прогрессивное значение петровских реформ и относительную прогрессивность европейского влияния на русскую культуру. «С одной стороны, — писал критик, — влияние сие неоспоримо принесло нам великую, неоцененную пользу. Оно вдвинуло нас в состав просвещенного мира, от которого отделялись мы глухою, непроходимую стеною, и дало нам возможность участвовать в умственном капитале человечества, накопленном совокупными силами народов, в продолжение тысячелетий. Но за это, по-видимому, даровое приобретение поплотились мы весьма дорого. Открывшаяся перед нами роскошь европейского просвещения ослепила нашу неопытность; мы захотели немедленно наслаждаться ею, позабыв, что она стоила Европе многочисленных трудов, вековых усилий. Чтобы приобрести законные права на сие наслаждение, надлежало об-

⁷ Там же, стр. 241—242.

⁸ А. Григорьев, Сочинения, т. 1, СПб., 1876, стр. 489.

ратить богатство европейской образованности в нашу собственность, приспособить ее к русскому духу и возрастить собственными силами из внутренних соков русской жизни».⁹

В суждениях Надеждина 1830-х годов, посвященных сравнительной характеристике русской и западноевропейских культур, нетрудно найти не только «славянофильские», но и «западнические» элементы. И, конечно же, далеко не случаен тот факт, что «ультразападническое» «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева было напечатано в «славянофильском» «Телескопе».

В оценке отстаиваемой Надеждиным идеи особой миссии русской культуры было бы опасно впасть в какую бы то ни было односторонность. Начиная со второй половины 1840-х годов в деятельности русских славянофилов эта идея стала символом национальной ограниченности и политического консерватизма. На нее опирались различные реакционные группировки антизападнической ориентации. Однако в период, непосредственно следовавший за Отечественной войной 1812 года, эта же идея могла выступать и нередко выступала в качестве своеобразного призыва к борьбе за независимость русской культуры. Достаточно будет сказать, что идею об исключительной миссии русской культуры вслед за Надеждиным развивал в своих статьях и В. Г. Белинский («Месяцеслов на 1840 г.», «Россия до Петра Великого» и др.).

В своих публицистических и литературно-критических статьях Надеждин постоянно провозглашал необходимость борьбы за народность литературы. «Под народностью, — писал критик, — я разумею совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых складывается физиономия русского человека... Русский ум имеет свой особый сгиб; русская воля отличается особенной, ей только свойственной упругостью и гибкостью; точно так же как русское лицо имеет свой особый склад, отличается особенным, ему только свойственным выражением».¹⁰

Главную задачу современной ему отечественной литературы Надеждин видел в изображении «внутренней психологической истории русского человека»,¹¹ «удельной личности» народа, «его народного духа, со всеми чертами и оттенками, со всеми родимыми пятнами народной физиономии».¹²

Таким образом, борьба Надеждина за народность русской литературы, выражаясь терминологией нашего времени, была борьбой за ее национальное своеобразие. Любопытно и то, что, разрабатывая программу этой борьбы, критик стремился предо-

⁹ Телескоп, 1832, ч. VII, № 1, стр. 151—152 («Летописи отечественной литературы. Отчет за 1831 год»).

¹⁰ Там же, 1836, ч. XXXI, стр. 256—257.

¹¹ Там же, 1831, ч. IV, стр. 229.

¹² Там же, 1836, ч. XXXI, стр. 23—24.

хранить себя от опасности впасть в грех национальной ограниченности. Нормальная литературная жизнь, по мнению Надеждина, должна слагаться из взаимодействия двух одновременно действующих сил или начал: *центробежного* и *центростремительного*. Первое выводит литературу из круга узко локальных интересов и примитивизма и проводит к «человечественности», «общности», широте интересов и «развитию мировой жизни вселенной»; второе выражает самобытный «национальный дух» народа, «всю жизнь его, все мечты и замыслы, все страдания и радости, все причуды и заблуждения, из коих слагается резвая юность его существования». «Что же должно заключить отсюда? Что развитие литературной жизни, полное и успешное, не иначе возможно, как при гармоническом слиянии обоих противоположных направлений творящего духа, что литература живая должна быть плодом *народности*, питаемой, но не подавляемой *общительностью!*».¹³

Русская литература и ее «вещественная» основа, язык, со времени возникновения на Руси письменности страдают от церковнославянского, византийского, славяно-греко-латинского и европейского «чужаждства». Русской литературе «не доставало только безделицы: быть *русскою!*».¹⁴ В развитии русского самосознания наступает, однако, момент, когда литература, возвратившись к национальным истокам, может и должна стать самобытной, народной и русской. Обновление отечественной литературы должно начаться с упорядочения и обновления (за счет богатейших ресурсов живой народной речи) русского литературного языка. В процессе обогащения последнего в лексическом отношении, согласно цитированному выше высказыванию Надеждина, должны быть широко использованы «рудники» живых языков славянских народов. Почетную, хотя и менее значительную роль отводил критик славянским языкам также и в деле совершенствования русского синтаксиса. «Поэтому одно и то же славянское вещество в различных языках и наречиях, образовавшихся отдельно, независимо друг от друга, получило разные синтаксические формы. Конечно, основная ткань их одинакова, и наблюдение над ней может принести нам ту пользу, что ознакомит нас теснее с духом славянизма, не подавляемом нигде формами, как бы они ни были тяжелы».¹⁵

Для русского образованного общества, по мнению Надеждина, обращение к славянским языкам и культуре диктовалось не только названной выше практической потребностью, но также и необходимостью познания истории собственного национального духовного бытия. «Знаем ли мы нашу литературную историю,

¹³ Там же, стр. 25, 27.

¹⁴ Там же, стр. 48.

¹⁵ Там же, стр. 249.

имеем ли мы об ней точное и верное понятие? — Увы! Литературная наша жизнь, о которой мы так горячо спорим, скрывается доселе от наших глаз во мраке глубокой неизвестности. . . Больно, но тем не менее должно признаться, что мы, зная наизусть все мелочные подробности французской, немецкой, английской — часто латинской и греческой — даже, пожалуй, арабской и санскритской литературной истории — в собственной своей бродим ощупью, запинаемся на каждом шагу, повторяем безотчетно несвязные предания, коснеем под игом слепого суеверия».¹⁶

Потребность в изучении исторического прошлого критик ставил в прямую зависимость от степени развития национального самосознания (самопознания), без которого культура любого народа становится аморфной и бесплодной.¹⁷

Отстаиваемая Надеждиным на протяжении почти шестилетнего существования «Телескопа» литературно-эстетическая программа, несмотря на известную ее эклектичность и политический консерватизм автора, сыграла в общем положительную роль в развитии русской критики и эстетической мысли. Положительное значение для своего времени имели также и призывы критика к изучению культуры славянских народов. Кроме цитированных выше, можно назвать ряд других, опубликованных в «Телескопе» статей Надеждина, в которых русская проблематика в той или иной мере соприкасалась с темой славянской.¹⁸ Все это дает нам основание сказать, что статьи и материалы других авторов, посвященные этой же теме, появлялись в «Телескопе» не случайно, а с ведома и при участии редактора. Об этом, в частности, свидетельствуют и некоторые редакторские примечания к отдельным переводным статьям журнала. Так, например, помещая заимствованную из зарубежной прессы рецензию на «Историю нравов Европы» В. Вахсмута, в трех случаях, где послушно следовавший за автором рецензент забывал упомянуть славян в числе соседствовавших с немцами народов, Надеждин в редакционных примечаниях спрашивал: «А славяне?», «А славяне?», «А славяне?». «Наконец!», — восклицал Надеждин там, где рецензент переходил к обзору 11-го раздела книги, посвященного славянству.¹⁹ Любопытно также и примечание редактора к словам рецензента о том, что источником сведений о славянских служила для Вахсмута «История славянских языков и литературы» Шафарика. «Правда, — отмечает Надеждин, — это сочинение отличное в своем роде; но много есть других рудников для суждения о славянских народах».²⁰

¹⁶ Там же, стр. 28.

¹⁷ См.: Телескоп, 1832, ч. XI, стр. 385; 1835, ч. XXV, стр. 156; 1836, ч. XXXI, стр. 11—13.

¹⁸ Ср.: Телескоп, 1831, ч. 1, стр. 44, 417—421, 481; ч. III, стр. 511 и 514; ч. V, стр. 50; 1835, ч. XXV, стр. 149 сл.

¹⁹ Телескоп, 1832, ч. VII, стр. 281—282.

²⁰ Там же, стр. 283.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что уже в начале 30-х годов редактор «Телескопа» внимательно следил за европейской славяноведческой литературой.

По объему и количеству опубликованных славистических материалов «Телескоп» занимал одно из первых мест в современной ему русской журналистике. Вот далеко не исчерпывающий перечень статей и материалов на славянскую тему, напечатанных в одном только «Телескопе» (без учета материалов «Молвы»): 1. Рецензия (переводная) на книгу Пирха «Путешествие в Сербию»; 2. Анонимная рецензия на «Письма о Кроации и Италии» Терезы фон Артнер и Каролины Пихлер (1832, ч. VII); 3. Анонимное сообщение об открытиях Ю. Венелина, имеющих значение для славянской палеографии; 4. Анонимная статья «Сербская словесность» (1832, ч. IX); 5. Извлечения из писем Андрея Кухарского о чешской литературе (1832, ч. XII); 6. Отрывок из письма о чешской литературе К. Винарицкого (1833, ч. XV); 7. Перевод отрывка из Краледворской рукописи (1833, ч. XVII); 8. Статья Ю. Венелина «О характере народных песен у славян задунайских» (1835, ч. XXVII); 9. Путевые записки О. Евецкого о поездке в славянские страны (1835, ч. XXVIII); 10. Анонимная фольклористическая статья «Сербская свадьба» (1836, ч. XXXI); 11. Анонимное сообщение об изучении Шафариком литературы иллирических славян (1836, ч. XXXIII).

Приведенный список можно было бы значительно расширить за счет статей, посвященных украинской литературе и фольклору, которые также привлекали внимание редактора «Телескопа» как выражение духовной культуры одного из славянских народов.²¹

Среди славяноведческих материалов «Телескопа» особого внимания заслуживает упомянутая нами под номером четвертым анонимная статья «Сербская словесность». Есть веские основания считать, что автором ее был Надеждин. «На тевтоническом Западе, — читаем мы в этой статье, — одряхлевшая жизнь разрушает сама себя, все зыблется и колышется, порядок общественный распадается в судорожных потрясениях... прошедшее тяготеет своими вековыми воспоминаниями над настоящим и преждевременно убивает всю будущность: напротив, на нашем славянском Востоке жизнь юная только пробуждается, все зеленеет и цветет... без изнурительных воспоминаний прошедшего, с одними надеждами на полную, не початую будущность».²²

Само по себе наличие в этой пространной (стр. 499—525) статье большого вступления с постановкой вопросов философии истории, интерпретированных в духе «славянофильского» провиден-

²¹ «Малороссийское наречие, — писал Надеждин, — может также служить к обогащению нашего языка. Пусть украинцы знакомят нас с ним в своих поэтических думках, в своих добродушных сказках! Мы должны им быть душевно благодарны» (Телескоп, 1836, ч. XXXI, стр. 247).

²² Телескоп, 1832, ч. IX, стр. 504.

циализма, свидетельствует в пользу авторства Надеждина, у которого привычка к философским обобщениям обнаруживалась даже в трудах на сугубо конкретные темы. И присутствующее в статье недовольство как зарубежными историками, отрицающими роль славянства в истории Европы, так и русскими учеными, пренебрегающими изучением славянского мира, и содержащаяся в ней характеристика «славянского языка» («величественный, роскошный, могучий») и указание на пробуждение сербского «народного самосознания» полностью соответствуют взглядам Надеждина.

Взглядам критика соответствует и язык статьи, в которой наличествуют такие, не встречающиеся у других авторов обороты, как например «самобытная средостремительность» и «самобытная и самообразная жизнь» (стр. 503 и 505).²³

Приводя примеры общеевропейской известности сербского фольклора, автор статьи мимоходом разоблачал мистификацию П. Мерима, выдававшего сборничек собственных его стихотворений «Guzla» (1827) за собрание хорватских народных песен, охарактеризовал роль Вука Караджича в возрождении сербской литературы. В деловой части статьи были обстоятельно проанализированы тематическое богатство и национальное своеобразие сербского фольклора. Следует, впрочем, отметить, что введенные в статью в качестве иллюстративного материала переводы сербских народных песен (16 образцов) не отличались высоким качеством. Возможно, что некоторые из них автор статьи перевел не с оригинальных текстов, а с их немецких переводов.

В 1835 году на страницах «Телескопа» со статьей «О характере народных песен у славян задунайских» выступил Ю. Венелин (см. пункт 8 приведенного выше перечня). Через два года другой активный сотрудник «Телескопа» О. М. Бодянский издал свою получившую широкую известность книгу «О народной поэзии славянских племен» (М., 1837). Совершенно бесспорно, что на указанные труды этих пионеров русского славяноведения славистическая концепция Надеждина не могла не оказать своего воздействия.

Для славяноведческой эрудиции Надеждина несомненное значение имело его пребывание за границей в 1835 году. Уезжая первый раз за границу, Надеждин, как известно, не ставил перед

²³ Выражение «самобытная средостремительность» связано генетически с теоретической терминологией Надеждина, развивавшего в ряде своих работ мысль о «центростремительных» и «центростремительных» тенденциях в национальной культуре. Наиболее обстоятельную аргументацию названная мысль получила в статье критика «Европеизм и народность» (Телескоп, 1836, ч. XXXI, стр. 5—60 и 201—264). Там же и в том же значении применяется и термин «центростремительность» (стр. 24).

Эпитет «самообразный» в значении «самобытный» в статьях Надеждина встречается неоднократно. См.: Телескоп, 1832, ч. VII, стр. 153; 1835, ч. XXV, стр. 154, 155, 157; Русская старина, 1907, кн. 8, стр. 257.

собой вначале никаких научных целей. В поездке этой, устроенной благодаря дружескому участию Д. М. Княжевича, Надеждин искал утешения и отдыха после того, как драматически рухнули его надежды жениться на Е. В. Сухово-Кобылиной.

12 июня 1835 г. вместе с Д. М. Княжевичем и П. В. Киреевским Надеждин отправился на пароходе из Петербурга в Любек. На территории Германии пути их скоро разошлись.²⁴ Надеждин побывал в Гамбурге, Кельне, Бонне, Франкфурте-на-Майне, Геттингене, Страсбурге, откуда направился в Париж, а оттуда — в Швейцарию и Италию. Судя по дошедшему до нас письму Надеждина к Сухово-Кобылиной, написанному из Венеции 8(20) сентября, он выезжал в Вену с тем, чтобы следовать оттуда в Киев, куда он и прибыл в середине октября 1835 года. По предположению Н. К. Козмина в Вене Надеждин встретился с П. В. Киреевским, однако все другие его встречи и знакомства на пути из Венеции в Киев, равно как и все «зигзаги» этого пути, нам не известны.²⁵ Не приходится сомневаться все же в том, что по дороге из Венеции в Киев Надеждин обогатился множеством всяческих впечатлений, относящихся к жизни, культуре и литературе славянских народов. Упомянутая выше статья «Европеизм и народность» (1836) дает возможность не только несколько уточнить названные впечатления, но и с большой вероятностью предположить, что по пути, например, из Вены в Киев Надеждину удалось побывать в Праге, Брно, Львове, а может быть, и в других городах славянского мира. «Многие ли у нас знают, — писал автор статьи «Европеизм и народность», — что до Адриатического моря русский может ехать с одним своим языком; что, например, в Бринне (Брно), за двадцать миль от Вены, он поедет улицей, на которой написано крупными буквами: „*мещанска улица*“; что каждое урочище, каждый ручеек, каждый холмик, каждая деревня будет откликаться ему знакомым именем; что в пяти верстах от Триеста встретит он село *Общину*, деревню *Сеносечь*; что Лейбах донныне называется *Любляна*, Эрфурт — *Кожухов*, Грец — *Градец*, Рагуза — *Дубровник*, Лейпциг — *Липск* или *Липецк?*». ²⁶ «В бытность за границей, — писал Надеждин в той же статье, — мне приятно было узнать из верных источников, что знаменитый Шафарик, корифей современного славянизма, в приготовляемом новом издании „Истории славянских языков и литератур“, сочинения доселе единственного в своем роде и в полном смысле классического, изменил . . . мнение, которое сам разделял прежде, и признал русский язык третьей, чисто восточной отраслью славянских языков, во всех отношениях равной двум первым: южно-за-

²⁴ См.: Петр Васильевич Киреевский. Его письма (Русский архив, 1905, кн. 2, вып. 5, стр. 147).

²⁵ Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. 1804—1836. СПб., 1912, стр. 522—523.

²⁶ Телескоп, 1836, ч. XXXI, стр. 242.

падной (задунайской) и северо-западной (прибалтийской)».²⁷ Касаясь поэмы Яна Коллара «Slávy Dsega», Надеждин отмечал: «Нам обещан разбор этого дивного произведения чисто славянской поэзии».²⁸ В ином месте той же статьи критик делился родственным воспоминанием: «Я привез с собой из Вены рукопись одного угро-русина, священника греко-униатской церкви в Вене, содержащую в себе разные любопытные замечания и исследования о народе угро-русском».²⁹

Близкое общение с П. В. Киреевским при возвращении из Вены в Россию несомненно способствовало как расширению славистических познаний Надеждина, так и установлению непосредственных его связей с отдельными зарубежными славянскими литераторами и фольклористами. Подобного рода цели предусматривались программой заграничного путешествия Киреевского,³⁰ не мог не иметь их в виду и Надеждин. Славистические познания Надеждина, приобретенные в результате первой его заграничной поездки, были им использованы в его дальнейшей научной деятельности. Возможно, что результатом именно этой поездки явилась, например, превосходная анонимная статья «Сербская свадьба», опубликованная в 31-й части «Телескопа» за 1836 год (см. пункт 10 приведенного выше перечня).

Важно отметить, что и в годы ссылки Надеждин не прерывал своего интереса к проблемам славяноведения. В 1836—1838 годах им было написано большое количество статей для «Энциклопедического лексикона» Плюшара, некоторые из которых имели прямое отношение к славистике. Из них прежде всего должна быть названа статья «Великая Россия», в которой Надеждин впервые обстоятельно сформулировал свой взгляд на место русского языка в семействе языков других славянских народов. «Язык великороссиян, — писал здесь ученый, — нельзя назвать наречием; это особая ветвь славяно-русской речи...»³¹ В отношении лексикографическом славяно-русская основа гораздо в нем чище; иноязычных слов несравненно больше в западно-южных языках, а именно: в малороссийском татарских, в белорусском литовских, кроме польского, которыми тот и другой равно наполнены. Отделение великороссийского языка восследовало очень рано, вероятно с самого поселения русских колоний на северо-востоке, между племенами финскими... Вообще русская речь отличается от прочих славянских языков тем, что

²⁷ Там же, стр. 32.

²⁸ Там же, стр. 244.

²⁹ Там же, стр. 246.

³⁰ См.: А. Д. Соймонов. Собрание народных песен П. В. Киреевского и русско-славянские связи первой половины XIX века. В сб.: Исторические связи фольклора славянских народов, Русский фольклор, т. XI (печатается).

³¹ К последней, следуя общепринятой в то время традиции, Надеждин относил помимо русского, также украинский и белорусский языки, — Ф. П.

занимает средину между двумя обширными ветвями, на которые разделил их Добровский и вслед за ним Шафарик... Влияние северной природы на великороссийский язык обнаруживается в физиологическом отношении разбивкою согласных звуков гласными и меньшим придыханием гортанных звуков: он превращает: „с^мртъ, вл^къ, градъ, пламя“ в „с^мертъ, волк^ъ, город, поломя“; а при употреблении гортанной согласной г любит твердеющий ее выговор, соответствующий латинскому g, которого южные славяне вовсе не знают, для которого в Кирилловской азбуке не придумано и особой буквы... По причине сосредоточения первой книжной образованности в духовенстве, распротранявшемся на северо-восток с юга, из Киева, язык великороссийский долго не был письменным. Древнейшие новгородские памятники житейской мирской письменности обнаруживают господствующее влияние южнославянского характера в правописании и словосочинении, которое, однако, все более и более слабеет, по мере усиливающегося расторжения политических связей восточной Руси с Киевом. Москва, сделавшись средоточием единства и самостоятельности для этой обширной половины русского мира, с тем вместе сделалась и колыбелью самобытного, своеобразного развития великороссийского языка как в живой речи, так и на письме. Со времен Димитрия Донского официальный язык грамот и других гражданских актов начинает уже быть чисто великороссийским, с небольшими церковнославянскими промолвками».³²

Даже по этому небольшому отрывку из статьи можно увидеть, что для характеристики русского языка Надеждин широко пользовался данными других славянских языков. В концепции истории русского литературного языка, представленной Надеждиным, были, разумеется, и спорные положения. Спорным был и ее основной тезис о том, что роль церковнославянского языка в истории русской культуры была отрицательной. Это утверждение противоречило лингвистическим воззрениям М. В. Ломоносова и такого выдающегося филолога начала XIX века, как например А. Х. Востоков. Нужно отметить, что Надеждин также говорил неоднократно о величии, выразительности и силе церковнославянского языка и хорошо понимал сложность и противоречивость исторической функции последнего. Тезис о тормозящем воздействии церковнославянского языка в концепции Надеждина преследовал полемические цели — он был направлен против господствовавшего в то время в системе школьного преподавания культура мертвого, ориентирующегося на схоластическую книжность языка.

Суждения Надеждина о русском литературном языке опирались на огромную эрудицию автора, счастливо сочетавшего в себе превосходную начитанность в древнерусской письменности с боль-

³² Энциклопедический лексикон, т. XI. СПб., 1837, стр. 273—274.

шими познаниями в области живого русского языка и русского фольклора.

Надеждин первый из русских филологов обратил внимание на расхождения между языком письменности, с одной стороны, Киевской Руси, с другой — древнего Новгорода; он же первый указал на резкое сближение с просторечием в официальном языке Московского государства XVI—XVII веков. «Царствование Иоанна Васильевича Грозного, — писал ученый, — который сам был первый словесник и вития своего времени, ознаменовано блестящими успехами народного языка: собственные его послания к разным лицам о разных предметах содержат в себе образцы самородного великороссийского красноречия. Последующие смутные времена не только не препятствовали, но еще содействовали его укреплению и распространению; угрожаемая погибелью народность тем могущественнее сомкнулась на Москве, и беспрепятственные патриотические воззвания, разлившиеся отсюда по всем концам России, дали органу ее, народному слову, жизнь, огонь, силу».³³

В высказываниях Надеждина по истории русского литературного языка не было той стройности и завершенности, которых достиг в своих «Мыслях об истории русского языка» его младший современник И. И. Срезневский; но в отдельных частных наблюдениях и выводах Надеждин не только не отставал от Срезневского, но и опережал его. Мы не говорим уже о том, что основные филологические труды Надеждина более чем на десятилетие предшествовали появлению «Мыслей об истории русского языка» (1849).

Если в статье «Великая Россия» языки южных и западных славян служили для автора подсобным материалом для характеристики лексического состава и грамматического строя русского языка, то в статье «Винды»³⁴ Надеждин выступал в качестве специалиста по словенскому языку, рассмотренному в его отношениях к другим славянским языкам.³⁵

Напечатанная Надеждиным в 9-м томе «Энциклопедического лексикона» Плюшара (стр. 369—373) статья «Венеды» явилась своеобразным итогом восходящих к началу 30-х годов занятий автора проблемой этногенеза славянства. И здесь, и в опубликованных в 1837 году статьях «С его должно начинать историю?» и «Опыт исторической географии русского мира» (Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду», №№ 13—14; Библиотека для чтения, т. XXII, ч. II, стр. 28—79) ученый широко (и порою с большой пронизательностью) пользовался данными топонимики для выяснения доисторического прошлого славянских народов.

³³ Там же, стр. 274—275.

³⁴ Winden — немецкое наименование словенцев.

³⁵ Энциклопедический лексикон, т. X. СПб., 1837, стр. 263—264.

По возвращении из ссылки Надеждин «с глубочайшей благодарностью принял предложение (Д. М. Княжевича, — Ф. П.) ехать на жительство в южную Россию»³⁶ и в середине 1838 года поселился в Одессе. Несмотря на свою оторванность от научных центров, и в новой, непривычной обстановке он нашел вскоре место для приложения своих творческих сил — таковым было основанное в апреле 1839 года Д. М. Княжевичем Одесское общество любителей истории и древностей. По словам самого Надеждина, Общество открыло ему «новое поприще учено-литературной деятельности». Еще в 1835 году, возвращаясь из заграничной поездки в Москву через Киев, он отправился в экскурсию на Черноморское побережье; ему удалось посетить Одессу, Симферополь, Феодосию, Керчь и другие населенные пункты южного берега Крыма. «Неизвестно, — писал Н. К. Козмин, — что удержало Надеждина, стремившегося в Москву, на юге России. Мотивы его действий от нас скрыты».³⁷ Полагаем, что в этом путешествии ничего загадочного не было, оно было продиктовано научными интересами ученого. Еще в 1828 году им было опубликовано исследование «О прохождении, существовании и падении италийских торговых поселений в Тавриде».³⁸ Надеждин ощущал потребность дополнить личными зрительными впечатлениями те представления о средневековой Тавриде, которые сложились у него давно в результате кропотливых исторических разысканий. Путем археологического и исторического изучения Новороссийского края, как считал Надеждин, можно было найти разгадку целого ряда темных мест древней русской истории. Именно поэтому первая его работа, выполненная для Общества истории и древностей, получила следующее название: «О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края преимущественно в отношении к истории и древностям русским».³⁹

В 1842 году одна из таких разгадок была предложена самим Надеждиным в его работе «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам».⁴⁰ Тщательное изучение начальной русской летописи, сличаемой с данными исторической географии, позволило ученому высказать гипотезу о том, что главный город древних угличей Пересечен находился на месте нынешнего села Пересечины близ Кишинева. Это предположение

³⁶ Н. И. Надеждин. Автобиография. Русский вестник, 1856, № 5, стр. 67.

³⁷ Н. К. Козмин, ук. соч., стр. 523.

³⁸ Вестник Европы, 1828, ч. 160, №№ 15 и 16; ч. 161, №№ 17—19.

³⁹ Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса, 1840, стр. 27—58.

⁴⁰ Вышла отдельным изданием в Одессе в 1842 году. Впоследствии вошла в «Записки Одесского общества любителей истории и древностей», т. 1, Одесса, 1844.

неоднократно подтверждалось последующим исследованием вопроса.⁴¹

В том же 1842 году было опубликовано солидное исследование Надеждина «Геродотова Скифия, объясненная чрез сличение с местностями». Создавая этот нелегкий труд, автор выражал надежду, что путем «сведения Геродота на очную ставку с живой действительной природой . . . многое может проясниться во введении в нашу отечественную историю».⁴²

Признавая известные заслуги скептической школы в русской историографии, Надеждин даже в пору своей молодости решительно расходился со скептиками по ряду вопросов, в частности во взглядах на «Слово о полку Игореве». В одной из статей 1830 года он писал: «Некогда ревнитель *Баяна*, соловья старого времени, услаждаясь и дымом отчизны, не поскучал вверить заувывным звукам злополучное поражение и поносный плен Игоря».⁴³ Достойно внимания то, что эта восторженная оценка появилась в «Вестнике Европы», редактором которого был «скептик» М. Т. Каченовский. В одесский период жизни Надеждина поэма об Игореvem походе, оставаясь для него «древнейшим памятником нашей народной поэзии», становится вместе с тем отправным пунктом для его исторических раздумий и разысканий. Слова из поэмы: «Послушати земли незнаемъ: Вьлзъ и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутароканский бълванъ» ученый берет эпиграфом к своей упомянутой выше речи «О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края». Галицкий князь Ярослав характеризуется в этой речи известными словами о нем поэмы об Игореvem походе. Переходя к «загадкам» древнерусских донских поселений, Надеждин писал: «Тут жатва воспоминаний, славных, драгоценных воспоминаний, еще роскошнее. Это одна из любопытнейших загадок древней нашей истории: где находилось таинственное Тмутароканское княжество, блестящий метеор, горевший таким ярким светом на заре нашего исторического дня и потом вдруг исчезнувший бесследно? Исследователи носились с ним по всему юго-восточному пространству России, от Рязани до Анапы. Знаменитый Тмутароканский камень, сохраняющийся в нашем Керченском музее, казалось бы, должен был положить конец поискам: но такова недоверчивость нынешней критики, что для нее мало одного камня. Как бы то ни было, нельзя по крайней мере сомневаться, что Тмутарокань существовала где-нибудь в восточной половине наших степей, в окрестностях Дона. Первый князь

⁴¹ См.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 158.

⁴² Н. Надеждин. Геродотова Скифия, объясненная чрез сличение с местностями. Одесса, 1842. Впоследствии вошла в «Записки Одесского общества любителей истории и древностей» (т. I, Одесса, 1844).

⁴³ Н. Надеждин. О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии. Вестник Европы, 1830, № 2, стр. 146.

Тмутароканский, Мстислав, сын Владимира Великого, имел театром своих геройских подвигов Тавриду и Кавказье. Впоследствии ясные русские соколы часто летали в ту сторону „поискати града Тмутароканя, а любо испити шеломам Дону“. Не отыщем ли и мы там других достовернейших следов этой потерянной доли древнего русского мира? Во всяком случае мы найдем землю, посеянную костями, политую кровью наших предков. Сколько раз налетали они сюда „серыми волками, ищучи себе чти, а князю славы!“ Сколько тут „копий поломалось“, сколько „саблей пригнулось о поганые головы половецкие, о каленые шелома оварские!“ Злополучный, но славный поход князей северских в конце XII века, поход, воспетый в древнейшем памятнике нашей народной поэзии, совершался здесь: „на берегах Каялы, у Дону великого, ту кровавого вина не доста, ту пир докончаша храбри Русичи, сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую“» (стр. 51—52).⁴⁴

Не лишены интереса два попутно сделанных Надеждиным замечания о языке «Слова» в опубликованной в 1841 году на немецком языке его статье «Mundarten der russischen Sprache». Вот первое из них: «В единственном от того времени (XII века, — Ф. П.) дошедшем до нас произведении собственно поэтического вдохновения, в „Песне об Игоре в походе“, несмотря на свободный полет творческой фантазии, язык непрестанно звенит окнами старославянского строя». Замечание второе: «Одно весьма интересное сочинение того времени (XV века, — Ф. П.), так называемое „Сказание о нашествии безбожного царя Мамая с бесчисленными агарянами“, написанное рязанским иереем Софронием, русским северо-восточного происхождения, обладает устойчивыми признаками церковнославянского языка, гораздо более устойчивыми, чем старшая юго-западная „Игорева песнь“, составляя замечательное к ней дополнение, если только оно не является усердным подражанием последней».⁴⁵

Несколько забегаая вперед, заметим тут же, что свой официальный отчет о предпринятом в 1840—1841 годах научном путешествии в славянские страны Надеждин заканчивал указанием на свою готовность написать новый труд об исторических отношениях русского языка к другим славянским, и в особенности к южнославянским языкам. Оригинальным было и построение предполагаемого труда: он был задуман в виде «Исторического и географического комментария» к «Слову о полку Игореве». «Нет никакого сомнения, — заявлял Надеждин, — что это „Слово“

⁴⁴ Об интересе Надеждина к Тмутароканскому княжеству свидетельствуют также его записки по древней топографии Таманского полуострова (ИРЛИ, Рук. отд., ф. 199, оп. 2, ед. хр. 33). См. также: Н. И. Надеждин. Заметка о каменных бабах. Изв. Археол. общ., 1859, т. 1, вып. 3, стр. 165—168.

⁴⁵ Jahrbücher der Literatur, Bd. 95. Wien, 1841, SS. 187, 188—189.

произошло на русском Юго-Западе: его карпатское происхождение утверждают даже и те, которые вместо того, чтобы заняться им основательно и добросовестно, отделяются тем, что отрицают его подлинность. Почему всего естественнее могут быть прикинута к нему мои новые соображения, открытия и выводы о юго-западной подкарпатской части великого русского мира. Все материалы для того уже готовы. Остается только привести их в приличный порядок, что исполнено будет мною при первой возможности». ⁴⁶

Задуманный Надеждиным «Исторический и географический комментарий» к «Слову о полку Игореве», по-видимому, не был завершен, но отдельные подготовительные материалы к нему, возможно, еще будут когда-либо обнаружены.

Начиная со второй половины 30-х годов прошлого века русское славяноведение постепенно становится на научную базу. «Эта наука была официально признана еще университетским уставом 1835 года, но до своего фактического появления в 1842 году только числилась в ряду предметов преподавания. Такое почти исключительно официальное ее существование в продолжение целых семи лет обуславливалось недостатком в России лиц, имевших силы и достаточную научную подготовку для этого дела». ⁴⁷ В самом конце 30-х годов Министерство народного просвещения, заинтересованное в подготовке преподавателей «истории и литературы славянских наречий», предписало четырем основным университетам страны (Петербургскому, Московскому, Казанскому и Харьковскому) послать в длительную научную заграничную командировку наиболее соответствующих названной цели лиц. Этими пионерами русской университетской славистики оказались П. И. Прейс, О. М. Бодянский, В. И. Григорович и И. И. Срезневский. Близкие к задачам университетского образования цели преследовала также и поездка в славянские страны Надеждина и Д. М. Княжевича.

Поездка Надеждина в славянские земли продолжалась свыше года, с августа 1840 по сентябрь 1841 года. Уже в первые три месяца своего «странствования» ученый-энтузиаст успел побывать в Молдавии, на Буковине, в так называемой Трансильвании, Румынии, Крайове, Баннате. Зиму 1840 года Надеждин проводит в Вене, знакомится с славяноведческой литературой тамошней национальной библиотеки, приводит в порядок собранные им материалы и готовится к дальнейшему путешествию. Весной 1841 года Надеждин отправляется в южную Штирию и Крайну, где, по его признанию, «славянская жизнь не только звучит в народном

⁴⁶ Н. Надеждин. Записка о путешествии по южно-славянским странам. ЖМНП, 1842, ч. XXXIV, отд. II, стр. 105—106.

⁴⁷ Вступительная лекция в курс истории и литературы славянских наречий И. И. Срезневского (читана 16 октября 1842 г.). СПб., 1893, стр. 1.

слове, но, можно сказать, осязаема во всех мелочах домашнего быта».⁴⁸

Прибыв в Триест и совершив небольшую поездку по Италии, он возвращается в Австрию, чтобы предпринять оттуда путешествие по восточному побережью Адриатического моря, посещая все более или менее достопримечательные центры славянской жизни и культуры. На обратном пути в Вену Надеждин побывал в Хорватии, Словении и Сербии, ознакомился с культурной и научной жизнью Нового Сада, Будапешта, Праги.

Основным предметом научного интереса Надеждина во время путешествия был язык. «В этом отношении, — писал он в официальном отчете Российской Академии, — наблюдению моему преимущественно подвергался язык сербский. . . Языки краинский и словацкий, равно как и так называемое провинциально-кroatское наречие . . . занимали меня, поколику встречались на дороге. Все сии видоизменения единой славянской речи были наблюдаемы мною преимущественно в их отношении к нашему отечественному языку. . .».⁴⁹

В изучении южнославянских языков и фольклора незаменимую помощь Надеждину оказал Вук Караджич, сопровождавший его в поездке от Триеста до Черногории и на обратном пути оттуда в Вену. Нескoлько любопытных эпизодов этого совместного путешествия с основоположником новой сербской литературы Надеждин живописно изложил вскоре в своем очерке «Род Княжевичей» (Одесса, 1842). В этом же очерке была дана основанная на непосредственных впечатлениях характеристика зачинателя новой хорватской литературы Людевита Гаю, также любезно согласившегося (вместе с профессором загребской гимназии Антоном Мажураничем) сопровождать русского ученого во время его поездки по восточному побережью Адриатического моря.

Поездка Надеждина не изменила в принципе его прежних, изложенных в статье «Великая Россия» взглядов о месте, которое занимает в общей системе славянских языков русский язык. Эти взгляды, дополненные новыми наблюдениями и доводами, с учетом запросов зарубежного читателя, Надеждин высказал в своей упомянутой выше статье «Mundarten der russischen Sprache». Она была написана им в виде рецензии на известного «Гезихиева Эпиглоссиста», изданного в 1839 году в Вене В. Копитаром. «Я написал эту рецензию, — сообщал в своем отчете Надеждин, — по вызову самого г. Копитара, и хотя она находится в открытом противоречии с мнениями, господствующими у современных европейских филологов, равно как и с взглядом самого г. Копитара, однако этот патриарх славянского языкознания нашел ее столь любопыт-

⁴⁸ Н. Надеждин. Записка о путешествии по южнославянским странам, стр. 91.

⁴⁹ Там же, стр. 100.

ною, что взял у меня для препровождения в один из немецких ученых журналов. . .».⁵⁰

Опубликованная в венских «*Jahrbücher der Literatur*» статья Надеждина удостоилась похвального отзыва не только В. Копитара, но и многих других зарубежных славистов, в том числе Ф. Миклошича. Она являла собой один из первых примеров выхода русской лингвистической славистики на мировую арену.

В центре внимания Надеждина во время его поездки находились также вопросы истории славянских народов. Одним из важнейших условий для создания полноценной истории славянства русский ученый считал публикацию множества преданных забвению исторических памятников. Для приведения их в известность нужен энтузиазм и свободное от традиционных предрассудков научное мнение. В отчете о поездке, адресованном Одесскому обществу истории и древностей, Надеждин писал: «Я имел уже честь сказать вам насчет странного предубеждения, господствующего у нас вообще против мира Южно-Славянского. Это предубеждение равно или в большей еще степени относится к его туземной исторической литературе. Печать отвержения лежит на ней с тех пор, как Шлецер, отец, или, как некоторые начинают уже проговариваться, „лихой вотчим“ нашей исторической критики, Шлецер, пользовавшийся между тем у нас авторитетом первостепенным, торжественно объявил все старые „славянские и венгерские времяяники, со всеми их продолжениями до XVI столетия“ безумными и бесстыдными выдумками, глупейшею нелепицею, горячечным бредом, а составителей их . . . несчастными сказочниками, презрительными балясниками, или еще покороче и проще — глупыми вряями! . . . Но, боже мой! Где ж и у кого ж отыщем мы одну чистую беспримесную истину? . . .».⁵¹

Надеждин с горечью констатировал, что настойчивые поиски рукописных книг в сербских, хорватских и словенских монастырях не принесли ему каких-либо выдающихся находок. Но зато работа в зарубежных книгохранилищах, особенно в Венской национальной библиотеке, где в зиму 1840/41 года он трудился около четырех месяцев, вселяла в него большие надежды. Имея в виду свои познания в области истории славянских народов, отчитываясь после поездки перед Российской Академией, Надеждин писал: «Это путешествие доставило мне много новых, важных приобретений, которые, по близкой связи с занятиями Академии, конечно, удостоятся ее благосклонного внимания, как скоро приведутся в полноту и целость, необходимые для их появления в свет».⁵²

⁵⁰ Там же, стр. 101.

⁵¹ Записки Одесского общества любителей истории и древностей, стр. 541.

⁵² Н. Надеждин. Записка о путешествии по южнославянским странам, стр. 98.

Говоря о личных научных и литературных славянских связях Надеждина, следует сказать, что число их отнюдь не ограничилось именами Вука Караджича, В. Копитара, Л. Гая и А. Мажуранича. В Новом Саде русский ученый познакомился с писателем Йованом Хаджичем, получившим широкую известность под псевдонимом Милоша Светича; в Пеште — с знаменитым словацким поэтом Яном Колларом и издателем «Сербских новин» и «Сербской летописи» Павловичем; в Сегедине — с издателем «Сербской пчелы» Павлом Стаматовичем; в Праге не только познакомился, но и «провел незабвенные дни» в беседах с П. Шафариком и В. Ганкой. Полный список подобного рода знакомств нам не известен, хотя несомненно, что он был необыкновенно широк.

По возвращении в Одессу с некоторыми из своих славянских друзей Надеждин поддерживал письменные связи. Правда, судить о них в полном объеме мы не можем, так как из его переписки до нас дошла только незначительная доля.

Сохранился датированный 7 января 1842 г. и написанный рукой Надеждина список лиц, намеченных к избранию в члены Одесского общества истории и древностей: в нем мы находим имена Вука Караджича, Л. Гая, В. Ганки, Яна Коллара, В. Копитара. Среди лиц, намеченных в корреспонденты Общества, значатся Йован Хаджич, главный редактор «Иллирской Даницы» в Загребе Векослав Бабукич, профессор православного иллирского училища в Триесте Димитрий Владиславевич, Павел Стаматович.⁵³ Избрание в Общество перечисленных кандидатов состоялось 22 января 1842 года.

Надеждин возвращался в Россию с огромным запасом впечатлений и творческих замыслов. Еще будучи за границей, он отправляет в Россию небольшую статью «О сербских народных песнях». Ставя русских читателей в известность о завершении В. Караджичем нового издания песен, автор статьи пытался пробудить интерес к сербскому фольклору опытом его жанровой классификации, анализом отдельных песенных мотивов и т. д.⁵⁴ Более обстоятельную характеристику сербского фольклора, в частности сопоставление его с русским фольклором и в особенности со «Словом о полку Игореве», Надеждин откладывал на будущее. Его творческие планы не ограничивались только научными замыслами — историей и филологией. Так, например, в альманахе «Утренняя заря на 1842 год» был напечатан художественный очерк Надеждина «Черногорцы». О другом его очерке приблизительно такого же типа остался небольшой след в делах царской цензуры. В своем отношении от 2 мая 1842 года на имя министра народного просвещения графа С. С. Уварова председатель С.-Петербургского

⁵³ ИРЛИ, шифр: 25.539 : CLXXX6.19.

⁵⁴ Москвитянин, 1841, ч. III, № 6, отд. «Наука», стр. 515—524.

цензурного комитета князь Дондуков-Корсаков писал: «На рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета поступила статья г. Надеждина под названием „Георгий Черный“, назначаемая для помещения в III томе „Русской беседы“. Статья эта заключает в себе жизнеописание человека, который произвел восстание против союзной нам державы, Турции, и притом содержит в себе некоторые подробности о сношениях Георгия Черного с русскими начальствами.

Вследствие сего С.-Петербургский цензурный комитет, представляя статью эту на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, имеет честь испрашивать разрешения, не благоугодно ли будет препроводить ее на заключение г-на министра иностранных дел».⁵⁵

9 мая 1842 г. статья Надеждина была направлена Уваровым министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде, который «по политическим соображениям» нашел публикацию ее «совершенно неудобной».⁵⁶

В 1848 году статья о Георгии Черном была представлена Надеждиным для напечатания в журнал «Северное обозрение». Естественно, что и на этот раз С.-Петербургский цензурный комитет был поставлен в затруднительное положение, потребовавшее вмешательства Уварова. Последний 15 февраля 1848 г. сообщал в цензурный комитет: «Я не нахожу никакого повода возобновлять дело о дозволении ныне означенной статьи».⁵⁷

В марте 1842 года Надеждин принимает предложение взять на себя обязанности редактора «Журнала Министерства внутренних дел» и переезжает в Петербург. Он не расставался с мечтой вновь приобщиться к жизни культурных и научных центров страны. На налаживание работы журнала он тратил массу энергии, и успехи, которых ему удалось добиться на новом поприще, достигались ценой отказа от прежних планов. Одесское общество истории и древностей, душой которого в течение четырех лет был Надеждин, с момента его отъезда резко снижает размах и научный уровень своей деятельности. Несколько работ Надеждина, написанных в Одессе («Гиржавский монастырь в Бессарабии», «Новороссийские степи» и др.) печатаются отныне в «Журнале Министерства внутренних дел» и в других столичных изданиях. Историческая проблематика в трудах ученого постепенно вытесняется этнографическими и географическими темами («Северо-западный край империи в прежнем и настоящем виде», «Объем и порядок обозрения народного богатства, составляющего предмет хозяйственной статистики» и т. д.). Со времени организации в конце 40-х годов Русского географического

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 1535, л. 1.

⁵⁶ Там же, л. 3.

⁵⁷ Там же, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 2001, л. 5.

общества Надеждин становится одним из самых ревностных его сотрудников.

Новая должность принуждала Надеждина идти на сделки с официальными кругами. В середине 40-х годов он становится своеобразным консультантом правительства по вопросам старообрядчества и раскола и, будучи знатоком истории православной церкви, по поручению правящих сфер издает в 1845 году огромное «Исследование о скопческой ереси». Естественно, что в новой обстановке для осуществления своих славистических разысканий и замыслов Надеждин не находил достаточных сил и времени, тем более потому, что в состоянии его здоровья наступило резкое ухудшение. О прежней его колоссальной научной производительности не могло быть теперь и речи. Две непродолжительные заграничные поездки Надеждина (1845—1846 и 1846—1847 годов) были использованы им главным образом для лечения и для ознакомления с деятельностью русских старообрядческих общин в Австрии. Славистические интересы Надеждина все же не затухают и в это время. В 1843 году им была анонимно опубликована рецензия на «Этнографическую славянскую карту» и «Славянскую этнографию» П. Шафарика. Весьма любопытны в этой рецензии следующие слова: «Не родясь и даже не бывав никогда в России, Шафарик не мог здесь сказать ничего сам от себя. Он удовольствовался только простым исчислением мнений, которые вычитал или выслушал от нас, русских, и именно мнений Сахарова, Надеждина и еще гг. Г-го и К-го».⁵⁸

В 1844 году в журнале «Отечественные записки» Надеждин опубликовал большую статью (т. XXXIV, № 7, отд. V, стр. 33—48; т. XXXV, № 8, отд. V, стр. 17—32), написанную в виде рецензии на «Филологические наблюдения» Г. Павского. Критик высоко оценил научные достоинства рецензируемого труда, хотя и поставил в упрек его автору стремление подменять закономерности живого русского языка нормами языка церковнославянского. Недостаток «Филологических наблюдений», по мнению Надеждина, состоял также в том, что сравнительный материал из славянских языков был привлечен автором в крайне ограниченном объеме: «В числе изученных им языков славянских, — писал критик, — отец Павский не упоминает языка сербского, и весь труд его показывает, что этот язык, по недостатку ли пособий, или по другим каким обстоятельствам, действительно ускользнул от его обширной учености».⁵⁹ И далее на целом ряде тщательно подобранных примеров критик показал, какую пользу для уяснения фонетических и морфологических закономерностей

⁵⁸ Племя русское в общем семействе славян, по Шафарику. Журн. Минист. внутренних дел, 1843, ч. 1, Смесь, стр. 168. Сокращения Г-го и К-го, по видимому, следует расшифровать как Я. Ф. Головацкого и П. В. Киреевского.

⁵⁹ Отечественные записки, 1844, т. XXXIV, № 7, отд. V, стр. 42.

русского языка могло бы оказать сравнение их с сербским и другими славянскими языками. Статья Надеждина о «Филологических наблюдениях» Павского не получила заслуженной оценки у современников. Ее значение в развитии русской филологической науки продолжает оставаться не оцененным и до настоящего времени.

Неизвестно, как долго продолжалась возникшая в 1841 году переписка Надеждина с славянскими литераторами и учеными, можно лишь с уверенностью сказать, что на всем протяжении 40-х годов, особенно во второй их половине, она была довольно интенсивной. Это подтверждается дошедшими до нас письмами к русскому ученому В. Караджича, Яна Коллара, Ф. Миклошича и Платона Атанацковича.

Особенно оживленной была переписка Надеждина с Караджичем. «Миклошич, — писал Надеждину 18 ноября 1849 года Вук, — опять приветствует Вас и просит, чтобы Вы написали что-нибудь по-русски для его журнала, ибо, говорят, будут статьи на всех славянских языках австрийской империи, пусть же будет и по-русски (если бы Вы написали о сербском литературном языке, о чем хотели было прежде писать!). А впрочем, напишите, что Вам угодно».⁶⁰ Проникнутые большим доверием к корреспонденту письма Вука содержали в себе богатую информацию о событиях местной политической и литературной жизни. Отдельные, заслуживающие особого внимания сербские издания сразу же по выходе их в свет Караджич отправлял Надеждину.

Письма самого Надеждина к Караджичу, за исключением нескольких, к сожалению, не сохранились. Но об уважении русского ученого к Вуку и его общественно-литературной деятельности, а также к литературной деятельности его соратников («вученят») дает представление даже то немногое, что сохранилось из писем к нему русского ученого. Одно из них от 17 (29) сентября 1849 г. написано сербскими стихами. В них Надеждин, приехавший для лечения в Райценбад (возле Будапешта), сожалел о том, что не смог по пути заехать в Вену к Караджичу.

Књигу пише код Руса Никола,
Књигу пише Вуку код Србаља,
Богом брату, Караџићу Вуку,
Књигу пише, грозне сузе рони:
О, бога ми, побратиме Вуче,
Море, чу ли, весела ти майка,
Мож' ли знати да сам у Будиму,
У Будиму, граду бијеломе
Ево, брате, две нећеље дана⁶¹
и т. д.

⁶⁰ Русский Архив, 1873, № 7, стр. 1204—1205.

⁶¹ «Годињица» Николе Чупића. Књига XXVI, № 58. У Београду, 1907, стр. 22.

Из этих процитированных здесь в кратком извлечении стихов можно заключить, что даже в период своей крайней загруженности как должностными, так и личными делами Надеждин с любовью погружался в мир сербской народной поэзии и охотно предавался воспоминаниям о временах, когда изучение истории и литератур славянских народов стояло у него на первом плане.

В 1851 году на заседании Русского географического общества Надеждин выступил с речью «О русских народных мифах и сагах»,⁶² посвященной русским духовным стихам. Его внимание привлек наиболее древний пласт «Голубиной книги», отразивший мировоззрение древней Руси, ее мифотворчество, ее космогонические и географические представления. И следует сказать, что в работе о русских народных мифах Надеждин оказался на высоте поставленных задач, здесь им был высказан ряд глубоких мыслей и сделано несколько совершенно блестящих догадок (общий взгляд на сочетание языческих и христианских элементов в «Голубиной книге», характеристика особенностей антропоморфизма в русской народной поэзии, историко-лингвистический анализ понятий «Латырь-море» и «Латырь-камень», интерпретация понятий *Дунай* и *Днепр* в «Слове о полку Игореве» и т. д.).

Последние три года жизни, овладеваемый тяжелым недугом, Надеждин работал мало. Он умер в январе 1856 года, не закончив многих своих начинаний, не реализовав в должной мере своих поистине огромных исторических и филологических познаний, не завершив ни в одной из научных областей ни одного капитального труда.

Научная деятельность Надеждина не отличалась сосредоточенностью и собранностью. В молодые годы, не удовлетворяясь профессией педагога и профессора, он мечтал найти свое призвание в критике и журналистике; после ссылки, подорвавшей прочность его официального общественного положения, он делил свои научные привязанности между филологией и историей и уже в зрелые годы пытался найти применение своим силам на поприще государственной службы. И эта неустойчивость научных привязанностей объяснялась не только своеобразием индивидуальности самого Надеждина, но и различными внешними причинами, к которым следует отнести не только ссылку. Отсутствие четкого разделения между гуманитарными науками во второй трети XIX века, широкие возможности, которые открывало в то время перед своими ревнителями формирующееся русское славяноведение, — все это также мешало Надеждину ввести свои научные интересы в определенное строгое русло. Будучи противником романтизма литературного, в науке, и в частности в славяноведении, Надеждин был своеобразным романтиком, виднейшим представителем

⁶² Она была напечатана посмертно в «Русской беседе» (1857, кн. III и IV, Смесь, стр. 1—20, 19—64).

«романтического» периода в развитии этой отрасли знаний. В первую половину 30-х годов прошлого века Надеждин-журналист страстно призывал русское общество к изучению славянской культуры — и уже в этом его незабываемая заслуга перед русским славяноведением. Ни одному из представителей первого поколения русской университетской славистики (Бодянский, Григорович, Прейс, Срезневский) не довелось миновать непосредственно личного воздействия Надеждина — и в этом его вторая бесспорная заслуга перед отечественным славяноведением. Непосредственно славистические труды Надеждина для своего времени были также заметным явлением, и все лучшее, что в них было, вошло в общий фонд русской науки о славянстве.

Вскоре после смерти Надеждина И. И. Срезневский, поставив перед читателями вопрос, останется ли имя умершего в летописях науки и литературы, отвечал на него утвердительно: «О, да, останется, если только эти летописи будут так же нелживы, как были они когда-то в древней Руси».⁶³

В летописях русской литературы, точнее критики, имя Надеждина сохраняется прочно, хотя историческое значение его объясняется «летописцами» порой не вполне масштабно и объективно. Что же касается истории русской науки, и в частности славяноведения, то в ней место Надеждина еще не очерчено. Выполнить такую ответственную задачу в ограниченных рамках настоящей статьи невозможно, да это было бы и несколько преждевременно. Мы ставили перед собой более скромную цель — показать, что Надеждин-славист заслуживает благодарной памяти потомства.

⁶³ Вестник Русского географического общества; 1856, кн. 1, стр. 14.

К. И. Ровда

РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (50—60-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

1.

Славянофильство не обозначило собой этапа в русском освободительном движении. Более того, оно выступало как сила, во многом враждебная революционной идеологии. И тем не менее его роль в истории русской общественной мысли значительна. Среди славянофилов были люди больших дарований и высокого ума, которые если и не решились, то поставили ряд жгучих, имевших для судеб России важное значение вопросов, и мучительными поисками истины содействовали их решению. Поэтому нельзя ограничиваться простым указанием на реакционность их социально-политических, философских и эстетических взглядов в целом. Истинная диалектика состоит не в голом отрицании отживших и ошибочных теорий, а в «отрицании как моменте развития с удержанием положительного».¹

В сложном комплексе идей славянофильства соединились и реакционные, и прогрессивные начала, которые в дальнейшем послужили исходными моментами для самых различных и часто взаимоисключающих направлений. И не свидетельствует ли о жизнеспособности славянофильских воззрений самая их противоречивость?²

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, М., 1947, стр. 197.

² См.: С. Дмитриев. Славянофилы и славянофильство. Историк-марксист, 1941, № 1, стр. 85—97; Andrzej Walicki. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964, 494 str.; А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли. Вопросы философии, 1966, № 6, стр. 120—130; М. В. Petrovich. The Emergence of Russian panslavism. 1856—1870. N. Y., 1958, 312 p.

В предисловии к последней книге ее автор сугубо тенденциозен, когда сближает русский панславизм XIX века с советской славянской политикой.

И западничество, и славянофильство возникли одновременно как две разновидности русского либерализма и отразили противоречия действительности в период крушения крепостнической системы в России и окончательной победы капиталистических отношений в передовых странах Западной Европы. Они появились в тот исторический момент, когда дворянская революционность, высшим выражением которой был декабризм, уже иссякала, а революционность демократическая, искавшая опоры в крестьянском движении, еще только нарождалась.

Славянофильская идеология родилась в глухую ночь николаевской реакции в умах, разбуженных криком отчаяния, каким были письма Чаадаева с его национальным нигилизмом. Отрицавшему прошлое, настоящее и будущее России Чаадаеву славянофилы противопоставили веру в то, что у России есть своя история, своя жизнь, осмысленная и деятельная. Она не в светских салонах и барских усадьбах, а в сельских избах, в быте, обычаях и верованиях народа.

Стоит ли вспоминать, что на формирование славянофильства воздействовали не только факты русской действительности, но и немецкая идеалистическая философия: Шеллинг с его религией откровения и Гегель со своим учением о том, что каждый народ воплощает в себе одну из сторон всеобщей идеи? От Гегеля переход к идее русской народности был нетруден.

Хотя непосредственными предшественниками славянофилов были любомудры, но славянофильская социология несомненно унаследовала и некоторые идеи декабристов, несмотря на несходство воззрений последних с взглядами славянофилов. Еще Пестель думал о том, как бы уберечь от крайностей капитализма Россию. Впервые декабристы поставили и славянский вопрос, нашедший свое дальнейшее развитие у славянофилов.

Славянофилы, как и либеральные западники, не принимали революционных методов изменения действительности. Они ждали реформ сверху. Но в то время как для западников, закрывавших глаза на язвы буржуазного общества, капиталистические порядки в западной Европе были последним словом прогресса и должны были послужить образцом для России, славянофилам в известной степени были ясны обнаружившиеся к тому времени противоречия капиталистического строя, их пугала массовая пролетаризация

Он игнорирует коренное различие между идеологией дворянского либерализма славянофилов и социалистической идеологией советского общества. Тем не менее в самой книге автор, по его собственным словам, стремился «не смешивать настоящее с прошедшим» («not to intrude the present upon the past»). «Чтобы быть понятым, русский панславизм должен быть изучаем не как „предтеча“, а сам по себе», — пишет М. Б. Петрович и довольно объективно излагает историю идейной эволюции славянофильства в связи с крестьянской реформой 1861 г. и после нее, когда славянофилы от внутренних проблем перешли к внешнеполитическим.

сельского населения, ужасало обнищание народных масс. Россия, думали они, должна избежать бед, которые несет с собой капитализм, и может пойти своим особым путем, опираясь на свои национальные традиции, на те особенности общественной и экономической жизни, которые сохранились в народе с древних времен.

Логика борьбы толкала и западников, и славянофилов на крайности. И если западники идеализировали буржуазный образ жизни, утвердившийся в передовых странах Европы, и западную демократию, то славянофилы впадали в другую односторонность и заявляли, что Западная Европа давно исчерпала себя и неспособна к дальнейшему развитию. Отсюда — идеализация русской самобытности и проповедь особой исторической миссии России в мировой истории.

Будучи идеалистами и даже мистиками в философии, отстаивая крупное землевладение, монархические принципы и идеализируя старину, славянофилы отрицательно относились к крепостничеству, выступали против бюрократизма, против засилия иностранцев, в частности немцев, в государственном аппарате и в армии, ратовали за свободу мысли. Они не рабелепствовали перед самодержавием и преследовались царским правительством за свой образ мыслей. И как бы ни были непоследовательны и ограничены в своей прогрессивности славянофилы, накануне крестьянской реформы они включались в общий антикрепостнический фронт, в котором решительное и окончательное размежевание происходит лишь в годы революционной ситуации (1859—1861). Было бы неправильно отождествлять их понимание «православия, самодержавия и народности» с официальной идеологией.³ Для представителей охранительного лагеря (гр. С. Уваров, М. Погодин, С. Шевырев и др.) эта триада была воплощением реально существовавшего самодержавного деспотизма, в котором церковь выполняла полицейские функции и слово народность лишь прикрывало антинародный политический строй. Для славянофилов в словах православие, самодержавие и народность заключался идеал истинного христианства, как они его понимали, и монархии, призванной стоять на страже общинной патриархальной демократии.

Славянофилы со всей остротой поставили проблему особого пути развития России и ее самобытной культуры, хотя ошибочно во многом ее решали. Упреки, адресовавшиеся им западниками и заключающиеся в том, будто они начисто отрицали западную культуру, не лишены преувеличений.⁴

³ См.: А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. IX, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 137 («Былое и думы»).

⁴ См. подробнее; А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров, ук. соч.

Противоречивые воззрения славянофилов дали исходный материал для самых различных течений русской мысли XIX века. И не только для консервативных. О близости некоторых славянофильских идей Герцену и Чернышевскому они не раз заявляли сами. Вера славянофилов в народ была той живой истиной, которая позволила Герцену, не изменяя своим убеждениям, заявить, что он «гораздо ближе к московским славянам, чем к западным старообрядцам»,⁵ т. е. к либеральным западникам, а Чернышевскому приветствовать появление в 1856 году славянофильского журнала «Русская беседа». Ошибки и несообразности в учении славянофилов не мешали Чернышевскому признать, что многие элементы, входящие в их образ мышления и касающиеся критики буржуазного общества, «положительно одинаковы с идеями, до которых достигла наука или к которым привел лучших людей опыт Западной Европы». «Все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов, — писал он, сам увлеченный социалистическими утопиями, — с избытком вознаграждаются уже одним убеждением их, что общинное устройство наших сел должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях».⁶

В поисках путей для разрешения экономических вопросов славянофилы обращают особое внимание на русскую «общину, на общинное владение землей»,⁷ думая найти в ней опору для социального благополучия народных масс. И Герцену даже кажется, что социализм, глубоко разделяющий Европу на два лагеря, признан славянофилами и является мостом, на котором они могут подать друг другу руки.⁸

С обострением общественно-политической борьбы в начале 60-х годов, и в особенности с началом польской революции 1863 года, славянофилы резко поворачивают вправо. Осуждая польское восстание, они оказываются союзниками царизма. И ранее припахивавшее ладаном славянофильство стало, по словам Герцена, еще противнее, когда «выпачкалось в крови».⁹

Но даже и теперь славянофильство не смыкалось по всем пунктам с официальной идеологией царского правительства, и последнее продолжало преследовать славянофильскую прессу, упрекая ее в том, что она лишь декларирует свою приверженность самодер-

⁵ А. И. Герцен, Собр. соч., т. XIV, М., 1958, стр. 160.

⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах, т. IV, Госполитиздат, М., 1948, стр. 725, 760.

⁷ А. И. Герцен, Собр. соч., т. XVII, стр. 106.

⁸ См.: А. И. Герцен, Собр. соч., т. VII, стр. 248. Видя в русской общине оплот против нашествия капитализма, А. Гильфердинг писал: «...мы все в том смысле социалисты, что мы задаем себе и так или иначе думаем решить вопросы о началах общественных...» А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, СПб., 1868, стр. 268.

⁹ А. И. Герцен, Собр. соч., т. XVIII, стр. 95.

живию, а на самом деле подрывает его.¹⁰ Это еще более подчеркивало, в каком заколдованном кругу противоречий находились славянофилы, которые, ненавидя царский деспотизм, ни на шаг не отходили от своих классовых принципов и все резче выступали против революционного движения и философии материализма.

Славянофилы не только сами играли крупную роль в изучении народного быта и устного народного творчества, но своим энтузиазмом воодушевляли обширный круг ученых неславянофилов, обратившихся к изучению быта и культуры народных масс.¹¹ Несмотря на идеализацию народа и навязывание ему таких несвойственных черт, как смирение и набожность, славянофилы много сделали для разработки проблем народности в литературе, хотя и вносили немало ошибочного в ее понимание.

Уйдя в исследование старины, отраженной в летописях и преданиях, в народной мифологии и словесности, славянофилы столкнулись с проблемой общности древнего быта и культуры славянских племен в прошлом. В этом они нашли поддержку у западнославянских, в особенности чешских ученых, еще ранее обратившихся к изучению славянских народностей, и в среде славянофилов возникает интерес к современному положению инославянских племен, борющихся за национальное возрождение. Славянофильское учение оказывает воздействие на русских ученых, занимающихся изучением славянства (А. Гильфердинг, В. Ламанский, А. Лавровский, М. Петровский и др.), и эти ученые вносят большой вклад в изучение славянской культуры. Славянофильская пресса начинает проявлять усиленный интерес к славянским племенам за рубежом, к их литературе и устному народному творчеству.

На изучении и пропаганде славянской культуры сказалась та эволюция, которая происходила в славянофильской идеологии в связи с историческими событиями. После крестьянской реформы эта идеология вступает в период кризиса и деградации. Если до реформы главную национальную задачу славянофилы видели в ововождении от крепостной зависимости крестьян и наделении

¹⁰ В решении о закрытии газеты «Москва», издававшейся И. С. Аксаковым (1868), Государственный совет писал, что «Аксаков, провозглашая себя верным началу самодержавия, постоянно выказывал покушение подрывать доверие к тем органам, которыми самодержавная власть действует...» (ГПБ, Рук. отд., ф. 14, № 476). В факте, отмеченном Государственным советом, нельзя не видеть того, что славянофильский орган одобрял самодержавие в принципе и подрывал доверие к тому бюрократически-полицейскому режиму, который, по мнению славянофилов, искажал этот принцип. И все же борьба славянофилов с правительством была борьбой «внутри господствующих классов», она не простиралась на самые основы существующего строя. См.: В. И. Ленин, Сочинения, Полн. собр. соч., 20, стр. 174.

¹¹ См.: И. В. Ягич. История славянской филологии. В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 1. СПб., 1910, стр. 456—461; М. К. Азодовский. История русской фольклористики, т. 1. Учпедгиз, М., 1958, стр. 368—413.

их земель — и это придавало их программе относительно прогрессивный смысл, — то после реформы на первый план у них выдвигается славянская идея, постепенно перерастающая в панславизм.¹² Важнейшей задачей России, ее национальным призванием объявляется теперь уже не внутренние преобразования быта крестьянских масс, а освобождение западных и южных славян от иноземного ига. «Историческое призвание, нравственное право и обязанность России, — писал И. С. Аксаков, — заключается в том, чтобы *«освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного и, пожалуй, политического бытия».*

Сама по себе мысль об освобождении славян от иноземного ига имела большое прогрессивное значение. Но это освобождение должно было, как писал далее Аксаков, произойти «под сенью крыл могущественного русского орла»,¹³ т. е. предполагалось в конечном счете присоединение западных и южных славян к России. Намеченная здесь программа нашла выражение в некоторых статьях и выступлениях В. И. Ламанского и встретила решительный отпор со стороны Н. Г. Чернышевского.¹⁴

Внутреннее противоречие и фальшь славянофильской доктрины выступали наружу. В самом деле, если национальной задачей России объявлялось освобождение западных и южных славян от иноземного гнета, то со всей последовательностью вставал вопрос об освобождении и польского народа, находившегося под игом русского царизма. Но славянофилы и не думали об этом, как не думали о вызволении из-под гнета царизма украинцев. А когда вспыхнуло польское восстание 1863 года, они оказались на стороне царского правительства и действовали заодно с Катковым, высказываясь в духе откровенного шовинизма.

Наиболее ярким выражением кризиса славянофильской идеологии в конце 60-х годов явилась книга Н. Данилевского «Россия и Европа», печатавшаяся первоначально в виде статей в журнале «Заря» (1869), а затем много раз выходившая отдельным изданием.¹⁵ Опираясь на идеи панславизма, высказанные когда-то А. Хомяковым и развитые позднее И. С. Аксаковым и другими славянофилами, Данилевский обосновывает неизбежность и необходимость войны России за освобождение зарубежных славян и создание всеславянского союза со столицей в Константинополе под эгидой русского императора.

¹² См.: Йосеф Колейка. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, стр. 43, 54—57.

¹³ День, 1861, № 1, стр. 15.

¹⁴ См.: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 159—162 и 833—848 (статья «Народная бестолковость»).

¹⁵ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляды на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871 (написана книга в 1865 году).

И какие бы оговорки под влиянием критики панславизма ни встречались в статьях новейших славянофилов, мысль об объединении славян под гегемонией России на основе православия, самодержавия и русской народности неизменно наличествовала в их учении и определяла их деятельность в области русско-славянских общественных и литературных связей. Отсюда вытекала политика навязывания западным славянам православия как общеславянской религии и русского языка как общеславянского литературного языка. В наброске плана передовой статьи для газеты «Москва» в 1867 г. И. С. Аксаков писал о славянах: «В России они находят свое объединение. Русский язык обязателен: необходимо учиться и знать его... Пусть вырабатывается единство азбуки. Единство веры».¹⁶

Национальное освобождение славян оборачивалось в конечном счете требованием отказа с их стороны и от религиозных убеждений, и от национальной самобытности. Эта политика определяла отношение славянофилов и к чешскому национально-освободительному движению, и к чешской литературе. От чехов требовали принятия православия как главного условия помощи в борьбе за их национальную свободу.

Впрочем, в этом вопросе славянофилы не были последовательны. Они иной раз заявляли, что и не думают требовать от западных славян перехода в православие и принятия русского языка в качестве общеславянского литературного языка. Такая противоречивость и непоследовательность сказывается и на оценке ими славянских литератур, в том числе русской и чешской. Несмотря на панславизм, они искренне сочувствовали славянству и уделяли ему внимания больше, чем все другие общественные направления в России.

Славянофилы играли руководящую роль в славянских комитетах,¹⁷ ставивших перед собой цель материальной поддержки культурной жизни южных и западных славян и укрепление культурных связей с ними. По инициативе славянофилов к Всероссийской этнографической выставке в Москве (1867), где был организован также славянский отдел, был приурочен славянский съезд, на котором присутствовало более восьмидесяти инославянских гостей, среди которых больше других было чехов. Инициатором этого съезда был В. Ламанский. Ему же принадлежала идея созыва славянского съезда в 1863 году в Вене, который не состоялся,¹⁸ по-видимому, в связи с польским восстанием. В опу-

¹⁶ И. С. Аксаков. Записная книжка. ИРЛИ, Рук. отд., ф. 3, оп. 1, № 95, л. 2.

¹⁷ Славянский благотворительный комитет в Москве возник в 1858 году, Петербургский в 1869, затем возникли подобные комитеты в Киеве и ряде других городов. См.: С. А. Никитин, Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. Изд. Московск. унив., 1960.

¹⁸ См.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., стр. 167.

бликованном венском славистическом журналом «Ost und West»¹⁹ обращении к славянским ученым главное место отводилось славянским литературам и межславянским литературным связям.²⁰ Состоявшийся в 1867 году съезд, на котором тон задавали славянофилы, был посвящен преимущественно общим вопросам славянской взаимности и славянского единства, общеславянскому языку и освободительной роли России. Существенной особенностью съезда было то, что на нем не были представлены радикальные слои русского общества, да и со стороны славян левые элементы были лишь в виде исключений, например со стороны чехов присутствовал радикальный демократ Э. Вавра. Русская пресса большей частью подчеркивала, что съезд не имел политического характера, но, по свидетельству одного из его участников А. Киреева, «политический вопрос становился (на съезде) на первый план».²¹ И хотя Киреев и говорил, что славянофилы легко поведут за собой чехов, они не нашли с ними общего языка. Чехи боялись попасть в ловушку панславизма и вели себя настороженно. «Я стараюсь объяснить славянам, что мы отнюдь не желаем их съесть, что об этом никто не думает, — записывает в дневнике приставленный к ним в качестве сопровождающего А. Киреев. — Они, кажется, начинают это понимать».²²

И все же съезд имел некоторое значение в оживлении и укреплении общественных и литературных связей между славянскими странами и Россией, хотя ему и не удалось возбудить широких славянских симпатий. «Сознательные славянские симпатии устойчиво держались лишь в сравнительно узком кругу. Однако славянский съезд 1867 года не прошел бесследно для широких слоев русского общества, которое узнало много нового о славянах и обнаружило к ним значительный, хотя и преходящий, интерес».²³ Не прошел он бесследно и для самих славян. Заслуга в этом должна быть приписана в первую очередь, конечно, славянофилам.

2.

Славянофилы — романтики. Консервативный романтизм характерен для всей системы их мировоззрения и эстетики.

¹⁹ История этого, выходившего сначала в Праге журнала со времени его основания (1837) до 1848 года изложена в кн.: Al. Hofman. Die Prager Zeitschrift «Ost und West». Berlin, 1957, 337 S.

²⁰ Обращение было перепечатано в газете «День» (22 сентября 1862 года, № 38, стр. 15—16) за подписью редактора журнала В. И. Ткача под заголовком «Приглашение славянских ученых на собрание по случаю тысячелетия славянских апостолов Кирилла и Мефодия в 1863 году».

²¹ ГБЛ, Рук. отд., ф. 126, оп. 2, ед. хр. 4а, л. 37.

²² Там же.

²³ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России, стр. 258. Вся петербургская и московская пресса освещала приезд славянских гостей и уделяла в то время много места славянской проблематике.

В своих идеалах они исходят не из тенденций новейшего развития и не зовут назад («не может быть и речи о возвращении назад», — пишет К. Аксаков), но считают, что «истинен тот путь, которым Россия шла прежде»,²⁴ т. е. создают идеалы по мерке прошедшего.

Под воздействием критики славянофилы вынуждены были отказаться от многих крайностей в своих взглядах, в частности от безоговорочного восхваления старины²⁵ и от огульного отрицания западной культуры,²⁶ но одностороннее понимание принципа народности мешало им понять необходимость общения славянских литератур с другими иноземными литературами. С этим связана недооценка некоторых явлений в славянских литературах в периоды интенсивного иноземного общения.

Славянофилы стремятся к обособлению славянских литератур от западноевропейских и усилению межславянского литературного общения, придавая этому общению принципиальное значение. Исходя из того, что русская литература во многом лишена будто бы славянской стихии или недостаточно ею проникнута, В. Ламанский считает, что ее дальнейшее развитие немислимо «без умственного общения» с инославянскими литературами. Распространение в России знакомства со славянскими языками и литературами, пишет он, окажет оздоравливающее влияние на нее и определит вступление в «новый, высший период своего развития, в период славянский», когда она станет общим достоянием народа и «чистым выражением народного духа». Без основательного изучения славянских литератур, подчеркивает Ламанский, — «их прошедшего и настоящего, невозможны успехи нашего самосознания». Знакомство с славянскими литературами и языками, по

²⁴ Молва, 18 мая 1857, № 6, стр. 6.

²⁵ «...что за надобность оправдывать во что бы то ни стало всякую черту древней Руси, — пишет И. С. Аксаков 27 марта 1860 г. брату Константину, — и добро бы народа, а то князей. — Да и вообще пора это оставить, такое систематическое оправдание всякой древнерусской особенности: разумеется, и клятвoprеступление и правож и нещадное битье багата и заливание глотки свинцом и пытки — все мерзость, мерзость, за которую, слава богу, приходится винить не народ, а государство, непомерно чудовищно разросшееся и засушившее наконец всякую свободную деятельность и жизнь в земстве еще гораздо раньше Петра». Для И. С. Аксакова все надежды на будущее «лежат в народе, нам современном, а не в древней государственной Руси, которая логически разрешилась Петром». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Том третий. М., 1892, стр. 399—400.

²⁶ Славянофилы, пишет В. Ламанский, «никогда не проповедовали вражды к Западу, всегда относились с глубоким уважением к великим подвигам в области науки, искусства и практической деятельности» и расходились с западными мыслителями лишь в понимании будущего, полагая, что Западная Европа исчерпала себя и «передовая роль в истории человечества от народов романо-германских достанется России и вообще миру греко-славянскому, носителю высшего просветительного начала». Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского, [Москва, 1865], стр. 7.

словам ученого, «высоко подымет уровень нашей образованности, сообщит самостоятельность нашей литературе», без чего она не достигнет всемирного значения. С другой стороны, «западные славяне для успешного развития своих народностей имеют в настоящее время крайнюю необходимость введения у себя в круг общего образования русского языка и русской литературы».²⁷

Во вступительной лекции Ламанского нашла выражение так называемая славянская идея, воплощенная в известном трактате о литературной взаимности славян Яна Коллара,²⁸ причем сама постановка вопроса о литературной взаимности у него проникнута уважением к славянским народностям и их национальной самобытности. Здесь еще нет одностороннего требования обязательности принятия славянами русского языка в качестве общелитературного и православия как условия для осуществления славянского единства, которое станут выдвигать вскоре славянофилы. Но противопоставление славянских литератур западноевропейским и мысль о том, что только им одним во главе с русской литературой принадлежит будущее, уже налицо. Не избежал Ламанский и обычных для славянофилов преувеличений, когда утверждал, будто мирового значения русская литература достигнет не иначе как только через славянскую идею.

Вскоре во взаимоотношениях славянофилов с западными и южными славянами панславизм начинает играть существенную роль. Ближе всего русским славянофилам были исповедовавшие православие болгары и сербы; по-иному они относились к чехам и полякам, придерживавшимся католичества. На чехов они смотрели как на испорченных — онемеченных и окатоличенных — славян, которые должны вернуться к бывшему православию.²⁹

3.

Интерес к славянству со стороны русских славянофилов обуславливался самой сущностью их мировоззрения, и потому естественным было у них особое внимание к инославянским народам и литературам. Однако они не располагали периодическими органами, способными привлечь внимание всей обществен-

²⁷ Русская беседа, 1860, кн. I, Смесь, стр. 140, 147.

²⁸ J. Kollár. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Pesth, 1837; 2-е доп. изд. вышло в 1844 году. Русский перевод М. П. Погодина и Ю. Самарина с множеством пропусков и искажений появился в «Отечественных записках» за 1840 год под заглавием «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (т. VIII, отд. II, стр. 1—24 и 65—94). См. о нем: Н. М. Петровский. Из заметок о Колларе. Петроград, 1917.

²⁹ «У большей части славян, — писал А. Хомяков еще в 1848 году А. Н. Попову, — порча германо-римская (Богемия, Польша) прошла до костей и мозга». Цит. по: В. В. Завитневич, А. С. Хомяков, т. 1, кн. 1. Киев, 1902, стр. 813.

ности к славянским проблемам, да и направление их не пользовалось популярностью в широких кругах общества.³⁰ Единственным славянофильским журналом в 50-е годы была «Русская беседа» (1856—1860). Но это, по словам И. С. Аксакова, был скорее сборник, чем журнал. Он выходил четыре раза в год, и только в 1859 году вышло шесть номеров, зато в 1860 — только два.

«Русская беседа» помещает сравнительно много материалов о славянах, но в ней преобладают археологические, этнографические и исторические статьи. Литература, собственно, занимает небольшое место. За все время существования журнала в нем из художественной прозы зарубежных славян почти ничего не было опубликовано, за исключением небольшой болгарской повести В. Поповича «Отрывок из рассказов моей матери».³¹ Из поэзии переводились сербские эпические песни, произведения А. Мицкевича, Л. Сырокомли, И. Крашевского (с польского), П. Прерадовича (с сербского) и одно стихотворение Б. Яблонского (с чешского). Исключение было сделано для украинских писателей. Здесь публиковалась проза П. Кулиша (повесть «Феклуша» и роман «Черная рада») и то не в переводе, а в русских вариантах, сделанных самим автором: славянофилы не признавали украинской литературы и поощряли выступления украинских писателей на русском языке.

Редакция журнала принимала энергичные меры к тому, чтобы привлечь к участию в нем славянских писателей в качестве авторов статей и художественных произведений. Но эти усилия не приводили к существенным результатам по разным причинам, несмотря на хорошие гонорары. Из Сербии писали М. Миличевич, Пр. Чокорил, К. Петкович, П. Павлович, по вопросам словенской литературы из Швейцарии посылал статьи доктор Клун. Из поляков сотрудничали И. Паплонский и В. Веселовский, из болгар Хр. К. Даскалов, В. Попович, из чехов В. Ганка, Л. Риттерсберг, К. Я. Эрбен и, возможно, Я. Малый.³² Писать из Австрии в русские издания было опасно из-за слежки, которой были подвержены в Австрии все, кто хоть сколько-нибудь проявлял признаки умственной жизни. А связи с русскими вообще были для австрийской полиции подозрительны. «Шпионство в Австрии так сильно, — писал А. Кошелев, — что все сословия принимают в нем участие. Общественность там совершенно убита, и не

³⁰ В. А. Алексеев. Периодика славянофилов. В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. II. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 204—216.

³¹ Русская беседа, 1859, кн. VI, стр. 77—102.

³² Попытки привлечь к участию в славянофильской прессе Божену Немцову не увенчались успехом. См.: Zdeněk Urban. Vztah Boženy Němcové k Rusku a Ruské literaturě. Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury, 1963, VII, str. 61—68; Т. С. Карская. Божена Немцова и русская славянофильская пресса. Наст. сб., стр. 70—92.

только в казино или кофейнях, но даже в частных собраниях вы не услышите ни одного живого, серьезного слова».³³

Тем более опасно было касаться политики. В письме к Погодину от 8 (20) июля 1857 г. А. Кошелев писал: «...действия здешнего правительства таковы, что ни один чех не смеет говорить несколько свободно, не оглянувшись несколько раз и не убедившись, что стены не передадут его слов. Положение славян здесь ужасно; надобно нам убедиться, что прямые действия на них из России совершенно невозможны. Наши действия им вреднее, чем бездействие. Здесь я понял весьма многое, чего прежде не знал и не подозревал». И он делает вывод: «Наши действия должны быть совершенно иные: отнюдь не политические виды должны служить основанием нашего общения с славянами. Они ни за что не хотят общения политического, но весьма желают общения духовно-литературного».³⁴ Этим объясняется тот факт, что в своей статье «Шесть недель в австрийских славянских землях» Кошелев усиленно подчеркивает отсутствие политических моментов в тогдашнем чешском движении. «Панславизм в прежнем своем виде, т. е. как стремление славян соединиться в одно политическое согласие, — пишет он, — теперь более не существует в их умах... Нынешнее славянство утратило свой прежний политический характер; это просто стремление — присущая людям необходимость быть самими собою, развивать свои способности, говорить и писать на своем языке, дорожить своими родными воспоминаниями, обычаями и учреждениями, сообщаться как можно более с своими единоплеменниками как с людьми, более им сочувствующими и лучше их понимающими, и породить общими усилиями те понятия в науке, те формы, в искусстве, и те виды и условия в общежитии, которые бы вполне соответствовали духу славянства».³⁵

Поэтому, когда И. Аксаков становится редактором «Русской беседы» и издателем «Паруса» и пытается оживить сношения с зарубежными славянами, он в своем обращении к славянам предупреждает, что содержание статей не должно иметь политического характера. Правда, это была лишь уловка, рассчитанная на то, чтобы отвести подозрения австрийского правительства.³⁶

³³ А. Кошелев. Шесть недель в австрийских славянских землях. Русская беседа, 1857, кн. IV, Смесь, стр. 3. Статья А. Кошелева была встречена «Современником» (1858, № 1, Современное обозрение) с большой симпатией как заслуживающая «особенного внимания русской публики» (стр. 108). После ряда пространных выписок из статьи, журнал заключает: «Грустно делается после чтения подобных изображений... Но еще тяжелее становится на душе, когда подумаешь, что от этого страдают наши единоплеменники, которых судьба возбуждает в нас все-таки более сочувствия, нежели судьба остальных народов Европы» (стр. 111—112).

³⁴ ГБЛ, Рук. отд. ф. 231, карт. 16, ед. хр. 89.

³⁵ А. Кошелев, ук. соч., стр. 14—15.

³⁶ И. Аксаков считал, что объявление о славянской конторе, которую он предполагал открыть для сношений с иноземными славянами, достаточно за-

В письме на имя священника посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского от 28 августа 1858 г. И. С. Аксаков набрасывает следующую программу участия славянских корреспондентов в «Русской беседе» и «Парусе»: «Ваши славянские ученые в Праге похожи на немецких гелертеров. Покуда они будут рыться в археологической пыли, народные обычаи, хранящие суть славянскую, будут все исчезать. Надо обратиться к ним, изучать их и поддерживать те, которые важны. Например, необходимы сведения о внутреннем устройстве сел и деревень в Чехии, Моравии, у хорватов и пр. Есть ли общинное управление, землевладение, как переходит наследство и пр.? Словом, старайтесь славян ваших из области учено-отвлеченной перевести на живую почву, заставьте их изучать не только памятники древней славянской письменности, а живой народ, его обычаи, предания, верования. Вот что важно».³⁷

Об этом и должны писать корреспонденты.

Что касается специально чехов, то усматривавшему в гуситстве предания православия Аксакову было «интересно знать — может у них сохранилось немало гуситских обычаев и верований?». О статьях на литературные темы в письме не упоминается вовсе. И лишь в конце письма дело доходит до беллетристики: «Если появится в свет какая-нибудь повесть, роман и т. п. славянский — замечательный, — пишет он, — укажите нам, чтобы мы могли перевести и напечатать».³⁸ Однако ни одна чешская повесть ни тем более роман так и не были опубликованы в «Русской беседе». И в сущности по переводам, опубликованным в журнале за все время его существования, русский читатель, за исключением нескольких случайных стихотворений, почти ничего не мог прочитать из художественных произведений славянских писателей.

С оживлением общественного движения в Австрии Аксаков требует от своих корреспондентов не только описаний народного быта, как ранее, но и острых политических корреспонденций. Он возвращает статью В. Ганки «О рыболовстве в Чехии» и просит статей «более живого и, если можно, современного» содержания, например о поправленной кроатской (хорватской) конституции, жителях Кроатии (Хорватии), расположении умов, войске, об отношении к итальянцам, мадьярам и пр.³⁹ А в апреле 1861 года, когда «Русская беседа» уже не выходила и славянофилы издавали газету «День», требование актуальных политических корреспон-

страховано от подозрений в политике тем, что контора, как было объявлено, предназначена только «для учено-литературных сношений» и «отвечает только на письма, не касающиеся политики». Но в письме добавлял: «Разумеется, это сказано только так, для Австрии». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть вторая. Том четвертый. СПб., 1896, стр. 4.

³⁷ Там же, стр. 6.

³⁸ Там же, стр. 7.

³⁹ Там же, стр. 23—24.

денций звучит еще более решительно. «Корреспонденция, — пишет И. С. Аксаков М. Ф. Раевскому, — должна быть, разумеется, политического содержания в широком смысле этого слова, ибо теперь все явления общественной жизни получают значение политическое. Может она иногда быть и литературною, т. е. говорить о новом литературном произведении. Но отнюдь не должна быть археологическою, ни даже исключительно этнографическою: например, описание свадебных обрядов и т. п., все это неуместно».⁴⁰ И действительно, в корреспонденциях из славянских земель, в частности из Праги, в газете «День» и в позднее издававшейся газете «Москва» преобладают корреспонденции политического характера. Но их пишут преимущественно русские.

В газетах «День» и «Москва» почти не было литературных материалов, за исключением одного стихотворения Л. Ф. Челяковского («Великая панихида») в переводе Н. Щербины (День, 26 сентября 1864, № 40, стр. 20) и перевода «Тирольских элегий» Гавличка, сделанного М. Петровским (День, 23 декабря 1861, № 11, стр. 3—5). Все было подчинено политике. Основными проблемами были польское восстание, кирилло-мефодиевская годовщина в 1863 году, поездка славян в Москву в 1867 году, борьба против католицизма, политическая борьба чехов, вопросы гуситства и т. п. В связи с польским восстанием газета «День» полемизирует с передовой чешской прессой, выступавшей на стороне революционных поляков. Здесь было опубликовано открытое письмо А. Ф. Гильфердинга к Ф. Л. Ригеру⁴¹ и ответ Ригера по вопросу об отношении чешского общества к польскому восстанию,⁴² а также отклики на них в чешской прессе.

Вся деятельность славянофильской прессы была проникнута мыслью о славянском единстве и славянском призвании России. Эта мысль была выражена в передовой статье газеты «Москва» от 1 июля 1867 г., посвященной значению славянского съезда в Москве. «Да, — писал И. С. Аксаков, — главнейшая задача славянского мира вся в том, чтобы Россия поняла себя как его средоточие и познала свое славянское призвание. В этом все. В этом вся будущность и России, и всех славянских племен. Как Россия немислима вне славянского мира — она есть его главнейшее выражение и вещественно, и духовно, так и славянский мир немислим без России. Вся сила славян в России, вся сила России — в ее славянстве».

Когда славянофилы занялись политикой, у них уже не было журнала. Что касается «Русской беседы», то она не занималась

⁴⁰ Там же, стр. 66.

⁴¹ А. Гильфердинг. Письмо к г. Ригеру в Прагу (о русско-польских делах). День, 4 мая 1863, № 18, стр. 14—15.

⁴² Ответ доктора Ригера г. Гильфердингу. Письмо в редакцию газеты «Narodní Listy». День, 13 июля, 1863 г., № 28, стр. 11—14.

политическими вопросами. Чешские авторы пишут здесь о глаголической литургии (В. Ганка),⁴³ о славянской мифологии⁴⁴ и литературе. Тут публикуется статья Л. Риттерсберга «Новейшая деятельность в чешской литературе»⁴⁵ и анонимная статья «Чешская литература с 1774 до 1848 года».⁴⁶

Статья Риттерсберга была, пожалуй, единственной в то время статьей, дававшей русскому читателю понятие о тяжелой поре чешской литературы до падения баховского реакционного режима, хотя и не касалась причин ее упадка. В ней характеризуется поэзия, драматургия и переводческая деятельность, занимавшая тогда по понятным причинам большое место в Чехии. Статья привлекает тем, что ее автор на первый план выдвигает действительно крупнейшего поэта той поры — К. Я. Эрбена. В ней отмечается свежесть и мужественность его баллад, проникнутых народным духом. Вторым достоинством статьи является то, что она берет под защиту поэзию революционного романтика 30-х годов К. Г. Махи, к которому его современники относились несправедливо. В поэзии Махи Риттерсберг находит «силу воображения, глубокомыслие и привлекательность речи». Из драматургов выделяются Ф. Миковец, пьесы которого «Дмитрий Иванович» и «Гибель рода Пржемысла» оцениваются как «важное явление» в чешской драматургии, и В. Клицпера. В произведениях последнего отмечается поэтическая свежесть и самобытность. В своем патристическом увлечении Риттерсберг весьма высоко оценивает чешские переводы шекспировских драм, ставя их выше немецких.

Вторая статья, приписываемая Я. Малому,⁴⁷ появилась уже после писем А. Пыпина⁴⁸ и М. Сухомлинова,⁴⁹ дававших довольно обстоятельные и оригинальные очерки развития литературы чешского возрождения. Она не только не открывала русскому читателю ничего нового, но искажала картину истории чешской литературы в угоду католицизму. В гуситстве и гуситской литературе автор статьи видит лишь религиозное движение, направленное исключительно против католицизма и не вскрывает

⁴³ Об этом говорится в заметке: А. Ф. Гильфердинг. О русской литературной деятельности в Галиции. Русская беседа, 1856, кн. 1, стр. 36.

⁴⁴ К. Я. Эрбен. О славянской мифологии. Письма К. Я. Эрбена к А. Ф. Гильфердингу. Русская беседа, 1858, кн. IV, Науки, стр. 71—128.

⁴⁵ Русская беседа, 1857, кн. I, стр. 40—48.

⁴⁶ Там же, 1860, кн. II, Смесь, стр. 29—46.

⁴⁷ См.: И. А. Бернштейн. Чешская литература в русской критике. В сб.: Из истории связей славянских литератур, Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 38.

⁴⁸ А. Р. (Пыпин). 1) Два месяца в Праге. Современник, 1959, т. 74, стр. 127—173, 323—370. 2) Из Праги. Там же, 1860, т. 79, стр. 289—302. См.: И. А. Бернштейн. Чешская литература в русской критике второй половины XIX века, стр. 31—37.

⁴⁹ М. Сухомлинов. Из Праги. Русский вестник, 1859, № 9, Современная летопись, стр. 105—131.

его социальной и национальной основы, а в католическом духовенстве усматривает главную опору литературного возрождения. Католические священники, говорит он, до тех пор преследовали чешскую литературу, пока в ней оставался гуситский дух, дух ереси, который «водил пером знаменитейших писателей чешских».⁵⁰ Как только дух этот был уничтожен, они превращаются в поборников чешского языка и чешской литературы с тем, чтобы она развивалась на католической основе. Естественно, что характеристики, даваемые автором литературным явлением с этих позиций, искажают истину. Поверхностный подход к литературе сказывается и в том, что в поэзии Эрбена автор отмечает лишь изящество языка, не касаясь содержания его поэзии, а в сухой дидактической поэзии Б. Яблонского⁵¹ находит верх задушевности и трогательности.

В отличие от статей А. Н. Пыпина о русской литературе, помещенной в «Часописе чешского музея»⁵² и написанных с учетом особенностей чешского историко-литературного процесса, статьи чешских авторов созданы без учета особенностей той культурной среды, для которой предназначались. Поэтому для исследователя русско-чешских литературных отношений гораздо больше интереса представляют статьи русских авторов о чешской литературе. Они написаны для русского читателя, и в них невольно сказывается отношение русской общественной среды к описываемым инославянским литературным явлениям, что проявляется как в отборе материала, так и в оценке литературных произведений. Правда, русские авторы уступают чешским в знании предмета, но этот недостаток искупается другими достоинствами, протекающими из того, что они знают хорошо среду, в которую вводят чешскую литературу.

И тут немаловажное значение имеет то, от имени какого литературно-общественного течения выступает автор той или иной статьи. Его понимание русской общественной мысли и русской литературы непременно скажется на восприятии иноземной литературы. Славянофильские воззрения непременно дадут о себе знать и в выборе тем для статей, и в оценке литературных явлений. В чешской литературе русских славянофилов больше всего интересуют литературные памятники прошлого, свидетельствующие о славянском единстве. Их внимание в особенности привлекают вопросы, связанные с былым православием у древних чехов. А славянофилы основу для славянского единства ищут прежде всего в вопросах веры. «Связь русского народа с славянами, — пишет А. Гильфердинг, — основывается на кровном родстве, на

⁵⁰ Русская беседа, 1860, кн. II, Смесь, стр. 36.

⁵¹ См. о нем: Dějiny české literatury, d. II, Praha, 1960, str. 360—361.

⁵² См.: А. Pypín. Listy o ruské literatuře. Časopis Musea Království Českého, 1858, IV; 1859, I, II.

сходстве языка и быта, на общности интересов; но особенно тесна становится она там, где сверх всех этих уз ее скрепляет единство духовное, единство веры».⁵³

Однако единство веры у русских с чехами было лишь в прошлом. И славянофилы старательно отыскивают его следы, радуются каждой мелочи, подтверждающей это единство. Вот почему из всех литературных памятников прошлого их интересуют те, в которых находятся следы православия у чехов. И потому из всех литературных явлений 1859 года в Чехии А. Гильфердинг отмечает прежде всего издание В. Ганкой книги «Остатки славянского богослужения у чехов». Это «важная книга», — пишет ученый. Она должна быть «особенно драгоценна для нас, если мы дорожим нашей связью с славянами». «Нельзя не поражаться этой книге, — продолжает он, — которая, кроме значения археологического, важна как свидетельство прежней духовной жизни чехов, оставившей в них неизгладимый след».⁵⁴

Подобные следы ищет П. Бессонов в гуситской литературе и литературе, которая ей предшествовала. Православие, пишет он, некогда осветило зачатки самостоятельной жизни чехов и долго потом жило в воспоминании народа. «И одно это воспоминание было достаточно сильно, чтобы привести с собою события XIV и XV веков чешской истории», т. е. гуситское движение и связанную с ним литературу.⁵⁵ Доказательству этой фантастической мысли посвящена книга Е. Новикова, публиковавшаяся в виде отдельных статей в «Русской беседе», а потом вышедшая отдельным изданием.⁵⁶ В лице Гуса и Иеронима Пражского, пишет Новиков, Констанцский собор «казнил православные воспоминания чехов».⁵⁷ Социальной почвы, на которой выросло гуситское движение, антифеодальной направленности народного движения гуситов славянофил не замечает.⁵⁸

П. Бессонов в описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки отмечает большую текстологическую работу, проделанную гуситами по восстановлению истинного смысла библии и видит в этой работе отражение народного духа:

⁵³ А. Гильфердинг. Обзор чешской литературы за 1859 год. Санкт-Петербургские ведомости, 22 мая 1860, № 111, стр. 576.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ П. Бессонов. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Русская беседа, 1856, кн. II, Критика, стр. 2.

⁵⁶ Е. Новиков. Гус и Лютер. Критическое исследование, тт. I—II. М., 1859.

⁵⁷ Е. П. Новиков. Гус и Лютер. Русская беседа, 1858, кн. I, Науки, стр. 4.

⁵⁸ Славянофильский взгляд на гуситское движение положен в основу книги В. Надлера «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV века» (Харьков, 1864), подвергнутой серьезной критике в рецензии, по-видимому, принадлежащей А. Н. Пыпину, в журнале «Современник» (1864, т. СIII, Современное обозрение, стр. 41—51).

«. . . в текст постепенно вошли чтения, с которыми уже никогда не могли помириться католики, ибо эти чтения выражали направление верующего народного духа. Стоит только взглянуть на их глоссы или те замечания, которые помещались на полях рукописной библии: красная рука, указующая отдельные места рукописи, кажется кровавою: она отмечает все те слова, коими божие слово обличает пастырей, забывших или развращавших свое стадо, проповедуя им страшную казнь. . . Самая наружность перепечатанных библейских изданий, значительно предвадивших лютеровские, — подчеркивает далее автор, — носила на себе знамя борьбы: среди их украшений можно встретить картину папы, горящего в аду».⁵⁹ Бессонов проявляет немалую наблюдательность, которая позволяет ему сделать правильный вывод о том, что общенародная борьба чехов против католицизма наложила отпечаток на особенности переводов библии и определила характер ее интерпретации. Дело перевода библии выражало собою «общее стремление».⁶⁰ Многие его наблюдения над переводческой деятельностью гуситов, обнаруживающие связь этой деятельности с бурным общественным движением своего времени, вызывают интерес и в наши дни и заслуживают внимания теоретиков перевода. Но теоретические фантазии и тут выступают у славянофила, когда он заявляет, будто очищение библейского текста возможно лишь «в лоне той свободы, которая присуща одному только православию».⁶¹ Так понимать дело, значит закрывать глаза на истинный смысл гуситской революции. Славянофильские предубеждения снижают ценность научных исследований.

4.

Естественно, что вхождение молодой, едва возродившейся чешской литературы в русскую культурную среду, воспитавшуюся на русском реализме, приобретавшем уже тогда мировую известность, было делом не столь простым и легким. Оно осложнялось еще и тем, что в русский историко-литературный процесс широким потоком вливались произведения зрелых иностранных литератур. И тут одного племенного сочувствия, одних славянских симпатий, которыми русское общество к тому же не могло особенно похвалиться, было явно недостаточно. Нужно было что-то другое. И если в усвоении иноземных литератур решающая роль принадлежит воспринимающей среде, то воспринимаемая литература должна обладать качествами, способными удовлетворить запросы этой среды.

⁵⁹ П. Бессонов, ук. соч., стр. 85.

⁶⁰ Там же, стр. 83.

⁶¹ Там же, стр. 85.

К концу 50-х и началу 60-х годов чешская литература уже имела таких крупных писателей, как Ян Коллар, Ф. Л. Челяковский, К. Г. Маха, К. Гавличек, уже сошедших со сцены, и действовавших еще в литературе К. Я. Эрбена, Божену Немцову, а также только что выступивших молодых поэтов Яна Неруду, Витезслава Галека и др. Не все они были деятелями с установившимися репутациями, но несомненно все имели право на внимание со стороны русского читателя. Были в чешской литературе и памятники устного народного творчества, и литературные памятники предшествующего возрождению времени, достойные того, чтобы войти в русскую литературу.

Этого мало. Нужно было, чтобы в русском обществе оказались силы для освоения этих литературных ценностей. Сил этих явно не хватало ни в области критики, ни в области перевода. В деле пропаганды славянских литератур в печати выступали из неславянофильского круга А. Пыпин, П. А. Ровинский, М. Сухоминов и некоторые другие, но для большинства из них пропаганда эта была делом побочным и случайным. Разве только один Пыпин отдавал много сил этому делу. С переводчиками со славянских языков дело обстояло еще хуже. Их просто не было. Такие известные поэты, как А. Майков, Л. Мей, Ф. Тютчев, М. Михайлов⁶² или Д. Минаев, переводили немного. Специалистов — переводчиков со славянских языков почти не было. Это обстоятельство было немаловажным препятствием в освоении славянских литератур вообще и чешской в частности.

То, что из славянофильской среды и из людей, близких к этой среде, вышли такие усердные популяризаторы славянских литератур в русском обществе, как А. Ф. Гильфердинг, В. И. Ламанский, П. А. Лавровский, Н. В. Берг,⁶³ М. П. Петровский, А. Будилович, Э. Г. Петровская и некоторые другие, не было случайностью. В деятельности славянофилов как пропагандистов славянских литератур нельзя не видеть большой заслуги. И вместе с тем надо прямо сказать: того, что делалось ими, было все-таки мало. А если говорить о переводах, то они чаще всего не отличались высокими достоинствами, несмотря на то, что в 50—60-е годы искусство поэтического перевода в России переживало пору «высокого расцвета».⁶⁴ Лучшие русские переводчики не обращались к славянским литературам. Славянских поэтов и писателей переводить было почти некому.

Не вдаваясь в анализ переводческой деятельности отдельных писателей, отметим лишь, что наиболее активными переводчи-

⁶² См.: Поэзия славян. СПб., 1871.

⁶³ См. их переписку в кн.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905; Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

⁶⁴ А. Федоров. Русские писатели и проблемы перевода. В кн.: Русские писатели о переводе XVIII—XX вв. Изд. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 16.

ками с чешского языка были Н. В. Берг,⁶⁵ М. П. Петровский и Э. Г. Петровская. Бергу принадлежит перевод чешских песен в изданном им сборнике песен разных народов⁶⁶ и большинство поэтических образцов в книге Н. В. Гербеля «Поэзия славян».⁶⁷ М. П. Петровский⁶⁸ в 50-е годы выступил с переводами ряда славянских поэтов в русских журналах, в частности в «Русской беседе», а затем опубликовал их отдельным сборником,⁶⁹ переизданным после его смерти сыном.⁷⁰ В первое издание вошли публиковавшиеся в периодической печати чешские и словацкие народные песни, стихотворения Коллара, Челяковского и Яблонского. После выхода сборника Петровский опубликовал перевод «Тирольских элегий» Карела Гавличка⁷¹ и балладу К. Я. Эрбена «Водяной».⁷² Оба произведения вошли затем во второе издание «Отголосков славянской поэзии». В 80-е годы М. Петровский переводит сатирическую поэму Гавличка «Крещение святого Владимира». «Я почти кончил перевод Владимира Гавличка, — писал он 14 февраля 1887 года Иосифу Коларжу, — и, если буду жив, постараюсь издать его, разумеется за границей».⁷³ Перевод появился в Праге в 1900 году без имени переводчика.⁷⁴ Узнав, что издатель послал экземпляр поэмы кому-то из русских, переводчик писал ему: «„Падение Перуна“ напрасно посылали Вы кому-

⁶⁵ См. о нем: Ю. Д. Левин. Н. В. Гербель и его антология «Поэзия славян». Наст. сб., стр. 107—114.

⁶⁶ Песни разных народов. Пер. Н. Берга. М., 1854, 556 стр. Чешские песни на стр. 97—108, словацкие на стр. 109—120, моравские на стр. 122—130. См. также: Н. В. Берг. Переводы и подражания. СПб., 1860. На стр. 3—60 — чешские песни, на стр. 203—204 — Краледворская рукопись.

⁶⁷ Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под редакцией Н. В. Гербеля. СПб., 1871. Перу Н. В. Берга принадлежат в этом сборнике переводы с чешского Краледворской и Зеленогорской рукописей, чешских народных песен и большинство переводов стихотворений чешских поэтов.

⁶⁸ См. М. Попруженко. М. Н. Петровский. ЖМНП, 1913, № 1, Современная летопись, стр. 24—41.

⁶⁹ М. П. и Э. Г. Петровские. Отголоски славянской поэзии. М., 1861, стр. 123.

⁷⁰ М. Петровский. Отголоски славянской поэзии. Казань, 1913, стр. 212. Издание сопровождается предисловием и комментариями Н. М. Петровского. Об участии М. Петровского в сборнике «Поэзия славян» см. ниже в упомянутой статье Ю. Д. Левина (стр. 114—115).

⁷¹ М. П. и Э. Г. Эрбена. Из Гавличка. Бриксенские элегии в разговоре с луною. День, 23 декабря 1861, № 11, стр. 3—5.

⁷² К. Я. Эрбена. Водяной. Пер. М. Петровского. Русский вестник, 1867, № 4, стр. 818—825.

⁷³ Цит. по статье: Р. Якобсон. О русском переводчике поэмы Гавличка «Крещение св. Владимира» (из переписки М. П. Петровского с И. Коларжем). Центральная Европа, 1931, № 6, стр. 335.

⁷⁴ К. Гавличек. Падение Перуна. Легенда из русской истории. Пер. с чешского. Изд. О. Иванова, Прага, 1900, 55 стр. Под именем О. Иванова укрылся Осип Иванович Коларж. В России поэма была издана лишь после революции. См.: К. Гавличек. Падение Перуна. Легенда из русской истории. Пер. с чешского проф. М. П. Петровского. Казань, 1917, 32 стр.

то. Я вовсе не желал бы, чтобы на Руси читались такие вещи».⁷⁵

Жена М. П. Петровского Эмма Генриховна⁷⁶ сделала достоянием русского читателя почти все прозаические произведения Божены Немцовой и написала статью о ней.⁷⁷ За отсутствием в 60-е годы славянофильского журнала переводы Э. Г. Петровской печатались в «Русском вестнике».⁷⁸ Известно, что этот журнал предъявлял высокие требования к публикуемым в нем художественным произведениям. В нем печатались романы Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и других корифеев русской литературы. Появление на его страницах произведений чешской писательницы было и большой честью для ее памяти, и высокой оценкой ее таланта, хотя это не было триумфальным шествием и сопровождалось некоторыми трудностями, как об этом можно судить по переписке.⁷⁹

⁷⁵ Р. Якобсон. О русском переводчике поэмы Гавличка..., стр. 335.

⁷⁶ К сожалению, мы не располагаем биографическими данными Э. Г. Петровской. Известно лишь, что она некоторое время жила в Праге, куда отправилась вместе с мужем, посланным Казанским университетом для подготовки к профессорской деятельности в качестве преподавателя литературы славянских наречий в 1861 г. В Праге она изучила чешский язык, познакомилась с чешской литературой, а вернувшись в Казань, занялась переводами чешских писателей, преимущественно Божены Немцовой, хотя переводила также Каролину Светлую и др. Состояла членом Московского славянского благотворительного комитета.

⁷⁷ Э. П. Божена Немцова. Биографический очерк. Русский вестник, 1871, № 5, стр. 56—80.

⁷⁸ Бабушка. Картины деревенской жизни (1866, тт. 62, 63); В Шумавских горах (Pohorská vesnice) (1866, тт. 65, 66); Добрый человек (1867, т. 69); Горная идиллия. Из быта словаков (1867, т. 72); У подошвы Керконошских гор (Chudé lidé) (1868, т. 78). В журнале «Заря» в 1870 году был напечатан также перевод рассказа Б. Немцовой «Карла», по-видимому, принадлежащий перу Э. Петровской. Приписанный Э. Петровской Н. Н. Бахтиным в его картотеке, хранящейся в Пушкинском доме, перевод повести Б. Немцовой «В замке и около замка» на самом деле принадлежит ее мужу М. П. Петровскому, о чем свидетельствует приписка Э. Петровской в письме ее мужа к И. Коларжу от 1 июня 1869 г., хранящемся в Литературном музее в Праге. Literární archiv Památníku národního písemnictví, poz. J. Kolářa, sign. 17, п. 65 (далее сокращенно: LAPNP).

⁷⁹ Приводим выдержки из писем М. П. Петровского из Казани к разным лицам: июнь 1865 — А. Патере в Прагу: «„Бабушка“ покоится мирным сном в портфеле переводчицы»; 22 марта 1866 — Н. А. Попову в Москву «С ноября я не имею никаких известий о „Бабушке“ и предполагаю, что, быть может, и Вы забыли о ней, имея ... пропасть дела, — дерзаю напомнить: узнали ли Вы от г. Каткова, что и как ест?» (ГБЛ, Рук. отд., НП, № 16, № 2); 13 мая 1866 — А. Патере: «В „Русском вестнике“ с 3-го номера печатается „Бабушка“. Ваши хлопоты и труды, стало быть, были небезплодны» (LAPNP, poz. A. Patery, sign. 27, g 31); в письме к Алексею Веселовскому от 19 ноября 1868 г. М. Петровский в шутку просит переслать фунт или два рукописей, «завалывшихся в редакции „Русского вестника“», но прежде этого «при случае узнать, просмотрены ли почтенною редакциею „Русского вестника“ нижеследующие товары, выражаясь по-пражски: 1. Божена Немцова. Биографический очерк. 2. В Керконошских горах. Рассказ Б. Немцовой (перевод). 3. Денница. Рассказ Каролины Светлой (перевод), и если эти

Гильфердинг сделал перевод «Тирольских элегий» К. Гавличка в прозе и сопроводил его параллельным чешским текстом в кирилловской транскрипции, а также небольшой вступительной заметкой.⁸⁰

Таким образом, основными переводчиками чешской поэзии в рассматриваемый период являются Н. В. Берг и М. П. Петровский, а чешской прозы — Э. Г. Петровская. Н. В. Берг еще в 40-е годы обратился по совету М. П. Погодина к переводу славянской поэзии на русский язык и тогда же перевел Краледворскую рукопись, не однажды затем переиздававшуюся.⁸¹ В сборник «Песни разных народов» Н. В. Берга вошло четыре чешских песни из сборника К. Я. Эрбена⁸² (*Dar na rozlaučenu, Neštastný milý, Chudoba a láska, Čiperná odpověď*), две моравских заимствованных из сборника Ф. Сушила⁸³ (*Sestra trawička, Žel*) и шесть словацких, взятых из собрания Я. Коллара⁸⁴ (*Nitra, Wyhnanci, Sobieski a Turek, Belehard, Milý w poli. Starý zbojnj*). В статье по поводу сборника Н. Г. Чернышевский между лучшими в эстетическом отношении лирическими песнями, помимо литовских, лужицких, польских, мадьярских, греческих и баскских, приводит чешскую «Ловкий ответ» (*Čiperna odpověď*), моравскую «Печаль» (*Žel*) и две словацких: «Белград» (*Belehrad*) и «Милый в поле» (*Milý w poli*).

Сборник Н. В. Берга предваряет вступительная статья составителя и переводчика, в которой он высказывает свой взгляд на народную песню. Этот взгляд характеризуется обычным для романтиков превознесением народной поэзии по сравнению с письменной литературой и больше всего русской народной поэзии. Чернышевский отмечает вред националистических увлечений и вы-

вещи оказались „неудобными“ к помещению в Вестнике, то усердно прошу Вас взять оные и прислать мне. Правда, сим вещам и сам я не придавал мирового значения, но посылал русскому Вестнику в том чаянии, что они все же в своем роде не хуже „Невесток“ и „Лунных камней“. Если же редакция не отказывается воспользоваться ими когда-нибудь, то пусть покоятся в ее недрах до поры до времени». (ГБЛ, Рук. отд., ф. 80, оп. 1, ед. хр. 171, л. 1).

⁸⁰ См.: А. Гильфердинг. Гавличек. Русское слово, 1860, № 4, стр. 288—289. Перепечатано в кн.: А. Ф. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 237—247.

⁸¹ Краледворская рукопись, собрание древних чешских эпических и лирических песен. Пер. Н. В. Берг. Посвящается С. П. Шевыреву. Московский литературный и ученый сборник, 1846, стр. 219—296; Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен. Пер. Н. Берга. В чешской Праге, 1851, 106 стр.; Polyglotta Kralodvorského Rukopisu, Praha, 1852; Н. В. Берг. Переводы и подражания. Изд. Н. В. Гербеля. СПб., 1860, стр. 3—60.

⁸² См.: Pjsně národnj w Čechách. Sebral K. J. Erben. W Praze, 1842—1843.

⁸³ Morawské narodnj Pjsně. Od F. S. W Brne, 1840.

⁸⁴ Národní zpiewanky čili pjsně světské Slowáků w Uhráh. W Budjňě, 1834—1835.

ражает свою «беспристрастную точку зрения на явления очень интересные и в самом деле увлекательные».⁸⁵ Так как в то время он еще не относился враждебно к славянофилам, то и тон статьи, направленной по существу против националистических увлечений, лишен той полемической остроты, которая появится в антиславянофильских статьях Н. Чернышевского позднее, в годы революционной ситуации, хотя никаких принципиальных уступок здесь славянофилам он не делает. Высоко оценивая сборник в целом как явление радостное и приятное в русской литературе и указывая на умение автора хорошо переводить, Чернышевский обращает внимание на неудовлетворительность отбора материала для переводов. Составитель часто гнался за редкостными песнями и не думал о том, чтобы дать более или менее верное представление о песенном творчестве того или иного народа: «Выбор песен у г. Берга не может достаточно знакомить с духом поэзии того или другого народа».⁸⁶

Упреки в неудовлетворительности выбора произведений для перевода были адресованы другими авторами в еще более острой форме М. Петровскому в рецензиях на его сборник «Отголоски славянской поэзии». Отмечая, что М. Петровский переводит удовлетворительно, рецензент «Отечественных записок» считает, что выбирает произведения для перевода он совершенно неудовлетворительно, «так что невольно думаешь, что он не задавал себе предварительно никакой мысли, а переводил, что первое попадалось под руки».⁸⁷ Еще более резко укоряет его в этом рецензент «Современника». Неужели, — спрашивает он, — в славянской поэзии нет каких-нибудь других, более серьезных мотивов, кроме любви? «Где же выражения тех страданий, которые терпят наши братья по духу и крови; где поэтические стоны, которые невольно вырывались из их истерзанной груди?».⁸⁸

Обращение к самому сборнику «Отголоски славянской поэзии», если отбросить не вполне обоснованные выпады «Современника» против панславизма, которого в сборнике в сущности нет, показывает, что упреки в неудовлетворительности выбора произведений славянских поэтов для перевода в значительной степени справедливы. В самом деле, если в отдельных стихотворениях и песнях и звучат мотивы национального и социального угнетения, то они тонут во множестве других, преимущественно любовных мотивах, несколько не характеризующих ни поэзию славян, ни творчество отдельных поэтов. В особенности это относится к чешской поэзии. Из нее взят один сонет Яна Коллара из «Дочери славы» (XXIV) и не из лучших, затем Ф. Л. Челяковского «Панихида», «Зима»

⁸⁵ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч. в пятнадцати томах, т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 309.

⁸⁶ Там же, стр. 312.

⁸⁷ Отечественные записки, 1862, № 7, отд. II, стр. 121.

⁸⁸ Современник, 1862, № 1, Современное обозрение, стр. 44.

и четыре довольно бесцветных стихотворения Б. Яблонского. И это в то время, когда уже вышел «Букет» К. Я. Эрбена и на литературное поприще выступили молодые поэты, группировавшиеся вокруг альманаха «Май». Четыре народных песни из сборника Эрбена не спасают положения.

Под воздействием ли критики или по другим причинам М. Петровский начинает серьезнее подходить к отбору переводимых произведений и при подготовке второго, неосуществленного издания «Отголосков» включает в него, как указывалось выше, произведения Гавличка, Эрбена и др.⁸⁹ Должно быть, не без влияния мужа Эмма Петровская приступила к переводу творений Божены Немцовой. И каковы бы ни были мотивы, которыми при этом руководствовались переводчики в данном случае, их выбор заслуживает полного одобрения.

К утверждению творчества лучших чешских писателей своего времени — Гавличка, Эрбена и Божены Немцовой — и популяризации их в России М. Петровский приходит не сразу. Да и пропаганда их произведений не всегда согласовалась с его литературными и политическими взглядами. В нем, как и вообще у славянофилов, с коренными консервативными убеждениями как-то совмещались элементы протеста против общественных зол и неурядиц, рядом с враждебностью к революции выступала ненависть к существующим порядкам, к властям предрержащим, как это мы видели на примере И. С. Аксакова и как об этом свидетельствует переписка М. П. Петровского с И. Коларжем.⁹⁰

В статье «Библиографический обзор славянской журналистики в Австрии»,⁹¹ содержащей много познавательного материала, и в корреспонденциях из Праги в газету «День»⁹² М. Петровский критикует национальную партию чехов за ее ориентацию на союз с феодалами и католической церковью, отрицательно относится к австрославизму, ищущему спасения в Габсбургской монархии, благословляет распад Австрии, солидаризируясь в этом с газетой радикального демократа И. В. Фрича «Час», вышедшей в Женеве, правда не упоминая имени Фрича. И вместе с тем автор статьи избегает всего того, что могло бы свидетельствовать о со-

⁸⁹ В письме на имя Алексея Веселовского от 19 ноября 1868 г. Петровский писал, что он уже пять лет назад подготовил второе издание «Отголосков», «да вспомнил судьбу 1-го и оставил все втуне: по крайней мере, при дороговизне дров в Москве хоть первая книжка моих „Отголосков“ составит как-нибудь подспорье в топке г. Щепкину (издателю, — К. Р.). (ГБЛ, Рук. отд., ф. 80, оп. 1, № 171, л. 2). Переводы «Тирольских элегий» были опубликованы в «Дне», а «Водяной» в «Русском вестнике».

⁹⁰ См.: Р. Якобсон. О русском переводчике поэмы Гавличка «Крещение св. Владимира» (из переписки М. П. Петровского с И. Коларжем). Центральная Европа, 1931, № 6.

⁹¹ Русская беседа, 1859, кн. III, Обзорение, стр. 67—100.

⁹² М. Петровский. Письма о Чехии. День, 1861, №№ 22—24, 26, 27, 30.

циальном характере борьбы чехов за свое освобождение, глух к социальным мотивам в чешской литературе, тогда как очень чуток к тем органам чешской печати, которые увлекаются изучением старины, археологией, древним бытом, а не настоящим положением народных масс.

В статье дается анализ деятельности большинства чешских журналов, отмечается их стремление подойти к живым вопросам современности, но самой живой идеей современности для славянофильского публициста является обращение к старине. И потому лучшим журналом чехов, посвященным вопросам литературы и искусства, он считает консервативный орган «Часопис чешского музея» и с удовольствием отмечает тот факт, что в чешских периодических изданиях «старина всегда занимает... почетное место», они стремятся «раскрыть в прошлом основы современного быта»,⁹³ так как современность не может быть уяснена и понята без исследования начал, из которых она выросла. И в познании старины славянами публицист видит лучшее средство для сближения, для взаимопознания друг друга.

Идея славянской народности — вот то, что должно быть содержанием чешской и любой славянской литературы в глазах М. Петровского. И потому на первый план в своей статье он выдвигает в чешской литературе, литературе, давшей уже Гавличка, Эрбена, Немцову, творчество И. К. Тыла, в котором видна «замечательнейшего деятеля на поприще чешской повествовательной литературы», проведившего в своих повестях и романах «мысль о народности», а лучшим его произведением считает один из самых неудачных романов «Последний чех» (1844),⁹⁴ подвергнутый в свое время уничтожающей критике Гавличком за его сентиментально-сусальный патриотизм.⁹⁵

Петровский отрешивается от самого слова «панславизм», «обезображенного», по его словам, всеми комментаторами, и говорит лишь о необходимости научной и литературной взаимности славян, а средством к тому считает взаимопонимание ими друг друга. Но осуждая австрославистскую идею славянской федерации под властью Габсбургов, он не раскрывает своего плана политического устройства славянского мира после распада Габсбургской империи, который приветствует. И удивительное дело. В одном из позднейших писем А. Патере этот правоверный славянофил пишет, что «идей завоевательных ни у кого и никогда на Руси не было», и тут же, впадая в противоречие с самим собой, рекомендует ему книгу Н. Данилевского «Россия и Европа», где именно эти идеи выражены в самой неприкрытой форме.⁹⁶

⁹³ М. Петровский. Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии, Русская беседа, 1859, кн. III, Обозрение, стр. 89.

⁹⁴ Там же, стр. 86.

⁹⁵ См.: Karel Havlíček Borovský. O literatuře. Praha, 1955, str. 40—52.

⁹⁶ LAPNP, poz. A. Patery, sing. 27, g 31.

Для популяризации чешской литературы в России в 50—60-е годы из русских славянофилов больше других потрудился и наиболее полно выразил славянофильский взгляд на нее А. Ф. Гильфердинг (1831—1872). Вопросам чешской литературы отведено много места в его статье «Западные славяне»,⁹⁷ где дана характеристика чешского возрождения вообще и его отдельных деятелей в области литературы, а также охарактеризовано положение чешской литературы в 50-е годы. Им написаны газетный «Обзор чешской литературы за 1859 год»⁹⁸ и статья «Чешская литература» для гербелевской антологии.⁹⁹ Кроме того, вопросов чешской культуры и литературы Гильфердинг касается в «Очерке истории Чехии», написанном в связи с тысячелетием России в 1862 году¹⁰⁰ и в ряде статей и мелких заметок.

Три названные статьи представляют собой связанный внутренним единством цикл работ, дающий целостное представление об истории чешской литературы с точки зрения того идейного течения в русской общественной мысли, каким было славянофильство. В первой статье излагаются методологические принципы, которых придерживается автор при рассмотрении вопросов славянских литератур, в том числе чешской, вторая представляет собой обзор литературных событий одного года и третья является кратким синтетическим очерком литературы чешского народа от ее истоков до конца 60-х годов.

Хотя взятые в целом работы А. Ф. Гильфердинга и уступают по полноте материала и глубине научного анализа чешского исто-

⁹⁷ Русская беседа, 1858, кн. I, стр. 1—64; кн. II, стр. 1—28. Первоначально была опубликована в виде брошюры на французском языке под названием «Les Slaves Occidentaux» (Paris, 1858) — в обоих случаях без имени автора. Перепечатана в собрании сочинений А. Ф. Гильфердинга (1868, т. II, стр. 53—109) под заглавием «Развитие народности у западных славян».

⁹⁸ Санкт-Петербургские ведомости, 22 мая 1860, № 111, стр. 576—577; 26 мая 1860, № 113. После закрытия славянофильской литературной газеты «Парус», со второго ее номера правительство предложило редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» завести у себя славянский отдел и освещать жизнь славянских народностей, не касаясь, впрочем, политических вопросов. В 60-е годы эта газета уделяет много места корреспонденциям из славянских земель, в которых иногда освещаются и литературные события. Ее примеру последовали и другие русские газеты, в частности «Голос» А. Краевского.

⁹⁹ Поэзия славян. СПб., 1871, стр. 327—336.

¹⁰⁰ См.: А. Ф. Гильфердинг, Собр. соч., т. I, СПб., 1868, стр. 343—412. Гильфердинг был большим знатоком чешской литературы и чешского языка, которым владел в совершенстве. В письме к В. Ч. Бендлу от 20 ноября 1856 г. впечатлительная Божена Немцова пишет: «Этот русский господин — мужичок, как из воска, а голосок у него, как у старой девы, но по-чешски говорит прекрасно, лучше чем Божена Немцова», верьте этому». *Božena Němcová. Listy*, II. Praha, 1952, srt. 264.

рико-литературного процесса трудам А. Н. Пыпина,¹⁰¹ но после него, пожалуй, никто другой не уделял столько внимания чешской литературе из русских авторов, если не считать лекционных курсов в университетских аудиториях, излагавшихся профессорами кафедр славянских наречий.

Отличительной чертой литературно-исторической концепции Гильфердинга является рассмотрение литературных явлений в национальном аспекте, в связи с борьбой чешского народа за свое национальное освобождение. «Нет литературы, — пишет он, — которая так мало соответствовала бы идеалу искусства для искусства», как чешская литература, являющаяся «служебным орудием, одним из важнейших, если не самым важным «орудием великой народной мысли».¹⁰²

В народности русский ученый видит источник силы и обаяния чешской литературы. Подчеркивая народный характер чешского возрождения и связанной с ним литературы, он указывает на то, что хранителем чешской народности являются простые земледельцы, люди труда, и вышедшие из их среды сельские священники и учителя.

Идея народности у славян, борющихся за свою национальную свободу, имела демократический и революционный смысл. Но как понимали ее славянофилы? Она подменялась у них племенной, славянской идеей, которая в конце концов оказывалась идеей русской народности, так как славянская идея в представлении славянофилов в наиболее полное и чистом виде воплощалась в русской народности. Так, на русской почве в руках славянофилов идея освобождения западных и южных славян превращалась в свою противоположность, становилась панславизмом.

Все это не высказывалось столь прямолинейно, а облекалось в яркоцветные словесные одеяния, обрастало поэтическими метафорами, где фигурировали и «мощные крылья русского орла», и «свет с востока», и «утренняя заря славянского возрождения» и т. п., но сущность была именно такой. Причем славянофилы чаще всего и не думали, что они заблуждаются, а наоборот, были одушевлены искренней любовью к своим угнетенным братьям и желали им освобождения. Но говоря о свободе, они понимали ее по-своему.

Это было одно из основных противоречий в учении русских славянофилов, которого они не могли разрешить, не порвав с ограниченностью своего классового мировоззрения, не изменив своей классовой природе. Это было реальное противоречие между прогрессивным по своей сущности освободительным дви-

¹⁰¹ См.: К. И. Ровда. Роль О. М. Пипина в історії російсько-чеських літературних зв'язків. В сб.: Слов'янське літературознавство і фольклористика, вып. 2, вид. «Наукова думка», Київ, 1964, стор. 61—70.

¹⁰² А. Г и л ь ф е р д и н г, Собр. соч., т. II, стр. 53.

жением чехов и вообще западных славян и идеологией тесного жизненного помещичьего класса в России. Вот почему русские славянофилы не сближались с чешскими передовыми людьми, с радикальными демократами, а чаще всего сходились с чешскими консерваторами и либералами, да и то не всегда, так как идеология тех и других выростала на различной национальной почве в различных конкретных условиях. Попытками разрешить это противоречие характеризуются и статьи А. Ф. Гильфердинга по вопросам чешской литературы и чешского национального движения.

Вдумываясь в смысл понятия народности у западных славян, Гильфердинг полагает, что они понимают народность ограниченно, односторонне — только как «право каждого племени на свое индивидуальное существование, право быть самими собой, т. е. говорить и писать на своем языке, сохранить свои предания и быть управляемыми как особое племя». Такое понимание он называл формой без содержания.¹⁰³

Чернышевский упрекал самих славянофилов в одностороннем понимании народности и полагал, что искусство должно быть общечеловеческим по содержанию и национальным по форме. Заботиться же о развитии содержания специально принадлежащего тому или иному народу, говорил он, значит ставить «форму выше содержания».¹⁰⁴ Но в то время, как революционный демократ включает в понятие народности общечеловеческое содержание, заботясь о котором «мы в то же время содействуем развитию своих особых»,¹⁰⁵ национальных качеств, славянофил на место общечеловеческого ставит содержание племенное, славянское, а истинно славянским в его представлении является русское — древний русский быт, т. е. опять-таки особенное, а не общее.

Неумение решить теоретический вопрос об общем и особенном как единстве формы и содержания ведет Гильфердинга к неверному решению вопросов литературных взаимоотношений разных — славянских и неславянских — народов. Славяне, рассуждает Гильфердинг, могут проявить литературную самостоятельность в умственном труде человечества лишь в том случае, если будут составлять «один духовный и нравственный организм».¹⁰⁶ На место общечеловеческого он ставит племенное, славянское. И только обратившись туда, говорит он, «где славянские источники уцелели в большей чистоте», западные славяне сольются в «естественном союзе народностей, свободно соединенном между собой общим духом»¹⁰⁷ и добьются самостоятельной роли в мировом литературном развитии.

¹⁰³ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 84.

¹⁰⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, стр. 293.

¹⁰⁵ Там же, стр. 292.

¹⁰⁶ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 86.

¹⁰⁷ Там же, стр. 87.

Где уцелели в чистоте славянские устои? Конечно, в России. Это православие, самодержавие и крестьянский мир. Это начала, которые якобы некогда были принадлежностью всех славян: «поземельная община и мир», отсутствие аристократического принципа в высшем классе, бездоговорные отношения «между верховной властью и обществом», словом, «в своем существе общинно-демократический, с правительством монархическим» своеобразный строй общества, который и для чехов будет «живым родником самобытных общественных начал славянских».¹⁰⁸ Обращение к остаткам общинно-демократического быта славян и к былому у них православию приведет, по мысли Гильфердинга, к расцвету чешской народности и чешской литературы. А до этого «почти все литературные произведения западных славян, в глазах ученого, суть подражания иностранным образцам». Если же чешские писатели хотят быть оригинальными, то оригинальность их заключается «лишь в форме, перенесенной из народной речи и поэзии, тогда как в общем плане создания и в идеях не видно творческой свободы и силы».¹⁰⁹

И тут мы встречаемся с парадоксальным фактом. Будучи горячим поклонником идеи народности и воспринимая чешскую литературу лишь в национальном аспекте, не различая в ней социальных мотивов, Гильфердинг часто не видит национального своеобразия и оригинальности, в особенности там, где чешские поэты обрабатывают заимствованные сюжеты. Преклоняясь перед устным народным творчеством, он, естественно, восхищается Краледворской и Зеленогорской рукописями, видя в них много поэтических достоинств и ставя их очень высоко, как памятники, в которых запечатлена общеславянская старина.¹¹⁰

Вся остальная литература чехов оценивается Гильфердингом невысоко. И это совершенно в духе его славянофильской концепции. Поскольку происходило онемечение чехов, славянский дух исчезал из их поэзии, литература становилась подражательной. С «Ярославом», последней поэмой Краледворской рукописи «мы прощаемся с самобытной поэзией чехов, — пишет он, — и переходим в период подражания».¹¹¹ Такова в его глазах литература XIV века. Лишь в Далимиловой хронике начала

¹⁰⁸ А. Гильфердинг. Несколько замечаний о взгляде западных славян на Россию. День, 3 марта 1862, № 21, стр. 12.

¹⁰⁹ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 86.

¹¹⁰ «Счастливым случаем было то, — писал Гильфердинг, — что именно в эту пору возрождения (в 1819 году) молодой чех, Ганка, открыл в какой-то старой кладовой отрывки древних народных песен красоты неподражаемой, и чешская поэзия, которой до тех пор недоставали оригинальные народные образцы, нашла в них чистый и живой источник вдохновения» (там же, стр. 73).

¹¹¹ А. Гильфердинг. Чешская литература. В кн.: Поэзия славян, стр. 330.

XIV века ученый видит наличие национальной стихии и поэтому находит этот памятник замечательным, так как его автор впервые поставил перед собой сознательную задачу дать «отпор немецкому элементу».¹¹²

Что касается чешских мистерий и рыцарских романов, легенд и других произведений той поры, автор статьи находит всю эту литературу безжизненной и неинтересной. Лишь «Легенда о св. Екатерине» кажется ему более или менее замечательным явлением среди множества произведений той эпохи. Это отмечает он и в статье «Чешская литература» и в предшествовавшем ей «Обзоре чешской литературы за 1859 год». Излагая историю открытия легенды и ее содержание с большими выдержками в русском прозаическом переводе, автор пишет: «Приобретение это для чешской литературы важное: легенда очень хороша; она изложена, как видно, человеком, не лишенным поэтического таланта и позволившим себе свободно развить и украсить церковное сказание. Язык богат словами и оборотами, из которых многие являются у чехов впервые в этом памятнике».¹¹³

Не видит Гильфердинг ничего оригинального ни в «Мастичкаре», ни в сатирических вещах Смилы Фляшки, считая род поэзии, в котором он выступал, «наименее поэтическим из всех».¹¹⁴ Но этот род, по его мнению, более соответствовал тогдашнему настроению, когда начал уже выдвигаться на первый план церковный вопрос, вскоре поглотивший все умственные и общественные силы чехов.

Развитое национальное чувство, казалось бы, должно было обострить внимание исследователя к национальным элементам, которые вносят чешские писатели при усвоении чужих литературных образцов и сюжетов, но предубеждение против иноземного ослепляет его, мешает беспристрастно разобратся в том, что чешский писатель вносит своего, в чем он оригинален и что заимствует. Потому Гильфердинг и ошибается, думая, что вся чешская литература средних веков носит сплошь подражательный характер. Этим его взгляд на чешскую литературу средних веков невыгодно отличается от понимания ее такими представителями демократической мысли, как П. А. Ровинский¹¹⁵ и А. Н. Пыпин,¹¹⁶ которые находят немало черт самобытности и оригинальности и в чешской литературе средних веков. Исходя из иных ме-

¹¹² Там же.

¹¹³ А. Гильфердинг. Обзор чешской литературы за 1859 год. Санкт-Петербургские ведомости, 22 мая 1860, № 11, стр. 576.

¹¹⁴ А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 331.

¹¹⁵ См.: К. И. Ровда. П. А. Ровинский и русско-чешские общественно-литературные связи. В сб.: Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX—нач. XX в. Изд. «Наука», М., 1968.

¹¹⁶ См.: К. И. Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях (50—60-е годы XIX в.). Изд. «Наука», Л., 1968.

тодологических позиций и понимая неизбежность и необходимость литературного взаимодействия национальных литератур, они знали, что в усвоении иноземных литератур и в обработке заимствованных иностранных сюжетов непременно скажется национальность.

В литературе гуситской поры славянофильской критике легче обнаружить национальное своеобразие, так как оно здесь бросается в глаза, а также потому, что содержание самой эпохи кажется ей близким: в ней она ищет отголоски православия. Предвестником этой эпохи А. Гильфердинг справедливо называет Фому Штитного, «замечательнейшего чешского писателя XIV века», который впервые начал писать о богословских и философских предметах на народном языке. Под его пером, по словам русского ученого, «чешская проза достигла с первого разу значительной ясности и точности в передаче отвлеченных понятий, без насилия (чинимого, — К. Р.) духу языка: в этом отношении Штитный может считаться писателем образцовым».¹¹⁷

В понимании гуситского движения и гуситской литературы славянофилы верны своим общим взглядам. Гильфердинг видит в гуситстве социальную революцию, «насильственное и внезапное ниспровержение самим народом существующего в стране общественного порядка».¹¹⁸ «Это была не религиозная только реакция здравого смысла против папского фетишизма, но и социальная революция старославянской демократии против феодальных порядков средневековой Европы и, наконец, народная борьба за существование против насильственной германизации»,¹¹⁹ — пишет А. Будилович. Но Гильфердинг и Будилович на свой лад понимают и социальную революцию, и демократию. У них социальное трактуется как религиозное и национальное, племенное: немцы — аристократы, феодалы и католики, а чехи — демократы и хранители преданий православной церкви. И в конечном счете получается все-таки, что это революция православия против католицизма. Сам Гус, по словам Гильфердинга, «был православный».¹²⁰ А Будилович связывает гуситство с современными ему славянофильскими теориями, противопоставляющими славянство Западу, и пишет, что с Гусом «в первый еще раз выступил славянский мир на борьбу с Европой».¹²¹

Впрочем, в принципе славянофилы против революции. И потому гуситскую эпоху Гильфердинг считает неблагоприятной для художественного творчества. «Поэзия чешская в гуситский период, — пишет он, — ограничивается церковным гимном и воен-

¹¹⁷ А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 331.

¹¹⁸ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. I, стр. 361.

¹¹⁹ А. Будилович. К приезду наших славянских гостей. Голос, 5 мая 1867, № 123.

¹²⁰ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. I, стр. 365.

¹²¹ А. Будилович, ук. соч., там же.

ным маршем». Прозаическая литература «имеет высокое значение историческое, но никакого художественного».¹²² Называя важнейшими писателями той эпохи Яна Гуса, Яна Пршибрама, Яна Рокицану и др., Гильфердинг не останавливается на разборе и оценке их произведений. Не привлекает его внимания и проза Петра Хельчицкого, представляющая собой безусловно крупное и оригинальное явление в чешской литературе, вероятно, потому, что от нее веет духом христианско-плебейского социализма, которому славянофил не сочувствовал.

По теории Гильфердинга, спокойствие, наступившее после гуситских бурь, казалось бы, должно было привести к расцвету литературы, но, оставаясь верным фактам, он не видит расцвета и объясняет это тем, что напряжение сил в предыдущую эпоху так истощило чешский народ, что, «несмотря на досуг, на высокую степень образованности, на ясное сознание народности, творчества в нем уже не было».¹²³ Так называемый золотой век (XVI столетие) не дал ни одного значительного памятника.¹²⁴ Считая революционное время неблагоприятным для художественного творчества, Гильфердинг не смог правильно разобраться в особенностях литературного развития эпохи. Отмечаемый им факт упадка литературы, когда наступило спокойствие, опровергает его же теорию. Но это особый вопрос, который увел бы нас в сторону.

В XVI веке Гильфердинг, не углубляясь в подробности, выделяет таких писателей, как Карел Жеротин и Ян Амос Коменский, — «которые по глубине ума, а последний и по поэтическому таланту, превышали лучших представителей так называемого золотого века».¹²⁵

Корни наступившего национального возрождения, как уже указывалось, Гильфердинг усматривает в народе, к которому относит хлебопашцев, ремесленников, промышленников, мелких чиновников, большую часть учителей и сельских священников.¹²⁶ Деятельность небольшого круга будителей была вызвана «потребностью народного духа» и нашла «в народе всеобщий отголосок».¹²⁷

Отличительными чертами раннего возрождения ученый считает не только развитие идеи народности, но и уяснение связи чехов «с великим славянским миром». Уже с 20-х годов она, по словам ученого, пронизывает «всю литературу чешскую». «Ее первый, — пишет он, — провозгласил Коллар в восторженной поэме своей „Дочь Славы“ и потом развил в сочинении „О литературной

¹²² А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 332.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, стр. 333.

¹²⁶ См.: А. Гильфердинг. Обзор чешской литературы за 1859 год. Санкт-Петербургские ведомости, 26 мая 1860, № 113, стр. 589.

¹²⁷ Там же.

взаимности между племенами и наречиями славянского народа“ (1837)». ¹²⁸

С большим воодушевлением говорит А. Гильфердинг о значении Яна Коллара в национальном возрождении славян. Он «впервые заговорил» об «умственной и нравственной общности и взаимности» славян. «Он сказал, что славянские народы составляют одну семью, что они должны давать друг другу нравственную опору и что их литература и их ученые труды должны восполнять друг друга взаимным обменом мысли». ¹²⁹

Объем статей не позволял Гильфердингу давать развернутые характеристики крупных поэтов чешского возрождения, но анализ поэмы Яна Коллара мы находим в его неопубликованном студенческом сочинении, написанном в то время, когда он изучал славянские литературы в Московском университете под руководством О. М. Бодянского. ¹³⁰

Мы не склонны рассматривать студенческое сочинение А. Гильфердинга как произведение зрелого ума. Судя по всему, оно было написано в ту пору, когда у него еще не выработались те убеждения, каких он придерживался позднее и не установились твердые эстетические понятия. Вот почему в анализе поэмы, воспевающей славянское единство, нет восторженного отношения к ней будущего славянофила. Молодой критик находит в ней много недостатков и осуждает смешение двух родов — эпического и лирического, а также неуместную, с его точки зрения, форму сонета, избранную Колларом, не видя того, что в сочетании этих компонентов и состоит своеобразие и оригинальность поэмы. ¹³¹ Но с некоторыми замечаниями критика нельзя не согласиться. Действительно, произведению Коллара местами присущи прозаизмы, напыщенность и холодность. ¹³²

Однако поэма, по словам автора сочинения, «богата и другими местами, истинно прекрасными, согретыми неподдельным поэтическим огнем». Эти места «многочисленностью своею, — пишет Гильфердинг, — покрывают. . . многие важные ошибки». ¹³³ Правда, этих достоинств недостаточно, чтобы поставить поэму Коллара «наряду с бессмертными поэтическими творениями, составляющими вершину поэтического развития у других народов», ¹³⁴ и молодой критик окончательное суждение по поводу

¹²⁸ А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 335.

¹²⁹ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 74.

¹³⁰ Разбор «Дочери Славы» — поэмы Коллара. Составил А. Гильфердинг, студент 3-го курса историко-филологического факультета. ГБЛ, Рук. отд., ф. 178, музейное собрание, № 3002.

¹³¹ А. Н. Пыпин писал, что «по одной форме своей это произведение было огромным успехом молодой литературы». См.: А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 168.

¹³² Разбор «Дочери Славы», л. 24.

¹³³ Там же, л. 24—25.

¹³⁴ Там же, л. 25.

поэмы оставляет вынести потомкам, что же касается значения ее для чешской и словацкой поэзии, то нельзя не согласиться с ним, что она действительно имела «необыкновенную важность»¹³⁵ и, как показали новейшие исследования, оказала влияние на всех славян.¹³⁶

Называя имена крупнейших деятелей чешского возрождения — Юнгмана, Челяковского, Палацкого, Ганку, Пуркине, Шафарика и Пресла и отмечая быстроту, с какой в Чехии «возникла целая литература»,¹³⁷ оказавшая влияние на все славянство, русский ученый пишет, что новое поколение, которое готовилось заступить место этих деятелей, «было далеко ниже их в отношении к таланту и особенно по энергии», что на смену этим сильным мыслителям шло «поколение переводчиков и журналистов». И даже в произведениях чешских «знаменитых писателей» при превосходной аналитической учености Гильфердинг замечал «почти совершенное отсутствие синтетического творчества».

Что под этим он понимал? Изучая до мельчайших подробностей язык, историю, народную поэзию и предания чехов и других славян, эти крупные деятели возрождения, по словам русского ученого, «теряли из виду вопросы жизненные, общественные и религиозные начала этих народов, причины их развития и падения».¹³⁸ О подобном синтетическом труде по истории славянских народов мечтал он сам.¹³⁹ Гильфердинг пытался разобраться в причинах поражения славянских народов в период революции 1848 года в статье «Развитие народности у западных славян», где ставятся важнейшие вопросы развития славянских народностей и славянских литератур. С горьким чувством говорит он о том, как славяне спасли от падения Габсбургскую династию, которую сами ненавидели, как чехи в лице таких руководителей, как Ф. Палацкий, «дали ей первую нравственную опору», когда все «обратилось против нее».¹⁴⁰

Хотя Гильфердинг и отрицает революционные методы борьбы, но он верит, что «уроки прожитых годов» будут поняты чехами и что источник силы их в борьбе за свое освобождение — в «народной жизни, еще не иссякшей в их деревнях». И как бы ни отрывались от народного дела люди из высших классов, все более и более «будет выступать на сцену жизни масса простонародья, с ее неискаженным характером, с ее духом, свободным от чужих

¹³⁵ Там же, л. 26.

¹³⁶ См.: А. А. Зайцева. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX века. В сб.: Литература славянских народов, вып. 8, Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 99—141.

¹³⁷ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 75.

¹³⁸ Там же, стр. 76.

¹³⁹ К. Бестужев-Рюмин. Биография и характеристики, СПб., 1882, стр. 354—358.

¹⁴⁰ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 89.

влиятельный». Семнадцать миллионов славян, говорит он, не уничтожить. «Масса не поддастся на приманку должностей, не устрасится преследований. . .».¹⁴¹

Эта вера в народ, в его стойкость и мужество в борьбе за национальное освобождение при всех теоретических ошибках и заблуждениях Гильфердинга позволяла ему надеяться на то, что придет время, когда чехи действительно будут свободны. «Чешская народность, которую 50 лет тому назад, — писал он, — лучший ее представитель Добровский считал умершей, стала политической силою, с которою начинают считаться, а со временем будут считаться еще более».¹⁴² В стойкости и мужестве народа видит русский ученый и залог развития чешской литературы.

Из периода возрождения Гильфердинг называет поэтов старшего поколения — И. К. Хмеленского, Я. Лангера, Я. П. Коубека, И. В. Камарита, К. Винаржицкого, а из младших — К. Г. Маху, Б. Яблонского, В. Б. Небеского, Д. М. Вилани, В. Штульца, В. Фурха, драматургов — В. К. Клишперу, И. К. Тыла, Ф. Б. Миковца, прозаиков — того же И. К. Тыла, М. Хохолоушека, А. Марека, К. Сабину и Божену Немцову. Оставляясь верным односторонне понятой им народности, Гильфердинг воспринимает литературу этого периода как единый поток, и это отличает его от представителей русской демократической мысли, таких как Н. Г. Чернышевский, П. А. Ровинский, А. Н. Пыпин. Он пишет об указанных чешских писателях: «Их одушевляло одно стремление — будить в чешском народе самосознание и славянское чувство». Но в то время они действительно выступали все, воодушевленные этой идеей. Социальные мотивы у них если и были, то звучали приглушенно. Правда, вся эта литература, по словам Гильфердинга, «не произвела ни одного первоклассного художественного творения», но зато «принесла огромную практическую пользу».¹⁴³

Действительно, если исключить отсюда Ф. Л. Челяковского, которого ученый относит к 20-м годам, и иметь в виду, что «Бабушка» Б. Немцовой появится в 50-е годы, то Гильфердинг был бы близок к истине, если бы не Маха. И удивительно, что из всех названных поэтов славянофильский критик выше всех по художественным достоинствам ставит именно его. Хотя произведения Махи и «не служили общей патриотической цели, а имели чисто субъективный характер», но Маха «художественными достоинствами превышал многих популярнейших тогда поэтов».¹⁴⁴

Удивляясь стойкости чешской литературы в период баховской реакции, Гильфердинг все-таки вынужден отметить, что если бы мы захотели отыскать какое-нибудь направление «в этой обедне-

¹⁴¹ Там же, стр. 109.

¹⁴² А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 336.

¹⁴³ Там же, стр. 335.

¹⁴⁴ Там же.

лой и забытой в колодки литературе», то заметили бы «преимущественно старание обнаружить те остатки древнего славянского быта, какие еще хранятся в чешских селах, и распространить между чехами знакомство с другими славянскими наречиями, в особенности с церковнославянским и русским».¹⁴⁵ Несмотря на то что его славянофильской душе все это было близко, нельзя не уловить в нем некоторого оттенка грусти по поводу того, что литература не может затрагивать современные жизненные вопросы.

И все же Гильфердинг не мог не заметить в эту глухую пору чешской жизни и чешской литературы таких ярких талантов, как Карел Гавличек (1821—1856), К. Я. Эрбен (1811—1870) и Божена Немцова (1820—1862). К ним он проявил особенное внимание, выразившееся по-разному. Помимо упоминания о них в статьях, он, как указывалось выше, переводит «Тирольские элегии» Гавличка, написанные в заточении, и дает вступительную заметку к переводу, об Эрбене пишет в примечании к его статье, опубликованной в «Русской беседе» (1857, IV), а Божену Немцову пытается привлечь к сотрудничеству в том же журнале.¹⁴⁶ С Эрбеном был он в постоянной переписке.¹⁴⁷

Разумеется, славянофильское мировоззрение сказалось на отношении Гильфердинга и к этим писателям. Он не вполне постигает все значение Гавличка для чешской литературы как сатирика. Для него это прежде всего «самый деятельный, самый влиятельный и популярный представитель славянских идей»,¹⁴⁸ создатель политической литературы, поэтические произведения которого отличаются «необыкновенным остроумием».¹⁴⁹ В своей заметке, предваряющей перевод «Тирольских элегий», Гильфердинг на одной страничке создает скорбный образ писателя, обманутого в своем доверии к австрийским властям. Гавличка он характеризует как «одного из замечательнейших деятелей чешских в последнее время», как редактора лучшей чешской газеты («Народни новины») в 1848 и 1849 годах, оказывавшего через нее «великое и благотворное влияние на своих соотечественников». Принадлежа всей душой делу возрождения славянской народности, Гавличек, по словам Гильфердинга, не видел при тогдеш-

¹⁴⁵ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 98.

¹⁴⁶ См.: Т. С. Карская. Божена Немцова и русская славянофильская пресса. Наст. сб., стр. 71—77.

¹⁴⁷ См.: К. И. Ровда. Эрбен и русско-чешские литературные связи. В сб.: Из истории русско-славянских литературных связей, Изд. АН СССР, М.—Л., 1963. С нетерпением ожидаем издания подготовленной проф. Йосифом Ирасеком (Чехословакия, Брно) переписки Эрбена с славянскими культурными деятелями, которая даст много нового материала и на затронутую в нашей статье тему.

¹⁴⁸ А. Гильфердинг. Развитие народности у западных славян, стр. 95.

¹⁴⁹ А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 336.

них обстоятельствах для чехов другого спасения от натиска германизма, как «в тесном союзе с австрийским правительством, обещавшим покровительство и равноправность всем народностям в своей державе».¹⁵⁰ Оказавший этому правительству важные услуги, он был схвачен и заточен в крепость Бриксен в Тироле, где и написал свои ядовитые «Тирольские элегии». Их Гильфердинг сделал достоянием русского читателя. В русском переводе они появились раньше, чем в самой Чехии, где были опубликованы лишь в 1861 году в журнале Яна Неруды «Obrazu života» с пропусками. Опубликованный в «Светоче» (1860, № 8) свой стихотворный перевод «Тирольских элегий» Дм. Минаев, вероятно, воспользовался прозаическим переводом Гильфердинга.

Из всех чешских поэтов эстетическим вкусам и воззрениям славянофильского критика больше всего отвечает талант К. Я. Эрбена. Хотя в общих статьях по чешской литературе он и не выделяет его среди других поэтов, зато в заметке к статье Эрбена о славянской мифологии дает ему высокую оценку. Он говорит о нем, как об «одном из лучших представителей чешской словесности и науки», имя которого, как он полагает, знакомо многим читателям «Русской беседы». Относя его деятельность к «новому умственному движению» чехов, Гильфердинг отмечает чрезвычайное многообразие дарований Эрбена: поэт, исследователь народной старины, трудолюбивый издатель исторических документов и т. д.

Главное достоинство Эрбена как ученого и поэта русский славист видит в народности, в связи его поэзии и научной деятельности с народной песней. Среди множества самых разнообразных занятий Эрбена «любимым его предметом, — пишет Гильфердинг, — оставалась всегда народная поэзия, в связи с народными обычаями, поверьями, сказаниями», что проявилось не только в изданном им сборнике «Чешских народных песен», но и «в оригинальных его стихотворениях, где постоянно слышится отголосок сельских песен и преданий» и потому его стихи в оценке Гильфердинга, который сам был влюблен в народную поэзию и был ее неустанным собирателем, являются «украшением новой чешской поэзии». Ни об одном из других чешских поэтов он не высказывался с таким участием и с такой теплотой.¹⁵¹

Столь же высоко оценивает Эрбена как поэта и другой славянофильский критик. «Карел Яромир Эрбен, — пишет А. Будилевич, — „витечны списователь“, замечательный чешский писатель, очень разносторонний, необыкновенно деятельный и неутомимый, историк, археолог, палеограф, юрист, архивариус, библиотекарь и ко всему этому еще один из наиболее крупных поэтических талантов». Характеризуя чешскую поэзию периода баховской реакции

¹⁵⁰ А. Гильфердинг, Собр. соч., т. II, стр. 238.

¹⁵¹ А. Б. К приезду наших славянских гостей, Голос, 3 мая, 1867, № 121.

(50-е годы), Будилович пишет: «Может быть, единственным свежим и высокопоэтическим произведением этого времени является „Кытице“ («Венок») нашего Эрбена», который, занимаясь разными предметами, «отводил душу в поэтическом созерцании прошлого и будущего „све миле власти“ (отечества). Его баллады по свежести колорита, энергии выражения и оригинальности замысла принадлежат к числу лучших в чешской литературе».¹⁵²

«Обзор чешской литературы за 1859 год», появившийся в мае 1860 года в «Санкт-Петербургских ведомостях», когда в Чехии наметился уже перелом в общественной жизни после поражения Австрии в итальянской войне (1859), носит следы уже начавшихся в чешском обществе перемен. Гильфердинг пишет, что наряду с литературными деятелями старшего поколения, «возродившими в Чехии народное сознание и народное слово», на литературном поприще появилось «множество молодых писателей», деятельность которых он и характеризует.

Русский читатель узнает из «Обзора» о выходе нового романа в стихах Г. Пфлегера-Моравского «Пан Вышинский», об издании Витезславом Галеком стихотворений и «беллетристического альманаха» «Май», о выходе в свет новых стихотворений Адольфа Гейдука, романа Карела Сабины «Ярослава» и др. Ян Неруда фигурирует в «Обзоре» как издатель «небольшого литературного сборника» «Картины жизни» (Obrazy života). Здесь Гильфердинг называет издававшиеся в Праге литературные журналы «Люмир», «Ясонь», «Гонец из Праги» (Posel z Prahy), сообщает об издании сочинений Я. Рубеша, К. Г. Махи, Я. Лангера, И. К. Тыла, Я. П. Коубека, В. К. Клипперы и т. п., об интенсивной переводческой деятельности, в частности о переводах русской литературы, которая, как писал автор, «сильно занимает чехов», хотя знакомство с ней ограничено недостаточностью литературных и книгопродавческих связей. Автор указывает на переводы В. Ч. Бендла из Пушкина, Я. С. Томичка из Тургенева, Эм. Вавры из Лермонтова.

Это было свежо, интересно и ново: многие имена звучали для русского уха впервые.

Гильфердинг отмечает, что новое поколение писателей уже не может удовлетвориться «излияниями поэтического энтузиазма», в духе прежнего «властенецтва», что оно рвется к политической деятельности, «ему нужны вопросы политические», но «путь к подобной деятельности закрыт»,¹⁵³ и потому оно ограничивается «популяризацией идеи народности, распространением ее в массах».

Эту деятельность Гильфердинг считает главной. Он не выдвигает перед чешской литературой необходимости политической борьбы, как это делает А. Н. Пыпин.¹⁵⁴ Понимая так задачи

¹⁵² Там же, 13 мая 1867, № 131. О связях Эрбена с славянофилами см.: К. И. Ровда. Эрбен и русско-чешские литературные связи, стр. 23—57.

¹⁵³ Санкт-Петербургские ведомости, 22 мая 1860, № 111, стр. 588.

¹⁵⁴ См.: А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 261.

чешской литературы, Гильфердинг сближается с консервативными деятелями чешской литературы, которые снова, как и в предыдущую эпоху, выдвигали на первый план «идею просвещения, а не требовали демократического преобразования общества».¹⁵⁵ Стоя на славянофильских позициях, Гильфердинг не видел новых веяний в чешской литературе, не ощутил ее вторжения в социальную тематику. Это не согласовалось с его понятием народности. Сами чешские писатели понимали уже идею народности шире, чем славянофилы. Об этом свидетельствуют статьи Яна Неруды¹⁵⁶ и Карела Сабины.¹⁵⁷ Они вкладывали в понятие народности социальное содержание, поэтизировали социальный протест масс.

Сдержанность Гильфердинга в оценке чешской литературы, исходящая из того, что последняя не была в его представлении достаточно проникнута славянской идеей, не находится в противоречии с подобной оценкой славянофилами русской литературы. Но он все же предугадывал, что потомки могут оценить литературу чешского возрождения по-иному: «Быть может, — писал он, — когда-нибудь скажут, что и литература чешская при всей тесноте ее круга совершила дело всемирно-исторического значения. Она воскресила целый народ славянский в середине Западной Европы».¹⁵⁸

6.

Пропаганда чешской литературы в России — это лишь одна сторона деятельности славянофилов в русско-чешских литературных связях. Другой стороной этой деятельности является пропаганда русской литературы в чешском обществе. Не имея возможности рассказать в данной статье подробно о роли славянофилов в распространении сведений о русской литературе и о популяризации ее произведений в Чехии, мы, опираясь на факты, укажем лишь на общий характер этой деятельности и на основную тенденцию, которая проявилась в ней.

Славянофилы в своих сношениях с чехами много делали для продвижения русской книги в чешскую читательскую среду. Они отправляли посылки с книгами (иногда это были целые ящики с литературой, предназначавшейся для славянских друзей), рекомендовали книги для перевода на чешский язык, писали о русской литературе в чешской прессе и в частных письмах. Так как непосредственные книгопродавческие связи между чехами и русскими в то время почти отсутствовали, то для пересылки книг славянам

¹⁵⁵ А. П. Соловьева. Литература 50—80-х годов. В кн.: Очерки чешской литературы XIX—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 108.

¹⁵⁶ См. статью. «Nupí», опубликованную в журнале «Obrazy Života» в 1859 году в кн.: Jan Neruda. O umění. Praha, 1950, str. 19—25.

¹⁵⁷ Karel Sabin a. O literatuře. Praha, 1953.

¹⁵⁸ А. Гильфердинг. Чешская литература, стр. 336.

использовались всевозможные оказии. Этим в особенности много занимался служивший в Министерстве иностранных дел в Петербурге А. Ф. Гильфердинг, пересылавший книги для славян через венское посольство. Посредником в этом деле был упоминавшийся уже священник посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский.¹⁵⁹

В письме от 6 августа 1861 г. к М. Ф. Раевскому И. С. Аксаков пишет, что посылает с М. П. Петровским, отправляющимся в Вену, книги для западных и южных славян. В списке числится более 60 томов разных названий книг, предназначавшихся для русинов, сербов и чехов. Что это за книги? Среди них, помимо трудов Бантыша-Каменского и Маркевича по истории Украины, сочинения Пушкина, Гоголя, Хомякова, Языкова, Вл. Даля, Марка Вовчка, песни, собранные Киреевским, Евангелие в русском переводе, «История русской словесности» С. Шевырева, «Записки Южной Руси» П. Кулиша.¹⁶⁰ Посылалось множество экземпляров газеты «День».¹⁶¹

В письмах Н. В. Берга на имя В. Ганки, извлечения из которых печатались в чешских журналах «Люмир» и «Часопис чешского музея», дается информация о русской культурной жизни 50-х годов: пожар Большого театра в Москве, годовщина Московского университета, смерть писателей Н. В. Гоголя, М. Н. Заголкина, В. А. Вонлярлярского, художника П. А. Федотова, гастроли французской трагической актрисы Рашели, литературная деятельность графини Растопчиной и других русских писателей, оборона Севастополя — вот темы корреспонденций Н. В. Берга. Смерти Гоголя он посвятил стихотворение «Над гробом Гоголя», которое было сначала помещено в «Москвитяине» (1852, № 8, кн. 2), а затем в чешском переводе В. Ганки в журнале «Люмир» (1852, № 1, стр. 29).

Особым вниманием в корреспонденциях Н. В. Берга пользовался А. Н. Островский. Но сообщения русского корреспондента были довольно поверхностны и односторонни, славянофильские пристрастия в них сказывались очень явно. Называя И. С. Тургенева как автора «прекрасных полуохотничьих рассказов» и Григорovichа, известного своими романами и рассказами «Антон Горемыка», «Бобыль» и др., Берг и ограничивается лишь этими именами петербургских писателей. Зато все внимание сосредоточивает он на близких сердцу славянофилов москвичих: Островском, Писемском, Б. Алмазове. Из критиков Берг на первое место ставит Тertia Филиппова, Ап. Григорьева и Эдельсона, видя в них надежду будущего русской литературы. С симпатией пишет

¹⁵⁹ См. о нем: Раевский Михаил Федорович. Русский биографический словарь. Притвиц—Рейс, СПб., 1910, стр. 396—397.

¹⁶⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть вторая. Том четвертый. СПб., 1896, стр. 63—64.

¹⁶¹ Там же, стр. 69.

он о журнале славянофилов «Москвитянин», который будто бы «пошел в гору и с каждым днем приобретает более расположения».¹⁶²

Естественно, что в письмах М. П. Петровского 60-х годов и более поздних список рекомендуемых русских писателей значительно расширяется за счет выдающихся мастеров русского слова и рядом с уже известными по письмам Берга именами Островского, Писемского и Тургенева появляются имена Льва Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, А. К. Толстого и др. Но славянофильская тенденциозность и тут проявляется в том, что рядом с действительно крупными достижениями русского реалистического романа здесь пропагандируются произведения какой-нибудь Кохановской и антинигилистические романы Вс. Крестовского и Н. Лескова.

Нельзя согласиться с Р. Якобсоном, когда он приписывает М. П. Петровскому провинциализм вкусов и делает его поклонником романов М. Н. Загоскина,¹⁶³ забывая, что тот восхищался вместе с тем произведениями русских писателей, действительно выдающимися. Об «Обрыве» и «Войне и мире» он писал 23 марта 1871 г. Иосифу Коларжу: «Это капитальнейшие европейские произведения. Впрочем, в европейской литературе я не нахожу равных с ними».¹⁶⁴ Еще ранее, характеризуя тот же роман Гончарова, Петровский писал: «Объективность, весьма редко встречающаяся в европейской литературе, полнейшее самообладание таланта и интерес рассказа. Это последнее произведение Гончарова „Обрыв“ лучше „Обломова“! Этой характеристики совершенно достаточно!!!».¹⁶⁵

13 мая 1866 г. М. П. Петровский пишет А. Патере: «Вы спрашиваете о романе Достоевского „Преступление и наказание? Он очень хорош, но неизвестно, понравится ли Вашей читающей публике! Если ей не нравится „Oblokov“ и если она восхищается „Srnožlut“ Мейснера, то „Преступление и наказание“ — этот прекраснейший психологический этюд не должен нравиться Вашим читателям».¹⁶⁶ Позднее он рекомендует этот роман чешскому читателю безусловно.¹⁶⁷ Вместе с выдающимися явлениями русской литературы Петровский хвалит и «исторические представления Чаева»,¹⁶⁸ писателя заурядного, а «для знакомства с русским панурговым стадом», как он называет передовую молодежь, рекомендует перевести романы Вс. Крестовского «Панургово стадо» и роман А. Стебницкого (Н. Лескова) «Некуда».¹⁶⁹

¹⁶² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр. 55—64.

¹⁶³ Р. Якобсон. О русском переводчике поэмы Гавличка..., стр. 329.

¹⁶⁴ LAPNP, poz. J. Kolářa, sign. 17 p 65.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ LAPNP, poz. A. Patery, sign. 27, g 31.

¹⁶⁷ Там же, письмо от 4 марта 1872 г.

¹⁶⁸ Там же, письмо от июля 1865 г.

¹⁶⁹ Там же, письмо от 4 марта 1872 г.

М. П. Петровский брюзжал по поводу реформ и говорил о застое русской литературы,¹⁷⁰ но в своих письмах рекомендовал многие произведения русских писателей, которые действительно заслуживали внимания чешских читателей и перевода на чешский язык. Несмотря на то что славянофилы неправильно ориентировали чешскую культурную среду в русском историко-литературном процессе, их пропагандистскую деятельность в отношении русской литературы нельзя не считать полезной, хотя деятельность такого пропагандиста ее, как А. Н. Пыпин, была более последовательной и ценной.¹⁷¹

Затронутый нами вопрос о роли славянофилов в истории русско-чешских литературных связей в 50—60-е годы XIX века представляет собой лишь один из аспектов изучения русско-славянских литературных отношений XIX века вообще, обычно не привлекающих внимания наших исследователей.¹⁷² А между тем без его изучения невозможно воссоздать правильную картину развития литературных взаимосвязей между русским и другими славянскими и неславянскими народами.

Разумеется, славянофильская идеология, взятая в целом, не является в истории русской общественной и эстетической мысли тем наследием, на которое мы опираемся. Но для нас должно быть ясно, что «лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ними и другими обществами» может служить опорой для правильного понимания всей проблемы.¹⁷³

50—60-е годы в истории европейского общества имеют особое значение, и нам кажется ограничение нашей темы этим периодом вполне оправданным. Это было время, когда на Западе умирала буржуазная революционность и на арену истории выступал пролетариат как новая творческая сила, а на востоке и юго-востоке Европы поднимались национально-освободительные и социальные движения. Период с 1848 по 1871 год поэтому В. И. Ленин называет «периодом бурь и революций».¹⁷⁴ Национальные движения

¹⁷⁰ 4 марта 1872 г. М. Петровский писал А. Патере: «В литературе нашей — застой. Если славянам в литературной деятельности вредит (мешает) политика, то у нас на Руси внутренняя жизнь, непрерывные реформы и реализм массы (лучше сказать, утилитаризм) тоже подрывают спокойствие духа, без которого невозможно истинное творчество». Там же.

¹⁷¹ См.: К. И. Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. (50—60-е годы XIX в.). Изд. «Наука», Л., 1968.

¹⁷² В книге чешского исследователя Йозефа Ирасека «*Rusko a my*» (Прага, 1946, d. 2, str. 53—67) рассматривается лишь политическая сторона вопроса, но его исследование и в методологическом отношении не может удовлетворить нас.

¹⁷³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

¹⁷⁴ Там же, т. 18, стр. 545.

на юго-востоке (итальянцы, мадьяры, сербы, болгары), в центре (чехи) и на востоке (словаки, поляки), а также освободительное движение в России были новым явлением в европейской жизни, оказавшим влияние на будущие судьбы человечества. Славянский мир величественно вступал в мировую историю.

Проблема славянства и будущее европейского общества занимала умы широких общественных кругов и в России, и в Западной Европе.¹⁷⁵ Русские революционные демократы в лице Герцена предрекают великую будущность славянству в союзе с революционными силами Европы.¹⁷⁶ Славянофилы полагают, что западноевропейская цивилизация исчерпала себя до дна и будущее принадлежит исключительно славянам во главе с Россией. Отсюда вытекали различия в постановке славянского вопроса и вопроса о славянских литературах у революционных демократов и славянофилов.

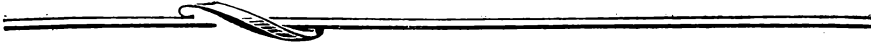
Славянофилы занимались славянскими проблемами больше, чем представители других общественных течений в России. Это определялось самой сущностью их доктрины. Но внутренняя противоречивость этой доктрины ограничивала их возможности в постановке и решении вопросов национально-освободительного движения славян и славянских литератур на широкой основе европейского прогресса. Это отразилось и на их роли в русско-чешских литературных отношениях. Игнорирование славянофилами социальной проблематики при рассмотрении литературных явлений мешало глубокому пониманию ими идейно-эстетической сущности и русской, и чешской литератур, а их панславистские устремления не содействовали укреплению литературных отношений между двумя народами, наоборот, вносили в эти отношения несогласия и недоразумения.

Несмотря на это, в деятельности славянофилов нельзя не отметить и того, что содействовало развитию литературных взаимосвязей между Россией и Чехией. Славянофилы пропагандировали в русской культурной среде именно тех писателей, которые были наиболее талантливыми представителями чешской литературы, как Коллар, Челяковский, Маха, Гавличек, Божена Немцова, а в чешской читательской среде — наряду с славянофильскими поэтами Хомяковым, Языковым и близкими славянофилам другими русскими писателями — лучших представителей русской реалистической прозы — Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевского и др., хотя и не могли вполне оценить по своим эстетическим воззрениям их истинного значения.

Эта сторона деятельности русских славянофилов должна быть изучена и оценена положительно.

¹⁷⁵ См.: Йосеф Колейка, ук. соч., стр. 36—72.

¹⁷⁶ См.: З. В. Першина. А. И. Герцен и славянский вопрос. Киев, 1953.

Т. С. Карская

БОЖЕНА НЕМЦОВА И СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ПРЕССА

Вопрос об участии Божены Немцовой в русских периодических изданиях с некоторых пор привлекает к себе внимание исследователей как один из вопросов, связанных с отношением Немцовой к русской культуре в целом и с ее взглядами на развитие дружбы и сотрудничества между славянскими народами.¹ Предположения, высказанные относительно характера и форм этого участия, соответствуют истинному положению дел лишь в самых общих чертах, так как не имеют прочной документальной основы. В настоящей статье рассматривается один из аспектов этой проблемы — связь Немцовой со славянофильскими изданиями — на основании забытых и неиспользованных материалов.

Русские славянофилы проявляли живой интерес к творчеству чешской писательницы, предполагая публиковать ее произведения в своих изданиях. Шла навстречу и Немцова. Свято исповедуя идею славянской взаимности и веря в то, что при данных условиях единства славян «можно достичь только при помощи литературы»,² она имела твердое намерение писать этнографические очерки для русских журналов — реальным для нее было в то время лишь сотрудничество в славянофильской печати — для ознакомления русских с их западными братьями — чехами и словаками. Однако обстоятельства для такого сотрудничества сложились неблагоприятно как для самой писательницы, так и для тех изданий — журнала «Русская беседа» и газеты «Парус», в которых эти материалы должны были быть напечатаны. Тем не менее — и это необходимо подчеркнуть — популяризация имени и произведе-

¹ T. S. Karská. Božena Němcová a ruští čtenáři. Praha—Moskva. XII, Praha, 1962, č. 9; Z. Urban. Vztah Boženy Němcové k Rusku a ruské literatuře. Bull. ústavu ruského jazyka a literatury, VII, Praha, 1963.

² Božena Němcová, Spisy, Sv. třináctý, Knihovna klasiků. Praha, 1952, Listy, II, str. 176. (В дальнейшем: Listy). Из письма Немцовой А. Сладковичу от 20 февраля 1856 г.

дений Немцовой во второй половине 60-х и в начале 70-х годов на страницах журнала «Русский вестник» является непосредственным следствием интереса, проявленного славянофилами к замечательной чешской писательнице десятилетием раньше.

В истории взаимоотношений Немцовой со славянофилами можно различить два этапа. Первый относится к 1855—1856 годам, когда А. Ф. Гильфердинг, молодой, но уже получивший известность в ученом мире славист, несколько раз наезжал в Прагу. Помимо изучения общественной и научной жизни западных славян и налаживания личных связей с деятелями чешской науки и культуры,³ он ставил перед собой задачи, связанные с изданием славянофильского журнала «Русская беседа». Непосредственным организатором материалов был в Праге В. Ганка, поддерживавший постоянную связь с доверенным лицом «Русской беседы» — настоятелем церкви русского посольства в Вене М. Ф. Раевским.

Гильфердинг впервые посетил Прагу в сентябре 1855 года и вскоре стал здесь своим человеком.⁴ Он был в курсе научных и литературных дел, многое знал и о личной жизни виднейших представителей чешской творческой интеллигенции в трудную для нее пору, когда, как он сам говорил в одном из писем И. И. Срезневскому, в этой среде господствующим настроением было «большое уныние, великое неудовольствие».⁵ Гильфердинг — истый славянофил — был полон сочувствия к чехам, как и ко всем славянам, и искренне стремился к деятельности в их пользу, которая мыслилась им прежде всего в формах широкого знакомства русских с жизнью и культурой западных братьев по крови, не исключалось при этом и оказание реальной помощи отдельным представителям этой культуры.⁶

³ Гильфердинг в числе прочего намеревался «собрать сведения для сообщения, может быть и нашим читателям, чего-либо о литературе этих господ». (Документы к истории славяноведения в России. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 5; письмо Гильфердинга к Срезневскому от 3 (15) сентября 1855 г.). Свой замысел ученый осуществил в статье «Западные славяне», напечатанной в «Русской беседе» как перевод анонимной французской брошюры «Les Slaves occidentaux» (1858, кн. IV). Эта статья вошла в т. II «Собрания сочинений А. Гильфердинга» (СПб., 1866).

⁴ Известна переписка Гильфердинга с В. Ганкой, К. Я. Эрбенем, Л. Штуром, В. Томком, А. Вржяткой и др.

⁵ Документы к истории славяноведения..., стр. 5. Из письма Гильфердинга Срезневскому от 3 (15) сентября 1855 г.

⁶ Из переписки А. Ф. Гильфердинга с И. С. Аксаковым. Голос минувшего, 1916, № 2, стр. 202 и 204 (письмо Гильфердинга Аксакову от 10 апреля 1858 г.). Попутно заметим, что год написания этого письма указан в публикации неверно. Это письмо следует датировать 1859 годом, так как в нем содержится указание на «прекрасную статью Пыпина, сильного западника, о чехах», напечатанную в «Современнике». Речь идет о первой части очерка А. Н. Пыпина «Два месяца в Праге», напечатанной в мартовской книжке «Современника» за 1859 год.

Едва ли не больше других в Чехии нуждалась в такой помощи Божена Немцова. Жизнь для нее становилась «чем дальше, тем невыносимее». ⁷ Выпавшая на долю писательницы цепь тяжелых испытаний пополнялась все новыми и новыми звеньями. В ноябре 1856 года, когда после долгих унижительных хлопот и мучительной тревоги по поводу решения своей участи И. Немец — ее муж отправился к новому месту службы в один из отдаленных уголков Австрийской империи, Немцова с детьми оказалась буквально без копейки перед лицом надвигающейся зимы и уже на другой день была вынуждена обратиться с просьбой о денежной помощи к знакомым. «Я еще не внесла квартирной платы, — пишет она одному из них, — детям необходимо купить что-либо из теплой одежды, нужны дрова, имеются и другие неотложные надобности. . .» ⁸

В таком состоянии и застал Немцову Гильфердинг, посетивший ее в темной и сырой квартирке на Штепаньской улице в свой третий приезд в Прагу. Об этом посещении узнаем из письма Немцовой, адресованного одному из ее ближайших друзей — молодому литератору В. Ч. Бендлу, незадолго перед тем ставшему студентом католической семинарии в Будеевице. ⁹ Перечислив вначале вещи, собранные своему молодому приятелю для его обзаведения на новом месте, Немцова затем сообщает новость, которая, по ее мнению, была для Бендла, глубоко интересовавшегося русской культурой и чешско-русскими связями, особенно интересной — о своей встрече с Гильфердингом, состоявшейся, по-видимому, всего несколько дней назад. ¹⁰ Приводим эту часть письма полностью.

⁷ Listy, II, str. 223. Из письма Немцовой Й. А. Лешикару от 12 августа 1856 г.

⁸ Listy, IV, str. 187. Из письма Немцовой «неизвестному адресату» от 19 ноября 1856 г. Комментатор данного тома писем Б. Немцовой М. Новотный установил дату этого письма по упоминанию в тексте отъезда Й. Немца, который, согласно служебным документам, должен был состояться 18 ноября. Здесь дата уточнена по упоминанию в тексте имени Элишки (Елизавета по католическому календарю — 19 ноября), на которые Немцова собиралась в тот день вечером.

⁹ Тема «В. Ч. Бендл и русская литература» достойна самостоятельного научного исследования. Достаточно сказать, что Бендл (1833—1870) глубоко интересовался русской культурой; одно время он изучал русскую литературу и русский язык под руководством Ганки. Бендл внимательно следил за современной русской литературой, знал русские журналы. Он читал «Петербургский сборник», высоко ценил «Бедных людей» Достоевского, знал «Былое и думы» Герцена. Бендл — переводчик Пушкина. Его перу, принадлежит ряд статей о русской культуре: *Osudy pěkce Vachčisarajského fontana a jiných básníků ruských*. Lada-Niola, Praha, 1855; *Vánoce v Rusku*. Lumir, 1855. *Ruské prstonárodní svátky a slavnosti*. Lumir, 1856.

¹⁰ Точно установить дату посещения Немцовой Гильфердингом пока не удается. В письме к А. В. Плетневой из Парижа от 4 (16) октября 1856 г., сообщая о своем отъезде, Гильфердинг просит адресовать ему письма вначале в Берлин, а потом в Вену. Таким образом, можно предположить, что он попал в Прагу не раньше конца октября—начала ноября 1856 года. ИРЛИ, ф. 234, оп. 4, № 412, л. 4.

«Был здесь Гильфердинг, приходил ко мне, и хотя из известного вам плана в отношении Старика ничего не выходит, я довольна, что поговорила с ним. Он предложил написать очерк: описание жизни, обычаев и всего такого прочего какой-либо словацкой или чешской местности и переправить ему [в Петро-] через Раевского в Петроград. Он хочет поместить это в журнале с добавлением заметки о моей деятельности. Таким образом он преследует одну цель... Но лучше помолчать, все равно это одни только пустые надежды. Сей русский господин словно из воска слеплен, голосок, как у старой девы, зато по-чешски говорит превосходно, лучше, чем Божена Н., поверьте мне».¹¹

Как можно заметить из приведенных строк, в беседе, состоявшейся между Немцовой и Гильфердингом, были затронуты три вопроса. Первый касался какого-то, безусловно известного Бендлу, плана о служебном устройстве Й. Немца (писательница в этом письме трижды упоминает о муже, пользуясь бытовым синонимом — Старик), может быть даже о выезде его на службу в Россию. Это предположение не лишено известных оснований.

Описывая в своей обширной монографии данный период жизни Немцовой, В. Тилле говорит, что писательница была готова «отправиться в Америку».¹² Биограф строит свое заключение на письме Немцовой к сыну Карелу от 28 августа 1856 г. Однако нельзя не обратить внимания на то, что он рассматривает материал односторонне. При внимательном прочтении того же документа возникают основания и для иных толкований. Рассказав о служебных невзгодах Й. Немца, Немцова пишет: «Друзья вынуждены хлопотать о том, чтобы сыскать ему хорошее место у частного лица, в противном же случае устроить нам выезд. Если здесь не подвернется ничего такого, что могло бы обеспечить нам независимое положение, и наши планы осуществятся, уедем в Россию или в Америку».¹³ Упоминание России в данном контексте, причем на первом месте, может служить подтверждением реальности высказанного выше предположения о характере первой части беседы Немцовой и Гильфердингом. Обращение Немцовой к нему как к посреднику или советчику в этом деле вполне закономерно: Гильфердинг был не только ученым, но и видным чиновником Министерства иностранных дел Российской империи.

Обращает на себя внимание и вторая тема беседы. Речь шла о написании Немцовой этнографического очерка для опубликования его в России, который Гильфердинг намеревался сопроводить

¹¹ Listy, II, 264. М. Новотный в комментариях к т. II писем Б. Немцовой (стр. 328) датирует это письмо по изданию «Výbor z korespondence Boženy Němcové. Sestavil, úvodem a vysvětlivkami opatřil Zdeněk Zahoř» (Praha, 1917) не ранее 25 ноября 1856 г.

¹² V. T i l l e, Božena Němcová. Praha, 1947, str. 214.

¹³ Listy, II, str. 227.

заметкой о трудах писательницы.¹⁴ Именно таким образом русские должны были знакомиться с народной жизнью западных славян, с их фольклором, этнографией, а заодно и с отдельными деятелями культуры. Опубликование очерка Немцовой и статьи о ней в издании, рассчитанном на широкого читателя, несомненно могло бы явиться началом известности чешской писательницы в России.

Третий вопрос органически вытекает из предыдущего. Здесь, правда, не все ясно, однако логика вещей вызывает мысль о том, что Гильфердинг намеревался пробудить интерес к Немцовой не только у читающей публики, но и у издателей и переводчиков. Возможно, что он думал выступить в качестве переводчика сам, представив русским читателям то произведение, которое сделало имя писательницы чрезвычайно популярным у нее на родине, — «Бабушку». Гильфердинг появился впервые в Праге, когда «Бабушка» только что вышла, и в дальнейшие свои посещения он был свидетелем все возрастающей популярности этого произведения, в особенности в учено-литературном кругу, с которым он был связан.¹⁵

В свете высказанного предположения становится ясным до сих пор не прокомментированные чешскими литературоведами слова Немцовой в письме к Бендлу, написанном примерно через полгода после того, в котором сообщается о встрече с Гильфердингом.¹⁶ Сообщая своему приятелю на этот раз, что «Бабушку» намеревается перевести на немецкий язык «фрау Ида Дюрингсфельд»,¹⁷ писательница восклицает с оттенком невольной иронии: «Кто только не переводил и не разбирал эту несчастную „Бабушку“». ¹⁸ Если принять во внимание, что до сих пор известны только эти переговоры (первый перевод увидел свет только в 1858 году),¹⁹ то предположение относительно третьей темы,

¹⁴ Именно таким образом познакомил Гильфердинг русских читателей с К. Я. Эрбеном (Русская беседа, 1857, кн. IV) и с К. Гавличком-Боровским (Русское слово, 1860, кн. 4).

¹⁵ *Babička. Obrazy vĕnkovského života od Voženy Němcové.* Книга вышла в четырех выпусках летом 1855 года. Первый похвальный отзыв о книге напечатала газета «Моравски народни лист» (после выхода второго выпуска) 16 июня; 26 июля появилась восторженная рецензия в «Пражске новини»; в начале сентября выступил с обстоятельной критической статьей «Обзор» (sv. 4).

¹⁶ М. Новотный (Listy, III, str. 337) придерживается той же датировки этого письма, что и В. Тилле — между 21—26 июля 1857 года (Vožena Němco v a. 3 vydání, 1920).

¹⁷ Ида фон Дюрингсфельд (1815—1876) — немецкая писательница, изучала славянские языки и переводила с них. Вначале намеревалась перевести «Бабушку» на французский язык (см. письмо Немцовой сыну Карелу от 13 сентября 1856 г. Listy, IV, 150), потом на немецкий язык совместно с Я. Огералем, но не осуществила свои намерения.

¹⁸ Listy, III, str. 106.

¹⁹ В. Nemes. Grossmütterchen. Bilder aus dem Volksleben. Erinnerungen, 38, 1858.

имевшей место в беседе Немцовой с Гильфердингом, может оказаться небезосновательным. Веским аргументом в пользу этого предположения является и деятельность русского слависта как переводчика, причем переводчика с чешского языка. Как известно, он перевел на русский язык несколько чешских материалов для «Русской беседы», в том числе и статью Эрбена «О славянской мифологии»,²⁰ а в 1860 году поместил в журнале «Русское слово» свой перевод «Тирольских элегий» Гавличка.²¹ Вполне возможно так же и то, что, намечая в перспективе публикацию произведений Немцовой, Гильфердинг имел в виду не одну «Русскую беседу», но и другие литературные журналы, петербургские в особенности. Не говоря о территориальной близости этой прессы — Гильфердинг жил и служил в Петербурге и поэтому ему было не столь сложно войти в контакт с редакциями, — широкая пропаганда славянских дел в русской печати была его сознательной позицией, неизменно отстаиваемой в спорах с московскими славянофилами.

Встреча с Гильфердингом подняла на некоторое время настроение Немцовой. Осуществление замыслов русского ученого могло бы принести ей, не говоря о моральной, значительную материальную поддержку. Вместе с тем это был бы важный акт в пользу реального сближения двух братских народов, что могло особенно радовать Немцову. Однако к радости — «я довольна, что говорила с ним...» — примешивается грусть, как предчувствие того, что эти замыслы не осуществятся. И в самом деле, несмотря на то, что в ответном письме Бендл настойчиво советует ей принять предложение: «Для Гильфердинга непременно напишите и чем скорее, тем лучше: вам не повредит немного славы и в России»,²² в ближайшие годы Немцова ничего не написала для русской прессы. Причина ее молчания заключалась прежде всего в опасении новых подозрений и репрессий со стороны властей — мотив общий для всех деятелей чешской культуры, постоянная препона для взаимного общения славян.²³ Нет ничего

²⁰ Русская беседа, 1857, кн. 4.

²¹ К. Гавличек - Боровский. Тирольские элегии. Русское слово, 1860, № 4.

²² Život Voženy Němcové. Dopisy a dokumenty. D. VI. Uspořádal M. Novotný. Praha, 1859, стр. 208. Письмо Бендла Немцовой от 4 декабря 1856 г.

²³ Об этой стороне вопроса пишут в своих заметках многие русские, бывавшие в Австрии в 1850-е годы: Гильфердинг, Кошелев, Пыпин, Сухомлинов, Лавровский и др. Следует обратить внимание и на то, что несмотря на активность Гильфердинга, Раевского и Ганки, в «Русской беседе» в 1856 году не было помещено ни одной статьи чешских авторов (впрочем, как и других зарубежных славян), а в отделе «Произведения словесности» в третьей книге журнала был напечатан один-единственный перевод с чешского — стихотворения Б. Яблонского «Тїї doбу», полученного не от самого автора; в 1857 году были опубликованы два материала (Риттерсберга и Эрбена) — вариации опубликованных ранее статей в Чехии; в 1858 и 1859 годах не появилось ничего, и только в 1860 году во второй книге журнала

удивительного поэтому в том, что Немцова поступила вопреки своим намерениям и пренебрегла советом приятеля, не ответив делом на просьбу Гильфердинга. Обратим внимание на то, что он говорил с писательницей в ту пору, когда после возвращения мужа на государственную службу как бы намечался некоторый просвет в материальном положении семьи, и в то же время Немцовы попадали еще в большую, чем прежде, зависимость от произвола австрийских властей. Отчасти вина за несостоявшееся сотрудничество лежит и на Гильфердинге. Вскоре по возвращении в Россию он получил назначение на консульскую службу в Боснию, где пробыл год и, как видно, охладел к прежним литературным замыслам, занявшись изучением жизни балканских славян.

Второй этап во взаимоотношениях Немцовой с русскими славянофилами относится к лету 1858 года. В одном из писем к Ганке Гильфердинг обращается к нему со следующей просьбой: «Я видел в одной книжке „Часописи“ занимательный очерк быта словаков г-жи Б. Немцовой. Нельзя ли попросить ее писать такие очерки для „Беседы“, которая не затруднится вознаграждением?».²⁴

Новое обращение Гильфердинга к Немцовой имело еще более серьезные основания, чем первое. Направляясь к писательнице в ноябре 1856 года, молодой ученый хорошо представлял ее себе как беллетриста по «Бабушке», сказкам, рассказам, и повестям («Горная деревня» вышла в мае того же года), но он вряд ли знал ее как очеркиста. «Картины окрестностей Домажлиц»,²⁵ затерянные в литературной периодике предреволюционных лет, были к тому времени основательно забыты, Гильфердингу мог остаться неизвестным и очерк о поездке писательницы в Венгрию, опубликованный в «Люмире» в 1854 году.²⁶ Скорее всего, его первоначальный план ознакомления русских читателей с творчеством Немцовой касался, как было замечено, более крупных беллетристических произведений; предложение же писать очерки, по-видимому, исходило от самой писательницы, и может быть, оно явилось естественным результатом беседы о ее творческих планах.²⁷ Теперь же, летом 1858 года, прочитав в «Часописи чеш-

была напечатана анонимная статья «Чешская литература с 1774 по 1848 год», с редакционным примечанием, ярко характеризующим положение австрийских славян: «Эта статья доставлена в редакцию „Русской беседы“ из Праги и написана одним весьма известным чешским литератором. Сожалеем, что обстоятельства в Австрии, еще недостаточно изменившиеся, не позволяют нам выставить под статьей имя автора». Русская беседа, 1860, кн. 2, стр. 29.

²⁴ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 220. Письмо датировано 6 августа по старому стилю.

²⁵ Серия очерков «Obrazy z okolí domažlického» печаталась в журнале «Květy» в 1845 году и в журнале «Česká včela» в 1846.

²⁶ Vzpomínky z cesty po Uhřích. Lumír, r. 4, 1854.

²⁷ Немцова писала 19 июня 1856 г. Я. Гельцелету: «Сейчас я потихоньку составляю путевые очерки о поездке в Венгрию». . . Listy, II, str. 203.

кого музея» первую часть большого очерка Немцовой «Венгерский город (Дьярмоты)»,²⁸ Гильфердинг убеждается в ее возможностях как серьезного очеркиста и обращается к ней с вполне конкретным предложением писать очерки о быте словаков, имея в виду «Русскую беседу», новая программа которой в то время составлялась редакцией, возглавленной после отъезда Кошелева в Рязань И. С. Аксаковым, намеревавшимся «открыть особый славянский отдел и с большой системой повести дело».²⁹ Обращают на себя внимание слова Гильфердинга о том, что «„Русская беседа“ не затруднится вознаграждением». Эта, казалось бы, обычная формула в контексте реальных взаимоотношений этих двух лиц могла служить речительством серьезной денежной поддержки чешской писательницы, в бедственном положении которой Гильфердинг имел возможность убедиться лично.³⁰

Ганка, это явствует из черновика его письма Гильфердингу, передал Немцовой просьбу, которая вместе с полученным им в те же дни письмом Аксакова несомненно явилась темой особой беседы с писательницей. Он пишет: «С г-жей Немцовой я говорил, и она согласилась писать для вас подобные очерки народной жизни чехов, морван и словаков».³¹

²⁸ Uherské město (Dármoty). Národopisný obrázek od Bož. Němcové. Časopis česk. musea, г. 32, 1858; этот номер вышел 8 июля. Так как письмо Гильфердинга Ганке датировано 6 августа — по новому стилю 18, т. е. более чем через месяц после выхода журнала, в котором была публикация Немцовой, естественно предположить, что к этому времени Гильфердинг ознакомился с содержанием номера. В дальнейшем: ССМ.

²⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть вторая. Том четвертый. Письма 1858—1886 гг. СПб., 1896, стр. 3. Из письма И. С. Аксакова к М. Ф. Раевскому от 23 августа 1858 г. Примерно так же формулирует Аксаков свои намерения и в письме к Ганке от 24 августа. Письма к В. Ганке из славянских земель, стр. 4.

³⁰ О том, что гонорары славянофилов играли роль в прямой материальной помощи славянским литераторам, видно из письма И. С. Аксакова к М. Ф. Раевскому от 23 августа 1858 г.: «Сколько же давать (авторам, — Т. К.), представляется совершенно вашему усмотрению: вы иногда ведь можете принять в соображение разные домашние обстоятельства автора: иному можно дать иногда больше, иному и меньше». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 4.

³¹ Письма к В. Ганке из славянских земель, стр. 221. Формулировка Ганки «очерки народной жизни чехов, мораван и словаков», отсутствующая в письме к нему Гильфердинга, может быть объяснена тем, что именно в таком духе высказывается Аксаков в упомянутом выше письме к Ганке. Он пишет: «Если бы кто из ваших писателей взялся бы написать для русских читателей „Картины Чехии и Моравии“ живым, изящным языком, он оказал бы нам великую услугу...» Там же, стр. 6—8. Оказала воздействие на создание этой формулы и соответствующая формулировка из «Извещения» об открытии славянской конторы, где говорится, что славянская контора учреждается для научно-литературных сношений между русскими и родственными им славянскими народами, а именно: «чехами, мораванами, словаками, русинами, поляками, лужичанами, словенцами, хорватами, сербами и болгарами». Там же, стр. 5—6.

Тем не менее Немцова не торопилась с выполнением своего обещания; более того, она словно бы оставляет без внимания переданные ей через Ганку предложения сотрудничества. Ни в одном из ее писем, относящихся к этому времени, нет никаких упоминаний об этом обещании, хотя среди адресатов писательницы сын Карел, В. А. Шембера, Г. К. Зехентер, С. Халупка — все те лица, которых она обычно посвящала в свои планы и в переписке с которыми особенно часто имеет место русская тематика. Конечно, нельзя оставить без внимания тот факт, что из числа дошедших до нашего времени писем Немцовой к сыну выпадает одно, а может быть, и два письма, написанных ею между 31 июля и 2 ноября (она писала, как правило, сыну не реже одного раза в месяц, кроме того, в письме от 2 ноября есть прямое указание на то, что было еще письмо),³² в которых могли быть какие-то упоминания о новом предложении из России.

Сомневаться в том, выполнил ли Ганка свою миссию, нет оснований. Он настолько же был заинтересован в укреплении чешско-русских литературных связей, как и в доставлении заработка Немцовой, в которой принимал большое участие.³³ Объяснение пассивности писательницы, помимо общих политических обстоятельств и связанных с ними семейных невзгод (И. Немец опять находился дома и был без должности), следует искать в чрезмерной загруженности Немцовой литературным трудом. «Я только что подготовила десятый выпуск словацких сказок и начинаю переводить сербские, — пишет Немцова 31 июля сыну. — Это не даст мне ничего, кроме квартирной платы, на которую не знаю, где бы иначе взяла денег. — На жизнь приходится зарабатывать небольшими статейками, чтобы не сидеть без гроша».³⁴ В авторском списке Немцовой за 1858 год — 79 наименований.³⁵ Нельзя забывать так же и то, что писательница была нездорова. «Я больна и сердита на целый свет», — жаловалась она Г. К. Зехентеру в письме от 1 сентября.³⁶ Однако существовала и еще одна, особенная причина, удерживавшая Немцову от сотрудничества в «Русской беседе» — специфика этого журнала как журнала научного,³⁷ в то время, как она себя к ученым людям не могла

³² Listy, III, str. 295.

³³ «Она бедняжка кормится такой работой для календарей», — писал Ганка Гильфердингу о том же черновике ответа (Письма к В. Ганке. ..., стр. 221); о том, что Ганка принимал большое участие в судьбе Немцовой, свидетельствуют и его хлопоты по устройству на службу в Польшу или в Россию ее сына Карела (см. Listy, IV, str. 41—42).

³⁴ Listy, III, str. 278.

³⁵ M. L a j s k é. Bibliografie Boženy Němcové. Praha, 1962, str. 51—62.

³⁶ Listy, III, str. 285.

³⁷ Это подчеркивал и сам И. С. Аксаков. В письме к М. Ф. Раевскому от 22 июня 1858 г. он говорит, что в «Русской беседе» сведения о славянах были передаваемы в форме научной, в виде научных исследований». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, с. 2; подобного же рода заявление

причислять и не причисляла.³⁸ Этот мотив, как одна из основных причин, определяющих отношение Немцовой к «Русской беседе», находит подтверждение и в письме ее к Зехентеру, написанном 28 декабря 1858 года, как думалось тогда писательнице, накануне значительных событий в ее жизни.

В числе прочего Немцова пишет следующее:

«Вы спрашиваете меня о журнале? Что знаю, то скажу, и мы вместе подумаем. В Москве уже третий год подряд выходит ученый журнал „Беседа“,³⁹ который ставит перед собой задачу освещать жизнь славян и пишет о них. Каждый номер состоит почти из 30 печатных листов, у журнала своя редакция и большой капитал. — Издатели его люди образованные, одним словом, панслависты. С нового года, кроме журнала „Беседа“, который выйдет в трех больших томах, все ученого содержания, будет издаваться беллетристическая газета „Парус“ (т. е. *plachta*, *Segel*). Здесь будут печатать жизнеописания знаменитых людей, этнографические статьи и очерки, небольшие рассказы, стихи и т. п., однако *nota bene*, все из жизни славян. Редакция выпустила „Обращение“ ко всем братьям-славянам, с просьбой принять участие, чтобы таким образом *узнавать друг друга, узнавая, сближаться* и, побратавшись, создав общеславянскую литературу, дать бой другим народам. — Политического ничего не берут (хитрецы).⁴⁰ Все могут писать на родном языке, в редакции „Паруса“ есть переводчики, знающие славянские языки, имеются словари и все, что необходимо. — Гонорар 40 рублей за печатный лист. У нас есть проспекты и агенты, как видите — все под рукой. — Кто хочет подписаться на „Парус“, будет регулярно его получать, пусть только напишет (указан адрес, который я опасаясь посылать вам). Если будет нужно, напишите мне, я справлюсь в нужном месте сколько будет стоить и все сделаю. Если вы сами захотите что-нибудь там напечатать, присылайте, я вам устрою это. Следует соблюдать осторожность, шпики не дремлют, легко можно угодить бог знает куда, особенно тому, кто состоит

сделано и в так называемом циркулярном письме, адресованном славянам. Письма к В. Ганке из славянских земель, стр. 6.

³⁸ В этой связи будет уместным вспомнить то место из письма Немцовой к «неизвестному адресату» от 27 августа 1854 г., где она говорит: «Со старыми учеными у меня мало общего» (*Listy*, II, str. 67), а также горькое сожаление, высказанное ею в письме к Я. Гельцелету: «Не достаёт мне, Иван, настоящего образования; будь оно у меня, я бы лучше работала...» (*Listy*, II, str. 96); тому же адресату она писала: «Известно мне, как мало я знаю и умею со своими незначительными познаниями» (*Listy*, II, str. 203).

³⁹ В настоящем отрывке курсивом выделены слова и выражения, подчеркнутые самой Немцовой.

⁴⁰ И. С. Аксаков писал М. Ф. Раевскому 23 августа 1858 г.: «Объявление о конторе мне кажется достаточно застраховано от подозрений словами „для учено-литературных сношений“ и тем, что контора отвечает только на письма, не касающиеся политики. Разумеется, это сказано только так, для Австрии». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 4.

на государственной службе. — Я буду посылать туда очерки о жизни народа, но не подпишу своим именем из-за мужа, потому что наверху у нас читают, что мы пишем в тех журналах.⁴¹ Какая это огромная радость, какое счастье! — Густа, брат, когда я думаю о нашем будущем в таком союзе, то забываю все свои заботы и готова кричать от радости! О многом могла бы я вам порассказать, но не все можно доверить бумаге, и так боюсь — сожгите письмо немедля: черт не спит». ⁴²

Оставляя в стороне целый ряд интересных моментов — в задачи настоящей статьи не входит подробный анализ письма, — обратим внимание на следующее. Рассказывая Зехентеру о «Русской беседе», Немцова говорит о ней как о журнале *ученом*, намеревающемся и в дальнейшем сохранить свой ученый характер. Она ни словом не упоминает о тех предложениях, которые были ей сделаны, сохраняет спокойный, явно не заинтересованный тон. Другое дело «Парус» — газета *беллетристическая*, уже одним этим близкая писательнице. Когда Немцова говорит о «Парусе», тон ее высказываний становится ярко эмоциональным, вдохновенным. Писательница выражает сочувствие программе газеты, заявляет о своем неременном сотрудничестве; она вновь и вновь возвращается к волнующей ее теме и в остальной части письма, посвященной главным образом приветам и поклонам в адрес общих знакомых и родственников Зехентера. «Как поживает Самко Халупка? — спрашивает писательница. — Расскажите ему о „Парусе“». И далее: «Очень прошу вас, отвечайте на мои вопросы коротко, но как можно скорее... Когда я буду посылать соли (минералы для коллекции, которую составлял Зехентер, — Т. К.), приложу и русское „Обращение“». ⁴³

Воодушевление Немцовой было в значительной степени воодушевлением всей литературной Праги, горячо обсуждавшей в связи с приездом пропагандистов славянофильской печати М. Ф. Раевского и П. И. Бартенева возможности публикации своих материалов во вновь открывающейся русской газете. Вместе

⁴¹ Это решение Немцова приняла несомненно по согласованию с кем-либо из «агентов» «Паруса» (с Раевским, Бартевым или с Ганкой, который находился в курсе всех дел), выполнявших в этом отношении наказ И. С. Аксакова: «Вы скажите им (славянам, — Т. К.), — писал он 9 декабря 1858 года М. Ф. Раевскому, — что они могут посылать статьи без имени, чтобы можно было скрыть автора» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 14)

⁴² Listy, III, str. 310—311.

⁴³ Listy, III, str. 319. Речь идет бесспорно о так называемом циркулярном письме к славянским ученым и литераторам, написанном И. С. Аксаковым летом 1858 года и переведенном на славянские языки. В письме к М. Ф. Раевскому от 9 октября 1858 г. И. С. Аксаков пишет: «Что скажете про мои циркулярные письма? В скором времени вы получите письма на чешском и отчасти на польском языках». Отослав М. Ф. Раевскому 9 ноября того же года все экземпляры, спрашивает: «Как вам нравятся мои циркуляры?» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 12, 13).

с тем у Немцовой были и свои, индивидуальные причины для радости. Несомненно ей был вручен именной экземпляр «Обращения» И. С. Аксакова — в приведенном выше письме Немцовой к Зехентеру множество текстуальных совпадений с этим документом.⁴⁴ По-видимому, писательнице было сделано и новое устное предложение сотрудничества в «Парусе»: ⁴⁵ именно Немцова могла явиться одним из тех авторов, кто мог наилучшим образом выполнить планы московской редакции в отношении фольклорно-этнографических описаний жизни славян,⁴⁶ планы, во многом совпадавшие с интересами самой писательницы и программой изучения народной жизни, представлявшейся ей в перспективе.

Желание Немцовой сотрудничать в новом издании крепнет с каждым днем. В письме к сыну Карелу от 2—8 января 1859 г. она прямо говорит: «Теперь буду писать в русский журнал, который выходит в Москве, от всех славян принимает статьи и печатает их на русском языке; я буду писать этнографические очерки. Гонорар у них 40 рублей (64 фл.) за лист. Такие деньги мне были бы очень кстати».⁴⁷

И все же, несмотря на столь четко выраженное намерение Немцовой писать для России и знакомить русских читателей с народной жизнью «чехов, мораван и словаков», ни одно из ее про-

⁴⁴ Это особенно заметно при сличении оригинального текста письма Немцовой к Зехентеру с текстом «Обращения» в переводе на чешский язык (перевод, как это видно из того же письма И. С. Аксакова М. Ф. Раевскому от 9 сентября 1858 г., был сделан А. Ф. Гильфердингом. См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 9), как оно дано в книге «Письма к В. Ганке из славянских земель» (стр. 4—7).

⁴⁵ О том, что Немцова получила специальное приглашение сотрудничать в русской прессе, пишет и И. В. Фрич, усматривающий в этом одну из причин преследования писательницы австрийскими властями. [J. V. Frič]. Přehled našinců v posledním desetiletí protizakonne pronásledovaných. Čech, 1861, č 10 Dodatek.

⁴⁶ В письме к В. Ганке от 24 августа 1858 г. И. С. Аксаков сформулировал требования редакции достаточно отчетливо. Он писал: «Мне бы нужно иметь статистическое и еще более этнографическое описание Чехии и Моравии, также описание крестьянского сельского хозяйства, народного быта, обычаев и пр. Если бы кто из ваших писателей взялся бы написать для русских читателей „Картины Чехии и Моравии“ живым, изящным языком, он оказал бы нам великую услугу и мог бы получить от нас доброе вознаграждение через обязательное посредничество почтеннейшего Михаила Федоровича» («Письма к В. Ганке из славянских земель», стр. 4—7). Примерно то же писал Аксаков и М. Ф. Раевскому в Вену 23 августа 1858 г., когда, отдавая последнему распоряжения об организации в числе других первоочередных материалов «описания народного быта в Чехии», просил «на этот последний предмет обратить внимание австрийских славян». «Заставьте их, — пишет он далее, — изучать не только памятники древней славянской письменности, а живой народ, его обычаи, предания и верования. Вот это важно» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 6). Конкретность требований Аксакова заставляет думать, что он слышал, возможно от Гильфердинга, о Немцовой, как об очеркисте-этнографе, пишущем «живым» и «изящным языком», но окончательный выбор автора предоставлял Ганке.

⁴⁷ Listy, IV, str. 11.

изведений не появилось при жизни писательницы на страницах русских периодических изданий.⁴⁸ Можно услышать мнение, что Немцова сознательно отказалась от сотрудничества со славянофилами, что она осознала свое идейное несогласие с ними, которое к тому же окрепло под влиянием А. Н. Пыпина, беседовавшего с писательницей в его бытность в Праге в 1859 году, и под воздействием его статей о русской литературе, напечатанных примерно в то же время в «Часописе чешского музея».⁴⁹ Оставляя в стороне материал, характеризующий взаимоотношения чешской писательницы с Пыпиным, к слову сказать, внимательное изучение соответствующих документов не дает оснований для столь категоричных выводов, рассмотрим реальные обстоятельства, помешавшие появлению очерков Немцовой на страницах славянофильских изданий.

Приведенные выше строки из письма Немцовой к сыну Карелу недвусмысленно указывают на то, что писательница имела твердое намерение в ближайшее же время засесть за заказанные ей корреспонденции для «Паруса». По-видимому, она это и сделала. Веское доказательство того, что Немцова выполнила свое обещание, дает переписка, завязавшаяся между редактором «Русской беседы» И. С. Аксаковым и бывшим сотрудником журнала молодым славистом М. П. Петровским после того, как последний, оставив журнал, в мае 1859 года вернулся в Казань для подготовки к магистерскому экзамену, не отказываясь, впрочем, от оказания заочных услуг «Русской беседе».⁵⁰ Сообщая в письме от 5 июля 1859 г., что «после высшего отъезда, как нарочно, славяне точно белены объелись, так и сыпят статьями (а переводчика нет да нет)»,⁵¹ И. С. Аксаков высылает 20 октября 1859 г. Петровскому

⁴⁸ Если не принимать во внимание появившуюся в журнале «Иллюстрация» в 1859 году (№ 86) анонимную художественную публикацию под названием «Легенда о двенадцати месяцах (богемская сказка)», содержащую в себе довольно неожиданные отступления от текста словацкой сказки «О двенадцати месяцах», включенной Б. Немцовой в 5-й выпуск издания «Slovenské pohádky a pověsti (sv. 1—10. Praha, 1857—1858)». Скорее всего это был перевод сказки «Von den zwölf Monaten» из книги «Westslavischer Märchenschatz», в которую переводчик Йозеф Вендиг включил перевод варианта той же сказки, опубликованный в альманахе «Лада-Ниола» в 1855 году «O dvanácti měsíčkách». Pohádka slovenská z okolí trencinského.

⁴⁹ Следует заметить, что первое «Письмо» Пыпина о русской литературе было опубликовано на чешском языке (в переводе В. Ганки) в журнале «Часопис чешского музея» (1858, № 4), который вышел в свет 31 января 1859 г.; второе «письмо», где была дана критика литературно-общественной позиции славянофилов, было опубликовано в № 1 того же журнала за 1859 год, который вышел 4 мая 1859 г.

⁵⁰ Н. А. Котляревский, лично знавший М. П. Петровского, характеризует его следующим образом: «По складу своих философских и политических воззрений М. П. Петровский примыкал к славянофилам...» (Отчет о деятельности Отделения русского языка и литературы Императорской Академии наук за 1912 год. Тр. ОРЯС за 1912 г., стр. 28).

⁵¹ ИРЛИ, ф. 382. № 10, л. 11.

для перевода «три славянские статьи»,⁵² получив которые, тот отвечает в письме, датированном 24 октября: «Рукопись о сербском судопроизводстве еще не читал, „О быте словацкого крестьянина“ прочитал, нашел интересной и начал переводить. Что-то подобное я видел в последних номерах „Чешского музея“, кажется, Божены Немцовой. К сожалению у меня нет теперь ни одного номера „Музея“».⁵³

Отсутствие упоминаемой Петровским рукописи в государственных архивах фонда СССР не дает возможности с полной уверенностью констатировать справедливость догадки казанского слависта. Однако есть много оснований считать его предположение справедливым.

То, что Петровский связал полученную им для перевода статью (несомненно анонимную) с именем Божены Немцовой, ясно свидетельствует о том, что перед ним был материал, написанный на чешском языке. К тому времени молодой казанец достаточно хорошо знал чешских авторов. В период работы в «Русской беседе» он написал компетентную статью «Очерки современной славянской журналистики в Австрии»,⁵⁴ обнаруживающую достаточное знание им современной литературы у славян, в том числе литературы чешской. Правда, он не упомянул в своей статье имени Немцовой и ничего не сказал о ее трудах, но это естественно, так как главным предметом его внимания было общественно-политическое содержание славянской периодики. Тем не менее нельзя забывать и того, что, готовясь к написанию статьи и листая чешские журналы, он несомненно не раз встречал на их страницах произведения Немцовой, главным образом ее рассказы, очерки и заметки⁵⁵ и мог составить для себя поня-

⁵² Там же, л. 15.

⁵³ Там же, № 7, л. 6. По-видимому, Петровский имел в виду очерк Немцовой «Венгерский город (Дьярмоты)», который печатался в ССМ (1858, №№ 2—4), или первую половину очерка «Картины словацкой жизни», опубликованную там же в № 1 за 1859 год.

⁵⁴ Г. М. Петровский. Очерки современной славянской журналистики в Австрии. Русская беседа, М., 1859, кн. 3, Обзорение.

⁵⁵ Только в 1858 году Немцова опубликовала следующие произведения: в «Часописе чешского музея» — две части очерка «Венгерский город (Дьярмоты)» — №№ 2 и 3; в календаре «Посел з Праги» — некролог «Йозеф Франта Шумавский», рассказ «Хороший человек» (№№ 2—4); в «Штепнице» (№ 1) — фольклорно-этнографические заметки и публикации «Игра в невесту», словинскую сказку «Королева змей», загадки; (№ 2) — игру «В цыпленка и ястреба»; № 3 — игру «Вот алтарик». «Два мальчика», загадки; № 4 — детские песенки, словацкие песни; № 5 — игры «В краски», «В зеленый мост», словацкие песни, загадки; № 6 — игру «В овес», «Сказку без конца»; № 7 — игру «В петушка»; № 8 — игру «Девушки и дыни», словацкие песни, загадки; в журнале «Забавы мисливецке» (№ 3) — очерк «Последний медведь на Черхове близ Ходова, что недалеко от Домажлиц, и охота на медведя на Полгорже у Гайдошова ручья в Словакии»; в сборнике «Календарж учителски» — статью «Описание природы в сказках»; в альманахе «Май» — рассказ «Домик в горах». Целый ряд этих изданий Петровский анализирует в своей статье.

тие о ее творческом почерке — том своеобразном стиле, характеризующемся, как говорил в разное время и по разному поводу о писательнице А. Н. Пыпин, «искусством, простотой и истинной»,⁵⁶ «легким рассказом и задушевностью»,⁵⁷ которыми ее произведения заметно выделялись среди произведений других авторов. Из сказанного следует, что не только тема очерка, но и в особенности его стилевой колорит, вызвал у переводчика вполне естественную ассоциацию, заставив его связать прочитанный им материал с именем Немцовой как автора.

Не было случайным и то, что Петровский прежде всего обратил внимание на материал по словацкой этнографии, заинтересовавший его настолько, что он уже «начал переводить». Дело в том, что в это время он работал над статьей о словацких сказках и, конечно, его занимало все, что как-то раскрывало жизнь этого народа. Статья Петровского не была напечатана в «Русской беседе». Посланная в журнал еще в 1859 году и принятая к печати, после отъезда И. С. и К. С. Аксаковых за границу она была возвращена автору как «недостаточно обработанная» и «нуждающаяся в пополнениях», а затем в связи с закрытием журнала и вовсе не вышла в свет.⁵⁸ Текст статьи Петровского не сохранился, тем не менее не приходится сомневаться, что то была статья, а может быть рецензия, написанная на тему «Словацких сказок», изданных незадолго перед тем Немцовой⁵⁹ и явившихся за отсутствием других основательных изданий этого рода,⁶⁰ полным откровением не только для русских читателей, но и для самих чехов и словаков.

⁵⁶ А. Н. Пыпин «Два месяца в Праге». — В кн.: А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 181.

⁵⁷ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II. СПб., 1881, стр. 966.

⁵⁸ По поводу этой статьи М. П. Петровского существуют два любопытных архивных свидетельства. Первое — письмо автору статьи от 23 апреля 1860 г., подписанное И. И. Кошелевым, следующего содержания: «Ваша статья о словацких народных сказках найдена сотрудниками „Беседы“ по славянской части недостаточно обработанной и нуждающейся в пополнениях. Почему я ее Вам возвращаю» (ИРЛИ, ф. 382, № 11); второе — не лишенная юмора записка члена редакции «Русской беседы» М. Голубева, датированная 9 мая того же года, в которой он сообщает Петровскому: «По распоряжению Кошелева, при сем возвращается Вам статья Ваша о словацких сказках. Как сами увидите, Аксаковы пометили это к печатанью; но Кошелев, или лучше блаженный Бессонов, нашел ее недостаточно обработанной» (там же).

⁵⁹ Slovenské pohádky a pověsti od Boženy Němcové. Sv. 1—10. V. Praze, 1857—1858. Последний выпуск с послесловием Немцовой вышел 11 сентября 1858 г.

⁶⁰ До этого времени наиболее известным изданием словацких сказок считались: Povesti slovenské. Vydal Janko Rimavský, v Levoči, 1845. Slovenské povesti, vydavajú August Skultéty a Pavol Dobšinský. V Rožňave, sv. 1—5, 1853.

Все сказанное здесь дает определенную гарантию того, что Петровский не ошибся, связав заинтересовавший его очерк «о быте словацкого крестьянина» с именем Божены Немцовой — чешского автора, хорошо знакомого ему и по другим трудам.

В самом деле, с какой бы стороны не смотреть на этот предмет, нельзя не признать авторство Немцовой как наиболее вероятное. В 1850-х годах о Словакии писали немногие. Признанным знатоком словацкой этнографии как в Чехии, так и в Словакии была Немцова.⁶¹ Большая часть присылаемых из Словакии материалов проходила через ее руки, и именно Немцова добывалась напечатания наиболее интересных из них. Таким образом обстояло дело с рукописями Само Халупки, Зоха, Реусса и Зехентера,⁶² а также со статьей оставшегося неизвестным до наших дней автора «Картин из жизни словаков» — этнографического очерка, написанного на чешском языке со значительной примесью словакизмов, опубликованного, как небезосновательно предполагает автор книги «Божена Немцова и Словакия» Б. Галузицкий, с помощью Немцовой в альманахе «Посел з Праги» на 1859 год.⁶³ Если предположить, что речь идет о статье какого-либо из пяти названных здесь авторов, уже писавших и печатавшихся, то следует прежде всего обратить внимание на то, что первые четверо выступали в иных жанрах и совершенно не писали этнографических очерков; только неизвестный корреспондент «Посла» был автором произведений такого рода. Однако, это отмечает и Б. Галузицкий, его очерк по сравнению с тем, что сделала по Словакии Немцова, имел лишь частное значение. В этом очерке описаны народные обычаи одной горной деревушки, тогда как Немцова дает в своих очерках в значительной мере обобщенную картину, описывая уклад народной жизни целых краев словацкой земли. Это высоко поднимало авторитет Немцовой — бытописателя словацкого народа, и естественно, что главный посредник между русской прессой и чешскими литераторами В. Ганка мог

⁶¹ «Самый важный и обильный материал для этнографии чехов и словаков оставила покойная Божена Немцова, самая талантливая и плодovitая чешская писательница». Й. К а л о у с е к. Обзор этнографической литературы о чехах и словаках. Изв. Имп. общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XIII, вып. 1, стр. 33.

⁶² Немцова опубликовала в «Часописе чешского музея» (1858, с. 2) записанную Халупкой народную балладу «Старый узник», в альманахе «Китице» его стихотворение «Казак»; в журнал «Штепнице» она передала присланный ей священником из Есенице Ц. Зохом рассказ «Христос и дети», а затем рекомендовала Зоха Ригеру как одного из авторов для его «Словаря»; Немцова опубликовала в журнале «Памятници археологицке а мистописне» (1858) статью «Словацкая старина; Из заметок д-ра Г. Реусса». Она перевела на чешский язык очерк Зехентера «Медвежий лов в Словакии» (Жива, 1857, V); в журнале «Забавы мисливецке» в 1958 году Зехентер опубликовал уже самостоятельно очерк об охотнике на медведя.

⁶³ B. Haluzický. Božena Němcová a Slovensko. Tatran, Bratislava 1952, str. 222—223.

с полной ответственностью рекомендовать корреспонденции Немцовой, как наиболее квалифицированные.

Можно было бы предположить, что очерк, присланный Петровскому для перевода, был написан кем-либо из словаков, связанных с М. Ф. Раевским.⁶⁴ Однако такое предположение решительно снимается другим, более основательным. Вернее было бы думать, что Раевский, как все, видел в Немцовой лучшего этнографа-словакиста. По-видимому, он и посоветовал В. И. Кельсиеву⁶⁵ перед этнографической поездкой того в Словакию весной 1866 года прочесть очерк Немцовой «Картины словацкой жизни», на который Кельсиев ссылается в написанном на материале этой поездки очерке «Словацкие села под Прессбургом» и включает в свой текст переведенную им стихами свадебную песнь из труда писательницы.⁶⁶

Какая же корреспонденция предназначалась Немцовой для русской прессы? Что именно было написано ею и передано для отправки в Россию? Ряд соображений вызывает уверенность в том, что то был большой очерк «Картины словацкой жизни», полностью или частично, увидевший свет, вопреки надеждам писательницы, не в русском издании, а в «Часописе чешского музея», где он был опубликован в два приема: в мае 1859 и в феврале 1860 года.⁶⁷

Прежде всего, обращает на себя внимание наименование очерка. В нем конкретизован материалом народной жизни словаков первоначальный замысел писательницы — писать «очерки из жизни народа», которым она делилась с Зехентером, а затем и тот, который она вверила сыну, сообщив, что принимается писать для России «этнографические очерки». Если считать, что «Картины словацкой жизни» с самого начала были предназначены для публикации на родине, то возникает недоумение, как случилось, что Немцова, обычно посвящавшая друзей и знако-

⁶⁴ М. Ф. Раевский был лично знаком и переписывался с целым рядом лиц, причастных к делу словацкого культурно-национального возрождения. Среди них были Л. Штур, Годжа, Иванчич, а также студенты протестантской семинарии в Вене.

⁶⁵ В. И. Кельсиев, выступавший в журналах 1860-х годов под псевдонимом В. П. Иванов-Желудков, жил в 1866 году в Вене. Он был довольно тесно связан в это время с Раевским, который рекомендовал его знакомым словакам, когда тот совершал этнографические поездки. По-видимому, Раевский и рекомендовал очерк Кельсиева в «Русский вестник» — он чрезвычайно благоволил этому журналу, — где тот и был напечатан еще до того, как в апреле 1867 года бывший политэмигрант повинулся перед царским правительством.

⁶⁶ «Словацкие села под Прессбургом» В. П. Иванова-Желудкова. Русский вестник, 1866, июль.

⁶⁷ Obrázy ze života Slovenského. Od Bož. Němcové. Domáci život. Svatby. Narodeniny a krestne hody. Umrť, pohřeb a kar. Svátky ČČM, r. 33, 1859, č 1, str. 86—102, č 4, str. 503—518. Рукопись этого очерка не сохранилась. Božena Němcová, Spisy, Sv. desátý, str. 347.

мых в свои литературные планы, ни словом, ни в одном из писем не обмолвилась об этом своеобразном по замыслу очерке, тем более, что работа над ним буквально вклинилась в ее работу над второй частью очерка для «Живы» — «Леса и доли Зволена», писание которого вследствие этого затянулось.⁶⁸ Приходит на мысль, что писательница не хотела до поры до времени поднимать шум вокруг своей новой работы, для которой это могло бы оказаться пагубным. Сказанное может служить доводом в пользу особенного назначения этого очерка. Этот довод был бы веским, если бы подтверждался характером писем Немцовой, хотя за одни только зимние месяцы 1859 года. Однако тут пробел. Следующее письмо сыну после того, которое было помечено 2—8 января, написано 21 апреля, первое письмо Халупке в 1859 году — 29 апреля; писала ли Немцова Зехентеру, неизвестно. Все это не означает, что Немцова никому не писала той зимой. По сведениям комментатора IV тома писем Немцовой д-ра Милослава Новотного, только за время с января по июль недостает трех ее писем к сыну Карелу,⁶⁹ а в целом за год отсутствуют пять писем из четырнадцати; примерно так же обстоит дело и с дружеской перепиской писательницы. Эти обстоятельства заставляют выдвинуть и вторую версию как подтверждение высказанного выше предположения об особенном назначении очерка, над которым Немцова работала зимой 1859 года: нехватка части писем за те месяцы, когда мысль писательницы была более всего занята проблемами, связывающими ее с Россией,⁷⁰ заставляет думать, что эти ее корреспонденции были изъяты полицией как содержащие криминальный материал о ее русских связях и еще в большей степени, чем письма с той же тематикой, дошедшие по месту назначения, послужили основанием для обыска, произведенного у писательницы летом 1859 года, когда, по ее словам, у нее «искали русские письма. Но, разумеется, ничего не нашли. . .».⁷¹

⁶⁸ Немцова писала об этом очерке Зехентеру 28 декабря 1858 г.: «Я дала им недавно статью, давно обещанную. Первая половина ее выйдет в 1-м номере „Живы“ за 1859 год. . . О лесорубах будет главным образом во второй части» (Listy, III, str. 309). Но, очевидно, Немцова впоследствии дорабатывала очерк, так как сведения о жизни словацких лесорубов оказались в центре очерка, напечатанного в трех номерах «Живы» (последняя часть его вышла в августе).

⁶⁹ Недостает писем: от 17 февраля 1859 г.; того, что было получено Карелом 18 апреля, и того, что было отослано писательницей сыну в первой половине мая.

⁷⁰ Упоминания о России встречаются в ряде писем Немцовой этого времени, главным образом в связи со служебным устройством сына Карела и с внешнеполитическими событиями. Примечательным событием для писательницы могло быть посещение А. Н. Пыпина 9 января, а затем опубликование в апрельской книжке «Современника» его первого очерка «Два месяца в Праге», где было высоко оценено и ее творчество. Немцову несомненно сильно занимала работа над очерком для России и перипетии, связанные с его опубликованием.

⁷¹ Listy, IV, str. 40.

Как было сказано, «Картины словацкой жизни» — очерк, чрезвычайно своеобразный по замыслу. Он заметно выделяется среди других произведений Немцовой того же жанра и на ту же тему. Это работа синтетического, обобщающего характера. В очерках «Венгерский город» и «Леса и доли Зволена» Немцова ограничилась характеристикой народной жизни словаков одного избранного ею края. В «Картинах» писательница не только объединяет свои наблюдения над укладом жизни словацкого населения всех тех мест, где ей удалось побывать за четыре поездки в Словакию — Зволена, Тренчина, Гемера, Новогграда,⁷² — но и постоянно сопоставляет их с целым рядом фольклорно-этнографических фактов, частью известных по личным впечатлениям, частью позаимствованных из уже упомянутого нами очерка «Картины жизни словаков» и из специальной литературы.⁷³ Наряду со словацким материалом писательница приводит данные о народном укладе чехов и русин.

Вполне естественно, что Немцова придавала большое значение опубликованию в русской прессе очерка именно такого рода. В полном соответствии с высказанным ею в письме к Зехентеру от 28 декабря 1858 г. одобрением идеи славянофилов о сближении славян путем познания друг друга она стремилась максимально использовать свои знания и опыт, представив русскому читателю широкую картину жизни и быта целого ряда народностей, сделав при этом акцент на том, что их объединяло как членов единой славянской семьи.

Таков был замысел, он и осуществлен в очерке. Однако сам очерк, как он напечатан на страницах «Часописа», далеко не представляет собой произведения, равноценного во всех своих частях. Это заметил и Б. Галузицкий. В самом деле, обстоятельно, ярко, с живым чувством написаны только первые главы, вторая половина очерка гораздо слабее, меньше параллелей, все изложение словно обрывается на очередной фразе, нет концовки.⁷⁴ Лучшая глава очерка — первая («Домашняя жизнь»). По-видимому, она и была предназначена в первую очередь для русской

⁷² Немцова совершила всего четыре поездки в Словакию: в 1851, 1852, 1853 и 1855 годах.

⁷³ И. Калоусек в своем «Обзоре этнографической литературы о чехах и словаках» утверждает, что такие главы очерка Немцовой, как главы о родах, крестинах, свадьбах, погребении являются переводом соответствующих мест из сочинения И. Чапловича (J. Czaplóvicz. Gemälde von Ungarn. Pest, 1829), однако вернее было бы говорить об обращении писательницы к книге Чапловича как к одному из источников.

⁷⁴ Б. Галузицкий пишет: «В „Картинах“... ощущается какая-то усталость, они несут на себе все приметы торопливости... Когда в заключение очерка Немцова рассказывает о масленичных забавах не существующих теперь ремесленных цехов, это звучит, как неоконченная песнь, которая замирает от слабости голоса и недостатка воодушевления» (B. Haluzický. Vožena Němcová a Slovensko, str. 227).

печати и была передана сразу же по написании Ганке, который и переправил очерк с очередной оказией в Вену, откуда обычным путем через Петербург он попал в Москву уже после отъезда Петровского.⁷⁵

Тем временем в марте в Чехии стало известно о запрещении «Паруса». Правда И. С. Аксаков, сообщивший об этом Ганке, заверил его в том, что на месте «Паруса» строится «Пароход»,⁷⁶ но Немцова не могла ждать. Подхлестываемая постоянными материальными затруднениями,⁷⁷ писательница, можно думать, передала оставшийся у нее вариант рукописи в «Часопис», а затем, с большим трудом преодолевая все усиливающееся недомогание,⁷⁸ на протяжении довольно длительного времени заканчивала очерк. Этим и объясняется, что первая половина его опубликована в первой, а вторая в четвертой книге журнала за 1859 год, между выходами в свет которых существует разрыв в девять месяцев.⁷⁹ О том, что создание этого очерка и его публикация имеют свою историю, раскрытую здесь без сомнения только отчасти, свидетельствует упоминание этого произведения в письме Немцовой к сыну Карелу от 5 февраля 1860 г. (т. е. в дни выхода журнала), упоминание беглое и тем самым говорящее о том, что адресату была хорошо известна особенная история этого произведения. Немцова пишет: «Очерк все же выйдет...».⁸⁰

⁷⁵ В письмах И. С. Аксакова к М. Ф. Раевскому нередки сетования и на оказии, и на курьерскую почту. 23 августа 1858 г. он пишет: «Насчет корреспонденций поступайте как лучше: посылайте на имя Гильфердинга в СПб. с курьерами, да вот беда, что курьеры-то редки!» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 4—5).

⁷⁶ И. С. Аксаков писал 17 февраля 1869 г. Ганке: «„Парус“ свернулся на третьем плывани. На его месте строится „Пароход“, кормчим которого будет Ф. В. Чижов (только по имени, в сущности же прежнего корабля кормчий И. С. Аксаков)». Письма к В. Ганке из славянских земель, стр. 154. В переводе на новый стиль дата написания этого письма 29 февраля, т. е. выходит, что в Чехию оно пришло примерно в середине марта. О судьбе славянофильских органов — журнала «Русская беседа», газет «Парус» и «Пароход» см.: А. Г. Дементьев. Славянофильская журналистика. В кн.: Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. Гослитиздат, М.—Л., 1951, стр. 339—404.

⁷⁷ Немцова писала сыну Карлу 21 апреля 1859 г.: «Сейчас мы бьемся за грош как никогда...» Listy, IV, str. 14.

⁷⁸ В том же письме от 21 апреля Немцова жалуется сыну на нездоровье: «Уже несколько времени, как я больна: опять мучат проклятые боли и кашель»; 9 июня она пишет Карелу: «В продолжение всей зимы я мучилась болями в желудке и сейчас еще не могу долго оставаться в сидячем положении». Listy, IV, str. 26; 6 августа она пишет дочери Доре: «Я очень слаба, пот льет с меня по целым дням как в русской бане». Listy, IV, str. 33.

⁷⁹ Номер «Часописа», в котором была напечатана первая часть очерка, вышел 4 мая 1859 г., вторая его половина увидела свет 4 февраля 1860 г.

⁸⁰ Привожу часть текста этого письма в оригинале: «Obřáz ale vujde a na překládu srbských pověstí pracuju». Listy, IV, str. 77. Принимая во внимание, что эти слова начинаются с абзаца, считаю их связанными не с предшествующим им рассказом о плане издания произведений издателем Аугустой

В заключение остановимся на причинах, помешавших опубликованию материалов, подготовленных Петровским. Письмо Кошелева, которым казанский славист был поставлен в известность о возвращении ему статьи о словацких сказках, одновременно являлось и ответом на запрос Петровского, как поступать ему с находящимися у него рукописями «Русской беседы». Тревога переводчика имела свои основания. Дело в том, что в конце 1859 года, когда журнал был запрещен, И. С. Аксаков уехал за границу, где, как он писал перед самым отъездом Петровскому, предполагал пробыть «месяцев восемь».⁸¹ Правда, в том же письме он заверял Петровского, что «Русская беседа» будет выходить в 1860 году в виде сборников, и наказывал: «Продолжайте переводить имеющиеся у вас славянские рукописи и присылайте их Ал. Ив.».⁸² Однако Петровский ясно видел, что дела журнала идут все хуже и хуже, и для полной гарантии обратился к Кошелеву. Ответ был таков: «На вопрос Ваш: переводить ли некоторые статьи славянские, у Вас находящиеся, — уведомляю Вас, что 2-я книга выйдет в ноябре. Если статьи интересны (по заглавиям они обещают быть таковыми), то я с радостью их помещу, а потому прошу заняться их переводом. Желательно получить статьи для 2-й кн. „Беседы“ до 1 сентября».⁸³

Судьба переводов Петровского неизвестна. Среди материалов, напечатанных в двух последних книгах «Русской беседы», имеются статьи славянских авторов, но ни одна из них не значится среди переводов в списке трудов М. П. Петровского.⁸⁴ Вероятно, подготовка к магистерскому экзамену — Петровский держал его летом, с 10 мая по 11 июня 1860 г.,⁸⁵ — а затем приготовление к преподаванию в университете не оставили ему времени для частных занятий, вследствие чего он не сумел своевременно представить в редакцию готовые переводы и доработать статью о словацких сказках.⁸⁶ В конце 1860 года, после вы-

в Литомышли, а со сквозной мыслью письма о том, как заработать денег на жизнь.

⁸¹ Письмо от 29 декабря 1859 г. ИРЛИ, ф. 382, № 10, л. 19. Заметим, что И. С. Аксаков пробыл за границей ровно год.

⁸² Имеется в виду Александр Иванович Кошелев.

⁸³ Письмо А. И. Кошелева М. П. Петровскому от 23 апреля 1860 г. ИРЛИ, ф. 382, № 11.

⁸⁴ Список трудов М. П. Петровского. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804—1904) в двух частях, ч. 1. Казань, 1904, стр. 149—152; а также: Список всего (?) напечатанного М. П. Петровским. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1912 г., стр. 1—17. Отдельный оттиск.

⁸⁵ К. Х а р л а м п о в и ч. М. П. Петровский, некролог. Уч. зап. Казанского унив., 1912, № 8.

⁸⁶ Такая же участь постигла и сделанный Петровским перевод повести Кукулевича-Сакцинского, который, по мнению И. С. Аксакова, требовал доработки (Письмо к Петровскому от 17 октября 1859 г. ИРЛИ, ф. 382, № 10, л. 17).

хода в свет третьей книги, «Русская беседа» прекратила существование.

Немцова, естественно, ничего не знала о судьбе, постигшей в России ее корреспонденцию. Опубликовав первые главы «Картин» у себя на родине прежде, чем пришел какой-либо ответ из редакции русского журнала, она не могла считать себя свободной от данного ею обязательства, независимо от того, касалось оно теперь «Паруса» или «Русской беседы».⁸⁷ Возможно даже, ей напоминали о ее обещании. Не этим ли может быть объяснена та часть письма Немцовой к сыну Карелу от 21 ноября 1859 г., где она, делясь с ним планами издания своих сочинений «в Литомышли у Аугусты», упоминает книгу о Словакии, задуманную в соавторстве с Крейчи и Гатталой, которую также намеревался издать Аугуста, и, словно вспоминая о неотложном долге, добавляет: «Я должна еще написать о Словакии в России».⁸⁸

В выполнении этого плана, как и многих других, относящихся к последним годам жизни писательницы, помешало усиливавшееся нездоровье, приведшее ее к преждевременной смерти.

Славянофилам не удалось познакомить русскую публику с творчеством Немцовой в изданиях 1850—1860 годов. Только в 1866—1867 годах на страницах журнала «Русский вестник», в то время нередко обращавшегося к славянской тематике, а затем в 1870 году в близком славянофильской идеологии журнале «Заря» появились переводы некоторых, наиболее значительных рассказов и повестей Немцовой. Один из них — перевод повести «В замке и возле замка» — был выполнен М. П. Петровским, все остальные его женой — Эммой Генриховной Петровской.⁸⁹ Сопровождая мужа в путешествии по славянским странам,⁹⁰ она заинтересовалась творчеством Божены Немцовой и, поощряемая

⁸⁷ И. С. Аксаков писал М. Ф. Раевскому 6 апреля 1859 г.: «Но, пожалуйста, ничьей литературной деятельности в пользу „Беседы“ не останавливайте: у нас остается „Беседа“». Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, стр. 16, 17; и в письме тому же адресату от 4 декабря 1859 г.: «Авторы статей, отосланных в „Беседу“, встревожатся об участи своих статей. Прошу вас оповестить всех, что статьи не пропадут и будут помещены рано или поздно, что они могут продолжать заготавливать статьи, и чтобы продолжали веровать в наше зная». Там же, стр. 28.

⁸⁸ Listy, IV, str. 59.

⁸⁹ Так как переводы шли без подписи, об авторстве М. П. и Э. Г. Петровских до последнего времени можно было только догадываться. Ясность в вопрос внес К. И. Ровда, установивший этот факт на основании документов, хранящихся в Литературном архиве Музея чешской литературы в Праге (см. его статью «Русские славянофилы и чешская литература», помещенную в настоящем сборнике).

⁹⁰ М. П. Петровский по командировке Казанского университета пробыл в славянских странах полтора года: с сентября 1861 по апрель 1863 года (см.: Отчет о путешествии по славянским землям. Уч. зап. Имп. Казанского унив. по отделению историко-филол. и политико-юрид. наук, вып. II).

почитателями писательницы, пользуясь дружеской помощью своего ученого супруга, познакомила русских с ее произведениями. Петровской принадлежит и обширный биографический очерк о Немцовой, опубликованный на страницах «Русского вестника» в 1871 году.⁹¹ Так на многие годы вперед было обеспечено знакомство русских читателей с творчеством Божены Немцовой. Интересно, что выполненный Петровской перевод «Бабушки» был издан в 1871 году в Праге как пособие для обучения чехов русскому языку и явился своего рода связующим звеном между культурой русского и чешского народов.⁹²

⁹¹ Библиографическая справка о переводах произведений Б. Немцовой, выполненных М. П. Петровским и Э. Г. Петровской.

1. Бабушка. Картины деревенской жизни в Чехии. Русский вестник, 1866, тт. 62—63.

2. В Шумавских горах. Повесть. Там же, тт. 65—66.

3. Добрый человек. Рассказ. Там же, 1867, т. 69.

4. В замке и возле замка. Рассказ. Там же, т. 70.

5. Карла. Рассказ. Заря, 1870, № 8.

Э. П[етровская]. Божена Немцова, биографический очерк. Русский вестник, 1871, т. 93.

⁹² «Бабушка». Рассказ. С чешского перевела Э. Г. Петровская. Прага, 1871, 332 стр. Чешским редактором этого перевода был знаток русского языка переводчик Йозеф Коларж. Он же приспособил текст к учебным целям (см. об этом его письмо к А. А. Лебеву от 3 ноября (22 октября) 1889 г. ГПБ, ф. 558, ед. хр. 235).

Ю. Д. Левин

Н. В. ГЕРБЕЛЬ И ЕГО АНТОЛОГИЯ «ПОЭЗИЯ СЛАВЯН»

В конце октября 1871 года в типографии Академии наук вышел в свет солидный том большого формата под заглавием «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под редакцию Ник. Вас. Гербеля». Это было первое издание, которое в достаточной мере полно знакомило русских читателей с народным творчеством славян и произведениями славянских поэтов.¹ Редактор его к этому времени имел значительный опыт в издании переводной литературы.

Николай Васильевич Гербель,² потомок швейцарского архитектора Николауса-Фридриха Гербеля (Härbel), приехавшего в Петербург и поступившего на русскую службу в 1717 году,³ сын генерал-лейтенанта артиллерии, родился 26 ноября 1827 года в Твери. Образование он получил в благородном пансионе при 1-й киевской гимназии и затем в Лицее кн. Безбородко в Нежине, который окончил в 1847 году. Здесь он написал диссертацию «Подробный разбор словесных произведений Сумарокова и Ломоносова и общее заключение о характере и состоянии русской

¹ До этого был опубликован М. П. Петровским небольшой сборник «Отголоски славянской поэзии» (М., 1861). Подробнее об этом сборнике см. выше в статье К. И. Ровды «Русские славянофилы и чешская литература» (стр. 49—50).

² Наиболее полные сведения о нем см.: Автобиография Н. В. Гербеля. М., 1915; П. Полевой. Н. В. Гербель. В кн.: Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко, 2-е изд. СПб., 1881, стр. 344—356; А. И. Фирсов. В усадьбе Н. В. Гербеля. Исторический вестник, 1903, № 8, стр. 516—525; А. Е. Ельницкий. Гербель, Николай Васильевич. В кн.: Русский биографический словарь. Гааг—Гербель. М., 1914, стр. 486—492. См. также: Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 3. СПб., 1886, стр. 20—25; вып. 4, 1888, стр. 8; вып. 5, стр. 9; вып. 7, 1892; стр. III; вып. 8, 1900, стр. 140; вып. 11, 1909, стр. 224; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. 1. СПб., 1900, стр. 733—736.

³ О нем см.: И. Грабарь. Архитекторы-иностранцы при Петре Великом. Старые годы, 1911, июль—сентябрь, стр. 137—138.

словесности от Петра Великого до Екатерины II», за что был награжден серебряной медалью.

К пребыванию в лицее относятся первые поэтические опыты Гербеля. Он вспоминал впоследствии: «В это время в Лицее веял литературный дух. Все писало прозой и стихами и мечтало об авторской славе, чему не мало способствовало добродушное удивление товарищей, видевших в авторах будущих Пушкиных и Гоголей».⁴ Направление лицейской поэзии было преимущественно сатирическое, и Гербель написал немало стихов, «воспевавших геройские похождения студентов».⁵ В 1846 году ему удалось впервые напечататься — в «Библиотеке для чтения» появилось его лирическое стихотворение «Бокал».⁶

По окончании лицея Гербель в 1848 году определился юнкером в Изюмский гусарский полк. В следующем году он был произведен в корнеты и участвовал вместе с полком в венгерской кампании. В 1851 году его переводят в лейб-гвардии Уланский полк, расположенный в Петербурге. В этом полку он служил до 1859 года, когда после получения звания штаб-ротмистра вышел в отставку.

После переезда в Петербург Гербель смог заняться литературой. Он сближается с кругом «Современника»; И. И. Панаев покровительствует начинающему поэту.⁷ В 50-е годы стихотворения и переводы Гербеля печатаются в «Современнике», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения» и других периодических изданиях столицы. Известность ему принес вышедший в 1854 году отдельной книгой перевод «Слова о полку Игореве», озаглавленный «Игорь, князь Северский». Благодаря звонкому и бойкому стиху «Игорь» пользовался значительным успехом и в дальнейшем переиздавался шесть раз,⁸ а сравнительная близость перевода к подлиннику обусловила сочувственное к нему отношение со стороны ученых филологов: И. И. Срезневского, М. А. Максимовича, Д. Н. Дубенского.⁹

В бурной общественной жизни 60-х годов Гербель не занимал достаточно определенной общественной позиции, тем не менее он относился с несомненным сочувствием к передовому направле-

⁴ Автобиография Н. В. Гербеля, стр. 8.

⁵ А. В. Романович-Славатинский. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832—1884 гг. Вестник Европы, 1903, № 1, стр. 178.

⁶ Библиотека для чтения, 1846, т. CLXXIX, № 12, отд. 1, стр. 117.

⁷ См.: А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Гослитиздат, 1948, стр. 213. В письме к А. Ф. Вельтману от 5 мая 1853 г. Панаев рекомендовал Гербеля как переводчика «Слова о полку Игореве» (ГБЛ, ф. 47 (Вельт. II), 4.49).

⁸ См.: П. Скосырев. Художественные переводы и переложения «Слова о полку Игореве». В кн.: Слово о полку Игореве». Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы 19-го и 20-го вв. Советский писатель, 1938, стр. 60. Тургенев после издания «Игоря, князя Северского» прозвал Гербеля «Изюмский Игорь» (А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 213).

⁹ См.: П. Полевой. Н. В. Гербель, стр. 354.

нию в русской литературе и общественной жизни. Длительные дружественные отношения связывали его с революционными деятелями М. Л. Михайловым и Н. В. Шелгуновым. В 1859 году Михайлов с Гербелем проектировали совместное издание политической и литературной газеты «Век». «... Это должна быть серьезная газета с благородным и определенным направлением, — сообщал Михайлов Шелгунову. — Гербель в этом, как и в материальном, отношении товарищ драгоценный. Он не будет стеснять направление газеты, потому что подчинится ему и сам».¹⁰ Осуществить издание газеты не удалось.

Летом 1861 года Михайлов, Шелгунов с супругой и Гербель выехали за границу, причем Михайлов отправился в Лондон, чтобы напечатать в Вольной русской типографии революционную прокламацию «К молодому поколению». Гербель, возможно, был осведомлен о его планах.¹¹ Более того, он сам ездил в Лондон во второй половине июля (по-видимому, после Михайлова) и сносился с Герценом и Огаревым, которым передал стихотворения для сборника «Русская потаенная литература» и альманаха «Полярная звезда» и сообщил о положении в России. Гербель также доставил Герцену «Записки» М. А. Бестужева.¹²

После ареста и осуждения Михайлова Гербель был в числе немногих наиболее близких ему лиц, которым было разрешено свидание с осужденным 14 декабря 1861 г. перед отправкой его на каторгу.¹³ В дальнейшем Гербель поддерживал с ним связь, оказывал ему помощь. Через Гербеля Некрасов переслал Михайлову деньги.¹⁴ А когда в конце 1862 года были арестованы посетившие Михайлова на каторге Шелгуновы, Гербель хлопотал об их освобождении и помогал им материально.¹⁵

Одним из аспектов издательской деятельности Гербеля, на которой подробнее мы остановимся ниже, было издание за границей запрещенных в России литературных произведений. Когда после ареста Михайлова стало невозможным выпустить в России сборник переводных его стихотворений, Гербель содействовал осуществлению этого издания в Берлине, где оно вышло в свет в 1862 году.¹⁶ Четыре года спустя Гербель попытался издать сти-

¹⁰ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. И. Михайлов. Воспоминания, т. I, М., 1967, стр. 118.

¹¹ См.: Е. П. Казанович. Письма Н. В. и Л. П. Шелгуновых и М. И. Михайлова к Н. В. Гербелю. В кн.: Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924, стр. 226—228.

¹² См.: Н. Я. Эйфельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, стр. 193—200, 226.

¹³ Мих. Ле м к е. Политические процессы в России 1860-х годов. 2-е изд., М.—Пгр., 1923, стр. 134.

¹⁴ См. письмо Некрасова к Гербелю от 5 января 1863 г. Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М., 1952, стр. 13.

¹⁵ См.: Е. П. Казанович, ук. соч., стр. 232—235.

¹⁶ Стихотворения М. Л. Михайлова. Georg Stilke, Берлин, 1862. Находясь в Петропавловской крепости, Михайлов писал Шелгуновым в ноябре 1861 года

хотворения Михайлова в более полном объеме в России и даже отпечатал без предварительной цензуры 2500 экземпляров книги, но весь тираж был уничтожен по постановлению Главного управления по делам печати.¹⁷

В 1861 году Гербель издал в Берлине отдельной книгой «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». В предисловии, подписанном псевдонимом «Русский», Гербель писал: «Благодаря тупоумию русской цензуры около сотни больших и малых стихотворений величайшего из русских поэтов исключено из обоих изданий,¹⁸ а другая сотня искажена или урезана... Цель предлагаемого издания — дать русской читающей публике возможно полное собрание стихотворений Пушкина, запрещенных русской ценсурой...».¹⁹

Наконец, в том же году лейпцигский издатель Брокгауз выпустил подготовленное Н. В. Гербелем лучшее из зарубежных собраний сочинений К. Ф. Рылеева; к изданию была приложена первая библиография произведений Рылеева.²⁰ Известно также, что в начале 60-х годов по заказу Гербеля были изготовлены в большом количестве альбомы фотографий с портретов декабристов; эти альбомы он распространял среди знакомых.²¹

Гербель был членом созданного в 1862 году так называемого «Шахматного клуба»²² — литературно-политической организации, которая была организована Чернышевским и объединяла прогрессивных писателей и ученых Петербурга. Как вспоминал Л. Ф. Пантелеев, весной 1862 года Шелгунов посылал Гербелю с Н. И. Утиным какую-то прокламацию.²³

об издании своих стихотворений: «Гербель может отлично привести все в порядок» (Современник, 1912, № 9, стр. 205).

¹⁷ Стихотворения М. Л. Михайлова. Редакция издания Н. В. Гербеля. СПб., в типографии К. Вульфа, 1866. Об этом издании см.: Н. С. Ашукин. Из истории издания сочинений М. Л. Михайлова. В кн.: М. Л. Михайлов, Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1934, стр. 649—652; Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, стр. 60, № 36; Ю. Д. Левин. Издание стихотворений М. Л. Михайлова. В кн.: Издание классической литературы. (Из опыта «Библиотеки поэта»). М., 1963, стр. 203.

¹⁸ Т. е. изданий под редакцией П. В. Анненкова (1855—1857) и Г. Н. Геннади (1859—1860).

¹⁹ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Дополнение к шести томам петербургского издания. Берлин, 1861, стр. V. Книга переиздавалась в 1870 году.

²⁰ Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева. Лейпциг, Ф. А. Брокгауз, 1861. См.: Е. И. Рыскин. Основные издания сочинений русских писателей. XIX век. М. 1948, стр. 33.

²¹ Н. Б. «Н. В. Берг». Николай Васильевич Гербель. (Из литературных воспоминаний). Новое время, 1883, 28 апреля (10 мая), № 2572.

²² См. донесение полицейского агента Волгина в кн.: А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. XV, Пгр., 1920, стр. 325.

²³ См.: Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Гослитиздат, 1958, стр. 161—162. По предположению Пантелеева это была прокламация «К офицерам».

Гербель не был членом «Земли и воли», но, по свидетельству А. А. Слепцова, был близок к организации и являлся посредником между нею и Шелгуновым, когда последний находился в Сибири. В 1864 году Гербель прятал у себя архив и типографский шрифт «Земли и Воли», которые затем были приняты у него для уничтожения.²⁴

Спад революционной волны, усиление реакции вызвали разочарование Гербеля. Он отходит от активной общественной деятельности и в стихотворении «Давно я не вижу небесной лазури» (1864), отразившем его новые настроения, пишет:

И вот, искушенный житейской невзгодой,
Чуть с ветром заспорит ладья,
Уже не о новой борьбе с непогодой —
О пристани думаю я.²⁵

Тем не менее гражданские настроения были сильны у Гербеля и в последующие годы, и это запечатлено в стихотворении видевшего его в конце жизни поэта-демократа М. Н. Соймонова «Венок на могилу Н. В. Гербеля», которое было произнесено над гробом 11 марта 1883 г. (Гербель умер 8 марта)

Я видел раз тебя, усopший в мире брат!
Лишь только раз — но ты, средь грязной тины века,
Где ложь кругом и где бесчинствует разврат —
Как луч во тьме, явил мне образ человека.

Я видел раз тебя, поэт и гражданин!...
Болея ты муками отчизны...
Страдая — ты любил; любя — как верный сын,
Отчизне-матери не слал ты укоризны.²⁶

Оригинальные произведения занимают незначительное место в поэтическом творчестве Гербеля, посвященном в основном стихотворному переводу. Из западноевропейских литератур он перевел главным образом поэтов английских (стихотворения Байрона, его поэмы: «Паризи́на», «Осада Коринфа», «Морской разбойник», «Лара», «Жалоба Тасса», «Остров» и «Проклятие Минервы», мистерия «Небо и земля», все сонеты Шекспира, стихотворения Крабба, Шелли и др.)²⁷ и немецких (стихотворения и трагедия «Эгмонт» Гёте, стихотворения Шиллера, Бюргера и др.). Несколько

²⁴ См.: А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVI, стр. 75.

²⁵ Эпоха, 1864, № 1—2, стр. 320.

²⁶ М. Н. Соймонов. Недопетые песни. Стихотворения. (Посмертное издание). СПб., 1891, стр. 190.

²⁷ Так как Гербель недостаточно владел английским языком, при переводе английских поэтов он прибегал к помощи своей жены О. И. Гербель; в 1877 году она перевела самостоятельно трагедию Байрона «Вернер» (см.: А. И. Фирсов. В усадьбе Н. В. Гербеля, стр. 519).

стихотворений было переведено им с французского и латыни. Особый раздел в поэтическом наследии Гербеля занимают переводы со славянских языков. Они были связаны в основном со сборником «Поэзия славян».

Поэтическое дарование Гербеля было невелико. Умение составить гладкий стих — а именно в этом заключалось главное его искусство — не было такой уж большой заслугой при общем уровне русской стихотворной техники середины XIX века. В своих стихотворениях Гербель широко использует поэтические штампы и банальности, которые в переводах подчас сочетаются с прозаизмами и неловкими оборотами, обусловленными трудностями оригинала. Нередко перевод его превращался в вольный пересказ, обильно дополненный «отсебятинами».²⁸

Соответственно репутация Гербеля-поэта у современников была невысока. Когда в 1858 году он издал сборник своих оригинальных и переводных стихотворений «Отголоски», Добролюбов в специальной рецензии писал, что «у г. Гербеля своего голоса нет», а потому «в своем затруднительном положении г. Гербель решился издавать отголоски на голоса других поэтов», и заключал: «Вообще, надо сказать, что г. Гербель как отголосок не имеет особенной силы „выражения“».²⁹ И в дальнейшем Добролюбов не упускал случая поиронизировать над «отголосками», «какие издавал некогда г. Гербель, утопая в волшебном сиянии и впивая надзвездный эфир».³⁰

В письме от 5 ноября 1856 г. к находившемуся в Италии Некрасову Чернышевский, перечисляя содержание 11-го номера «Современника», замечал, что помещенный там перевод Гербеля из Шиллера, «пожалуй, лучше бы не печатать».³¹ По поводу того же номера Некрасов возмущался, что Панаев в его отсутствие «пачкает „Современник“ стишонками Гербеля и Грекова».³² В 70-е годы он под благовидным предлогом отказался от печатания в «Отечественных записках» «Паризины» и «Острова» в переводах Гербеля.³³ В этой связи можно еще отметить, что, по мнению Вейнберга, поэмы Байрона, переведенные Гербелем, «носят

²⁸ См.: В. Жирмунский. Гёте в русской литературе. Л., 1937, стр. 465—466; В. В. Чуйко. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885, стр. 194—195.

²⁹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, ГИХЛ, 1934, стр. 341, 343.

³⁰ Там же, стр. 312. См. также: там же, стр. 383; т. II, 1935, стр. 591; т. III, 1936, стр. 362.

³¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 326.

³² Письмо к И. С. Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1856 года. Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, стр. 301.

³³ См. письмо Некрасова к Гербелю от апреля 1873 года: там же, т. XI, стр. 249; письма Гербеля к Некрасову от 10 июля и 14 августа 1876 г.: Литературное наследство, т. 51—52, М., 1949, стр. 197—198.

на себе печать крайней вялости и беспомощности переводчика».³⁴

Конечно, у Гербеля были и более удачные переводы — некоторых лирических стихотворений из Байрона или из славянских поэтов, но не переводам главным образом обязан он своей известностью. Несравненно большее значение имела его издательская деятельность, составившая важный этап в истории русской переводной литературы.

К середине XIX века в русской литературной жизни ощущалась нужда в переводных собраниях сочинений крупнейших иностранных писателей. Необходимость эта диктовалась и общими потребностями русской культуры, и специфическими задачами развития переводной литературы. Нам уже приходилось отмечать, что отношение оригинальной и переводной литературы есть величина переменная.³⁵ На каких-то более ранних этапах перевод, особенно поэтический, почти не отличался в восприятии читателей от оригинального творчества, и тогда не существовало четкой границы между переводом и «подражанием». В дальнейшем же личность переводимого автора заслоняла собой переводчика, который низводился до роли языкового посредника. Это был сложный, длительный и противоречивый процесс, но переломным моментом в России являлись, по-видимому, 30—40-е годы прошлого века.

Осознание примата переводимого автора над переводчиком вызвало потребность в собраниях сочинений этого автора, которое представило бы более или менее полно его творческую личность. И в 40-е годы мы отмечаем одну за другой попытки создания таких собраний. В 1841 году московский врач и переводчик, друг Белинского и Герцена Н. Х. Кетчер начинает издавать прозаический перевод пьес Шекспира.³⁶ В следующем году некий И. П. Бочаров с «обществом молодых людей» (по свидетельству В. Г. Бе-

³⁴ П. И. Вейнберг. «Дон-Жуан». Поэма лорда Байрона. Пер. П. А. Козлова. ЖМНП, 1889, № 8, отд. II, стр. 445. Н. Ф. Щербина написал в 1865 г. эпиграмму:

Вико прав! В круговращеньи
Исторических веков
Все — одни лишь повторенья:
Гербель в нашем поколении,
Что в минувшем был Хвостов.

(Русская старина, 1891,
т. LXX, № 5, стр. 488).

³⁵ См.: 1) Об исторической эволюции принципов перевода. (К истории переводческой мысли в России). В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, стр. 6—7; 2) Взаимосвязи литератур и история перевода. В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии. М., 1961, стр. 307—308.

³⁶ Шекспир. С англ. Н. Кетчер. Вып. 1—18. М., 1841—1850. Каждый выпуск содержал по одной пьесе. Об этом издании см.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, стр. 369—379.

линского) приступил к изданию сочинений Гёте.³⁷ Собрание романов Вальтера Скотта издавал А. А. Краевский с 1845 года.³⁸ К этим предприятиям примыкает и «Испанский театр», начатый К. И. Тимковским в 1843 году.³⁹ Однако все указанные начинания не были доведены до конца (наиболее продвинулось издание Кетчера, доведенное к 1850 году до середины). Конкретные причины прекращения их в каждом случае были разными, но существовали и некоторые общие факторы, препятствовавшие успеху. Стихотворные произведения в этих собраниях передавались прозой, издания осуществлялись единолично или узким кругом лиц и, наконец, ни одно из них не использовало наследия, накопленного русской переводной литературой.

Гербель учитывал опыт своих предшественников, особенно отрицательные его стороны, и, предпринимая в 1850-е годы издание сочинений Шиллера в русском переводе, он строил свою работу на совершенно иных основаниях. Во-первых, он решительно отказался от передачи поэзии прозой. Впоследствии в предисловии к изданию Шекспира он писал: «Никто не будет спорить, что только стихотворный перевод может служить некоторую замену стихотворного подлинника для публики, желающей наслаждаться на своем языке изучением творений иностранного поэта».⁴⁰

Во-вторых, Гербель всегда использовал предшествующие переводы, для чего производил кропотливые библиографические разыскания, выявляя все, что уже было переведено к тому времени на русский язык. Наконец, он привлекал к изданию возможно более широкий круг участников. Причину этого он объяснял так: «У нас, где силы каждого деятеля развлечены таким множеством еще не тронутых задач, не скоро можно дожидаться, чтобы явился замечательный поэт, который мог бы на много лет оторваться от всех других трудов, исключительно посвятив свои силы исполнению столь обширного дела»⁴¹ (т. е. единоличного перевода всех произведений великого поэта). Поэтому, указывая Гербель в предисловии к изданию Шиллера, единственная возможность — это «разделить труд перевода между несколькими писателями, из которых каждый выбрал бы для передачи на русский язык то, что наиболее согласуется с его талантом и направ-

³⁷ Сочинения Гёте, вып. 1—3. СПб., 1842—1843. См. критические отзывы: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 62—63, 181—183.

³⁸ Романы Вальтера Скотта. Перевод с английского под редакцию А. А. Краевского. Тт. II, III, VI, XV. СПб., 1845—1846.

³⁹ Испанский театр. Перевод с испанского К. Тимковского, тт. I—II. СПб., 1843.

⁴⁰ Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей, т. I. СПб., 1865, стр. V.

⁴¹ Там же, стр. VI.

лением».⁴² В сущности Гербель создал в России тот тип коллективно подготовляемого переводного издания, который в основных своих чертах сохранился до настоящего времени.

Михайлов, хорошо осведомленный о работе Гербеля, так как помогал ему издавать Шиллера,⁴³ писал в 1859 году: «Без инициативы с его (Гербеля, — Ю. Л.) стороны, без твердого и непреклонного желания усвоить русской литературе всего Шиллера во всей полноте, во всем разнообразии мы, может быть, долго еще не видали бы в русском переводе многих лучших творений автора „Вильгельма Телля“. Этому же благородному желанию обязаны мы громадным трудом пересмотра всего, что только когда-либо являлось на русском языке из сочинений Шиллера, сравнения и выбора, трудом, который с такою добросовестностью исполнен г. Гербелем. Пересмотреть тысячи томов даже только по одним оглавлениям — уже работа нелегкая; но за нею следовала другая, еще более тяжелая работа. Надо было сверить каждый перевод с подлинником, выбрать лучшие, войти в сношения с живыми переводчиками для поправок и изменений, наконец, озаботиться переводом произведений, до сих пор не переведенных. Как хотите, эти старания, свидетельствующие о глубоком уважении г. Гербеля к Шиллеру и о бескорыстной любви к русской литературе, достойны полнейшего сочувствия всякого здравомыслящего человека».⁴⁴

Работу над собираньем переводов Шиллера Гербель начал еще в 1853 или 1854 году.⁴⁵ Однако издание задержалось; не последнюю роль в этой задержке, видимо, сыграл «цензурный террор» последних лет николаевского царствования. Девять томов «Шиллера в переводе русских писателей» вышли в свет в 1857—1861 годах.⁴⁶

Еще до завершения «Шиллера» Гербель издал «Кобзаря» Шевченко в русских стихотворных переводах,⁴⁷ а в 1859 году

⁴² Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, т. I. СПб., 1857, стр. VI.

⁴³ См.: Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т. II, стр. 84.

⁴⁴ М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, М., 1958, стр. 48.

⁴⁵ 21 сентября 1854 г., направляясь с полком на границу Австрии, Гербель писал с дороги своему другу и поверенному в делах Н. Я. Макарову, чтобы тот взял у его брата «„Шиллера в русском переводе“, совершенно готового к изданию» (ИРЛИ, ф. 170, оп. 1, № 22, лл. 3 об.—4). «Порадеть об издании» той же книги Гербель просил и Михайлова в письме от 27 сентября (ЦГАЛИ, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 13, л. 3 об.). По-видимому, тогда это было только собрание стихотворений. Н. В. Берг сообщал В. Ганке 14 февраля 1854 г., что Гербель «готовит издание всех лирических стихотворений Шиллера в русском переводе» (Письма к В. Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, стр. 74).

⁴⁶ Шиллер в переводе русских писателей. Под редакцией Ник. Вас. Гербеля. Тт. I—IX. СПб., 1857—1861. О резонансе, вызванном этим изданием, см.: С. Ф. Терехов. Шиллер в русской критике 50—70-х годов XIX в. В кн.: Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. М., 1966, стр. 124—156.

⁴⁷ Кобзарь Тараса Шевченка в переводе русских поэтов. Издан под

начал вместе с Михайловым готовить собрание сочинений Байрона.⁴⁸ Ссылка Михайлова приостановила работу над изданием, и оно вышло в свет только в 1864—1867 годах.⁴⁹

Н. А. Некрасов, задумавший в 1858 году издать пьесы Шекспира, привлек к этому Гербеля как человека, имеющего опыт в таком деле. Издание было выпущено в 1865—1868 годах.⁵⁰

Свою издательскую деятельность Гербель продолжил и в 70-е годы. Вместе с А. Л. Соколовским он начал полное собрание сочинений Гофмана, которое, однако, по каким-то причинам не было доведено до конца.⁵¹ Наконец, в конце 70-х годов он издал сочинения Гёте.⁵²

В те же годы Гербель работал и над национальными поэтическими антологиями. Помимо упоминавшейся уже «Поэзии славян», он издал сборники произведений английских и немецких поэтов в русских переводах.⁵³ Еще в конце 50-х годов Гербель задумал серию под общим заглавием «Библиотека иностранной поэзии», в которой предполагал выпускать сборники стихотворных переводов крупнейших современных поэтов-переводчиков. Первая книга была посвящена переводам Н. В. Берга.⁵⁴ По-видимому, следующим должен был быть сборник переводов Михайлова. Запрещение этого издания, возможно, заставило Гербеля отказаться от продолжения серии. Однако в разное время он издал переводные стихотворения И. П. Крешева и Д. Л. Михаловского.⁵⁵

редакцию Ник. Вас. Гербеля. СПб., 1860. См.: И. Федорович. Перший перекладач «Кобзаря» Микола Гербель. Україна, 1946, № 3, стр. 13.

⁴⁸ См.: Библиографические записки, 1859, т. II, № 20, стлб. 672.

⁴⁹ Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под редакцией Ник. Вас. Гербеля. Т. I—V. СПб., 1864—1866.

⁵⁰ Полное собрание драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей. Издание Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I—IV. СПб., 1865—1868. См.: Шекспир и русская культура, стр. 520—527.

⁵¹ Полное собрание сочинений Гофмана, переведенных и изданных под редакцией Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовского. Т. I—IV. СПб., 1873—1874 (издание предполагалось в 12 томах).

⁵² Собрание сочинений Гёте в переводе русских писателей, изданном под редакцией Н. В. Гербеля. Т. I—X. СПб., 1878—1880.

⁵³ Английские поэты в биографиях и образцах. Составил Ник. Вас. Гербель. СПб., 1875; Немецкие поэты в биографиях и образцах. Под редакцией Н. В. Гербеля. СПб., 1877.

⁵⁴ Переводы и подражания Н. В. Берга. Издание Н. В. Гербеля. (Библиотека иностранной поэзии). СПб., 1860.

⁵⁵ Переводы и подражания И. П. Крешева. СПб., 1862; Иностранные поэты в переводе Д. Л. Михаловского. СПб., 1876. Помимо переводных изданий и упоминавшихся выше бесцензурных заграничных изданий под редакцией Гербеля вышли стихотворения Н. Я. Прокоповича (1858), сочинения Е. П. Гребенки (5 частей, 1862) и А. В. Дружинина (8 томов, 1865—1867), «Хрестоматия для всех. Русские писатели в биографиях и образцах» (1873 и переиздания), 30-е издание «Горя от ума» (1873), сборник в пользу пострадавших от неурожая «Складчина» (1874), сборник в пользу балканских славян «Братская помощь» (1876).

О своей деятельности Гербель писал: «... я издаю только то, работаю над чем сам и к чему лежит моя душа».⁵⁶ Переводные издания Гербеля, как правило, были снабжены биографическими вступительными статьями и заметками (обычно компилятивного характера), для написания которых привлекались специалисты. В Шекспире каждой пьесе предшествовала пояснительная статья. В собраниях сочинений приводилась составленная самим Гербелем библиография русских переводов произведений данного автора.

Редакционная работа Гербеля касалась и самих переводов. Обычно он сверял их с оригиналами и в тех случаях, когда обнаруживал неточности, неправильности размера и т. п., предлагал переводчикам исправить замеченные недостатки или исправлял их сам,⁵⁷ не всегда при этом согласуя свои действия с переводчиками. Как мы увидим ниже, иногда это приводило к конфликтам.

Хотя по поводу изданий Гербеля при выходе их в свет высказывалось немало критических замечаний (касавшихся главным образом недостатков стихотворных переводов), но самый тип издания получил общее одобрение. Еще Чернышевский назвал «прекрасной» мысль Гербеля издать Шиллера в русском переводе,⁵⁸ а Добролюбов в связи с тем же собранием отмечал, что «в публике весьма сильно желание познакомиться со всем, что есть лучшего в иностранных литературах», и она «всегда готова поддержать предприятие переводчика, делающего свое дело хоть несколько сносно».⁵⁹

Время показало правильность пути, избранного Гербелем. «Успех, который имели все эти издания, — отмечал рецензент газеты «Голос», — вполне ими заслужен: наша публика хорошо поняла и пользует таких изданий, и ту добросовестность и умение, с которыми взялся за это дело г. Гербель».⁶⁰ Подготовленные им собрания Шиллера, Байрона, Шекспира, «Кобзарь» Шевченко неоднократно переиздавались до конца XIX века. Когда в 1875 году в пятый раз был издан «Шиллер», Н. К. Михайловский писал: «Пятого издания русские книги, если не считать учебников и сказок вроде „Гуака“ или „Милорда англинского“,

⁵⁶ Письмо от 27 января 1880 г.: Письма ... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915, стр. 127.

⁵⁷ Так, например, он писал М. Н. Лонгинову 5 января 1866 г., что во втором томе «Шекспира» переводы «более или менее исправлены авторами и мной», а 2 августа 1867 г. сообщал ему же о работе над четвертым томом: «Бездна дела: надо каждую пьесу сверить и исправить» (Шекспир. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1964, стр. 548).

⁵⁸ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 505.

⁵⁹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 310, 312.

⁶⁰ Голос, 2 (14) ноября, 1871, № 303, стр. 1.

вообще почти не доживают. Поэтому пятое издание Шиллера уже само по себе составляет факт чрезвычайно знаменательный». ⁶¹

Благодаря деятельности Гербеля не одно поколение русских читателей смогло приобщиться к сокровищам мировой литературы.

Обращение Гербеля к славянской поэзии было связано с усилением интереса русского общества к славянам, внимание к которым было привлечено еще в период Крымской войны, когда в разных общественных кругах, от правительственных до революционных, возникло представление о близком распаде Турецкой империи и освобождении балканских славян из-под мусульманского гнета. Крушение этих надежд только способствовало росту симпатий к славянам. В 1858 году образуется Московский славянский благотворительный комитет, ставивший целью оказывать помощь школам, библиотекам и церквям в славянских землях и славянам, учащимся в России. ⁶²

В середине 1860-х годов в Москве создается Всероссийская этнографическая выставка, в составе которой был славянский отдел. Организационный комитет пригласил на выставку представителей славянских стран, и в мае 1867 года в Москве состоялся Славянский съезд, привлечший с новой силой внимание к славянам. ⁶³ В последующие годы в ряде городов организуются отделения Славянского комитета, в частности в Петербурге такое отделение было создано в 1868 году; со временем оно приобрело известную автономность. Петербуржцы, между прочим, признавая вслед за москвичами основную цель комитета — помощь культурному развитию славянских народов, одновременно подчеркивали и другую цель — внедрение славянской идеи в сознание русского общества. ⁶⁴

Ведущее положение в славянских комитетах, особенно Московском, занимали правые элементы — славянофилы и панслависты разного толка. Но следует иметь в виду, что комитеты были единственной легальной организацией, помогавшей южным славянам. Поэтому и тот, кто не сочувствовал панславистским тенденциям, но хотел поддержать болгар, сербов и другие угнетенные славянские народы, вынужден был обращаться в славянские комитеты. ⁶⁵

⁶¹ Н. М. Записки профана. О Шиллере и о многом другом. Отечественные записки, 1876, т. ССХХV, № 4, отд. II, стр. 281.

⁶² См.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960.

⁶³ См.: Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867; С. А. Никитин. Славянские съезды шестидесятих годов XIX века. В кн.: Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах. М., 1948, стр. 16—92.

⁶⁴ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России, стр. 93.

⁶⁵ См.: «Введение» С. А. Никитина в кн.: Славянский сборник, стр. 10—11.

Н. В. Гербель был членом Петербургского комитета с 23 февраля 1869 г.⁶⁶ В следующем году он становится здесь секретарем издательской комиссии, которую возглавлял известный славист А. Ф. Гильфердинг, являвшийся также до своей смерти в 1872 году бессменным председателем Петербургского комитета.⁶⁷ Издательская комиссия ставила перед собой две цели: ознакомление России со славянским миром и ознакомление славянского мира с Россией. Для осуществления первой цели издавались общедоступные книги и брошюры по славянской истории, географии и библиографии и учебные пособия по этим предметам.⁶⁸

Сборник «Поэзия славян» не являлся, собственно, изданием комитета, но замысел его сложился в русле тех же идей. Он должен был познакомить русских читателей с одной из сторон жизни славян — их поэтическим творчеством. Самое соединение в одной книге произведений различных славянских народов, из которых иные даже враждовали между собой, соответствовало идее славянской взаимности, лежавшей в основе деятельности комитета. Не случайно Петербургский комитет проявлял интерес к подготовке сборника, а некоторые его члены принимали в ней деятельное участие. Так, в числе авторов вступительных статей, помещенных здесь, мы встречаем А. Ф. Гильфердинга, О. Ф. Миллера, А. С. Будиловича, и их статьи зачитывались на заседаниях комитета.⁶⁹ Член комитета и один из переводчиков сборника поэт А. Н. Майков читал стихи из него на организо-

⁶⁶ См.: Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868—1883 гг. СПб., 1883, стр. 841.

⁶⁷ Сохранились два письма Гильфердинга к Гербелю, относящиеся к их совместной работе в издательской комиссии (ГПБ, ф. 179, № 39). В первом (1870 год) сообщается о предстоящем заседании комиссии. Второе, недатированное, относится к марту 1871 года и связано с подготовкой брошюры «Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 29 марта 1871 года» (СПб., 1871; в письме говорится о стихотворении Ф. И. Тютчева «Черное море», написанном для этого случая). Попутно отметим, что письмо Н. А. Некрасова к Гербелю, помеченное 26 марта без указания года (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М., 1952, стр. 187—188. Комментарий С. А. Рейсер предположил, что оно связано с «Поэзией славян», и отнес его к 1871 году), на наш взгляд, касается какого-то обращения к Некрасову Петербургского славянского комитета. Возможно, что это было направленное в марте 1870 года ходатайство о высылке бесплатных экземпляров журнала «Отечественные записки» в читальни славянских земель (см. протокол от 15 марта 1870 г., пункт 12. Первые 15 лет..., стр. 57).

⁶⁸ См. протокол от 27 апреля 1869 г. Первые 15 лет..., стр. 15.

⁶⁹ См. протоколы от 29 ноября и 21 декабря 1870 г. и 15 января 1871 г.: там же, стр. 101—122, 125—143. Эти чтения упоминаются в письмах к Гербелю А. С. Будиловича (без даты) и О. Ф. Миллера (от 18 декабря 1870 г.). ГПБ, ф. 179, № 30, л. 4—4 об.; № 73, л. 2.

ванном комитетом чествовании памяти славянского первоучителя Кирилла 14 февраля 1870 г.⁷⁰

Подготавливая «Поэзию славян», Гербель рассчитывал предложить русской публике «издание, в котором она найдет в переводе на русский язык лучшие произведения как народной, так и художественной поэзии славянских племен». Он стремился, чтобы «сборник служил картиною славянских литератур по возможности полною, т. е. чтобы все замечательнейшие поэты славянские были в нем представлены хотя одним из их произведений».⁷¹

Переводное наследие, на которое мог опереться составитель сборника, было сравнительно невелико. Это были в первую очередь классические «Песни западных славян» Пушкина. Существовал упоминавшийся уже небольшой сборник «Отголоски славянской поэзии» (1861) молодого казанского слависта М. П. Петровского. Сборник этот включал шестьдесят стихотворений и народных песен, переведенных с польского, чешского, словацкого, болгарского, сербо-хорватского и словинского языков.

Больше всего со славянских языков переводил Н. В. Берг. В изданном им в 1854 году сборнике «Песни разных народов» содержалось более шестидесяти лирических и эпических песен — украинских, лужицких, чешских, словацких, моравских, польских, сербских и болгарских. Три четверти «Переводов и подражаний Н. В. Берга», которые Гербель издал в 1860 году, занимали чешские, сербские и украинские песни, стихи чешских и польских поэтов. В дальнейшем Берг выпустил отдельный сборник переводов из Мицкевича.⁷²

Подспорьем для «Поэзии славян» мог служить и «Кобзарь Тараса Шевченка в переводе русских поэтов», изданный Гербелем в 1860 году и переизданный с дополнениями в 1869. Наконец, в разных изданиях были рассеяны отдельные стихотворные переводы со славянских языков (главным образом из Мицкевича) Лермонтова, И. Козлова, Огарева, Фета, Михайлова, Мея и других поэтов.⁷³

Этого наследия для целей Гербеля было явно недостаточно. Ранее опубликованные переводы не обеспечивали и половины его сборника. Большая часть переводов была сделана по его заказу в 1869—1871 годы специально для «Поэзии славян».

Приведем некоторые количественные данные, характеризующие подготовленную Гербелем антологию. «Поэзия славян» включает свыше 400 поэтических произведений общим объемом более 30 000 строк. В ней помещены около 150 эпических и лирических

⁷⁰ Первые 15 лет. . . , стр. 50.

⁷¹ Поэзия славян, стр. III (Предисловие).

⁷² Н. Берг. Переводы из Мицкевича. Варшава, 1865.

⁷³ Вне поля зрения Гербеля остался сборник «Сербские народные песни» (Лейпциг, 1838) в переводе М. И. Касторского (1809—1866), одного из первых русских славистов.

народных песен: украинских (малорусских, червоннорусских),⁷⁴ белорусских, сербских, болгарских, словенских, чешских, моравских, словацких, польских и лужицких. Антология содержит произведения 137 поэтов, представляющих литературы: Украины (Малороссии — 10, Галицкой Руси — 12; Угорской Руси — 2), Сербии (37), Болгарии (5), Словении (Славонии) — 10, Чехии (28), Словакии (6), Польши (22) и Лужиц (5). Кроме того, в начале сборника Гербель поместил свой перевод «Слова о полку Игореве», который составил первый, древнерусский отдел.

Помещенные в «Поэзии славян» переводы принадлежат перу тридцати русских поэтов. Однако участие их в сборнике далеко не равномерно. Свыше трех четвертей стихотворного текста принадлежало только трем участникам: Н. В. Бергу (свыше 16 000 строк), самому Гербелю (около 4400 строк) и М. П. Петровскому (около 3700 строк). Более 1000 строк от каждого составляет доля В. Г. Бенедиктова, А. Н. Майкова и Л. А. Мея (к тому времени уже покойного). Остальные три с половиной тысячи строк распределяются между двадцатью четырьмя поэтами, из которых большую долю имели Ф. Б. Миллер (570 строк), О. А. Лепко (530 строк), Пушкин (400 строк), П. А. Козлов (390 строк) Н. Ф. Щербина (360 строк), А. Н. Плещеев (320 строк), О. Ф. Миллер (290 строк).

Таким образом, стихотворная часть сборника наполовину принадлежала Н. В. Бергу. Николай Васильевич Берг (1823—1884) — крупнейший в XIX веке русский переводчик славянских поэтов и славянского фольклора.⁷⁵ Уже в гимназии он начал знакомиться с польской поэзией. «Поэзия Мицкевича сильно увлекала меня, — вспоминал он. — Я учился по-польски страстно, как ни одному предмету в гимназии. . . Я много переводил из Мицкевича».⁷⁶ В Московском университете он показал свои переводы профессору русской словесности С. П. Шевыреву, который одобрил его занятия и познакомил с литераторами «Москвитянина» — Погодиным, Аксаковыми, Хомяковым, Кошелевым. «Кругу этих литераторов и любителей словесности (более всего Шевыреву) обязан я народным, точнее сказать, славянским направлением моей музыки. Я изучал с любовью славянских поэтов, переводил с польского, чешского, сербского».⁷⁷ Впоследствии Берг сблизился с «молодой ре-

⁷⁴ Здесь и ниже в скобках даются названия, принятые в антологии, если они не совпадают с современными.

⁷⁵ Наиболее полные сведения о нем см.: С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III. СПб., 1892, стр. 24—32 (там же библиография); Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888, стр. 65—67. См. также: Посмертные записки Николая Васильевича Берга. Русская старина, 1890, № 2, стр. 293—319; 1891, № 2, стр. 229—279; № 3, стр. 579—600; 1892, № 3, стр. 633—652.

⁷⁶ Русская старина, 1891, № 2, стр. 235.

⁷⁷ Там же.

дакий» «Москвитянина», что укрепило его славянофильские настроения.⁷⁸

В 1846 году был опубликован его перевод так называемой Краледворской рукописи, а спустя год — сербских песен из сборника Вука Караджича. Последующие издания переводов Берга упоминались выше. Основным трудом своей жизни он считал первый (и до сих пор единственный) полный перевод «Пана Тадеуша» Мицкевича.⁷⁹ Берг переводил со многих языков, чуть ли не со всех европейских, с некоторых восточных, хотя в совершенстве он знал, по-видимому, лишь польский язык. Довольно часто он был вынужден прибегать к подстрочнику. Как поэт-переводчик он был несомненно талантливее Гербеля, хорошо владел стихом, обладал большим литературным вкусом. Тем не менее общий упадок культуры стихотворного перевода во второй половине XIX века отразился и в творчестве Берга: слишком свободно оперирует он шаблонными поэтическими выражениями, которые к его времени стали тривиальными.⁸⁰ Да иначе и не могло быть, если он переводил иной раз до тысячи стихов в 4—5 дней.

Лучшими были его переводы, собранные в книге «Песни разных народов». Некрасов считал, что там «встречаются настоящие перлы поэзии».⁸¹ Впоследствии он писал, что переводы Берга «грешат менее всего близостью к подлинникам. Но стихи его хороши».⁸² Отрывки из «Пана Тадеуша» печатались в некрасовских «Отечественных записках».⁸³

В специальной рецензии на «Песни разных народов» Чернышевский признавал, что «перевод бывает очень часто удачен», хотя и показывал, что иногда Берг добавлением банальных эпитетов «нарушает простоту подлинника» (кроме того, Чернышевский резко критиковал отбор песен).⁸⁴

⁷⁸ В 1867 году Берг принял участие в сборнике стихотворных приветствий Славянскому съезду: Братьям-славянам. Стихотворения Аксакова, Берга, кн. Вяземского, Тютчева и Хомякова. М., 1867.

⁷⁹ См.: Н. Берг. Как и когда сделан мною перевод Тадеуша. В кн.: Пан Тадеуш. Поэма А. Мицкевича, перевел Н. Берг. Варшава, 1875, стр. XXI—XXVIII.

⁸⁰ См.: В. В. Чуйко. Современная русская поэзия в ее представителях, стр. 191—194.

⁸¹ Письмо к Тургеневу от 9 октября 1854 г.: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. X, стр. 208. Тургенев же писал Некрасову 22 октября, что перевод Берга «большею частью вял и плох — и даже ... неверен» (И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. II, М.—Л., 1961, стр. 236).

⁸² Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. IX, стр. 447. См. также стр. 401.

⁸³ Отечественные записки, 1870, № 6, стр. 203—224; 1873, № 3, стр. 211—238; 1874, № 2, стр. 381—414; № 4, стр. 307—330. Об отношениях Берга и Некрасова см.: Литературное наследство, т. 51—52, М., 1949, стр. 112—113.

⁸⁴ Современник, 1854, № 11, отд. III, стр. 1—32; Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 291—317. Подробнее об отзыве Чернышевского см. в статье К. И. Ровды (стр. 48—49).

Гербель познакомился с Бергом не позднее 1854 года.⁸⁵ В дальнейшем он издавал его «Переводы и подражания». Поэтому, естественно, Берг был одним из первых, к кому Гербель обратился, начиная подготовку «Поэзии славян». В то время Берг находился в Варшаве, где поселился в 1863 году. Сперва он состоял здесь чиновником при наместнике края, а в 1868 году поступил лектором русского языка и истории русской литературы в Главную школу, вскоре преобразованную в Варшавский университет. По свидетельству П. Д. Боборыкина, Берг «был очень любим своими слушателями, даже и поляками, за свое знание польского языка и как талантливый переводчик Мицкевича».⁸⁶

В «Поэзии славян» переводы Берга содержатся почти во всех разделах. Но основной вклад его в антологию составляли сербские и западнославянские (чешские, словацкие, польские и лужицкие) народные песни, стихи сербских, чешских и словацких поэтов, а также сокращенный перевод «Пана Тадеуша» (около 6000 строк). Ниже мы приводим отрывки из писем Берга к Гербелю, относящихся к 1869—1871 годам и характеризующих его работу для антологии.⁸⁷

Уже в письме от 15 апреля 1869 г. Берг выразил согласие участвовать в новом издании и оговаривал условия оплаты, выражая желание начать работу сразу же по получении необходимых материалов (лл. 29—30). Спустя полмесяца, 1 мая, он писал: «Что до вопроса, с какого языка (кроме польского) мне удобнее переводить, — я решит его затрудняюсь, потому что ни одного из этих языков не изучал как следует; все будут кое-какие затруднения. Эти затруднения я, разумеется, разрешу и при сочувствии к рекомендованной пиесе переведу ее с такого или с другого языка, но мой совет оставить восточную отрасль (сербов, болгар и т. д.) и ухватиться за западную (чехов и других). Тут, можно сказать, ничего не сделано. Тогда как там кое-что уже есть. сверх того, вот еще вам практический совет: не поручайте переводить с сербского (а также с болгарского и вообще из этого *песенного*, так сказать, мира) — кому случится. Не выйдет ничего, как бы стихи гладки ни были. Тут нужно специальное и довольно приличное изучение предмета с великою любовью и даже склонностью к таким работам. Может быть, и способностью» (лл. 33 об.—34).

Приступив к переводу чешских поэтов, Берг писал 29 мая: «Переводы из Коллара не так просты и легки; я должен был осмотреться, между тем перевел Вам из Ганки, из которого у Вас мало; все-таки он у чехов известен; посланное Вам ничуть не хуже *Лабы*, *Очей* и *Сна*. Вы же мне писали: у меня *только Лаба*,

⁸⁵ Сохранилось письмо Берга к Гербелю от 8 февраля 1854 г. (ГПБ, ф. 179, № 23, л. 1).

⁸⁶ Цит. по: Литературное наследство, т. 51—52, стр. 112.

⁸⁷ ГПБ, ф. 179, № 23, лл. 27—75 (29 писем). Ниже ссылки на листы этого собрания даны в тексте.

Очи, Сон. . . Я из этого понял, что как будто желательно увеличить этот отдел.⁸⁸ Не думайте, пожалуйста, что славяне вообще дадут Вам что-нибудь чрезвычайное. В *Дочери Славы*⁸⁹ столько прозы и ерунды, что если я вам переведу иное, то вы не поверите, что это из столь прославленной *Дочери Славы*. Когда-нибудь и сделаю это для шутки. А пока я перевел *шесть сонетов о Москве и славянах. . . Не сонетами переводить Коллара не могу. Надо сонетами, или никак — т. е. Дочь Славы»* (л. 36—37).

Посылая 26 октября «Тирольские элегии» Гавличка, Берг вспоминал: «Гавличек жил когда-то между нами, в Москве, у Шевырева.⁹⁰ Худощавый, нервный, с лицом некрасивым, но энергическим. . .» (л. 38—38 об.). В письме от 7 декабря Берг сообщал, что варшавский профессор славянских наречий Йезбера (Берг писал Езбера) выразил готовность помогать ему (л. 39).

О переводческих приемах Берга говорится в письме от 4 февраля 1870 г.: «Второй сонет из Коллара я Вам переведу, лишь только получу кой-какие разъяснения. Нельзя переводить сонетов сонетами, не владея вполне содержанием подлинника. Если Вы мне пришлете *ясный* перевод этого сонета прозой по-русски, я сейчас же устрою Вам его стихами. Здесь я давал перевести нескольким — все выходит туманно. . .

Посылаемое переведено размерами подлинников. . .

Когда будете после сличать оригинал с переводом и встретятся неверность, которую Вы пожелали бы исправить, дайте знать с присылкой точного прозаического перевода неверного места, и я исправлю. Есть наречия мудреные, где бьешься-бьешься иной раз. Таково хорутанское. Сомневаюсь, чтобы в П<етер>бурге был очень бойкий знаток этого наречия» (л. 44—44 об.).

На затруднения, с которыми он сталкивался, Берг жаловался в письме от 15 мая 1870 г.: «Вы говорите: дать кому-нибудь выбрать получше, если посылаемые не так хороши. Как будто Вы не знаете обломовский славянский мир: кому дашь? Попробуй только — и пролежит книжка год или два без всякого результата. Я дал Езбере выбрать из Коллара (*Дочь Славы*) лучшие сонеты по Вашим зелененьким книжечкам; они лежали у него более полугода, и он ничего не сделал, так они и поехали к Вам нетронутыми. Я развернул поэтому первую книжку и отваля сразу шесть первых сонетов. А как были переведены сонеты о *Москве* и *Славянах* — Вы знаете. Это гораздо прежде. Сонет 2-й, непонятный, дан был мною на просмотр бывшему преподавателю чешского языка в здешней Главной школе. Он возился

⁸⁸ В «Поэзии славян» в переводах Берга помещены 7 стихотворений Ганки: «Краледвор», «Фиалка», «Ожидание», «Себе», «Цветы», «Лаба», «Очи».

⁸⁹ Поэма Коллара, написанная сонетами.

⁹⁰ В 1843—1844 годах, находясь в Москве, Гавличек был гувернером детей С. П. Шевырева.

тоже полгода и наконец сказал, что не понимает. И сколько таких случаев! Необходимо перевести первое, что Вам кто-либо укажет, если это хоть немного сносно. Я так и делаю. Иначе не было бы нашей задаче конца, особенно в тех размерах, как Вы хотите» (л. 49—49 об.).

В мае 1870 года Гербель просил Берга помимо переводов помочь также в составлении биографических справок о поэтах, помещаемых в сборнике. Берг рассчитывал на помощь своих пражских друзей, которых предполагал посетить в июне. Еще до отъезда в Прагу 30 мая он послал А. Патере, профессору Пражского университета, список поэтов, включенных в антологию, и просил отобрать их произведения для перевода, а также поручить студентам составление биографий.⁹¹ А 6 (18) июня Берг писал Гербелю уже из Праги, что его друзья предлагают «просмотреть имена западных и южных славянских поэтов (кроме польских) . . . и если есть какие-либо пробелы, указать их и пополнить, дабы не было потом никаких нареканий» (л. 51—51 об.).

4 (16) июля Берг сообщал из Бадена об итогах своего визита в Прагу: «Наши дела в таком положении: пока я жил в Праге, все шло как нельзя лучше; мои чешские друзья были деятельны, читали, выбирали, указывали, обещали мне всякую помощь по этому изданию, где бы я ни находился, куда бы ни уехал. Не доверяя вообще славянским обещаниям, я старался сделать как можно более на самом месте, в Праге. Это было необходимо даже и для того, что иной раз выбор пиэсы представлял значительные затруднения, стоил возни и я не знаю, как бы иное разрешилось моими друзьями, если б я сам при этом не был». Далее Берг писал, что после отъезда из Праги он не получил оттуда «ни строки», хотя и отправил «два понукательных письма». Относительно отбора чешских поэтов он сообщал: «Прибавил я против списка только двух (так как Вы до известной степени меня на это уполномочили): Ригера, как человека очень известного, из которого перевел *Песню Кузнецов*, ставшую народной. Я подумал при этом, что если мы перевели уже стихотворение Палацкого, то как-то будет странно, если не возьмем ничего из Ригера, которого имя постоянно соединяется с Палацким; они даже живут вместе, — и мысль взять что-нибудь и из Ригера пришла мне у него в деревне, за обедом, когда налево от меня сидел Палацкий, а направо Ригер. Я тут же спросил у последнего, какое стихотворение из своих он бы рекомендовал более для нашего издания: он сейчас же назвал вышеупомянутую песню, как самую распространенную, и сказал, где ее найти, что я и исполнил, воротясь в Прагу. — Еще перевел, для опыта, внимая рекомендации моих друзей, из одного нового поэта, Пфлегера-Моравского,

⁹¹ См.: К. И. Ровда. Русско-чешские литературные связи XIX века (50—60-е годы). Изд. «Наука», М.—Л., 1968.

небольшое стихотворение, которое сообщу Вам вместе с другими, воротясь в Россию» (лл. 52—54).

Из письма от 30 октября, написанного уже по возвращении в Варшаву, мы узнаем, что название антологии было придумано Бергом. «Не назвать ли книгу: *Поэзия Славян?* — предложил он. — Это просто и оригинально. Затем, в особом абзаце, поменее: *Сборник таких-то и таких-то произведений*» (л. 57 об.).

В декабре 1870 года Берг вновь оказался в Праге и 17 декабря писал Гербелю: «Вот Вам еще две биографии, любезнейший Николай Васильевич, и несколько *безделок* Кохановского. Этим переводом из *Безделок* я намерен и заключить. Выбрал, кажется, в разных родах из трех книг *Безделок*. Тон везде выдержан. Тут я дома, как и в сербской поэзии. — Биографии сербов, заданные Вами, очень затрудняют. Нигде ничего не напечатано и так никто не знает. Двое моих приятелей обещались написать кое к кому. Не знаю, что выйдет. Виллани обещал дать о себе полнейшие сведения, нежели тут; был у меня раз пять и я у него. Ничего не написал, кроме листочка, из коего и еще из одной книжки я и извлек прилагаемое. Такие ж обломовы. — О предприятии Вашем знают здесь все. Ждут с нетерпением. Один чех спрашивал, есть ли у Вас что-нибудь из доктора Прешерна, отца новой словенской поэзии? Такие вопросы приходилось слышать не раз. Всякий сует какого-нибудь отца или дядю. . .

Одному из здешних чехов, знающему недурно по-русски, уже поручено *Клубом артистов* (*Umělecká besěda*) разобрать Ваш сборник! . .

Разбиратель в будущем Вашего сборника тоже сказал, что если не найдет там какого-то отца, то раскачает» (л. 60—60 об.).

2 января 1871 г. Берг писал уже из Варшавы. Из его объяснения по поводу переводов стихотворений сербского поэта Вукотиновича выясняется, что при отборе произведений Гербеля привлекали в первую очередь патриотические мотивы. Он остался недоволен теми стихотворениями, которые перевел Берг, на что последний замечал: «Выражение Ваше было неясно: *что-нибудь горячее*. Ни разу Вы не сказали, что это надо разуметь в *патриотическом смысле*. Я понял иначе, тем более, что никаких других стихотворений Вукотиновича, кроме бесконечных посланий *К Черноокой* на разные тоны, я не видал. Вот я и давай выискивать, что погорячее. Прага неслыханно бедна собранием произведений славянских поэтов. Я обшарил всю библиотеку Народного музея и несколько частных. Я уже писал Вам, что нашлось. Здесь Вукотиновича нет. По крайней мере я достать не мог. Если хотите, чтобы было что-нибудь *патриотическое* из него, — найдите где-нибудь сами и пришлите в хорошей и четкой копии» (л. 61 об.).

Приводим еще два отрывка, характеризующих отношение Берга к изданию и своему участию в нем. 21 января 1871 г.: «... вероятно, как никто на свете, желаю

от всей души Вашему прекрасному предприятию всякого успеха и благополучия. Что я к нему был постоянно равнодушен, этому простое доказательство исправность и быстрота моих переводов, которыми Вы были всегда довольны и не считали их переводами по заказу. Истинно Вам скажу: все сделано с любовью. Труд этот был для меня постоянно приятен» (л. 63 об.—64).

И когда уже издание подходило к концу, Берг писал 28 сентября 1871 г.: «Вы меня очень обрадовали известием, добрейший и многоуважаемый Николай Васильевич, о скором выходе Вашей книги, к которой я никак не могу относиться равнодушно, прожив в нее столько труда... Если мои переводы заслужили некоторое одобрение с Вашей стороны, так это потому, что песенный мир — мой мир, я его люблю без памяти и в нем как дома. Да и вообще славянская поэзия мне более близка и сродна, чем все прочие» (л. 71—71 об.).

Однако, получив экземпляр «Поэзии славян», Берг обнаружил, что Гербель самовольно переделал в его переводах до четырех сотен стихов. Возмущенный Берг написал 2 ноября 1871 г. письмо Гербелю с выражением своего негодования и в дальнейшем выступил с протестом в печати, в результате чего их отношения были навсегда испорчены.⁹²

По количеству переведенного в сборнике второе место, как указывалось, занимал сам Гербель. Он тоже переводил почти со

⁹² Протест Берга, датированный 12 ноября 1871 г., был напечатан в газетах: *Голос*, 1871, 15 (27) ноября, № 316; Санкт-Петербургские ведомости, 1871, 16 (28) ноября, № 316; Московские ведомости, 1871, 17 ноября, № 251. В тех же газетах был напечатан ответ Гербеля: 19 ноября (1 декабря), № 320; 22 ноября (4 декабря), № 322; 25 ноября, № 258 соответственно. Новое письмо Берга «По поводу заметки г. Гербеля в № 320 газеты „Голос“» было напечатано в «Голосе», 6 (18) декабря, № 337; в остальных газетах оно не появлялось. До написания своего протеста Берг сообщал Погдину 8 ноября 1871 г.: «В этом и частично прошлом году я создал, среди других скорых занятий, около семи тысяч новых стихов, которые пока еще льются почти так, как у двадцатилетнего. Они теперь уже напечатаны (*Поэзия Славян*), но представьте себе, какой шутник этот Гербель; никогда не воображал, что он так глуп и легкомыслен: он поправил мой текст во многих местах, не сказав мне ни слова, сочинил целые сотни стихов — и подписал их моим именем. Само собою разумеется, что я не могу остаться равнодушным к такому факту и дозволить, чтобы под моим именем разгуливали по свету сотни стихов, которых я и во сне не писал. Что с ним сделалось, Бог его знает! Я намерен употребить все меры, чтобы книга была изъята из продажи. Уже отправил доверенность адвокату. А сам с утра до ночи сверяю тексты. Эдакая скотина! Наделал хлопот человеку, которого труды составляют существенную часть издания и который мог бы и на будущее время служить ему как издателю» (ГБЛ, Пог II. 4.29). После смерти Гербеля Берг опубликовал пасквильные мемуары: «Николай Васильевич Гербель. (Из литературных воспоминаний)» (Новое время, 1883, 27—28 апреля (9—10 мая), №№ 2571, 2572), вызвавшие протест П. И. Вейнберга и друга Гербеля А. Ф. Дамича (там же, 19 (31) мая, № 2593; 22 мая (3 июня), № 2596). На письмо Дамича Берг отвечал (там же, 2 (14) июня, № 2607).

всех славянских языков: украинские и белорусские народные песни, стихотворения украинских, сербских, болгарских, словенских, польских и лужицких поэтов. Что касается достоинства его переводов, то нельзя не согласиться с рецензентом «Вестника Европы», писавшим, что они «в большинстве случаев отличаются тою мертвенною правильностью языка и стихосложения, которая стирает поэтическую образность оригинала самым безжалостным образом».⁹³

Третье место в «Поэзии славян» занимал Мемнон Петрович Петровский, выпустивший в 1861 году упоминавшуюся уже небольшую антологию «Отголоски славянской поэзии». Когда Гербель в 1869 году обратился к нему, Петровский был преподавателем Казанского университета по кафедре истории и литературы славянских наречий. Ученик известного слависта В. И. Григоровича, он занимался славянской диалектологией, историей древнеславянской литературы, переводил научные труды с чешского и сербо-хорватского языков. Впоследствии, в 1875 году, ему была присвоена степень доктора славянской филологии *honoris causa*, и он был назначен ординарным профессором по кафедре славянской филологии Казанского университета.⁹⁴

На приглашение Гербеля Петровский отвечал 29 апреля 1869 г.: «Душевно радуюсь Вашему предприятию в видах ознакомления русского читающего люда с славянами! Труды отдельных лиц в таком деле недостаточны: я знаю это по собственному опыту, а *viribus unitis* . . . еще можно что-нибудь и доброе сделать. Я с удовольствием готов принять участие в Вашем издании и соболезную единственно о том, что Вы ничего не сообщили мне о плане издания; а ведь от этого зависит иногда и выбор пиэс и выбор писателей. Я, например, не понимаю, зачем Вам нужны переводы из старых далматинцев? Или Вы имеете уже отрывки из писателей прежней эпохи и по другим славянским народностям?»!

«Мне очень хотелось бы знать — что войдет в Ваш сборник из чешских и словацких (лучше — угрен-словенских) писателей. . .

«На днях вышлю Вам несколько отрывков из Колара, Богovichа (вовсе неизвестного на Руси) и других. Имею переводы народных песен болгарских и хорутанских, но ведь они не нужны вам!».⁹⁵

⁹³ Вестник Европы, 1872, № 1, стр. 410.

⁹⁴ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804—1904), ч. I. Казань, 1904, стр. 149—152.

⁹⁵ ГПБ, ф. 179, № 84, л. 1—1 об. В «Поэзии славян» помещены переведенные Петровским три стихотворения сербского поэта Богovichа («Осторожным», «Либерал», «Старцы и юноши»). Переводы его из Коллара здесь отсутствуют.

В переводах Петровского в «Поэзии славян» печатались в основном болгарские и словенские народные песни, стихотворения сербских поэтов (Мажуранича, Боговича, Прерадовича и др.), словенских (Прешерна, Ценгара) и чешского поэта Тупы (Яблонского). По своему переводческому мастерству Петровский уступал не только Бергу, но и Гербелю.

Засилие переводов Берга, Гербеля и Петровского, с одной стороны, а с другой — то обстоятельство, что многие из представленных в сборнике произведений не обладали значительными достоинствами, обусловили общий невысокий поэтический уровень сборника. И хотя в «Поэзии славян» содержится немало превосходных переводов Пушкина, Тютчева, Михайлова, Фета, Мея, Майкова, Щербины и других поэтов, они тонут в общей серой массе рифмованных и нерифмованных строк, лишенных истинной поэтичности.

Научный аппарат антологии, помимо биографических заметок о поэтах, которые Гербель писал с помощью Берга и других участников сборника, состоял из вступительных статей. Отделу I («С древнерусского»), включавшему один только перевод «Слова о полку Игореве», Гербель предпослал собственную небольшую статью об этом памятнике. Для отдела II («Славянские народные песни») вступительную статью первоначально согласился написать Гильфердинг. Однако он не выполнил своего намерения, и статья «О славянских народных песнях» была написана О. Ф. Миллером, историком литературы и фольклористом, славянофилом по своим общественным взглядам.

Гербель привлек специалистов и для написания статей о славянских литературах в отделе III («Славянские поэты»). Гильфердинг написал статью «Чешская литература»,⁹⁶ известный украинский историк и писатель Н. И. Костомаров — «Малорусская литература». В. И. Ламанский, по просьбе Гербеля, взял на себя статьи о сербо-хорватской и хорутанской литературах,⁹⁷ но в дальнейшем, по какой-то причине, отказался от них, и они были поручены молодому в то время слависту А. С. Будиловичу, который написал также статьи о литературах словацкой, польской и лужицкой.

К участию в «Поэзии славян» Гербель привлекал и самих деятелей славянских литератур. Статья «Болгарская литература» была написана болгарским поэтом и публицистом Ксенофонтом (Райко) Жинзифовым. Жинзифов также помогал Гербелю в от-

⁹⁶ О статье Гильфердинга см. выше в исследовании К. И. Ровды. Наст. сб., стр. 55—62.

⁹⁷ См. письмо Гербеля к Ламанскому от 29 сентября 1870 г.: ИРЛИ, 2372 VII м. 157, л. 1—1 об. Кроме того, Ламанский предполагал перевести для антологии «с сербского пару стихотворений» (см. недатированное письмо Гербеля к нему: там же, л. 9); однако в «Поэзии славян» его переводов нет.

боре стихотворений болгарских поэтов и написании заметок о них.⁹⁸

Другой славянский литератор, привлеченный Гербелем, — Яков Федорович Головацкий, западноукраинский (русинский) поэт и ученый. В прошлом профессор и ректор Львовского университета, он был уволен австрийским правительством за свои русофильские выступления и в 1867 году поселился в России. Приглашение Гербеля он принял с восторгом и писал 10 января 1870 г.: «Я благодарен Вам за доверие, с которым Вы отнеслись ко мне и рад бы от души помочь в Вашем предприятии, так как я рад во всем помогать, что касается развития идеи славянства».⁹⁹

Головацкий принадлежал к русофильскому крылу западноукраинских националистов, которое именovalo себя «галицкими русскими» и противопоставляло украинцам и полякам. Взгляды эти разоблачал Чернышевский еще в 1861 году в статье «Национальная бестактность». Головацкий в письме Гербелю от 20 августа 1870 г., сообщая о трудностях, сопряженных с поисками и сбором «поэтических творений галицко-русских писателей», жаловался: «Политические, социальные, религиозные, лингвистические и др<ругие> отношения препятствуют нормальному развитию галицких русских. Лучшие таланты истощают свои силы в бесплодной борьбе с врагами русской народности. Русские, понимающие в чем дело, принуждены отстаивать свои национальные, политические и социальные права — они изнуряют свои лучшие силы в неровной борьбе — и упадают от истощения. Большинство житейства, не имея ясного понятия о состоянии дела, сбиваемые с толку полонизмом, (в Венгрии) мадьяризмом, равнодушно смотрит на события или ожидает спасения от стечения обстоятельств. Молодежь соvrащена украиноманией, поддерживаемой поляками, растет в невежестве касательно важнейших вопросов жизни славян и русских и колеблется от любого подува политического ветра. Истинно безотрадное состояние... И так везде: дома и в школе, в церкви и в судах, в администрации и в сейме — наконец, даже в театре одна и та же валка на жизнь и смерть. И право — возможен ли при таком состоянии нормальный ход просвещения и развития литературы?».¹⁰⁰

На предложение Гербеля написать статью Головацкий отвечал 18 января 1871 г.: «С большой радостью я прочел в Вашем письме, что издание славянских поэзий в русском переводе с успехом подвигается вперед. Ваша книга принята будет с великим радушием во всей Славянщине и принесет непременно большую

⁹⁸ См.: Г. В. Краснов. Письма Ксенофонта Жинзифова к Н. В. Гербелю. В сб.: Славянское источниковедение. М., 1965, стр. 229—233. См. также: К. Н. Державин. Райко Жинзифов и его перевод «Слова о полку Игореве». Вестн. ЛГУ, 1951, № 1, стр. 179.

⁹⁹ ГПБ, ф. 179, № 40, л. 1.

¹⁰⁰ Там же, лл. 3 об.—4 об.

пользу общеславянскому делу. Если Вы изволили обратить Ваше внимание на письменность галичан, то, конечно, показалась потребность статьи о развитии галицко-русской литературы — и для меня лестно, что Вы избрали меня к написанию статьи по этому предмету. — Я чувствую всю трудность в исполнении этого дела, несмотря на мои довольно полные сведения насчет галицко-русской письменности. Написать статью о всякой любой органически развитой литературе это удобно, но написать обзор, хотя бы и краткое, о письменности галицко-русской весьма трудно. Начало ее и переходы по разным степеням столь странны и необыкновенны, — можно сказать аномальны — что трудно уловить все моменты ее развития и представить в рельефной форме. — Несмотря на то я примусь за написание статейки по Вашему желанию. В продолжении 10 — до 14-дневного срока я обещаюсь доставить Вам мою рукопись, хотя не ручаюсь в том, что статья выйдет в такой мере удовлетворительна, как я бы этого желал и как бы требовало столь важное издание». ¹⁰¹

Помимо статьи «Червоннорусская литература», Головацкий также снабдил Гербеля сведениями о «галицко-русских» поэтах.

Славянофильский характер, который приняла «Поэзия славян», ¹⁰² определил и редакторскую работу Гербеля. Он выступал против предпочтения, оказываемого западноевропейским литературам перед славянскими и, стремясь утвердить значение последних, преувеличенно оценивал творчество славянских поэтов. В предисловии к сборнику он перечислил два десятка имен, где наряду с Мицкевичем упоминались и такие второстепенные поэты, как Кукулевич-Сакцинский, Зейлер или Халупка, и утверждал, что «это люди, которые заняли бы каждый в любой западноевропейской литературе одно из почетнейших мест». ¹⁰³ В том же направлении он, видимо, обрабатывал и вступительные статьи, что однажды вызвало протест Будиловича. ¹⁰⁴ С другой стороны, Гербель старался затушевать «спор славян между собою», в частности устранял резкие антипольские и антиукраинские выпады из статьи Головацкого. ¹⁰⁵

¹⁰¹ Там же, лл. 5—5 об.

¹⁰² Видимо, поэтому в подготовке сборника не принимал участия такой знаток и популяризатор славянских литератур, как А. Н. Пыпин, выпустивший совместно с польским профессором В. Д. Спасовичем «Очерк истории славянских литератур» (1865). Гербель утверждал, что авторам этого издания якобы свойственна «странная отрицательная точка зрения, которая затемняет беспристрастное историческое изложение» (Поэзия славян, стр. II).

¹⁰³ Поэзия славян, стр. IV.

¹⁰⁴ Возвращая Гербелю корректуру своей статьи о сербо-хорватской литературе, Будилович писал 1 февраля 1871 г.: «... я не соглашусь подписать свою фамилию под статьей, где Кукулевич, Казали и Богович пожалованы в гениальных поэтов!!» (ГПБ, ф. 179, № 30, л. 4).

¹⁰⁵ Головацкий писал Гербелю 25 февраля 1871 г.: «Я соглашаюсь вполне с Вашим мнением насчет того, чтобы смягчить или, если нужно, даже исклю-

Направленность антологии обусловила и восприятие ее критикой. Наиболее горячо «Поэзию славян» приветствовала недолговечная славянофильская «Беседа» (1871—1872). Рецензент указывал, что собранные «образцы славянской поэзии рисуют правдивую картину настроения умов в славянстве; по ним мы можем проследить те идеалы, к которым оно стремится, узнать те чувства, которые его всегда одушевляли: стремление к свободе, ненависть к притеснителям, воспоминание о прежней независимости и неугасающая надежда на лучшие времена — вот главные мотивы славянской лирики. . . И какое громадное разнообразие оттенков этого искреннего патриотизма, этой любви к своему народу!».

«Такое же разнообразие форм и взглядов» рецензент находил и в других аспектах представленной в сборнике поэзии. Отмечал он и «общие обзоры, написанные специалистами», особо выделив очерк украинской литературы Костомарова. В заключение он писал, что, «сверх пользы сборника для массы читающей публики», он может служить «полезным подспорьем и для педагогических целей».¹⁰⁶

Примером славянофильского отклика может служить и полученное Гербелем восторженное письмо Я. Ф. Головацкого от 4 ноября 1871 г.: «Особенно порадовала меня Ваша книга: Поэзия Славян. Она своим объемом, содержанием и вообще внутренним достоинством превзошла мои ожидания, а в успехах сближения славян и знакомления общества с славянством она должна становить эпоху. Я уверен, что ей предстоит гораздо больший круг действия, чем всем кафедрам славянским вместе. Университетские кафедры распространяют сведения о славянах и их литературе в тесном кругу слушателей и специалистов. Ваша книга для всей публики — она познакомит с славянским духом все общество, она завяжет душевное общение между всеми доблестными сынами славян. Так спасибо Вам за Вашу благоносную мысль и приведение этой счастливой мысли в исполнение. Наздар! Слава! Живю Николай Васильевич!».¹⁰⁷

Напротив, рецензент западнического «Вестника Европы» заявлял, что «эта роскошно изданная книга гораздо больше обещает, чем дает». Он иронизировал над словами Гербеля о значении славянских поэтов и замечал: «Если народная поэзия славян действительно представляет прекрасные образцы, то индивидуальное творчество огромного большинства славянских поэтов, собранных г. Гербелем, отличается бедностью мысли, выражения и даже фантазии». Рецензент утверждал, что составитель поступил бы

читать все резкие места и слова об украинофилах. . . Я сам замечал, что я несколько резко выражался об этом чирее галицко-русского национального движения. . .» (ГПБ, ф. 179, № 40, л. 11—11 об.).

¹⁰⁶ Беседа, 1871, № 12, Новые книги, стр. 29—30.

¹⁰⁷ ГПБ, ф. 179, № 40, л. 13—13 об.

лучше, «если б ограничился несколькими славянскими поэтами, действительно поэтами . . . чем гоняться за обилием имен, не имеющих ровно никакого значения в поэзии. . .».¹⁰⁸

Рецензия «Вестника Европы» во многом перекликалась с критикой, содержащейся в письме М. П. Петровского Гербелю от 27 ноября 1871 г. Эта близость тем более примечательна, что Петровский был несомненным сторонником издания, в котором деятельно участвовал. «. . . Главный недостаток книги, — писал он, — это известного рода *полнота*, с одной стороны, и *неполнота* — с другой. Многие имена, бог весть, зачем появляются в Вашей книге и некоторых *необходимых* имен нет; или из некоторых замечательных поэтов приведены до того незначительные отрывки, что не могут дать никакого понятия о писателе или дают превратное.

«В выборе писателей и их произведений редакция, конечно, руководствовалась мнением самих славян, но — говоря откровенно — составители всех славянских хрестоматий — плохие судьи в этом деле. Мне не только известны все подобные хрестоматии, но и все составители их лично. Для того чтобы выбор поэтических произведений имел объективное художественное значение, составителю нужно быть самому поэтом, а посему только известная русская хрестоматия Щербины и удовлетворяет предположенной цели. У других славян нет ничего подобного: везде благодаря их незавидному политическому положению (их пресловутому «конститучному животу»), везде погоня за патриотической фразой, иногда прикрытой неглубокой таинственностью, а чаще и ничем не прикрытой, бесформенной, неуклюжей. . . Пусть восхищается известная доля чехов какой-нибудь „коварской“ песнью Ригра, но для русской-то публики в ней ровно ничего нет! . . . А стихотворения Шафарика, Палацкога, Кастельца? . . ! Нет, лучше бы их именам вовсе не красоваться в Вашем сборнике! А то, пожалуй, просвещенная Русь вообразит, что они первостепенные поэты, и будет судить о них по переводам их стихов! Не говорю уже о легионе имен, без которых, право, обошлась бы Ваша книга».

Петровский выражал сожаление, что в антологию не включены старые переводы, в частности Востокова, писал о недостатках переводов и об отсутствии определенности в некоторых оценках писателей. Значение и роль книги он определял довольно скромно: «. . . дать заметить всероссийской публике, что и славяне — люди грамотные!».¹⁰⁹

Журналы демократического направления игнорировали «Поэзию славян»: ни в «Отечественных записках», ни в «Деле» не было рецензий на антологию. А в 1876 году в связи с выходом

¹⁰⁸ Вестник Европы, 1872, № 1, стр. 409, 411.

¹⁰⁹ ГПБ, ф. 179, № 84, лл. 4—5.

сборника «Английские поэты в биографиях и образцах», рецензент «Дела» иронически писал о Гербеле: «... в 1871 году неутомимый поэт подарил не только России, но всех братьев-славян, от Тисы до Дриссы, от Ваги до Праги, от Саян до Балкан, обширным увесистым сборником „Поэзия славян в переводах русских писателей“. Об этом подвиге г. Гербеля будут говорить в отдаленнейших веках».¹¹⁰

Отклики на «Поэзию славян» появились в нескольких русских газетах. Это были библиографические заметки информационного характера, которые в целом оценивали антологию положительно. Сборник «вполне отвечает потребности нашего духовного общения с славянами — потребности, которая ... с каждым днем все становится сознательнее и сильнее... Г. Гербель достиг той цели, которую предполагал достигнуть: его „Сборник“ служит возможно полною картиной славянских литератур».¹¹¹ «Мысль издать такой сборник вполне заслуживает названия счастливой».¹¹² «Вообще вышедший сборник представляет издание весьма почтенное и при пробудившемся в нашем обществе стремлении к ознакомлению со славянским миром весьма полезное».¹¹³ «„Поэзия славян“ заслуживает полного внимания и поддержки».¹¹⁴ «Нельзя не порадоваться появлению этой книги и не видеть в ней ценного приобретения для современной нашей литературы».¹¹⁵ «... Изданием его (сборника, — Ю. Л.) оказана огромная услуга не только русской, но и вообще европейской литературе. Нельзя не быть искренне благодарным Н. В. Гербелю за такое издание».¹¹⁶

Впрочем, высказывались и критические замечания. Рецензент «Голоса» в качестве недостатка, отличающего «Поэзию славян» от других изданий Гербеля, отмечал отсутствие библиографии предыдущих публикаций, а также указывал, что круг «замечательнейших» поэтов непомерно расширен, тогда как некоторые «истинно замечательные» поэты представлены слишком скупо. О промахах в отборе поэтов и переводов говорилось в «Современной летописи». А «Санкт-Петербургские ведомости» подчеркнули направление сборника: «Направление это, собственно говоря, славянофильское, не различающее мирового, всемирно-исторического значения европейских поэтов, каковы, например,

¹¹⁰ Дело, 1876, № 1, Новые книги, стр. 65. Попутно отметим, что на выход «Полного собрания стихотворений» Гербеля (1882) «Отечественные записки» откликнулись резко отрицательной рецензией (1882, № 12, отд. II, стр. 212—214). М. В. Теплинский, исследовавший «Отечественные записки», предположительно называет автором рецензии Н. К. Михайловского.

¹¹¹ Голос, 2 (14) ноября, 1871, № 303.

¹¹² Санкт-Петербургские ведомости, 29 октября, 1871, № 298.

¹¹³ Сын Отечества, 1 (13) ноября, 1871.

¹¹⁴ Биржевые ведомости, 28 октября, 1871, № 295.

¹¹⁵ Современная летопись. Повоскресные прибавления к «Московским ведомостям», 8 ноября, 1871, № 42, стр. 15.

¹¹⁶ Иллюстрированная газета, 18 ноября, 1871, № 45, стр. 720.

Шекспир, Дант или Гёте, и европейских литератур вообще, от местного значения славянских литератур и поэтов».

Для того чтобы объективно оценить значение «Поэзии славян», отзывы современников недостаточны: слишком связаны они с интересами дня, зависят от партийных пристрастий. При всех своих недостатках, сборник явился внушительной демонстрацией единения славян, реализацией идеи славянской взаимности. И в течение 70—80 лет он оставался основным пособием, к которому должен был обратиться русский читатель, желавший приобрести к славянской поэзии. Поэтому нам представляется целесообразным, чтобы изучение антологии Н. В. Гербеля «Поэзия славян», только начатое в настоящей статье, было в дальнейшем продолжено.

Л. И. РОВНЯКОВА

ВАЦЛАВ СЕРОШЕВСКИЙ И ЕГО РУССКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

(по материалам неизданной переписки)

Вацлав Серошевский (1860—1945)¹ вступил в польскую литературу в 80-е годы XIX века как младший современник создателей польского критического реализма — Болеслава Пруса, Генрика Сенкевича, Элизы Ожешко и Марии Конопницкой. Он принадлежал к тому же самому поколению, что и Стефан Жеромский, с творчеством которого связана целая эпоха в развитии литературы Польши, автор крестьянской эпопеи «Мужики» Владислав Реймонт, известный драматург, художник и поэт Станислав Высянский, поэт и романист Казимеж Тетмайер и др. Но специфика жизненного пути и внутренние особенности творчества Серошевского определили ему особое место в развитии его родной литературы.

Рано лишившись родителей и вынужденный самостоятельно зарабатывать себе на хлеб, восемнадцатилетний ученик слесаря был в 1879 году арестован и посажен в X павильон Варшавского центра за принадлежность к первым социалистическим кружкам. Находясь в тюрьме, будущий писатель принимает активное участие в создании тайной газеты «Голос узника» (*Głos więźnia*). Здесь Серошевский помещает первое свое стихотворение «Чего они хотят?»², сразу же снискавшее ему популярность верой в силу «могучего движения рабочих полков», которые разрушат до основания мир эксплуатации и насилия.²

¹ В датах жизни Серошевского до сих пор существует путаница. Первый биограф писателя К. Чаховский, а вслед за ним академик Ю. Кшижановский считает датой его рождения 1858 год. В томе XVI полного собрания сочинений (Kraków, 1959) назван 1859. Серошевский же в автобиографическом письме на имя Н. Н. Грибановского от 18 февраля 1928 г. писал: «Я родился в сентябре 1860 г.» (Архив Географического общества, ф. 65, оп. 1, № 30. В дальнейшем: АГО).

² Впоследствии стихотворение Серошевского дало название целому сборнику стихотворений, написанному польскими революционерами в тюрьмах

За участие в бунте узников, вспыхнувшем в Варшавской тюрьме в связи с убийством русским охранником поляка Бейта, Серошевский был избит и отдан под суд как оказавший «вооруженное сопротивление властям». Ввиду несовершеннолетия подсудимого, а также благодаря хлопотам его сестры, первоначальный приговор был заменен 8 годами каторжных работ, а затем — ссылкой в Сибирь.

Вместе с большой партией ссыльных 17 мая 1880 г. Серошевский покинул Варшаву. Началось долгое странствие, с остановками по пересыльным тюрьмам в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске. Только через 4 месяца кончился этот изнурительный путь через всю Сибирь, приведший изгнанника в Якутию.

12 лет прожил Серошевский в Сибири — на глухой окраине тогдашней России. Полная изолированность от внешнего мира, 7—8-месячная зима с чудовищными морозами, доходящими до 65°, редкое, полудикое население — вот что угодила польскому ссыльному тогдашняя Якутия. Серошевский пытался бунтовать, бежать, но это лишь удлинило срок его пребывания в «тюрьме без стен и решеток». Нужно было обладать поистине железной волей и несгибаемым характером, чтобы не только выдержать пребывание в этих «гиблых» местах, но еще найти в себе силы работать, творить. И вот мы видим Серошевского в маленькой, темной, по-черному отапливаемой якутской юрте, делающего свои заметки на обрывках газет чернилами из смеси сажи с жженной корой.

Чарующая природа дикого севера, с одной стороны, и рано развившаяся зоркость глаза, равно как и высокая избирательность художнической памяти Серошевского — с другой, способствовали формированию особого образа мышления будущего художника. Виденное в Сибири стало источником, из которого вырастет существенная часть написанного Серошевским. Сибирская тема послужит источником лучших произведений писателя, таких, как повесть «На краю лесов», «В сетях», «Предел скорби», рассказы «Хайлак», «Чукчи» и многие другие. Именно эти произведения Серошевского явятся, по замечанию критика, «прекрасными художественными образцами, своеобразными документами по изучению Якутского края наряду с сочинениями В. Г. Короленко, В. Тана, Н. Осиповича и П. Драверта».³

Варшавы и Познани. Сборник был издан анонимно в Женеве в 1882 году (Czego chęa oni. Nakładem Przedświtu. Genève, 1882). В нем были впервые напечатаны стихотворения Б. Червеньского «Красное знамя», ставшее затем популярной рабочей песней, «Варшавянка» В. Свенцицкого и «Кандалная мазурка» Л. Варынского — песни, которые, как известно, любил и которыми восхищался В. И. Ленин.

³ В. Николаев. Ссылка и краеведение. В кн.: Сибирская ссылка. М., 1927, стр. 92; См. также: Пришелец. Рассказ «сибиряка». Снежинки, 1911, № 1, стр. 3—4.

Сибирские, точнее якутские, материалы легли также в основу первого научного труда Серошевского — классического исследования по этнографии якутов, который был удостоен малой золотой медали Императорского русского географического общества и до сих пор не потерял своего значения.⁴

С выходом в свет исследования об якутах и в результате стараний русских друзей ученого, Серошевский получил разрешение вернуться из ссылки на родину.

Во второй раз русские друзья писателя, и прежде всего вице-президент Географического общества Петр Петрович Семенов,⁵ пришли на помощь Серошевскому в 1900 году, когда обвиненный в организации революционного выступления рабочих Варшавы в день открытия памятника А. Мицкевичу писатель был осужден вторично на ссылку в Сибирь. Стараниями русских друзей «вечное поселение» в Иркутске удалось заменить научной экспедицией на Сахалин, в край айнов. Маршрут экспедиции лежал через Монголию, Маньчжурию, Китай и Японию. В апреле 1903 года Серошевский посетил Сахалин и Корею. Результаты этой экспедиции писатель обобщил во втором своем научном труде «Корея», изданном в России в 1905 году.⁶

С 1905 по 1914 год Серошевский находится вне пределов своей родины. Первые годы он живет в Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгрии, куда вынужден эмигрировать, скрываясь от ареста за участие в революционных событиях 1905 года. Здесь писатель оказывается в самом центре деятельности буржуазно-националистических элементов тогдашней польской социалистической партии (ППС), в обстановке подлинного военного ажиотажа.⁷

⁴ В. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, 719 стр. Выход в свет первого тома «Якутов» вызвал целый ряд откликов и рецензий в русской печати. (Ср. Этнографическое обозрение, 1896, т. 8, № 4, с. 170—172; Землеведение, 1896, т. 3, кн. 2, стр. 135—136). Восторженный отзыв на книгу Серошевского дал Д. Кочнев в предисловии к своей книге «Очерки юридического быта якутов» (Казань, 1899). Последующая критика вскрыла ряд существенных недостатков в исследовании Серошевского. (Ср. резко отрицательный отзыв В. М. Ионова в журнале «Живая старина», 1914, вып. 3—4). В советские годы вопроса о научном значении исследования Серошевского коснулся академик А. Н. Самойлович. Отметив ошибки Серошевского, особенно в передаче терминов и выражений якутского языка, Самойлович не отрицает больших достоинств названной работы, в частности в области фольклора. См.: А. Н. С а м о й л о в и ч. Якутская старинная устная литература. В сб.: Якутский фольклор, изд. «Сов. писатель», 1936, стр. 7.

⁵ В будущем Семенов-Тянь-Шанский.

⁶ По-польски издана в 1905 году под заглавием «Klucz Dalekiego Wschodu».

⁷ Отстаивая справедливое требование самоопределения Польши, пепесовцы стремились увести польский пролетариат на путь буржуазного национализма. Лозунг независимости родины они превращали в лозунг борьбы поляков с Россией в условиях империалистической войны при поддержке Австро-Венгрии, Германии или Японии. В. И. Ленин решительно осудил пепесовский курс на обособление польского рабочего движения от русского

Поддавшись иллюзорной надежде на освобождение родины в результате столкновения угнетавших Польшу империалистических держав, Серошевский сближается с Ю. Пилсудским. Он играет заметную роль в «Начальном комитете народном» (НКН), в 1915—1916 годах выступает с рядом публицистических статей, прославляющих деятельность польских легионов, публикует жизнеописание Юзефа Пилсудского (1915).

Вторая молодость писателя началась в новой Польше, возрожденной Великим Октябрем. Декретом от 23 августа 1918 г., подписанным В. И. Лениным, Советское правительство аннулировало договор о разделе Польши, заключенный бывшей царской Россией с Пруссией и Австрией, и обесценило существование независимого польского государства. В 20-е годы Серошевский принимает активное участие в создании творческой атмосферы в культурной жизни своей страны. Он возглавляет писательскую организацию Варшавы, затем сменяет Стефана Жеромского на посту председателя союза польских писателей. Серошевский посещает многие страны — Болгарию, Англию, Америку, представляет как делегат Польши в Пенклубе, много и активно выступает в печати. В ноябре 1933 года он избирается первым председателем Академии польской литературы.

Серошевский умер в 1945 году в возрасте 85 лет, оставив огромное литературное наследие. Трудно назвать область литературы и жанр, в которых бы не выступал этот художник. Его перу принадлежат романы, повести, рассказы. Им написан ряд киносценариев, ярких публицистических статей, увлекательных путевых заметок.

Однако до настоящего времени нет ни одного монографического исследования, в котором бы прослеживался творческий путь писателя, делалась бы попытка осветить наследие художника в целом, намечалась бы периодизация его творчества. Более того, до сих пор не существует сколько-нибудь полной библиографии его произведений.⁸

в условиях назревавшей революции в России. Он писал: «Напрасно старается ППС представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, право стремиться к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в ППС действительно рабочей социал-демократической партии». В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 240.

⁸ Из польских буржуазных историков литературы, занимавшихся творчеством Серошевского, следует назвать лишь К. Чаховского. Его перу принадлежит ряд статей и книга о Серошевском, выдержавшая 2 издания (K. Czachowski. W. Sieroszewski. Życie i twórczość. Lwów, 1938; Łódź, 1947). Однако последняя страдает рядом существенных недостатков, а главная написана без учета русских материалов. Это значительно снижает ее научную ценность. Библиография литературы о Серошевском дается нами в специальном приложении к настоящей статье.

Между тем интерес к творчеству Серошевского в последнее время заметно возрос. На родине писателя переизданы и продолжают переиздаваться многие из его произведений. В 1959—1963 годах вышло в свет первое полное собрание сочинений Серошевского в двадцати томах. Предприняты первые попытки критического истолкования наследия художника в трудах современных историков польской литературы.⁹

Но сделано пока еще очень мало. Возросший интерес к творчеству В. Серошевского делает настоятельной необходимостью создания глубокого и подлинно научного исследования о нем.

Изучать литературное наследие Серошевского невозможно вне его связей с Россией. Здесь писатель прожил почти 15 лет. Русская тема легла в основу лучших его произведений: некоторые из них были написаны им прямо по-русски, а другие появились впервые на страницах русской печати.

За время пребывания в России Серошевский сблизился со многими русскими писателями, учеными и культурными деятелями. Среди его знакомых мы видим В. Г. Короленко, А. М. Горького, Г. В. Плеханова, Л. Ф. Пантелеева, В. Я. Богучарского, М. К. Лемке, Н. Ф. Анненского, В. В. Лесевича, Г. Н. Потанина и многих, многих других.¹⁰ Об отношениях польского писателя с деятелями русской культуры свидетельствует неизданная переписка.¹¹ В различных архивохранилищах Советского Союза, в том числе в Отделе рукописей Института русской литературы, Гос. библиотеке им. Ленина в Москве, Архиве АН СССР, ЦГИАЛ, ЦГАЛИ, Архиве Географического общества, отделе рукописей Томского университета им. Куйбышева и Томского областного краеведческого музея, нами обнаружено 138 писем Серошевского к разным корреспондентам. Рассмотрению этой переписки и посвящена настоящая статья. При этом мы не ставили себе задачей уяснить все содержание выявленной переписки. Обращено внимание в основном только на письма, имеющие общественно-литературное значение.

⁹ A. L a m. Sieroszewski w hołdzie Bohuszewiczównie. Przegląd Humanistyczny, Warszawa, 1964, № 4, str. 137—138; B. K o s ó w n a. Listy z Syberii. W ks.: Miscellanea z pogranicza XIX i XX w. Warszawa, 1964, str. 383—424; T. S z y s z k o. Sieroszewski i Korolenko. Slavia Orientalis, 1965, № 1, str. 53—62.

¹⁰ В письме к С. В. Пантелеевой от 6 июля 1895 г. Серошевский писал: «Судьба лишила меня возможности развить полностью ум, дарование, отняла в заключении и изгнании годы моей молодости, но взамен дала мне друзей, и я счастлив (ИРЛИ, Рук. отд., шифр: 14448 :LXXXVI б.1, л. 9).

¹¹ Имя Серошевского можно встретить в переписке разных лиц, например П. Ф. Якубовича-Мельшина к А. Г. Горнфельду 1908—1909 годы, в письмах В. В. Лесевича к издателю тифлисской газеты «Новое обозрение» Г. М. Туманову; в письмах А. М. Горького к К. П. Пятницкому; А. В. Амфитеатрова к Поссе и Горькому: Ст. Ланды к Л. Ф. Пантелееву, Г. Н. Потанина

Перед нами самое раннее из дошедших до нас писем Серошевского к его русским корреспондентам. На письме дата: 24 марта 1894 г. Письмо написано незадолго до отъезда писателя из Иркутска в Россию. Адресат Серошевского — видный русский этнограф, антрополог и якутовед Иван Иванович Майнов, знавший писателя по якутской ссылке.¹²

Майнова и Серошевского сроднили общие научные интересы, обоюдная увлеченность этнографией якутов. Из упомянутого письма видно, что Серошевский хорошо осведомлен в научных планах Майнова, знает о подготавливаемой им экспедиции. «Я читал Вашу программу, — пишет он Майнову, — и она мне понравилась».¹³ Серошевский делится со своим коллегой опытом установления дальтонизма у якутов, посылает русскому ученому изобретенную им для этой цели специальную шкалу цветов и выражает уверенность, что «экспедиция Майнова и словарь Пекарского¹⁴ явятся существенным вкладом в этнографию якутов».

В том же письме Серошевский сообщает своему корреспонденту, что свою книгу об якутах (Якуты, т. I) он «уже кончил, что книга написана популярно, общедоступно, с использованием всего известного ему материала по этнографии этой народности... Если бы меня спросили, — продолжает Серошевский, — что нужно для предварительной подготовки будущим этнографам, я бы ответил: читайте Миддендорфа,¹⁵ Маака,¹⁶ Худякова¹⁷». Письмо

к В. И. Семидалову и т. д. Ссылки на эти материалы даны в соответствующих местах данной статьи.

¹² Серошевский познакомился с Майновым осенью 1887 года в Намском уезде Якутской области, по-видимому, в доме ссыльного Сиповича. «Доктор Сипович, — читаем в дневниках Серошевского, — был опорой и поддержкой для всех ссыльных не только потому, что имел самый большой дом, где могло собраться сразу несколько человек, но и потому, что лечебная практика давала ему постоянный доход».

¹³ ЦГАЛИ, ф. 1348, оп. 2, № 165.

¹⁴ Э. К. Пекарский (1858—1934) — ученый-этнограф, впоследствии член-корреспондент АН СССР, автор словаря якутского языка.

¹⁵ А. Ф. Миддендорф (1815—1894) — академик, первый русский ученый-мерзотовед, автор многотомного труда «Путешествие на Север и Восток Сибири». В одном из писем к Н. И. Веселовскому Серошевский называл Миддендорфа «умным, энергичным учителем» (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, № 998, л. 4). Книга Серошевского «Якуты» вышла с посвящением этому ученому.

¹⁶ Р. К. Маак (1825—1886) — исследователь Сибири. В «Якутах» Серошевский часто ссылается на труд Маака «Вилуйский округ Якутской области» (ч. I—III, СПб., 1883, 1887).

¹⁷ И. А. Худяков (1842—1876) ученый этнограф и фольклорист, видный революционный деятель. О Худякове см.: В. Г. Базанов. Накануне «хождения в народ». В сб.: Великорусские сказки в записях Худякова, М.—Л., 1964, стр. 5—59. Серошевскому был известен «Верхоянский сборник» Худякова (Иркутск, 1890).

к Майнову заканчивалось сообщением о скором отъезде Клеменца в Монголию.¹⁸

С пребыванием Серошевского в Иркутске связаны два важных события в его жизни. Здесь состоялось его знакомство с видным сибирским ученым этнографом и фольклористом Григорием Николаевичем Потаниным. Обладая обширными и разносторонними познаниями, этот «сибирский дедушка», как называла его тогдашняя либеральная интеллигенция Сибири, по замечанию современного исследователя, являлся «средоточием всех местных культурных сил».¹⁹ Среди знакомых Потанина мы видим В. Г. Короленко, К. Я. Станюковича, В. Я. Шишкова, В. К. Арсеньева и др. Помощи и поддержки искали у Потанина начинающие литераторы, фольклористы, этнографы. В числе последних был и Серошевский. Сближению Серошевского с Потаниным в немалой степени способствовала репутация последнего как «искреннего друга поляков, делившего с ними политическую ссылку».²⁰

Знакомство Серошевского с Потаниным перерастет впоследствии в длительную дружбу, о чем свидетельствует их переписка.²¹ Потанин окажет Серошевскому помощь в обработке и подготовке к печати материалов по этнографии якутов. По-видимому, по приглашению того же Потанина Серошевский на пути из ссылки гостит у Владимира Викторовича Лесевича в его полтавском имении Денисовка.

В письме к Потанину из Курска²² от 29 августа 1894 г. Серо-

¹⁸ Д. А. Клеменц (1848—1941) — видный географ и общественный деятель 70-х годов. Высланный за участие в революционном движении в Сибирь, Клеменц в январе 1890 года переселяется в Иркутск, а с 1891 по 1894 год исполняет обязанности правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Незадолго до отъезда в Монголию в 1894 году произошло его знакомство с Серошевским. Встреча с видным исследователем, обаятельным человеком, к тому же с «большой теплотой и доброжелательностью относящимся к инородцам», произвела на Серошевского неизгладимое впечатление. Польского писателя подкупила любовь Клеменца к людям, его стремление, по словам Степняка-Кравчинского, «найти рычаг, который поднял бы человечество на высоту счастья». Подробнее об этом см.: С. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. Пб., 1906, стр. 47—49.

¹⁹ См.: Я. Р. Кошелев. Из неизданной переписки Потанина с писателями. В кн.: Из истории культуры Сибири. Томск, 1966. Автор статьи справедливо считает, что «в силу односторонности областнических взглядов, отверженцем которых Потанин оставался до конца своих дней, его советы и указания, по-видимому, не всегда были правильными» (стр. 95).

²⁰ См. об этом: W. Sieroszewski, Dzieła, t. XVII, cz. II, str. 112; t. XVI, str. 225.

²¹ Сохранилось шесть писем Серошевского к Потанину 1894—1914 годов. Последнее из дошедших до нас писем хранится в Москве (ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, № 445). Оригиналы пяти ранних писем находятся в Научной библиотеке Томского университета. Приносим глубокую благодарность работникам названной библиотеки за любезно присланные нам ксерокопии 5 писем Серошевского к Потанину (ИРЛИ, Р. 1, оп. 41, № 85).

²² В Курске Серошевский останавливался летом 1899 года по дороге в Москву. Как следует из письма Г. Н. Потанина к В. И. Семидалову от

шевский сетовал на отсутствие друга, с которым близко сошелся за неделю, проведенную на Полтавщине. Испытывая потребность в духовном общении с Потаниным, Серошевский делится с ним своими впечатлениями о только что прочитанной книге Льва Толстого «Царство Божие»,²³ сообщает о намерении начать серию корреспонденций в газете «Восточное обозрение» под заглавием «Письма из России».

Во втором письме из Курска, отправленном спустя неделю, Серошевский интересовался новостями сибирской научной жизни и результатами последних экспедиций. Он просил Потанина не оставлять мысли написать статью о «связях, преемственности, зависимости народов от народов» (Серошевский — Потанину, 6 сентября 1894 г.).

Осенью 1894 года мы видим обоих друзей в Петербурге. Они часто встречаются, ведут долгие душевные беседы.²⁴ Вероятнее всего, что именно Потанин познакомил Серошевского не только с В. Г. Короленко,²⁵ но и со всей редакцией народнического жур-

17 августа 1894 г., польский писатель ждал здесь сообщения Потанина о разрешении вернуться в Россию.

²³ Книгу Л. Толстого «Царство Божие» Серошевский называл «скучной, запутанной». Он считал, что теорию об отношении человеческого сознания к бытию Толстой целиком заимствовал у Уорда и П. Лаврова. «Соединил известное, приклеил, где нужно, христианские этикетки и выдает за открытие» (ИРЛИ, Р. 1, оп. 41, № 85, л. 1). Интерес к указанной книге — не единственное свидетельство пристального внимания Серошевского к творчеству и личности великого русского писателя. Из письма Серошевского к Льву Николаевичу от 9 октября 1902 г., ставшего известным в последнее время, видно, что польский писатель горел желанием лично познакомиться с Толстым и просил разрешения посетить его в Ясной Поляне. Однако, как реагировал на эту просьбу Л. Толстой, нам не известно (см.: *V. Białokozowicz. Lwa Tołstoja związki z Polską. Warszawa, 1966, str. 353—354*). Касаясь отношения Серошевского с автором «Войны и мира», необходимо отметить, что Толстой склонен был ошибочно причислять Серошевского к русским писателям. (там же, стр. 259).

²⁴ Об этих беседах Серошевский вспомнил много лет спустя в Париже. В письме Потанину от 10 марта 1913 г. Серошевский писал: «Пора кончать, дорогой Григорий Николаевич, а у меня так много есть чего рассказать Вам. Как бывало в Петербурге — зайдешь к Вам на минуточку, а просидишь далеко за полночь» (ИРЛИ, Р. 1, оп. 41, № 85).

²⁵ Относительно знакомства Серошевского с Короленко существуют различные точки зрения. О. В. Аптекман в книге «Общество „Земля и Воля“ 70-х годов» (Пгр., 1924, изд. 2, стр. 207) пишет, что это знакомство состоялось еще в ссылке, в Амге, куда съезжались многие ссыльные, и что Серошевский читал там свои первые якутские рассказы. Вслед за Аптекманом эту мысль повторил Н. К. Пиксанов в статье «В. Г. Короленко и якутская ссылка 1881—1884 гг.» (в сб.: В якутской неволе, М., 1927, стр. 71—89). Однако, как правильно отметил польский ученый Зб. Бараньский, ни в «Истории моего современника» Короленко, ни в дневниках Серошевского никаких упоминаний об этом нет (*Zb. Barański. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX—XX wieku. Wrocław, 1962, str. 115*). Правильное утверждение Бараньского неверно, однако, в своей послылке. Серошевский и Короленко не виделись не потому, что «жили в удаленных областях», а потому, что жили они там в разное время. Из предисловия к книге «Якуты» мы знаем,

нала «Русское богатство»: Николаем Анненским, Сергеем Короленко, Николаем Михайловским, уже упомянутым Владимиром Лесевичем и др.

Этих людей, как известно, связывала не только общая работа в редакции журнала, но и общая судьба политических ссыльных. Так, известный философ-позитивист и деятель просвещения, близкий друг Короленко, В. Лесевич отбывал ссылку в то же самое время и тем же самым путем следовал в Сибирь, что и Серошевский. И хотя неизвестно, встречались они в ссылке или нет, примечательно, что, вернувшись из ссылки, Серошевский живет в имении Лесевича целую неделю.

В неопубликованных дневниках Николая Мендельсона, также политического ссыльного, друга Потанина, читаем: «Кажется еще до отъезда на хутор явился живой эmissар из Сибири в особе В[ацлава] Л[еопольдовича] Серошевского, который прямо из якутской ссылки попал в Денисовку. Мы, сибиряки, уже давно знали и ценили Вацлава Сирко (псевдоним Серошевского, — Л. Р.) как талантливого писателя и слышали от Григория Николаевича, что у него готова большая работа об якутах. Понятно, с каким интересом мы приветствовали гостя. Интерес вскоре сменился чувством горячей симпатии к живому, энергичному, полному радости жизни, искреннему и необыкновенно обаятельному человеку. С радостью наблюдали мы, как весело вдыхал В[ацлав] Л[еопольдович] свежий воздух после освобождения из ссылки. Живо вспоминаю его громкие восторги о музыкальности украинской речи, его радость, что ему, поляку, она так же легко доступна. Григорий Николаевич попросту чествовал В[ацлава] Л[еопольдовича]. Еще бы! Человек приехал из Сибири, привез с собой любовь к тому краю, несмотря на то что находился там по принуждению, сотрудничал в сибирской прессе, написал несколько рассказов из сибирской жизни, прекрасно знал якутов и написал о них огромную книгу! Ничего удивительного, что Г. Н. смотрел на В. Л. Серошевского влюбленными глазами».²⁶ Серошевский, по словам Мендельсона, «очаровал» своих русских друзей. Он обладал редким даром легко и быстро сходитьсь с людьми. Возвратившись из имения Лесевича в Петербург, 23 октября Серошевский отправил дружеское письмо Мендельсону. Он делится с московским другом первыми впечатлениями о городе на Неве, восторженно отзываясь о петербургской опере

что ссыльный польский писатель бывал в Амге, месте ссылки Короленко, между 1887—1894 годом, когда Короленко уже уехал оттуда (Серошевский. Якуты. СПб., 1896, предисловие). Эту неточность вслед за 36. Бараньским повторил Т. Шишко в статье «Серошевский и Короленко» (Slavia Orientalis, 1966, № 1, str. 53).

²⁶ Н. М. Мендельсон. Мои воспоминания. ГБЛ, Рук. отд., ф. 165, карт. I, ед. хр. 17, стр. 160 (восполнение сокращенных слов дано мной).

(«Был в опере — чудо!»), сообщает о встречах с общими знакомыми и интересуется московскими друзьями.²⁷

Прежде чем перейти к петербургскому периоду жизни польского писателя, перенесемся еще раз в Сибирь. Как уже говорилось, приехав в начале января 1894 года в Иркутск, Серошевский привез с собой огромный материал — плод кропотливых многолетних наблюдений над этнографией якутов. Но материалы предстояло обработать. Через своего друга, Станислава Ланды, политического ссыльного, работавшего в те годы торговым представителем фирмы богатых иркутских предпринимателей Громовых, Серошевский знакомит с собранными им материалами Анну Ивановну Громову, главу этой фирмы, и Митрофана Васильевича Пихтина, члена Сибирского отдела Русского географического общества. Заинтересовавшись научными наблюдениями польского ссыльного, Громова и Пихтин предоставили ему средства для обработки материалов и обещали помочь в издании книги.²⁸

Дело по изданию научного труда Серошевского взяло на себя Русское географическое общество. В приводимом выше письме Мендельсону Серошевский писал 24 октября 1894 г.: «Дело мое с книгой вырешилось. Ее печатает Географическое общество, но деньги дают Громовы».²⁹ Началась кропотливая работа по подготовке рукописи к печати.³⁰ Пройдет еще, однако, два года, прежде чем книга об якутах появится в свет.

Уже в рукописи исследование Серошевского вызвало восторженный отзыв русских ученых. Будущий редактор книги проф. Н. И. Веселовский писал в своем отзыве следующее: «Г-н Серошевский дает полное описание якутов, начиная от описания страны и переходя затем к их быту. Все свои взгляды и выводы автор старается подкрепить народными преданиями, пословицами, поговорками. Это придает большую ценность труду Серошевского. Его изложение отличается ясностью, увлекательностью, изяществом, но что особенно важно, — это глубокая наблюдательность автора».³¹ Отзыв Веселовского немало способствовал тому,

²⁷ Там же, ф. 165, карт III, ед. хр. 22.

²⁸ Из письма Серошевского в Русское географическое общество. АГО, ф. 1-1894, оп. 1, № 14, л. 4.

²⁹ Благодарный Серошевский писал впоследствии Пихтину из Парижа: «Анна Ивановна и Вы всегда благоволили к научным исследованиям Сибири, лучшим доказательством чему было издание „Якутов“». ГБЛ, шифр.: М. 8224. 20. Следует добавить, что Громова пожертвовала деньги от продажи «Якутов» Серошевского на «издание последующих трудов по исследованию Якутской области» (Из писем Громовой в Русское Географическое общество. АГО, ф. 1-1894, оп. 1, № 14, лл. 52—53).

³⁰ Особую трудность для набора представляли якутские тексты и указатель названий. «Целый месяц его правлю, — жаловался Серошевский редактору своей книги. — Послал Вам шестую корректуру. В каком виде я получил его первый раз, Вы и представить себе не можете (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 998).

³¹ АГО, ф. 1-1894, оп. 1, № 22, лл. 71—72.

что Русское географическое общество наградило труд бывшего польского ссыльного малой золотой медалью.

Пребывание Серошевского в Петербурге благотворно сказалось на его дальнейшей судьбе. Польский писатель завязывает здесь многочисленные знакомства в среде писателей, ученых, издателей. Из писем Серошевского 1894—1896 годов видно, что он в курсе литературной жизни Петербурга тех лет, знаком с положением в редакциях ряда журналов.³²

Ко времени пребывания Серошевского в Петербурге относится его знакомство с видным общественным деятелем 60-х годов, публицистом и издателем Лонгином Федоровичем Пантелеевым и его женой, писательницей Серафимой Васильевной Пантелеевой. Дошедшие до нас тридцать писем Серошевского к Пантелееву 1894—1910 годов не дают точного ответа, когда и при каких обстоятельствах произошло это знакомство. Однако эти письма убедительно свидетельствуют о том, что знакомство их вскоре переросло в искреннюю и длительную дружбу. В письмах к жене своего друга Серошевский не устает повторять: «... мне нравится светлый, тонкий ум и недюжий характер Лонгин Федоровича» или «... мне очень нравится ваш муж. У него много тех качеств, коих недостает мне, — ясность, предусмотрительность, знание людей».³³ Особую роль в сближении Серошевского с Пантелеевым, по-видимому, сыграли чисто политические мотивы, в частности сочувствие Лонгина Федоровича польскому освободительному движению и его репутация «верного и искреннего друга поляков».³⁴

³² В письме к С. В. Пантелеевой от 21 мая 1895 г. Серошевский писал, в частности: «Короленко утвержден издателем „Русского богатства“. Слепцов будет издавать „Новое слово“. Журнал открывает Кривенко и К^о. Редактор у них, нужно сознаться, будет незавидный». ИРЛИ, шифр: 14448: LXXXVI б. 1, лл. 3, 4.

³³ Из писем Серошевского к С. В. Пантелеевой от 4 и 12 июля 1895 г. Там же, лл. 13—17.

³⁴ Один из основателей общества «Земля и воля» Л. Ф. Пантелеев (1840—1919) накануне восстания 1863 года в Польше осуществлял связь с польским комитетом в Петербурге. За «принадлежность к санкт-петербургской революционной организации с целью возбуждения и поддержки польского мятежа», как писала газета «Голос» (1866, № 275), Пантелеев был приговорен к 6 годам ссылки в Сибирь. Поляки ценили Пантелеева за его симпатии к их многострадальной родине. В 1907 году один из рассказов Пантелеева напечатала варшавская «Prawda». Редактор этого журнала Паулина Серошевская, сестра писателя, обратилась к Пантелееву со следующими словами: «Все мы хорошо знаем, что Вы наш верный друг, что у нас нет такого второго среди русских. Но не все знают, что Вы пострадали из-за симпатии к нам. Я хочу, чтобы все поляки знали об этом и еще крепче полюбили Вас» (Серошевская — Пантелееву, 26 мая 1907. ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 533). Как известно, Пантелеев платил полякам тем же. Много теплых слов содержит воспоминания «Из далекого прошлого» (кн. 1, 2. М., 1958). Об Иосафате Огрызко, Деспоте-Зеновиче и других поляках, занесенных в Сибирь «заботами царской охранки». См. также об этом: W. Ciechowski. Ze wspomnień p. Pantelejewa. Kraj (codzienny). Petersburg, 1908, № 109.

Письма В. Серошевского к Лонгину Федоровичу и Серафиме Васильевне Пантелеевым — подлинно «эпистолярные» дневники писателя. Серошевский делился с Пантелеевыми своими творческими планами, посвящал их в художественные замыслы, рассказывал об отдельных успехах и неудачах. Из писем 1894—1895 годов видно, что писатель живет напряженной творческой жизнью, что он, пользуясь его собственным выражением, «завален работой».

«Работа над первым томом „Якутов“ движется вперед, но очень медленно, напечатано только три листа», — сообщал Серошевский Лонгину Федоровичу 30 марта 1895 г.

Жалобами на «каторжный труд» пестрят письма Серошевского к Серафиме Васильевне. «Намерен окончить китайскую повестушку и набросать новеллу „Над Байкалом“. Любовная драма. Дикари надоели». (15 мая 1895). «Перезою повесть для „Русского богатства“», — сообщает он своей корреспондентке 18 июня. «Много работы. Корректурка карты. Нужно окончить рисунки к первому тому „Якутов“, завершить китайскую повесть» (4 июля). «Одолели корректуры. Повесть из китайской жизни в „Мир божий“ лежит». (22 июля), и т. д.³⁵

Своему «испытанному другу», как писатель называл Пантелееву, Серошевский жалуется нередко на вмешательство цензуры. Так, в письме от 12 июля 1895 г. по поводу повести «На краю лесов» читаем: «Все, что касается внутреннего мира моего героя Павла, все старательно вычеркивается. В одном месте, где герой поучает якутов относительно *égalité, fraternité* etc., все до одной буквы вычеркнули, несмотря на дружбу с Францией. В другом месте — вымарали эпизод с рабочими. Что дальше будет — не знаю, думаю, что будет еще хуже и повесть моя обезобразится до неузнаваемости».³⁶

В начале августа 1895 года произошло знаменательное событие в жизни ссыльного писателя. Серошевский получил разрешение вернуться в Польшу. Вот как в письме к Пантелееву характеризует изгнанник свое первое свидание с родиной: «Я переживал столь странные ощущения, очутившись после 15 лет на родине, что вся моя энергия ушла куда-то и мне ничего не хочется, разве что бродить по лесу и разговаривать с простыми людьми об их малых делах и делишках. Маленькой показалась мне после Сибири моя Польша, убогой — песок, сосна, Но какая-то милая. Всюду видны рука человека, упорный труд». Счастье свидания с родиной, однако, омрачилось сознанием своей оторванности, отчужденности. «Я далек, чужд им (полякам, — Л. Р.). Продолжительное изгнание как будто лишило меня родины. Это ужасно неприятное чувство: в России я не русский, в Польше — не поляк». (Серошевский — Пантелееву, 6 августа 1895 г.).

³⁵ ИРЛИ, шифр: 14448: LXXXIV б. 1, лл. 1, 10—14, 18—20.

³⁶ Там же, лл. 15, 16.

Стараясь преодолеть охватившее его чувство тоски, писатель с головой уходит в работу. «Я все более и более убеждаюсь, — читаем далее в письме, — что мир искусства — мой мир. Только в нем мне привольно дышится. В науку же я забрел случайно». В письме сквозит мысль, что научные занятия отрицательно повлияли на его художественное виденье, что, «не отвлеки его наука, он создал бы в искусстве что-нибудь значительное». Писатель сетует на то, что глаз его стал «чересчур этнографическим», что он потерял прежнюю способность «мгновенно схватывать краски, очертания и метким эпитетом запечатлеть его в памяти».

О нравственном кодексе убеждений Серошевского, кодексе, которому писатель останется верен до конца своей жизни, свидетельствуют его письма к Пантелеевой от сентября—октября 1895 года.

«Родная природа прелестна. Но мне грустно, грустно мне и в России, и везде, где встречаюсь с предрассудками, общественными язвами, международной и личной несправедливостью, которые мешают жить. Да, я теперь реально почувствовал, что я — гражданин мира ... польского происхождения». В этой сентенции проявились зачатки того человеколюбия, осознания себя самого как некой «совести мира», той веры в людей, которая, по словам критика, придавала «особый, грустный, берущий за сердце» колорит произведениям Серошевского.³⁷

Последнее добавим, явилось источником того жизнеутверждающего оптимизма, в силу которого ни один из главных героев Серошевского, в каких бы трудных жизненных ситуациях он ни оказывался, никогда не погибает.

Заслуживает упоминания письмо Серошевского к С. В. Пантелеевой от 6 октября 1895 г., где выражены взгляды писателя на творческий труд: «Работаю сейчас с любовью и увлечением на очень хороших условиях, т. е. отдам вещь только тогда, когда она будет совершенно готова. Работать к сроку никогда не соглашусь. Хочу идти, вопреки общему укладу, своей дорогой и смотреть на искусство не только как на источник дохода. Боже мой, как все портит золото. Как портит все торопливая, фабричная работа».

Серошевский никогда не обольщался своими успехами: «Похвалы, — писал он Пантелеевой, — не портят меня. Они лишь заставляют быть таким, каким изображают меня люди. Всякое признание лишней цепью приковывает меня к добру. Я хочу, чтобы люди не ошиблись во мне. Дал я так мало, а получил так много, что считаю себя перед людьми в вечном долгу. Если буду жив и здоров, отработаю».³⁸

Начало 1896 года совпало в творческой биографии писателя с завершением работы над повестью «На краю лесов». «Ри-

³⁷ Новости, 24 июля 1903, № 201.

³⁸ ИРЛИ, шифр: 14448: LXXXIV б. 1, лл. 29, 30.

сунки к „На краю лесов“ я отдал в мастерскую Яблонского. У Суворина невозможные цены — вдвое выше общепринятых. Между тем работа посредственная, а служащие такие же невнимательные к заказчикам, такие же наглые, как и его газета» (Серошевский — Пантелееву, 9 апреля 1896 г.).

Несколькими днями позже из Гродно, куда писатель приехал для встречи с Элизой Ожешко,³⁹ Серошевский сообщает Серафиме Васильевне: «Повесть кончил. Переписываю последний раз. Вышла сносная». (18 апреля 1896 г.).

Над русским переводом повести «На краю лесов» Серошевский работал параллельно с ее польским изданием. Это обстоятельство вызвало немало трудностей.⁴⁰ В письме Лонгину Федоровичу от 30 мая 1896 г. Серошевский писал: «Повесть мою я окончил и по-русски и по-польски. Нет, писать сразу на двух языках — не ведет к совершенству и даже мешает. По-польски она у меня вышла легко, просто, изящно. По-русски — форма топорная, дубовая, просто плакать хочется. Видел я Ожешко. Она настоятельно убеждала меня выбрать один язык».

В конце 1896 года Серошевский живет в имении друга детских лет Петра Гурского в Свяцке, недалеко от Варшавы, а мечтает опять о России. Он намерен попутешествовать по России, где пешком, где в рабочих поездах, пробраться как можно дальше на Кавказ, заехать в Екатеринослав к Левицкому и завершить поездкой в Еропкинскую обитель (Серошевский — Пантелеевой, 20 апреля 1896 г.).

Время внесло, однако, известные коррективы в первоначальный маршрут Серошевского. В письме к Пантелеевой от 24 апреля 1897 г. читаем: «Третьего дня выехал из Варшавы, сижу в Знаменке. Жду поезда на Севастополь. Там мне хочется разыскать своего друга А. Сиповича, того самого врача из Якут-

³⁹ Встреча с писательницей Эл. Ожешко, «талантом первой величины», как видно из письма к С. В. Пантелеевой от 20 апреля 1896 г., не произвела на Серошевского ожидаемого впечатления. «Я думаю, что при ближайшем знакомстве она выиграет, она, кажется, из таких. Но первое впечатление не удовлетворяет. Что-то старческое и чуть тиеславное. Последнее простиительно нам, новобранцам, а человеку „первой величины“ — стыдновато. К тому же удивительная неясность мысли. Для первого раза мы поспорили довольно горячо, — продолжает Серошевский. — Мои земляки воображают, что знают Россию. Конечно, они знают ее много лучше, чем русские Польшу, но все-таки знают ее чрезвычайно мало, чтобы судить основательно».

⁴⁰ Серошевскому никогда не суждено достичь «алмазной ясности» стиля. Двужычность составляла большую трудность. «Поначалу, — писал Серошевский в своих дневниках, — я испытывал большие трудности с моим польским языком, который очень обеднел за 12 лет пребывания в Сибири и был полон русицизмов» (W. Sieroszewski, Pamiętniki. Dzieła, t. XVI, Kraków, 1959, str. 476). Из устных сообщений сына писателя Владислава Серошевского известно, что «постоянным корректором отца была мать, Стефания Миновская» (см. об этом: В. Косównа. Listy z Syberii. В ks.: Miscellanea z pogranicza XIX i XX w. Warszawa, 1964, str. 386).

ской области, о котором я вам рассказывал. Сейчас он умирает от чахотки. Из Севастополя поеду в Ялту. Конечно, побываю в Бахчисарае, затем — Батум, Новороссийск, возможно Тифлис».

Пребывание на Кавказе обогатило Серошевского массой новых впечатлений. Едва вернувшись из поездки, писатель уже работает над новеллой, где «много красоты и много солнца и вечная новая история любви. И любовь эта без всяких идей и страстей... «Просто захотелось написать хорошенькую сказочку, хотя и не в сказочном стиле, а совсем в реалистическом. Может быть, я озаглавлю ее „Приключение“, — писал Серошевский 17 августа 1897 г. в последнем из дошедших до нас его писем к Пантелеевой.⁴¹

С отъездом Серошевского в Польшу связи его с Россией сильно ослабли. Единственным звеном, соединявшим писателя с русской литературной жизнью, был Лонгин Федорович Пантелеев.⁴²

Начиная с 1898 года между Серошевским и Пантелеевым, то обрываясь, то зачавив, возобновляется переписка. Сохранилось 23 письма (из них два недатированных) Серошевского к Пантелееву между 1898—1910 годом.⁴³ В письмах этого периода на первый план выступают отношения автора с издателем его сочинений.⁴⁴ Здесь и просьба Серошевского выплатить вперед деньги, полагающиеся ему после полной распродажи повести «На краю лесов»; и боязнь, что издание лучшей из его вещей «сядет» в отличие от «Якутских рассказов» и новеллы «Матросы корабля Надежда», которых продано уже по две тысячи; и просьба к Пантелееву уступить ему 300 непроданных экземпляров издания «На краю лесов» с обязательством выплатить деньги в продолжение года. Пытаясь склонить издателя к согласию, Серошевский добавляет: «Будьте любезны, согласитесь. Это для меня, по многим причинам, выгодная сделка. Я знаю, что издание это Вы сделали исключительно по дружбе ко мне, без всякой для себя материальной выгоды, поэтому надеюсь на положительный ответ» (Серошевский — Пантелееву, 8 мая 1902 г.).

⁴¹ Переписка Серошевского с С. В. Пантелеевой на этом оборвалась. Причиной разрыва послужило, по словам писателя, оскорбительное письмо Серафимы Васильевны в его адрес (Серошевский — Пантелееву, 28 июля 1898 г.).

⁴² «Вообще с отъездом связи мои с Россией сильно ослабели. Это естественно, тем не менее как-то больно думать, что все так быстро кончилось. Даже Григорий Николаевич (Потанин, — Л. Р.) махнул на меня рукой с тех пор, как я отказался съездить в Сибирь. Один Вы в Вашей коротенькой записке выразили желание видеть меня, это меня очень обрадовало», — писал Серошевский Пантелееву 17 марта 1898 г. из Свяцка.

⁴³ ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 532, лл. 41—84 (2 письма: от 23 ноября 1900 и 3 февраля 1901 г. хранятся в ИРЛИ).

⁴⁴ В 1897 году в Петербурге в издании Пантелеева увидела свет повесть «На краю лесов».

Как и прежде, Серошевский делится с Пантелеевым заветными мыслями, рассказывает ему о своей жизни и работе. «Работаю над новой повестью „Побег“, — писал Серошевский своему петербургскому корреспонденту 17 марта 1898 г. — Конец ее Вам уж безусловно не понравится. Героев ловят и даже не ловят, а неизвестно, что с ними случается. Конец оборван. Этим я лишний раз протестую против немедленной реализации героических усилий. Вещественные (реальные, — Л. Р.) результаты могут быть нулевыми, но духовные, воспитательные — огромны».

«Лето я здорово поработал. Выправил китайские заметки Александры Викторовны Потаниной для „Мира Божьего“. Вышел небольшой рассказ. Очень мне трудно было — пришлось много читать о Китае.⁴⁵ В настоящее время занят еще более скучной работой — печатаю по-польски „Якутов“. В сущности это не „Якуты“, а новая книга, так как я переработал ее сызнова с учетом новых трудов по якутской этнографии. Только клише остались старыми. Последнюю главу новой книги я отправил в Париж на конгресс историков религии, и она, по словам секретаря конгресса m-га Mariller, удостоилась больших похвал. Незамедлю исполнить Ваше желание и вышлю рассказ, как только соберусь его написать. Теперь моя голова пуста так же, как мой портфель (Серошевский — Пантелееву, 9 октября 1900 г.).

Следующее из сохранившихся писем Серошевского к этому корреспонденту датировано 14 октября того же года. Писатель извещал Пантелеева, что послал ему для сборника отрывок из «Предела скорби» — единственной вещи, не изданной пока отдельной книжкой.

1900 год был роковым в жизни Серошевского. По подозрению в подстрекательстве рабочих к демонстрации около памятника А. Мицкевичу в день его открытия писатель снова подвергся аресту. «Недели две тому назад, — писал он Пантелееву 23 ноября 1900 г. из Варшавы, — меня совершенно неожиданно постигло неприятное приключение: у меня произвели обыск, арестовали и посадили в крепость. Выпустили оттуда недавно, на поруки за 500 рублей. Сумма невелика, но дело прямо-таки вздорное, какая-то сплетня, непонятная для меня. Тем не менее я вынужден

⁴⁵ Первоначально названный рассказ предназначался в «Журнал для всех». В письме от 5 марта 1900 г. Серошевский писал В. С. Миролюбову: «Я нашел возможность исполнить свое давнишнее обещание и через несколько недель вышлю Вам рассказ. Как ни странно, но на сей раз я буду описывать Китай, которого никогда не видел. Дело в том, что покойная А. В. Потанина, умирая, велела передать мне свои заметки из китайской жизни. Теперь, разбираясь в бумагах, я нашел эти заметки и надеюсь, что смогу исполнить желание покойной путешественницы. Рассказу я предположу краткую биографию Александры Викторовны и историю моего рассказа. Хорошо? Ответьте». Во втором, дошедшем до нас письме к Миролюбову, Серошевский справлялся о судьбе высланной рукописи (ИРЛИ, ф. 185, № 1052).

прибегнуть к помощи Петра Петровича Семенова, которому написал подробное письмо». Пантелеева же Серошевский просил переслать письмо Потанину, адрес которого он забыл, чтобы «пакостное дело не затянулось и не явилось поводом к повторной высылке его с родины». ⁴⁶

Л. Ф. Пантелеев исполнил просьбу своего друга, и дело Серошевского благодаря вмешательству П. П. Семенова-Тян-Шанского, как указывалось выше, окончилось благополучно. ⁴⁷

Следующие четыре письма Серошевского к Пантелееву (15 и 29 декабря 1900, 3 и 29 февраля 1901) связаны с именем Александра Ивановича Деспота-Зеновича, в прошлом знакомого Пантелеева по сибирской ссылке. ⁴⁸

Узнав о безвременной кончине своего друга, Пантелеев решает воздвигнуть ему в России памятник и просит Серошевского дать объявление о сборе средств в какой-либо варшавской газете. Выбор пал на популярный столичный еженедельник «Tygodnik Ilustrowany». Серошевский предложил Пантелееву сопроводить объявление собственной биографической заметкой и просил прислать необходимые материалы ввиду отсутствия таковых в Варшаве. Пантелеев согласился с предложением Серошевского, но посоветовал ему со своей стороны снабдить заметку перечнем лиц, пожертвовавших средства на памятник Деспоту-Зеновичу. Не желая вмешивать в дело политику, ⁴⁹ Серошевский отказался

⁴⁶ О причинах ареста подробнее см.: W. Sieroszewski, *Wśród kosmactych ludzi* (1926); K. Czachowski, *W. Sieroszewski. Życie i twórczość*, Lwów, 1938.

⁴⁷ В письме от 15 декабря 1900 г. Серошевский благодарит Пантелеева за «хлопоты и успокоительные вести» (ЦГАЛИ, 1691, оп. 1, № 532, л. 48). Через год, собираясь в Петербург со вторым томом «Якутов», Серошевский тепло отзовется о Семенове-Тян-Шанском: «Хочу порадовать Географическое общество и главным образом добрейшего Петра Петровича, который выручил меня из беды (там же, л. 56).

⁴⁸ Привлекательный портрет Деспота-Зеновича, ссыльного поляка, которому иронией судьбы выпало исполнять в течение двух лет (1863—1865) должность Тобольского губернатора и отправлять на каторгу своих соотечественников, нарисовал Л. Ф. Пантелеев в книге «Из воспоминаний прошлого». «Деспот-Зенович оставил по себе благородную память во всех сферах общественной деятельности как человек кристальной чистоты, разумный организатор, враг беззакония и произвола». Бывшему губернатору Пантелеев был лично обязан своеобразным истолкованием собственного приговора, в результате чего «каторгу» удалось заменить «вечным поселением». Деспот-Зенович имел по этому поводу неприятности, должен был держать ответ перед Сенатом, но с риском для себя сумел доказать свою правоту.

⁴⁹ Обращение Пантелеева о сборе средств на памятник Деспоту-Зеновичу поначалу не получило поддержки. Молчал варшавский «Ateneum» Спасовича и петербургский «Кгај». Случилось так, что среди доброхотных дателей оказались русские и станчики, польские консерваторы, на деле отнюдь не симпатизировавшие покойному. Не желая «вводить в дело политику», Серошевский советует устранить этот «ненужный и пошлый элемент из воспоминаний о покойном. Пусть всякие партии оставят его прах в покое и не таскают его по торжищам» (Серошевский — Пантелееву, 29 февраля 1901 г., ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 532, л. 51).

удовлетворить просьбу своего русского друга. В таком виде заметка Серошевского и появилась в журнале «Tygodnik Ilustrowany».⁵⁰

В письме от 8 мая 1902 г. Серошевский посвящал Пантелеева, путешествовавшего в то время по Европе, в петербургские новости: «Из старых знакомых видел Лесевича, А. И. Богдановича, Михайловского и Миролюбова. У Лесевича умерла жена, сам он болел, кажется, что-то с грудью. Нехорошо. Все повышенная т°. Но душевно он все тот же старый дуб. Анненский в Финляндии, виделся с ним мимоходом в редакции „Русского богатства“. Там же повстречался с Владимиром Галактионовичем. Он бодр, здоров и по-старому мил. Совсем оправился от своей болезни, хандры как не бывало. Он, мне кажется, сейчас в апогее сил и творчества. Работает над историческим романом из времен пугачевщины. Вообще он может служить примером, как всякий выдающийся человек».

В этом же письме Серошевский сообщал своему другу об уйме дел, о подготовке к экспедиции в Японию, к айнам, о своих занятиях английским языком (ибо он на Востоке так же необходим, как в Европе французский) и о своей новой мечте — о большой и толстой книге. На этом можно закончить рассмотрение цикла писем Серошевского к Пантелееву, ибо письма 1905 года касаются главным образом вопросов политических и выходят за рамки нашей статьи.

Итак, как видно из письма к Пантелееву, весной 1902 года, вскоре после приезда из Варшавы, Серошевский встречается с Короленко. Встреча эта произошла между 6 и 10 апреля⁵¹ и носила, по-видимому, случайный характер. При этой встрече Короленко⁵² рассказал Серошевскому о случае с Горьким, о своем протесте в Академию наук и попутно поделился замыслом своей будущей повести о Пугачеве.⁵³ Серошевский со своей стороны назвал Вла-

⁵⁰ W. Sieroszewski. Aleksander Despot-Bratoszyński-Zenowicz. Tygodnik Ilustrowany, 1901, № 9, str. 174.

⁵¹ Впервые о Серошевском Короленко услышал в 1880 году в этапной тюрьме Вышнего Волочка от ссыльных поляков. По-видимому, они познакомили русского писателя с некоторыми стихотворениями Серошевского, которые Владимир Галактионович благосклонно оценил как «неплохие» (В. Г. Короленко, Собр. соч., в 10 томах, т. VII, М., 1955, стр. 147).

⁵² Короленко приехал из Полтавы в Петербург 6 апреля 1902 г., чтобы выразить свой протест в связи с отказом Академии наук избрать членом М. Горького и пробыл там до 10 апреля (см.: Письмо Короленко к А. П. Чехову от 10 апреля 1902 г. Там же, т. X, М., 1956, стр. 340). В то же самое время приехал в Петербург и Серошевский, чтобы решить вопрос о будущей экспедиции в Японию и выяснить в Географическом обществе условия публикации второго тома «Якутов».

⁵³ Тема Пугачевского восстания будет занимать Короленко вплоть до 1903 года. В 1900 году писатель предпримет специальную поездку на Урал для работы в местных архивах. Однако работа прервалась и замысел остался невыполненным.

димиру Галактионовичу в качестве дополнительного источника книжечку К. Хоецкого «Pamięć dzieł polskich»,⁵⁴ очевидца трагических событий 1773—1775 годов, и пообещал выслать Короленко указанную книжку сразу же по возвращении в Варшаву. Отношения Серошевского с Короленко характеризует их переписка.

Первое из дошедших до нас четырех писем Серошевского к автору «Истории моего современника» датировано 27 июля 1895 г.⁵⁵ Письмо это очень важно: оно свидетельствует о теплых, дружеских отношениях между обоими писателями.

Став ко времени написания упомянутого письма лицом известным в литературных кругах Петербурга и «своим человеком» в редакции «Русского богатства»,⁵⁶ Серошевский информирует Короленку, жившего в Нижнем Новгороде о многих подробностях, которые могли интересовать редактора названного журнала. Поскольку это письмо в русской печати до сих пор не появлялось,⁵⁷ приводим его полностью.

27 июля 1895 года
Николаевская 16—14

Дорогой Владимир!

Собирался я было писать тебе и раз, и другой, но все не было времени. Много ли времени нужно, чтобы написать письмо? Казалось бы, сел и написал. Но ты сам знаешь, как трудно написать задушевное письмо, когда устанешь, когда забота и противно даже глядеть на перо. Теперь у меня междуцарствие. Перевод окончил,⁵⁸ работы по книге приостановлены — редактор уехал в Туркестан,⁵⁹ за новые беллетристические работы не принимался. Вот и лодырничая: и так хорошо, весело на душе. Вот и решил написать моему милому «übertensch'u» в той надежде, что хотя дел особых нет, но он прочтет, значит повидались. В редакции то же каникулярное настроение, иногда по четвергам никого не было, кроме меня и Алек<сандра> Иван<овича>.⁶⁰ Он все тот же: кряхтит, выдавая деньги и мечтает о собственной типографии для «Русского

⁵⁴ K. Chojecki. Pamięć dzieł polskich, podróż a niepomyślny sukces Polaków. Warszawa, 1789. Впоследствии книга выдержала еще два издания (1790, 1864). Серошевский имел в виду 1-е ее издание. Ср.: W. Siego-szewski. Dzieła, t. XVIII, str. 18.

⁵⁵ ГБЛ, Рук. отд., Короленко, ф. 135, раздел II, к. 33, ед. хр. 55.

⁵⁶ Серошевский регулярно посещал редакционные четверги «Русского богатства». В недатированном, но относящемся, по-видимому, к этим годам письме к Пантелееву Серошевский писал: «Сегодня вечером быть у Вас не могу. Совершенно забыл, что сегодня четверг — редакционное собрание журнала» (ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 532).

⁵⁷ Опубликовано по-польски: T. Szyszko. Sieroszewski i Korolenko. Slavia Orientalis, 1965, № 1, str. 57—58.

⁵⁸ О переводе повести «На краю лесов».

⁵⁹ Редактором первого тома научного труда В. Серошевского «Якуты» был Н. И. Веселовский. Об отъезде последнего в Туркестан см. письмо Серошевского к Пантелеевой от 21 мая 1895 г. ИРЛИ, шифр: 14448: LXXXIV б. 1, лл. 3, 4.

⁶⁰ Александр Иванович Иванчин-Писарев (1846—1916) — известный деятель народнического движения, политический ссыльный. В 1893—1912 годах — член редакции журнала «Русское богатство».

Богатства». Сергей Николаевич⁶¹ вчера сильно ораторствовал: у него корректор всюду «интеграцию» переделал в «демонстрацию» и чуть-чуть было в таком виде не послали статью цензору. Между тем цензура особенно немилостиво именно для него, в последней хронике вычеркнули *печатный лист*. Николай Федорович⁶² что-то «зажурився», ходит печальный, подавлен неопределенностью и беспорядочностью своих дел. Его еще все не утверждают...⁶³ Он клянется, что не будет делать больше никаких шагов, пусть делают те, которые поставили его в такое положение... Тем не менее завтра он пойдет к Турчанинову,⁶⁴ что заступает Вас. «Новое слово» все не изрекается, хотя сотрудники и редактор Слепцов «набекрень». Это знаешь: у нас есть такое выражение: «*ja z nim na bakier*». А происходит оно оттого, что один нахлобучил шапку на один бок, другой — на другой, а сели они, повернувшись не той стороной, и разговаривают через плечо. Слепцов всюду бегаёт и жалуется, что его надули... а другие утверждают, что он денег просит. Вот-те и «Новое слово»! Мы это слово знаем и думаем, что ему пора в исторический архив.⁶⁵ От Лесевичей долго не было известий. Они все ездили в Лубное хлопотать о школе, не знаю, выйдет ли что-нибудь, только Владимир Викторович сердитое написал письмо.⁶⁶ Николай Константинович⁶⁷ тоскует по Петербургу, а теперь молчит, он все там на Кавказе.⁶⁸ Лидия Валерьяновна⁶⁹ все прочит, чтобы ее пустили в Петербург, но Александр Иванович все отказывает, пока она не проглотит полной «препорции» чистого воздуха и здоровья... Сам он не особенно здоров, и были у него дни, когда приходилось лежать в кровати, а все дела «Русского богатства» ложился в гроб. Нужный он и незаменимый человек. Ну, целую тебя крепко и обнимаю. Pani Korolenko⁷⁰ ukłony zaocznie, ale serdeczne.

Твой В. Серошевский.

Р. С.

Был на днях у Анны Михайловны Сибиряковой. Как-то заговорили о тебе, и она сказала, что *очень и очень* желала бы ближе познакомиться с тобою. Я сказал, что передам это тебе. Думаю, что ты зайдешь к ней, если будешь в Петербурге. Она хорошая и стоит того.⁷¹ Сегодня принимаюсь за повесть из китайской жизни для «Мира божьего», уж эта повесть меня зарежет.⁷²

⁶¹ Сергей Николаевич Кривенко (1847—1906) — публицист-народник, сотрудник многих журналов, в 1891—1895 годах — член редакции «Русского богатства».

⁶² Николай Федорович Анненский (1843—1912) — известный статистик, публицист и общественный деятель, сотрудник журнала «Русское богатство», близкий друг В. Короленко.

⁶³ Одним из редакторов журнала «Русское богатство».

⁶⁴ Турчанинов — неустановленное лицо.

⁶⁵ Первоначально отрицательно относясь к «Слову», Серошевский позднее напечатал здесь свой рассказ «В горах» (1897, № 8).

⁶⁶ Владимир Викторович Лесевич (1837—1906) часто переписывался с Серошевским, но писем Серошевского Лесевичу не сохранилось.

⁶⁷ Николай Константинович Михайловский (1842—1904) — известный литературный критик, публицист и теоретик русского народничества. В 1882—1904 годах — редактор и соиздатель журнала «Русское богатство».

⁶⁸ Михайловский выехал на Кавказ в конце мая 1895 года.

⁶⁹ Лидия Валерьяновна — жена А. И. Иванчина-Писарева.

⁷⁰ Авдотья Семеновна Короленко (1859—1940) — жена В. Г. Короленко.

⁷¹ Анна Михайловна Сибирякова — вдова миллионера. В тот же самый день в письме к Пантелееву Серошевский писал: «Я иногда встречаюсь с Анной Михайловной. Она положительно милая особа... Ей мешает только богатство, которого она как будто сама даже стесняется. И это в ней именно привлекательно» (ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, ед. хр. 532, л. 1).

⁷² Повесть Янг-хун-цзы появилась в «Мире божьем» лишь в 1901 году.

С переездом В. Короленко в Петербург (1896) контакты между обоими писателями еще более укрепились. Серошевский бывал частым гостем в доме Короленко, подружился с его семьей, принимал участие в семейных прогулках. Не раз, как свидетельствуют воспоминания В. Вересаева, возвращаясь вместе с Короленко и другими приятелями с заседаний редакции, он с вниманием прислушивался к суждениям своего коллеги по перу.⁷³

Уже тогда Серошевский высоко ценил художественную манеру Короленко, видя в нем достойного продолжателя традиций великих русских писателей прошлого. В одном из писем Серафиме Васильевне Пантелеевой 1895 года Серошевский писал: «Почему Короленко является подлинным художником?». И отвечал: «Потому что пишет так, как писали мастера в далеком прошлом». И когда та же Пантелеева обратилась за советом к Серошевскому по поводу какой-то своей повести, он не колеблясь ответил: «Могу Вам дать только один совет: отнесите рукопись Владимиру Галактионовичу, он прочитает и скажет. Он очень обязательный человек и охотно это сделает».⁷⁴

С возвращением Серошевского на родину его связи с петербургскими приятелями значительно ослабли. Об этом Серошевский прямо говорил в приводимом выше письме к Пантелееву, где просил также передать привет Короленко. Оборвалась и переписка Серошевского с автором «Сна Макара», чтобы возобновиться лишь в апреле 1902 года. Перед нами второе из сохранившихся писем Серошевского к Короленко. На письме дата: 16 мая 1902 г. Написано оно по-польски. Приводим выдержки из этого письма:

Дорогой Владимир!

Книжечки Хоецкого в продаже не оказалось. Она давно стала библиографической редкостью. Но Стефан Жеромский, у которого я брал эту книжку, узнав о моем желании иметь ее в собрании трудов о Пугачеве и о твоей работе над повестью на эту необыкновенно интересную и малоизученную тему, поручил мне выслать тебе эту книжечку с выражением признательности и личного расположения.

Сообщив о том, что он исполнил пожелание Жеромского, Серошевский прилагал в письме адрес последнего на случай, если Короленко захотел бы его поблагодарить. В конце письма Серошевский справлялся о здоровье жены и тетушки Короленко и передавал привет его дочкам.

Не получив подтверждения от Короленко в получении высланной ему книги Хоецкого, Серошевский пишет Владимиру Галактионовичу еще одно письмо. Ответное письмо Короленко не со-

⁷³ В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, стр. 316.

⁷⁴ Письмо от 10 мая 1896. ИРЛИ, шифр: 14 448: LXXXIV б. 1 лл. 43, 44.

хранилось, хотя в бумагах Владимира Галактионовича есть запись: в июле 1902 года выслал письмо Серошевскому.⁷⁵

Когда же, наконец, автор «Якутов» получил весточку от своего далекого друга, он поспешил ответить: «У меня в общем нет претензий к тебе из-за отсутствия писем. Попросту я беспокоился о тебе. Сейчас же — утешился, получив твое послание, из которого узнал, что ты цел и невредим и живешь с семьей на Кавказе».

Дальше речь шла о деле. Как-то Короленко поделился с автором «На краю лесов» своим желанием издать один из томов своих сочинений сразу на нескольких европейских языках. О такой возможности и писал теперь Серошевский, имея в виду издательскую фирму Юлиана Мархлевского в Германии.⁷⁶ Уже установив к моменту написания письма отношения с указанной фирмой, Серошевский подробно информировал Владимира Галактионовича об условиях перевода, о размере гонораров, об охране авторских прав. «Я говорил с представителями фирмы, — писал Серошевский издателю «Русского богатства», — и узнал, что они охотно вошли бы с тобой в соглашение. Последнее избавило бы тебя от хлопот с переводчиками, типографией и продажей книг. Все эти услуги издательство берет на себя. Если хочешь знать подробнее, напиши прямо Юлиану Мархлевскому, он знает по-русски».

Последнее из дошедших до нас писем Серошевского к Короленко — позднее. Оно датировано 26 июля 1910 г. В нем речь идет о судьбе двух произведений Серошевского: рассказе из тюремной жизни «Быть или не быть?» и японской повести «Ингва». Забегая вперед, скажем, что оба эти произведения были отвергнуты редакцией «Русского богатства». Однако к чести Серошевского, это не ухудшило его отношений с редактором журнала. Спустя несколько лет польский писатель снова встретился с Короленко, на сей раз в Париже. Встреча эта произошла в начале первой мировой войны и была последней в жизни обоих писателей.

Возвратившись из экспедиции с Дальнего Востока, Серошевский пытался возобновить свои отношения с журналом «Русское богатство». В 1906 году он печатает здесь русскую версию повести «Побег»⁷⁷ (№ 6—12), а 20 мая 1908 г. пишет Анненскому: «...только что закончил новеллу в четыре листа, которую предназначаю для „Русского богатства“. Я устал, поэтому прежде немного отдохну, а потом примусь за ее исправление и переписку. Надеюсь, недели через 3—4 выслать Вам рукопись. Название

⁷⁵ В. Короленко. Записная книжка-календарь. ГБЛ, Рук. отд., Короленко, 20. 1903, стр. 54. См. об этом: Zb. Ważyński, op. cit., p. 115.

⁷⁶ Ю. Мархлевский (1866—1925) — польский коммунист, деятель немецкого и русского революционных движений. Один из основателей издательской фирмы «Marchlewski and Co».

⁷⁷ В Польше повесть вышла в 1904 году под псевдонимом К. Bagrynowski.

новеллы — начало известного монолога Гамлета „To be or to be not“.⁷⁸ Содержание не излагаю. Прочтете — сами увидите.⁷⁹

В том же письме Серошевский жаловался Анненскому на то, что «Современный мир» «сильно испортил конец его повести («Странники», — Л. Р.), вычеркнув по цензурным соображениям описание погрома».⁸⁰

Из письма к Анненскому от 21 апреля 1910 г. читатель узнает, что Серошевский выслал ему свою повесть из японской жизни «Ингва», лучшую, по его словам, вещь 1910 года. Здесь же Серошевский выражал сомнения относительно возможности появления ее на страницах «Русского богатства». Автор, между прочим, писал: «В „Русском богатстве“ есть очень строгий господин Редько,⁸¹ который, как мне кажется, пробует уверить читателей, что ребят находят под капустным листком. Он, пожалуй, найдет у меня какие-то проблемы, о которых мне и не снилось, и не думалось. Боюсь я г-на Редько и его справедливости! Тем не менее ничего в моей повести изменить не могу, так как в ней все обдуманно и направлено к единой художественной и умозрительной цели. Надеюсь на Вашу защиту».⁸²

Предчувствие не обмануло писателя. Рассказ «Быть или не быть?» был отвергнут, по-видимому, в основном из-за «варварского русского языка».⁸³ Повесть «Ингва» понравилась Короленко, но он предложил автору значительно сократить ее.⁸⁴ Серошевский на это не согласился.

В последнем, дошедшем до нас письме Серошевского к Короленко читаем: «Пока я собирался написать Вам письмо, рукопись моей повести пришла обратно. Я не мог согласиться на Ваше дружеское предложение сократить повесть по двум причинам:

⁷⁸ Так в тексте.

⁷⁹ ЦГАЛИ, ф. 35, оп. 1, № 17. Это четвертое по счету письмо Серошевского к Анненскому. В письмах 1906—1907 годов Серошевский просил своего корреспондента: 1) выслать ему отпечаток его статьи, озаглавленной «Открытое письмо к Анненскому по аграрному вопросу» (Русское богатство, 1906, № 5); 2) девятую книжку журнала с его повестью «Побег» (1906, № 6—12).

⁸⁰ Здесь же Серошевский предлагал Анненскому в качестве корреспондента по Японии некоего г-на Тодуноски Хасегава, переводчика русских классиков на японский язык (ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, № 26).

⁸¹ Александр Мефодиевич Редько (1866—1933) — литературовед-этнограф.

⁸² ИРЛИ, Архив Н. Ф. Анненского, ф. 17, оп. 1, № 59.

⁸³ В письмах П. Ф. Якубовича-Мельшина к А. Г. Горнфельду от 10 июня, 15, 17, 19 июля и 6 августа 1908 г. рассказ Серошевского «Быть или не быть?» назван «талантливой, современной, нужной» вещью, но написанный «убийственным» русским языком. «Думаю, что решающее влияние для отказа имел для Владимира Галактионовича невозможный русский язык рассказа, переходящий местами в непонятное риторическое бормотание», — писал Якубович Горнфельду 6 августа 1908 г. ЦГАЛИ, ф. 115, оп. 1, № 543.

⁸⁴ «Короленко стремится всячески вызвать повесть при условии больших сокращений и исправлений, — писал Якубович-Мельшин Горнфельду 7 июля 1910 г. — Я, грешный человек, согласился на это. Но, бог даст, не согласится сам автор» (там же).

1) Я знаю, что такое переделка и исправление рукописи для тебя, дорогой друг. Я помню, сколько труда и щепетильности вкладываешь ты в такую работу. Ведь я видел исправленные тобой рукописи Горького.⁸⁵ Это не просто редакционная правка, а полная переработка. У меня есть, поди, литературная совесть. Уж лучше пусть мой рассказ вовсе не появится.

2) Я не могу согласиться на столь сильные сокращения тем более потому, что ввиду продолжительной задержки рукописи она уже появилась по-польски и критика отметила ее сжатость.⁸⁶ Поэтому боюсь, что отмеченная тобой длинность — кажущаяся и происходит от неудовлетворительности языка. Относительно этого ты, пожалуй, прав. Я уже давно лишен русского общества, живой русской речи. Читанием этого не заменить. Надеюсь вернуть утраченное с переездом в Париж, где войду в контакт с обширной русской колонией». Далее, Серошевский выражал свое несогласие с определением процесса его работы как «перевода с одного языка на другой». «Я до сих пор сохранил способность, — писал он, — думать по-русски, когда пишу по-русски, и думать по-польски, когда пишу по-польски. Это и составляет ту исключительную, насколько я знаю, довольно редкую способность, которая позволяет мне быть двуязычным писателем».

Не принимая отказ редакции журнала напечатать его рассказ «Быть или не быть?» из-за «фантастичности» и «искусственности» описанных там страданий узника одиночной камеры, Серошевский писал: «Там не выдуман ни один факт». В подтверждение своей правоты писатель приводил положительный отзыв польской критики, которая в «тюрьмах кое-что смыслит», а также отзыв Кизеветтера, который отказался принять в «Русскую мысль» рассказ «Быть или не быть?» именно ввиду его «ужасного реализма и нецензурной яркости».⁸⁷

Письмо к Короленко заканчивалось неудовольствием по поводу того, что задержка рукописи редакцией «Русского богатства» лишила его возможности перевода и тем устранила названные вещи с русского книжного рынка.⁸⁸

Цикл писем Серошевского к известному русскому ученому-якутоведо, академику Дмитрию Николаевичу Анучину 1903—1906 годов раскрывает облик Серошевского — ученого и путешественника. Как уже говорилось выше, Российская Академия наук

⁸⁵ Речь идет, по-видимому, о рассказе Горького «Челкаш», который Короленко правил для апрельской книжки «Русского богатства» за 1895 год.

⁸⁶ Повесть «Ингва» была включена Серошевским в сборник «Z falu na fale», изданный весной 1910 года в Кракове.

⁸⁷ Александр Александрович Кизеветтер (1866—1933) — либеральный историк и публицист. В 1904 г. — один из редакторов журнала «Русская мысль», впоследствии — сотрудник газеты «Русские ведомости».

⁸⁸ «Ингва» увидела свет в 1911 году в журнале «Современный мир» (№№ 6—8); рассказ «Быть или не быть?» появился в том же году в газете «Киевская мысль» (1911, № 333, 343, 350).

в 1902 году предложила Серошевскому принять участие в восточной экспедиции. Планом своей будущей поездки Серошевский делится с вице-президентом Русского географического общества Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским. В письме к нему от 4 июля 1902 г. Серошевский писал: «В Маньчжурии я проживу с августа по январь, на юге Японии — с января по март, затем вместе с весной буду двигаться к северу, чтобы попасть на Уэссо к началу таяния снегов».⁸⁹

В июне 1902 года Серошевский получил официальное письмо от Академии, чек на 800 рублей и документ от Министерства иностранных дел. «Я еду через 6 недель, — писал Серошевский Льву Яковлевичу Штернбергу, старшему помощнику директора Петербургского этнографического музея 20 июня 1902 г. — Маршрут мой остается неизменным: еду по Сибирской железной дороге, возвращаюсь морем. Только относительно Маньчжурии я несколько изменил свой план. Думаю, что там стоит пожить подольше. Пробуду до нового года».⁹⁰ Серошевский сообщал далее о желании побывать на осенней ярмарке в Тянь-чжур-суме, в 100 верстах от первого маньчжурского города по железной дороге, где собирается масса народа со всего северо-запада Монголии и где еще не бывал ни один европеец. В конце письма Серошевский советовался относительно экспонатов для музея и обещал выслать кое-что из маньчжурской посуды, отделанный черной глазурью.

Однако, первоначальные сроки экспедиции на Восток откладывались. Из письма Серошевского к Штернбергу от 10 января 1903 г. известно, что Серошевский уехал из Варшавы лишь в конце января.⁹¹ По прибытии в Петербург Серошевский излагал планы будущей экспедиции, в частности вопрос о закупке и отправке коллекций для Этнографического музея, в письме к директору музея Василию Васильевичу Радлову.⁹²

⁸⁹ ИРЛИ, ф. 340, ед. хр. 345. Серошевский очень тепло отзывался о Семенове-Тянь-Шанском, называл его своим «защитником» и «покровителем». Уезжая на Восток, Серошевский оставил письмо на имя вице-президента с просьбой вскрыть в случае его гибели, в котором писал: «Высокоуважаемый и дорогой руководитель! Спешу выразить Вам и в Вашем лице Высокопочтимому Географическому обществу свою признательность за покровительство моим работам и сердечное, доброжелательное отношение, которым оно неизменно окружало меня». АГО, разряд 64, оп. 1, № 65.

⁹⁰ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 2, № 266. Из сохранившихся 6 писем Серошевского к Штернбергу 1902—1906 годов 5 хранятся здесь, а одно в ф. 142.

⁹¹ «На днях двигаюсь в путь. Я все приготовил, осталось только уложить вещи, да сдать рассказ в «Мир божий». Я тороплюсь, так как сильно запоздал» (там же).

⁹² Письмо к Радлову от 3 марта 1903 г. Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 5, л. 200. Первую коллекцию экспонатов Серошевский отправил из Маньчжурии в марте 1903 года, а в октябре того же года извещал об отправке десятого по счету ящика с коллекциями.

Экспедиция на Восток оказалась делом нелегким. Не хватало отпущенных Академией средств, приходилось самому упаковывать и отправлять тяжелые ящики с редкими экспонатами, добывать которые у одурманенных религиозными предрассудками племен удавалось с большим трудом. Если же учесть, что Академия наук по неизвестным причинам не снабдила бывшего ссыльного необходимым удостоверением личности, что особенно сказывалось при переезде границ, нетрудно представить себе, какого труда стоило Серошевскому успешно справиться с возложенным на него поручением.

Цели, ход и условия научной экспедиции на Восток полнее раскрывают письма Серошевского к известному русскому ученому-якутоведу Дмитрию Николаевичу Анучину.⁹³ С Анучиним Серошевский делится своими впечатлениями о Маньчжурии — стране, «очень любопытной для путешественника», хотя контакты с местным населением затруднены из-за «общей нервозности и пугливости после войны». Здесь же находим восторженный отзыв об Японии. «Япония, — пишет Серошевский в одном из писем к Анучину, — сначала не подействовала на меня. Та Япония, которую можно осматривать, проживая в английских отелях, похожа на плохую Швейцарию. Но лишь только обстоятельства позволили мне подойти к глубинам народной жизни, передо мной раскрылся мир чарующий, чуждый нам, таинственный мир Востока».

Анучину Серошевский обстоятельно рассказывает о результатах научных поисков, о собранных им материалах по этнографии племени айнов. Ему посылает он свои путевые впечатления для помещения их в газете «Русские ведомости». Русский ученый был и первым читателем заметок Серошевского о Корее. В письме к Дмитрию Николаевичу от 2 декабря 1903 г. Серошевский писал: «Проехал я еще по Корее. Был внутри страны и готовлю об этом статью. Авось во время переезда в Коломбо, если качать не будет, кончу ее и вышлю Вам немедленно». Однако впечатлений и материала, собранного в стране «утреннего солнца» хватило не на статью, а на целую книгу. «Посылаю на Ваше имя начало моей работы о Корее. Считаю ненужным дожидаться окончания ее, в то время как интерес к малейшим сведениям об этой стране возрос до такой степени. Лихорадочно работаю над продолжением. Материалов много, и чем дальше — тем интереснее».

Работу над книгой о Корее Серошевский продолжил, вернувшись на родину. «Не уеду из Варшавы, пока не кончу по крайней мере половины... «Занят Кореей. Работа движется вперед. Надеюсь закончить ее в июне. А доклад об айнах отложил до осени. Тогда же постараюсь быть в Москве (Серошевский — Анучину, 16 мая 1904 г.). В этом же письме Серошевский сооб-

⁹³ ГБЛ, Рук. отд., Анучин, п. 13, №№ 499—506.

щал, что выслал в редакцию «Русских ведомостей» продолжение своих путевых заметок (две тетради) и просил Анучина справиться об их судьбе. «У меня нет черновика второй тетради, и потеря была бы для меня крайне неприятна. Между тем продолжение долго не появляется. Боюсь, что рукопись завалилась на почте или в конторе».⁹⁴ В конце письма Серошевский с похвалой отзывался о фельетонах Анучина об Японии⁹⁵ и выражал желание скорее встретиться и поговорить с ним. В письме к Анучину от 1 июня 1904 г. Серошевский извещал своего корреспондента о завершении работы над книгой о Корее, о желании лично доставить Анучину коллекцию волос айнов и поговорить о своих трудах.

Вынужденный прервать восточную экспедицию из-за начавшейся русско-японской войны, В. Серошевский в марте 1904 года прибывает в Петербург. Здесь происходит его встреча с Алексеем Максимовичем Горьким.

Своими впечатлениями от встречи с польским писателем М. Горький делится в двух письмах к жене. Посвящая Екатерину Павловну, жившую в Нижнем Новгороде, в новости петербургской жизни, Горький сообщал: «Здесь куча народа, в том числе Серошевский, недавно прибывший из Японии».⁹⁶

Рассказы Серошевского произвели сильное впечатление на Горького. «Только что возвратился из Питера, — читаем во 2-м письме к Е. П. Пешковой, — где видел Шольца и Серошевского, недавно вернувшегося с Дальнего Востока. Очень он интересно рассказывает о Японии и Китае. Может быть, мы издадим его книгу».⁹⁷

О предполагавшемся, но по неизвестным причинам несостоявшемся издании путевых заметок польского писателя в «Знании» в 1904 году свидетельствуют первые три из тринадцати дошедших до нас писем Серошевского к К. П. Пятницкому.⁹⁸ 20 апреля 1904 г. Серошевский писал директору петербургского книгоиздательства «Знание», что в дополнение к рукописи выслал ему иллюстрации и просил возможно скорее уведомить его о судьбе своей книги (шифр: 57195).

⁹⁴ Путевые заметки о Корее, составившие впоследствии книгу того же названия, вначале печатались очерками в газете «Русские ведомости», где носили заглавие «С Дальнего Востока». Печатались они регулярно в течение всего 1904—начала 1905 года, и беспокойство Серошевского относительно пропажи черновика второй тетради оказалось напрасным.

⁹⁵ Имеются в виду статьи Анучина «Карта Дальнего Востока и литература по Японии» и «Кто такие японцы», опубликованные в мартовском и апрельском номерах «Русских ведомостей» за 1904 год.

⁹⁶ А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой, 1895—1906 гг. В кн.: Архив Горького, т. V. М., 1955, стр. 107.

⁹⁷ Там же, стр. 108.

⁹⁸ Письма Серошевского к Пятницкому 1904—1909 гг. и один ответ Пятницкого хранятся в Архиве Горького в Москве. В дальнейшем ссылки на этот архив даются прямо в тексте.

Спустя 4 дня Серошевский послал в адрес того же издательства 12 оттисков предыдущих изданий и статью из «Русских ведомостей», которые просил включить в книгу (Шифр: 57196). Пятницкий медлил с ответом. Серошевский справедливо расценил этот факт, как отказ печатать его «Дальний Восток» и 28 апреля того же года просил Пятницкого вернуть ему рукопись (шифр: 57197).

В том, что Горький отказался публиковать Серошевского в «Знании» в 1904 году, повинен был, по-видимому, Михаил Ромась,⁹⁹ знавший польского писателя по сибирской ссылке и по неизвестным причинам недолюбливавший его. В письме Пятницкому от 7—8 мая 1904 г. Горький писал: «У меня был старый мой друг, хохол Ромась, вместе с Серошевским живший в Якутии и вообще очень хорошо знавший его. То, что он говорил о Вацлаве, убивает у меня всякое желание иметь с ним дело».¹⁰⁰

Однако к чести Горького следует заметить, что отрицательные качества характера Серошевского (Горький считал его «болезненно самолюбивым, человеком с гипертрофированной честью, до мозга костей индивидуалистом») не помешали ему увидеть в Вацлаве Леопольдовиче «симпатичного, порой талантливого писателя».¹⁰¹ Вот почему, когда в 1908 году вновь встал вопрос об издании в «Знании» собрания сочинений Серошевского, Горький ответил согласием.¹⁰²

⁹⁹ Михаил Антонович Ромась (1859—1920) — родом из Черниговской губернии. За принадлежность к социал-революционной партии попал под надзор полиции, был сослан в Вологодскую губернию, оттуда отправлен в Сибирь. Отбывал ссылку в Якутии.

¹⁰⁰ Архив Горького, т. IV. М., 1954, стр. 152.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Известное влияние на это решение Горького имел, по-видимому, Стефан Жеромский. В 1907 году автор «Истории греха», будучи на Капри, познакомился там с Горьким. Писатели быстро сблизились. В своих дневниках Жеромский вспоминает о вечерах, проведенных в обществе Горького, Андреева, Пятницкого, о намерении последних издавать иностранную, прежде всего польскую, литературу в виде особых приложений к книжкам «Знания». По просьбе Горького и выполняя желание Жеромского, известный историк польской литературы В. Фельдман послал Горькому свои книги за последние 20 лет. Горький ответил Фельдману теплым письмом, полным уважения к борьбе польского народа. (Это письмо сравнительно недавно обнаружили работники Ягеллонской библиотеки в Кракове и опубликовали в журнале «Slavia Orientalis», 1960, № 4). Здесь же на Капри родились планы совместного издания Горьким и Жеромским ряда произведений польской литературы. Планы эти, правда, не осуществились. Но из письма Горького к И. П. Ладыжникову от февраля 1907 года видно, что Горький и Жеромский намеревались издать сборник польских авторов. В альманахе Вересаева Горький задумал поместить рассказы Даниловского и Жеромского, а С. Бжозовскому заказал специальную статью о польской литературе. Об отношении Горького к польской литературе подробнее см.: J. L e n a r c z y k. M. Gorki i literatura polska. Slavia Orientalis, Warszawa, 1960, № 4, str. 529—555; Н. Н и к о л а е в. М. Горький о Ст. Жеромском. Уч. зап. Черновицкого унив., т. XXX, вып. 6, 1958, стр. 195—200.

В письме Пятницкому с Капри в мае 1908 года Горький писал: «Относительно же издания Серошевского принципиально ничего не имею, а по существу этот вопрос можете решить только вы. Семь томов сразу — это, думаю, потребует серьезных затрат. Вопрос, в решении которого я безоружен».¹⁰³

Из письма видно, что Горького смущала лишь финансовая сторона издания, а не художественная ценность произведений Серошевского.

«Я очень рад войти в число ваших сотрудников, — писал автор «На краю лесов» Пятницкому 18 июня 1908 г. — Сожалею, что это не случилось еще 5 лет тому назад, по моем возвращении из Японии». Здесь же писатель касался порядка издания своих сочинений, сообщал, что все, что вышло ранее отдельными изданиями, можно перепечатывать, а последние произведения, такие как «Побег», «Странники», «Брак», необходимо дополнительно выверить и исправить в корректурах. Оттиски двух других вещей — повести «Обратный путь» и «Оль-Сони-Кисань» — Серошевский просил взять у Глаголева.¹⁰⁴

В письме к Пятницкому от 3 ноября 1909 г. польский писатель справлялся о ходе издания своих сочинений, о реальности ранее намеченного срока издать их к 1 октября 1908 г. В случае, если же сочинения уже напечатаны, Серошевский просил послать по одному комплекту всех томов в счет авторских экземпляров двум лицам: дочери Марии Серошевской в Москву и Марии Карловне Куприной в Петербурге. Писатель интересовался также, приняло ли «Знание» на свой склад от Глаголева его книги «Корею» и «Дальний Восток» и как идет их распродажа (шифр: 57199).

Письма Серошевского к директору петербургского товарищеского книгоиздательства первой половины 1909 года говорят о несостоявшемся участии Серошевского в сборниках «Знания», которые стали выходить с 1904 года.

¹⁰³ Любопытно, что в этом же письме Горький решительно выступал против Тана как плохого беллетриста, к тому же печатающегося без разбору, где угодно. И тут же Горький добавлял: «Нет, мы лучше оставим его, Тана. Серошевский же, повторяю, желателен, но требует осторожного отношения». Архив Горького, т. IV, стр. 252.

¹⁰⁴ Николай Матвеевич Глаголев — петербургский издатель сочинений Серошевского, отношения с которым сложились у польского писателя явно ненормально. В письмах к Пятницкому и другим корреспондентам Серошевский постоянно жалуется на то, что Глаголев его обманывает, обкрадывает, пользуется тем, что он не может приехать в Петербург. Серошевский собирается возбудить судебное следствие против этого «явного жулика», но друзья отговаривают его. Решив порвать с Глаголевым, Серошевский заключает договор со «Знанием» и заставляет своего прежнего издателя перепродать Пятницкому издание своих сочинений, а также уже вышедшие тома для их реализации. Срок договора Серошевского с Глаголевым истек в 1909 году. Но, по-видимому, тяжба на этом не прекратилась.

Поздравляя Пятницкого с новым, 1909 годом Серошевский в письме к нему от 9 января справлялся об участии рассказа Даниловского «Тюремные воспоминания», незадолго до этого высланного им в адрес «Знания». Попутно он предлагал свой рассказ «Быть или не быть?», сходный по тематике с рассказом Даниловского. Эти рассказы, по мысли Серошевского, могли бы составить самостоятельную книжку сборников «Знания» (шифр: 66631).

В качестве третьего возможного участника сборника из тюремной жизни Серошевский называл молодого польского беллетриста Анджея Струга и его рассказ «Канун» (Серошевский — Пятницкому, 4 февраля 1909 г. Шифр: 66632).

По совету Пятницкого, Серошевский послал оба названных рассказа Горькому на Капри.

Письма Серошевского к Пятницкому от 21 апреля и 5 мая полны тревоги из-за молчания Алексея Максимовича, а из письма 16(31) октября мы узнаем, что польский писатель просит вернуть ему рукописи. Попутно он сообщает, что повесть «Побег» издана в английском переводе, и предлагает включить том японских рассказов в серию своих русских сочинений (шифр: 66634).

Единственное дошедшее до нас письмо Пятницкого к Серошевскому датировано 15 января 1909 г. Оно содержит отчет о продаже в России сочинений польского писателя, сведения о порядке выплаты «Знанием» авторских гонораров. Из этого письма мы узнаем, что сочинения Серошевского в Петербурге «расходятся хорошо».

В 1909 году в издательстве «Знание» вышел последний том сочинений Серошевского. На этом сотрудничество польского писателя с издательством Горького, по-видимому, прекратилось. Ни в одном из сорока изданных «Знанием» сборников товарищества Серошевский не печатался. Но произведения польского автора еще долго не исчезнут с русского книжного рынка, а имя его будет упоминаться в письмах разных лиц.

Перед нами неопубликованная переписка А. М. Горького с Александром Валентиновичем Амфитеатровым. В прошлом сотрудник «Знания», Амфитеатров в 1911 году задумал издать собственный сборник, где «по литературной части он был бы полный хозяин», чтобы затем превратить этот сборник в толстый журнал. Речь шла о сборнике «Энергия», первый выпуск которого был издан в Петербурге в 1913 году. Мыслями о будущем сборнике и его участниках Амфитеатров делился в своих письмах к Горькому 1911—1913 годов.

Среди возможных участников сборника «Энергия» он называл имя Серошевского. «Недурную вещь получил вчера от Серошевского», — писал Амфитеатров Горькому в декабре 1911 года о фантастической повести Серошевского «Дары северного

ветра».¹⁰⁵ «Заваленный разного рода работой, по большей части скучной, технической, выше ушей», Амфитеатров смог воплотить свой замысел лишь через 2 года. «Наконец сладил „Энергию“, а сладив, хочу о ней с Вами поговорить, так как раньше, покуда дело было зыбко и неопределенно, сего остерегался...». Известив Горького, что он заключил контракт на 3 года с правом пролонгации на такой же срок, и сообщив, что «даже в самом скверном исходе надеется издать 10 книжек по 15—18 листов», Амфитеатров писал: «Первую книжку, которая выйдет 1—5 октября, удалось сладить удачно: повесть В. Серошевского, повесть Вашего ученика Б. Тимофеева „Сухие сучки“ (очень хорошая, он говорит, что Вы их знаете), моя повесть, мой фельетон, три стихотворения Ивана Свистова, четыре письма Чехова...». (Письмо 26 сентября 1913 г.).¹⁰⁶

Горький поспешил выразить свое мнение об этом сборнике. В конце сентября 1913 года он писал Амфитеатрову: «Повесть Тимофеева длинна, Серошевского — еще длинней». Письмо заканчивалось словами: «... да и вообще не то и не те времена».¹⁰⁷

Боясь, что Амфитеатров неправильно истолкует его последние слова, Алексей Максимович спешил разъяснить их смысл. В письме от 3—5 октября 1913 г. Горький писал: «... не то и не те времена относятся к Серошевскому, поклонником которого я не являюсь».¹⁰⁸

Амфитеатров не согласился с мнением Горького о польском писателе. 6 октября 1913 г. он писал: «Относительно Серошевского я не вполне согласен с Вами. Если убрать оттуда чудовищные полонизмы и длинноты, повесть производит впечатление, вопреки своему наивному тону, а может быть, именно благодаря ему. Я давал ее читать многим и разным людям, и повесть очень нравится».¹⁰⁹

Вот и все, что мы нашли в переписке Горького с Амфитеатровым о Серошевском. Эти сведения, конечно, отрывочны. Но и они заслуживают, на наш взгляд, упоминания, так как проливают свет на творческую историю одного из произведений Серошевского, на его судьбу в России.

С рассказом Серошевского «Введение в экскурсию» связано его письмо к Алексею Николаевичу Веселовскому. Оба эти письма служили ответом на предложение редакции сборника «Дело», ко-

¹⁰⁵ Ссылаюсь на машинописные копии писем Амфитеатрова к Горькому (ИРЛИ, ф. 83, оп. 2, № 14, д. 163). Оригиналы хранятся в Москве, в Архиве А. М. Горького.

¹⁰⁶ Там же, лл. 150—151.

¹⁰⁷ Архив Горького. Шифр: П—Гр, п: 1-25-166.

¹⁰⁸ Там же. Шифр: П—Гр, п: 1-25-167.

¹⁰⁹ Архив Горького. Шифр: КГ—П—3-1-156. В оценке повести Серошевского как «длинной и растянутой» Горький не был одинок. Эту ее черту отметил также рецензент журнала «Русское богатство» (1914, № 1, стр. 399—400), давший в целом повести положительную оценку.

торый в 1898 году задумало издать Московское отделение общества для усиления средств Санкт-Петербургского женского медицинского института. Предложение Веселовского застало польского писателя врасплох. «Готового у меня, к сожалению, ничего нет, — писал он Алексею Николаевичу 2 ноября 1898 г., — но к указанному Вами сроку, 10—12 ноября, обязательно что-нибудь вышло».¹¹⁰ Из второго письма мы узнаем, что недостаток времени и чрезвычайная занятость помешали Серошевскому воплотить замысел в полном объеме и он вынужден был ограничиться отрывком, который и был напечатан в указанном сборнике в 1899 году.¹¹¹

Широкие творческие связи установились у Серошевского с петербургским журналом «Жизнь» (1897—1901). Это литературно-художественное издание демократического направления, в котором в конце XIX—начале XX века выступали Горький, Чехов, Серафимович и беллетристический отдел которого высоко ценил Ленин,¹¹² живо интересовалось творчеством польского писателя. За один только 1899 год на его страницах увидели свет три рассказа Серошевского.¹¹³ Неоднократно печатались здесь и рецензии на его произведения. Серошевский в свою очередь являлся постоянным читателем «Жизни» и называл журнал «симпатичным ему русским изданием». Сохранилось одно письмо польского писателя к редактору «Жизни» Владимиру Александровичу Поссе от 2 февраля 1901 г.¹¹⁴ Благодаря редактору за получение очередного номера «Жизни», Серошевский предложил Поссе поместить в журнале его рассказ из китайской жизни «Jang-Ming-Tse» в собственном переводе. Однако закрытие журнала в мае 1901 года помешало осуществлению этого замысла.

Сотрудничество Серошевского в журнале «Русская мысль» относится к тому периоду, когда с закрытием «Отечественных записок» (апрель 1884 года) журнал превратился в «одно из лучших изданий той поры». Хотя В. А. Гольцев, будучи типичным либералом и сторонником умеренных программ, придя в 1885 году к руководству журналом, провозгласил принцип «нейтральности и беспартийности» «Русской мысли», журнал нередко подвергался

¹¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 192.

¹¹¹ Годом позже названный рассказ был включен в 4-й том повестей и рассказов В. Серошевского в издании С. Дороватовского и А. Чарушникова (СПб., 1900).

¹¹² В письме к А. Н. Потресову от 27 апреля 1899 г. Ленин писал по поводу журнала «Жизнь»: «Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25).

¹¹³ «Рассвет» (№ 7), «Беловежская пуца» (№ 9) и «Чукчи» (№ 10).
¹¹⁴ ИМЛИ, Рук. отд., ф. 275, оп. 1, № 19. Полный текст письма см.: P. Lewin. Polonica w dziale rękopisów Instytutu literatury światowej. Przegląd Humanistyczny, Warszawa, 1962, № 4, str. 155—169. Однако номер единицы хранения указан неверно.

нападкам цензуры. Правительственные круги настораживало то постановление им крестьянского вопроса, то провозглашение журналом союза либеральной интеллигенции с народом. В донесениях цензоров нередко отмечался «оппозиционный» дух издания. Сочувствием по поводу очередных нападков цензуры пронизано письмо Серошевского к Виктору Александровичу Гольцеву от 22 июля 1905 г. В этом письме польский писатель выразил уверенность, что «гроза пройдет теперь так же, как проходила и раньше, без ущерба для процветания журнала». Попутно он замечал, что в «новых условиях» (с объявлением военного положения в Польше в 1905 году цензура стала свирепствовать еще сильнее) появление у него на родине «книжек для народа» Гольцева невозможно.¹¹⁵ В следующем письме от 14(27) сентября того же года Серошевский извещал Гольцева о переезде в Варшаву, куда и просил высылать ему в будущем «Русскую мысль».¹¹⁶ Связи Серошевского с «Русской мыслью», журналом, который, как известно, широко интересовался славянской тематикой, прослеживаются и позднее. В письме Серошевского к Александру Александровичу Кизеветтеру от 1 апреля 1912 г.¹¹⁷ идет речь о возможной публикации в журнале повести «Затишье». На конверте рукой Кизеветтера надпись: «переговорить с П. Струве» (В годы столыпинской реакции П. Б. Струве становится во главе редакции журнала). По неизвестным причинам названная повесть была отклонена «Русской мыслью» и появилась двумя годами позже в журнале «Современный мир».¹¹⁸

О судьбе в России фантастической сказки Серошевского «Дары Северного ветра» свидетельствует его письмо к Евгению Александровичу Ляцкому от 22 января 1913 г.¹¹⁹ Из письма следует, что названную сказку Серошевский послал из Парижа вначале Амфитеатрову в рождественскую книжку журнала для молодежи, выпускаемого ежегодно газетой «День». Там, однако, она не подошла по объему, и Амфитеатров передал ее Ляцкому для «Современника». Узнав о возможности напечататься в толстом журнале, Серошевский поспешил предложить Ляцкому взамен «Даров» вещь «более крупную и более серьезную». Не дожидаясь согласия редакции этого журнала, Серошевский одновременно с письмом выслал Ляцкому и рукопись повести, прося в случае отказа передать ее В. Я. Богучарскому, который «едет в Петербург и обещал ее там пристроить».¹²⁰

¹¹⁵ См. сб.: Памяти Виктора Александровича Гольцева, М., 1910, стр. 271.

¹¹⁶ ГБЛ, Рук. отд., В. А. Гольцев, VII, 30.

¹¹⁷ ИМЛИ, ф. 275, оп. 1, № 18. См. также: P. Lewin, op. cit.

¹¹⁸ Современный мир, 1914, №№ 6, 9, 11.

¹¹⁹ ИРЛИ, ф. 163, № 425.

¹²⁰ В «Современнике» после января 1913 года никакой вещи, принадлежавшей перу Серошевского, не появлялось. Что касается сказки «Дары Северного

Упоминание Серошевским имени видного историка общественного движения в России Василия Яковлевича Богучарского отнюдь не случайно. Этому человеку суждено будет сыграть видную роль в судьбе польского писателя. К сожалению, судить об их отношениях можно лишь на основе косвенных данных, так как их переписка неизвестна.

Итак, познакомившись еще в годы ссылки,¹²¹ Серошевский вновь встретился с Богучарским в Париже в 1911 году. В списках лиц, которые посещали Богучарского на его парижской квартире по улице Ernest Cresson 12, часто мелькает имя польского писателя.¹²²

Забегая вперед, скажем, что в 1913 году Богучарский стремился привлечь Серошевского к участию в историческом отделе журнала «Современник», который он возглавлял, предлагая ему, в частности, написать статью о настроениях поляков и галицийских украинцев в связи с событиями на Балканах.¹²³ От этого предложения польский писатель отказался ввиду своей неосведомленности.¹²⁴ Особая заслуга Богучарского состояла в том, что он возбудил интерес Серошевского к творческому наследию А. И. Герцена. По его предложению¹²⁵ Серошевский начал собирать материалы о великом революционере-демократе для музея, который решил основать петербургский кружок им. А. И. Герцена.¹²⁶

Богучарский же предложил принять Серошевскому участие в праздновании 100-летней годовщины со дня рождения Герцена, которая отмечалась в Париже в апреле 1912 года. Вот как об

ветра», то она вновь вернулась к Амфитеатрову и была помещена им в первой книжке сборника «Энергия» (СПб., 1913).

¹²¹ В письме к Игн. Дашиньскому от 28 декабря 1912 г Серошевский называет Богучарского своим «добрым знакомым и товарищем по ссылке». ИМЛИ, ф. 275, оп. 1, № 17; см. также: P. Lewin, op. cit.

¹²² ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 29.

¹²³ Имеются в виду балканские войны 1912—1913 годов, первая из которых велась странами Балканского союза против Турции; вторая — между Болгарией, с одной стороны, Сербией, Черногорией, Грецией, Румынией и Турцией — с другой.

¹²⁴ Об этом см. в письме Богучарского к Ляцкому от 13 (26) ноября 1913 г. ИРЛИ, ф. 163, № 43, л. 14.

¹²⁵ Об этом см. в письме Богучарского к Е. В. Болдыревой от 8 (21) марта 1911 г. ИРЛИ, ф. 135, № 766, лл. 13—14.

¹²⁶ Вопрос о кружке им. А. И. Герцена относится к числу неразработанных в современном герценоведении. Но и те немногие факты, которые включены в литературу о великом мыслителе, требуют тщательной проверки и критического отношения. Так, обнаруженные нами архивные материалы заставляют усомниться в подлинности слов М. К. Лемке (а вслед за ним и В. И. Кулешова), что «кружок пытался подорвать кредит его издания выпуском „Былого и дум“», что, «состоя сплошь из кадетов, он популяризировал один лишь бок Герцена, поскольку он отвечал кадетским надеждам» (ср.: В. И. Кулешов. Переписка М. К. Лемке с наследниками Герцена. Литературное наследство. Герцен и Огарев, т. 63. М., 1956, стр. 832).

этом писал Серошевский в предисловии к своей статье «А. И. Герцен в „Польском демократе“»: «В момент приготовлений к празднованию в Париже столетней годовщины рождения А. И. Герцена я встретился в Тургеневской библиотеке неожиданно с В. Я. Богучарским. Он первый обратил мое внимание на то, что в польских эмигрантских журналах в начале 50-х годов печатались статьи Герцена. Богучарский предложил мне разыскать эти статьи и прочесть их целиком или в отрывках на торжествах».¹²⁷ Из дальнейшего изложения мы узнаем, что Серошевский приступил к поискам. Он имел беседу с Владиславом Мицкевичем, сыном Адама Мицкевича, который лично знал Герцена, но сведения, сообщенные последним, касались больше подробностей его общественно-политической, нежели литературной деятельности. Вл. Мицкевич, как и Богучарский, отослал Серошевского к польским эмиграционным журналам. После длительных разысканий Серошевский пришел к выводу, что искать нужно в «Польском Демократе»,¹²⁸ с редакцией которого Герцена соединяли личные и идейные связи. Поиски увенчались успехом. «Я нашел там не одну, а целых две статьи о Герцене и его заметку о шпионе Михайловском, впрочем уже печатавшуюся в русской прессе».¹²⁹

Найденные статьи не были, однако, оглашены Серошевским в речи, произнесенной им 7 апреля 1912 г. в Salle d' Horti Cultur de France, где состоялось чествование Герцена.¹³⁰ Но об «открытиях» Серошевского стало известно в России. Журнал «Современный мир» предложил польскому писателю сделать их русский перевод для публикации в журнале. Серошевский выполнил просьбу журнала и перевел обе статьи. Одной из них и была приведенная выше статья Герцена «В редакцию Польского демократа», написанная Герценом 20 мая 1853 г. в Лондоне. А что же случилось со второй статьей Герцена? По поводу этой последней редакция «Современного мира» писала в примечании: «По неза-

¹²⁷ Современный мир, 1912, № 6, стр. 188.

¹²⁸ «Demokrata Polski» — орган Польского демократического общества, один из трех журналов, отражавших политические взгляды польской эмиграции. Основан в 1837 году, возобновлен к изданию в 1852 в Лондоне. В 1852—1853 годах систематически публиковал статьи Герцена и отклики на них. Ср.: А. Słisz. Współpraca polskich, rosyjskich sił postępowych. W ks.: Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku. Wrocław, 1956, str. 9—70; И. М. Белявская. Польское национально-освободительное движение и Герцен. Литературное наследство, т. 64, М., 1958, стр. 751—778.

¹²⁹ Современный мир, 1912, № 6, стр. 189.

¹³⁰ Речь Серошевского, произнесенная по-польски, содержала общую оценку позиции Герцена в польском вопросе. Полностью она была опубликована во французском журнале «L'avenir» (№ 26, 1912), в отрывках использована М. К. Лемке в комментариях к тому XIX полного собрания сочинений А. И. Герцена (стр. 355—357).

висящим от нас обстоятельствам мы могли воспользоваться только первой из переведенных для нас В. Серошевским статей Герцена». Итак, цензурный запрет. Но какой статьи? Какую из статей Герцена, появившуюся в заграничных изданиях, запретила на сей раз цензура?

Тщетно было бы искать ответа на этот вопрос в обширной современной литературе о Герцене.¹³¹ Но название этой статьи, на наш взгляд, должно было быть известно Лемке, и вот почему.

В личном архиве М. К. Лемке, в Пушкинском доме в Ленинграде хранятся два письма к нему Серошевского: от 14 сентября и 16 октября 1912 г.¹³² Они являются ответами на письма Лемке, который, по-видимому, после выхода в свет июньской книжки журнала «Современный мир» со статьей Герцена сразу же обратился к ее публикатору с просьбой сообщить ему необходимые сведения о Герцене. Нет нужды сомневаться в том, что Лемке просил Серошевского порыться в парижских архивах, на что писатель ответил согласием уже в первом из своих писем. Во втором письме, для нас более интересном, читаем: «Простите великодушно за мое опоздание с ответом Вам. Но вернулся в Париж я относительно недавно и только теперь раздобыл нужные вам сведения. Отвечаю по пунктам данного письма:

1) Подлинные, по-польски, заглавия статей Герцена:

a) Do Redakcyi Demokrata Polskiego. Londyn, 20 maja 1853.

Obywatelu! W ostatnim numerze (z dnia 15 maja) zamieściles w tłumaczeniu odezwę...».

К сожалению, на этом письмо обрывается. Несомненно, однако, что в одном из следующих пунктов Серошевский давал польское название второй статьи Герцена, а может быть, и собственный ее перевод на польский язык. Это была, как нам удалось установить,¹³³ переведенная с французского на польский (а затем с польского на русский Серошевским) речь Герцена по поводу 23-й годовщины польского восстания, произнесенной в Ганновер-Руме 29 ноября 1853 г.

Она была помещена в журнале «Demokrata Polski» 15 декабря 1853 г. и носила заглавие «Mowa od A. Hercena». Последние строчки известной речи Герцена «Да здравствует независимая Польша и Вольная Русь», конечно, не могли не испугать царскую цензуру. Речь Герцена в русском переводе изъяли, а имя ее пер-

¹³¹ Разыскание затрудняло отсутствие полного комплекса журнала «Demokrata Polski» в архивохранилищах Польши и Советского Союза.

¹³² ИРЛИ, ф. 661, № 992.

¹³³ Установить название этой статьи Герцена оказалось возможным лишь при содействии д-ра В. Арменияна, который просмотрел журнал «Demokrata polski» в парижской библиотеке «Biblioteka Polska w Paryżu», за что мы просим его принять нашу искреннюю благодарность.

вого переводчика — польского писателя В. Серошевского — забыли.¹³⁴

Рассмотренные выше письма В. Серошевского в Россию не исчерпывают, по-видимому, всей переписки польского писателя с его русскими корреспондентами. Не исключено, что в дальнейшем будут выявлены кое-какие дополнительные материалы. Но изученное и описанное — несомненно более значительная и более значимая часть этой переписки. Причем то, что уже сделано, важно, как нам кажется: не только в биографическом плане. Приведенные материалы несомненно делают полнее наши представления о некоторых сторонах литературной жизни России конца прошлого — начала нынешнего века. В научный оборот вводятся некоторые новые детали и подробности, а также целый ряд значительных фактов, глубже раскрывающих роль отдельных лиц в общественно-литературном движении тех лет. Включение в научный оборот новых архивных данных важно также для характеристики русско-польских связей конца XIX — начала XX века.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

БИБЛИОГРАФИЯ

РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВАЦЛАВА СЕРОШЕВСКОГО

а) Собрания сочинений

Повести и рассказы. СПб., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1900, 268 с. (Рассвет. Гречкая щель. Беловежская пуца. В горах. Чукчи. Риштау).

Рец.: Н. П. А. «Новости», 1900, № 280, октябрь, с. 2; Богданович А. «Мир божий», 1900, № 3, с. 82—83; Недолин А. «Жизнь», 1900, № 6, с. 361—364; «Русская мысль», 1900, № 6, библиотеч. отд., с. 201; «Русское богатство», 1900, № 12, новые книги, с. 77—80; Скляр А. «Образование», 1900, № 12, крит. и библиотеч. с. 54—56; Оранский С. «Журнал для всех», 1902, № 3, библиотеч., с. 373.

Полное собрание повестей и рассказов, тт. 1—2. Т. 1, М., маг. «Книжное дело», 1903. На краю лесов; т. 2. СПб., 1902. Предел скорби. Янг-хун-цзы. Боксер. Кули.

Рец.: «Русское богатство», 1902, № 11, новые книги, с. 50—51; «Новости», 1903, № 245, сентябрь, с. 2.

Собрание сочинений, тт. 1—4. 2-е доп. изд. СПб., кн-во Н. Глаголева, 1904—1905. Т. 1. На краю лесов. Чукчи; т. 2. Предел скорби. Китайские рассказы. Хайлак; т. 3. Дальний Восток (очерки); т. 4. Корея.

Собрание сочинений, тт. 1—6. 3-е изд., СПб., кн-во Н. Глаголева, 1908. Т. 1. Рассказы (На краю лесов. Предел скорби. Хайлак); т. 2. Рассказы. (Оль-Сони-Кисань. Янг-хун-цзы. Боксер. Кули); т. 3. Дальний Восток (Сибирь).

¹³⁴ Ср.: А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, Пгр., 1919, стр. 497; см. также: А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XII, М., 1966, стр. 520—521.

Маньчжурия. Япония. Сахалин. Китай); т. 4. Корея; т. 5. Рассказы (В сетях. Обратный путь. Рассвет. В горах. Риштау); т. 6. Польская социалистическая партия.

Сочинения тт. 1—8. СПб., т-во «Знание», 1908—1909. Т. 1. Рассказы (На краю лесов. Чукчи); т. 2. Рассказы (Предел скорби. Хайлак. В сетях); т. 3. Рассказы. (Оль-Сони-Кисань. Китайские рассказы: Боксер. Кули. Янгхун-цзы); т. 4. Побег; т. 5. Рассказы (Брак. Slavus saltans. Бессмертная. Странники); т. 6. Рассказы (Обратный путь. Рассвет. Беловежская пуща. Грецкая щель. В горах. Риштау); т. 7. Дальний Восток; т. 8. Корея.

б) Отдельные произведения

Беньовский. Роман. Пер. М. Абкиной (Предисловие Н. Д.-в). Изд. «Мысль», Л., 1927, 304 с.

Рец.: Огородников В. «Сибирские огни», 1927, № 6, с. 255.

Беловежская пуща. «Жизнь», 1899, № 9, с. 1—27.

Боксер. Пер. автора. «Юный читатель», 1902, № 2, с. 36—60.

Боксер. СПб., изд. Н. Глаголева, 1904, 24 с.

Брак. Повесть. «Русская мысль», 1907, № 10, стр. 41—79; № 11, с. 1—50.

Быть или не быть? «Киевская мысль», 1911, №№ 333, 343, 350.

В горах. «Новое слово», 1897, № 8, с. 1—24.

В развалинах. «Всходы», 1911, № 9, с. 641—656; № 10, с. 732—742.

В сетях. Повесть. «Мир божий», 1896, № 10—12.

В сетях. СПб., изд. О. Поповой, 1898, 140 с.

В сетях. 2-е изд., СПб., 1903, 140 с.

Рец.: Литературное приложение «Нивы», 1898, № 2, библиограф.

с. 179; «Русская мысль», 1898, № 6, библиограф. отд., с. 225—226;

«Русское богатство», 1898, № 8, новые книги, с. 64—68.

В степях Монголии. Пер. автора. Изд. ж. «Всходы», 1902, 187 с.

Рец.: «Вестник воспитания», 1902, № 7, крит. и библиограф.

с. 19—21; «Воспитание и обучение», 1903, № 9, столб. 360—361;

«Петербургская жизнь», 1903, № 732, с. 50—68.

В стране утреннего спокойствия. СПб., изд. ж. «Всходы», 1905, 140 с.

В стране цветов. Повесть. (продолжение повести «В степях Монголии»).

«Всходы», 1903, № 20, с. 3—163.

В стране цветов. Изд. ред. ж. «Всходы», СПб., 1903, 163 с.

Рец.: «Вестник воспитания», 1904, № 2, крит. и библиограф. с. 1—3.

Введение в экскурсию. Рассказ. В сб. «Дело», СПб., 1899, с. 427—433.

А. И. Герцен. в «Польском демократе». «Современный мир», 1912, № 6, с. 192—197.

Грецкая щель. «Начало», 1899, № 5, с. 89—101.

Дары северного ветра. В сб. «Энергия», № 1, под ред. А. Амфитеатрова. СПб., 1913, с. 1—136.

Рец.: «Русское богатство», 1914, № 1, новые книги, с. 399.

Дети. Рассказ. Пер. М. Дедова. В сб. «Помощь голодным», т. II, Варшава, 1900, с. 107—153.

Дорожные впечатления. «Русские ведомости», 1903, № 348, декабрь; 1904, № 3, январь.

Езда на собаках в Сибири. Очерк. «Всходы», 1896, № 1, с. 69—80.

Затишье. Роман. «Современный мир», 1914, №№ 6, 9—11.

Инвалиды. Сказки. СПб., изд. «Читальня народной школы», 1911, вып. VI, с. 1—56.

Ингва. Повесть. «Современный мир», 1911, №№ 6—8.

Как осенний лист. Повесть. «Современный мир», 1910, №№ 5—8.

Как и во что веруют якуты. «Сибирский сборник», вып. 2, Иркутск, 1890.

Китайские повести. Пер. С. Михайловой-Штерн. (Предисловие А. Старчакова). М., изд. «Земля и фабрика», 269 с.

- Рец.*: В е ж е. «Книга и профсоюзы», 1928, № 2, стр. 34. Е ж С.
«Читатель и писатель», 1928, № 6, февраль, стр. 7.
- Ключ Дальнего Востока. «Русские ведомости», 1904, №№ 66, 78, 81, 121, 134, 140, 152, 208, 215, 223, 236, 243, 276, 292, 299, 316, 334, 349; 1905, №№ 5, 10, 28, 65, 126, 135.
- Книга в изгнании. «Литературная газета», 18 июля 1935, с. 4.
- Корея. Очерки. СПб., 1905.
- Кули. Рассказ. «Журнал для всех», 1902, № 3, с. 286—299; № 4, с. 411—432.
- Кули. СПб., изд. Н. Глаголева, 1904, 45 с.
- Рец.*: Ф и г н е р В. «Мир божий», 1905, № 11, библиотечный отд., с. 107.
- Любимая и бессмертная. «Русские ведомости», 1907, № 81, апрель.
- Матросы с корабля «Надежда». «Всходы», 1898, №№ 5, 7.
- Рец.*: Н а л и м о в А. П. «Жизнь», 1898, № 36, библиотечный отд., с. 417—418. «Русская школа», 1898, № 12, критика и библиотечный отд., с. 268.
- Матросы с корабля «Надежда». Пер. автора. СПб., изд. О. Н. Поповой; 1899.
- Матросы с корабля «Надежда». 2-е изд., СПб., 1901, 76 с.
- Рец.*: К о с т р о м и н В. «Общее дело», вып. 2, М., 1902, с. 484—485.
- Матросы с корабля «Надежда». 3-е изд., СПб., 1905, 79 с.
- Матросы с корабля «Надежда». 4-е изд., СПб., изд. «Вятского товарищества», 1912. 81 с.
- Рец.*: С. Р. «Семья и школа», 1913, № 9, с. 592—593.
- Матросы с корабля «Надежда». Пер. С. Михайловой-Штерн. М., изд. «Земля и фабрика», 1928, 96 с.
- На краю лесов. Повесть. Пер. автора «Русское богатство», 1896, №№ 6—9.
- Рец.*: «Русская мысль», 1895, № 8, библиотечный отд., с. 410—414.
- На краю лесов. СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1897, 237 с.
- Рец.*: «Мир божий», 1897, № 4, библиотечный отд., с. 63—64, «Новое слово», 1897, № 10, новые книги, с. 63.
- На краю лесов. 2-е изд. СПб., «Книжное дело», 1902, 237 с.
- На краю лесов (Предисловие Р. А.). Л., Гос. изд., 1928, 344 с.
- О брачном союзе якутов. «Изв. Русск. геогр. общ.», 1895, т. XXXI, № 1, с. 76—77.
- Обратный путь. Рассказ. «Мир божий», 1903, № 4, с. 44—73; № 5, с. 177—210.
- Рец.*: В. Г. «Русская мысль», 1903, № 6, журн. обзор., с. 260—264.
- О Гольцеве. В сб. «Памяти Гольцева», под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1901, с. 304.
- Оль-Сони-Кисань. Повесть. «Мир божий», 1906, №№ 3—5.
- Рец.*: Айхенвальд. «Русская мысль», 1906, № 7, журн. обзор., с. 171—175.
- О-Сици. Рассказ. «Русская мысль», 1909, № 5, с. 24—38.
- Охота за китами у берегов Кореи. «Юный читатель», 1904, № 11, с. 1167—1190.
- Охота за оленями в лесах Дальнего Севера. «Сибирский сборник», вып. 1, Иркутск, 1892, с. 1—17.
- Первый день в России. «Русские ведомости», 1894, № 344, декабрь.
- По аграрному вопросу. Открытое письмо Н. Ф. Анненскому. «Русское богатство», 1906, № 5, с. 162—168.
- По поводу экспедиции Андре. СПб., 1896, с. 1—5.
- Побег. Пер. М. Михайловской. «Орловский вестник», 1902, №№ 171—181.
- Побег. «Русское богатство», 1906, №№ 6—12.
- Предел скорби. Повесть из жизни прокаженных. Пер. автора. «Мир божий», 1900, № 4, с. 78—113; № 5, с. 142—179.
- Предсказание Вернихоры. Рассказ. «Народная весть», 1906, № 2, с. 22—25.
- Приключение тигра. «Всходы», 1911, № 8, с. 568—577.

- Примирение. Рассказ. «Сибирская жизнь», 1914, № 9, январь, с. 4.
- Против волны (Воспоминания о сибирской ссылке). Предисл. Ф. Кона.
Изд. «Молодая гвардия», М.—Л., 1929, 288 с.
Рец.: В р ж о с е к. «Книга и революция», 1929, № 15—16, с. 79—80.
- Пустынный остров. Рассказ. В кн.: Подснежник. Сб. для детей. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1899, с. 22—51.
Рец.: «Русская мысль», 1899, № 7, библиотечный отдел, с. 259.
- Пустынный остров. СПб., изд. маг. «Книжное дело», 1903, 44 с.
Рец.: В е н т ц е л ь Н. «Новое время», 1903, № 9631; «Всходы», 1903, № 1, критический указ.; Т. П. А. «Педагогический листок», 1903, № 3, библиотечный отдел, с. 221. «Вестник воспитания», 1903, № 4, критический и библиотечный отдел, с. 64—65; Н а л и м о в А. П. «Воспитание и обучение», 1903, № 6, столб. 271; «Русская мысль», 1903, № 7, библиотечный отдел, с. 260; «Юный читатель», 1904, № 1, с. 120.
- Пустынный остров. СПб., изд. «Вятского товарищества», 1912, 51 с.
Рец.: С. Р. «Семья и школа», 1913, № 9, с. 592; «Всходы», 1913, № 10, критический указ., с. 815—816.
- Рассвет. Рассказ. «Жизнь», 1899, № 7, с. 251—260.
- Риштау. Повесть. «Мир божий», 1899, №№ 5—7.
- Сакурское видение. Рассказ. «Современник», 1912, № 1, с. 7—17.
- Сеул накануне войны. «Русская мысль», 1905, № 5—6.
- Странники. Повесть. «Современный мир», 1908, №№ 2—4.
- Супружество. Повесть. «Север», 1909, №№ 21—27.
- Сыны неба. Рассказы из китайской жизни: Боксер. Кули. 2-е изд. СПб., б-ка «Юного читателя», 1913; 72 с.
- Сыны неба. 3-е изд., СПб., б-ка «Юного читателя», 1919, 71 с.
Рец.: М е н ж и н с к а я Ю. И. «Учитель и школа», 1914, № 19—20, с. 79—80.
- Уголок Японии. «Русские ведомости», 1903, №№ 287, 294, 304.
- Хайлак. Рассказ. «Сибирский сборник», вып. 2. Иркутск, 1890.
- Хайлак. Рассказ. Пер. Л. В. Василевского. «Русское богатство», 1893, № 10, с. 200—230.
- Чукчи. «Жизнь», 1899, № 10, с. 229—256.
- Чукчи. М., изд. «Книжное дело», 1905, 43 с.
Рец.: Ф и г н е р В. «Мир божий», 1905, № 11, с. 107.
- Якутская свадьба. «Живая старина», 1894, вып. 3—4, с. 365—374.
- Якутские песни и певцы. Изв. Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XXIV, № 2, Иркутск, 1893, с. 48—55.
- Якутские рассказы. СПб., изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895, 192 стр.
Рец.: П ы п и н А. Н. «Вестник Европы», 1895, № 2, с. 897—898; «Русское богатство», 1895, № 2, новые книги, с. 72—73; «Русская мысль», 1895, № 4, библиотечный отдел, с. 154—155; «Мир божий», 1895, № 6, библиотечный отдел, с. 2—4.
- Якутские рассказы. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1898, 108 стр.
Рец.: Т. «Жизнь», 1898, № 18, библиотечный отдел, с. 360—362; О. О. «Вестник воспитания», 1898, № 8, критический и библиотечный отдел, с. 28—33; «Журнал для всех», 1898, № 12, с. 1536.
- Якутский хлеб. «Русское богатство», 1894, № 12, с. 157—182.
Рец.: «Восточное обозрение», 1895, № 13, январь, с. 2.
- Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. 1. СПб., Изд. Русск. геогр. общ., 1896, 719 с.
Рец.: Х а р у з и н. «Этнографическое обозрение» 1896, т. 8, № 4, с. 170—172; «Живая старина», 1896, вып. 2, с. 255—257; «Землевание», 1896, т. 3, кн. 2, с. 135—136; «Русское богатство», 1898, № 8, новые книги, с. 65—68; И о н о в В. М. «Жи-

вая старина», 1914, вып. 3—4, с. 317—372; Кочнев Д. В кн.: Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899. См. именной указатель; Самойлович А. В кн.: Якутский фольклор. М., Изд. «Советский писатель», 1936. Вступительная статья. Японский Дронтейм. «Русские ведомости», 1903, № 180, июль.

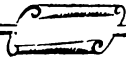
ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЛИТЕРАТУРА О В. СЕРОШЕВСКОМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Алексеев М. П. Сибирь в западноевропейской литературе. В кн.: Сибирская энциклопедия, т. С—О, стр. 851—852.
- Аптекман О. С. Общество «Земля и воля» в 70-х годах. 2-е изд., Пгр., 1924, стр. 207.
- Белый Л. М. (Заполярный Яков). Бунт пересыльных политических в красноярской тюрьме. «Былое», 1907, октябрь, стр. 115—122.
- Белый Л. М. Три года в Верхоянске. «Каторга и ссылка», 1925, № 15, стр. 215—216; № 17, стр. 220.
- Бялый Г. А. Короленко и польские писатели. «Научный бюллетень» ЛГУ, 1946, № 11—12, стр. 62.
- Вепринский П. М. Короленко и польские сибиреведы Шиманский и Серошевский. Уч. зап. Тюменского инст., 1966, сб. 31, вып. 1, стр. 122—134.
- Вржосек. Против волны. «Книга и революция», 1929, № 15—16, стр. 79—80.
- Ганейзер Е. В. В. Лесевич в письмах и воспоминаниях. «Голос минувшего», 1914, № 8, стр. 86.
- Грибановский Н. Н. Библиография Якутии, ч. II, вып. 1. Л., 1934, стр. 139, 183, 195.
- Горький А. М. Письма к К. П. Пятницкому. Гослитиздат, М., 1954, стр. 154, 252, 253 (Архив А. М. Горького, т. IV).
- Горький А. М. Письма к Е. П. Пешковой. Гослитиздат, М., 1955, стр. 107, 108 (Архив А. М. Горького, т. V).
- Дубровский К. Якутская ссылка в русской художественной литературе. М., 1928, стр. 21, 26—28, 35.
- Заневский К. К. К характеристике современной польской литературы. «Современный мир», 1912, стр. 271—273.
- История Сибири, т. III. Сибирь в эпоху капитализма. Раздел 1. Новосибирск, 1965, стр. 158.
- Каменский Г. Серошевский Вацлав. Энциклопедический словарь общ. Гранат, т. 41, ч. VI, стр. 28.
- Канаев М. П. Русско-якутские литературные связи. М., «Наука», 1965, стр. 109—121.
- Козловский Л. Болеслав Прус. «Русское богатство», 1912, № 6, стр. 66.
- Кон Ф. Предисловие к книге Серошевский В. Против волны. М.—Л., 1929.
- Кочнев Д. Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899. См. именной указатель.
- Кошелев Я. Русская фольклористика Сибири. (XIX—начало XX века). Томск, 1962, стр. 192.
- Лион С. Морской побег. М., 1926.
- Льдов К. Беседа о Серошевском. «Огонек», 1905, № 13, стр. 103.
- Николаев В. Н. Якутский край и его исследователи, вып. 1. Якутск, 1913, стр. 23—27.
- Николаев В. Н. Ссылка и краеведение. «Сибирская ссылка», М., 1927, стр. 92, 97—98.

- Оболевич В. Б. История польской литературы. Л., 1960, стр. 264, 267, 269, 309.
- Пиксанов Н. К. Владимир Галактионович Короленко и якутская ссылка. 1881—1884 гг. В сб.: В якутской неволе, М., 1927, стр. 71—89.
- «Русские ведомости». 1863—1913. Сборник статей, М., 1913, стр. 172.
- Северов. Русская литература. «Новости», 1903, № 21, 24 июля.
- Торгашев П. Сибирские воспоминания. 1883—1903. «Голос минувшего», 1910, № 10, стр. 129.
- Фельдман В. В. Серошевский. Пер. с польск. И. Хвойника. «Критический альманах», кн. 2, М., 1910, стр. 183—186.
- Флориан. Молодая Польша. «Студенчество», 1906, № 2, стр. 32—37.
- Хороших П. Якуты. Опыт указания историко-этнографической литературы о якутской народности. Иркутск, 1924, стр. 16, 21, 24, 26, 30, 36, 39.
- Якутия. Сборник статей, М.—Л., 1927, стр. 37, 171, 198, 200, 207, 212, 214, 218, 219, 304, 370, 385, 434, 438, 441, 491.
- Яцмирский А. Вацлав Серошевский. «Славянские известия», 1906, № 4, стр. 229—245.
- Яцмирский А. Социальные мотивы в творчестве Серошевского. «Вестник знания», 1906, №№ 1—12.
- Яцмирский А. Серошевский Вацлав. Энциклопедический словарь, т. II, доп. СПб., 1907, стр. 735—736.
- Яцмирский А. Новейшая польская литература, т. 1. СПб., 1908, стр. 293, 391; т. II, стр. 179—183; 193—203; 313—321; 346, 354—357.

И. М. Порочкина

ЧЕШСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЮЖЕТ У Л. Н. ТОЛСТОГО

В начале 1907 года Л. Н. Толстой был увлечен идеей создания «Круга Чтения» для детей. По замыслу писателя в него, помимо прочего, должны были войти произведения русских и зарубежных авторов. «Все подбираю детский Круг Чтения», — заносит он в записную книжку 28 февраля.¹ 7 марта: «Читаю легенды и детские книги».² 6 апреля: «Собирал рассказы, собрал 75».³ Благодаря этим поискам Толстого вновь потянуло к творчеству, о чем он сообщает 7 апреля: «Читал сборник Горбунова. Гюго завлек в желание художественной работы».⁴ Свое желание Толстой частично осуществил, написав с апреля по июль 1907 года шесть рассказов для детей. Но повторяющиеся периоды недомогания, физической слабости вызывали у писателя чувство неуверенности в своих возможностях: «Художественной работы хочется, — записывает он в дневнике 30 апреля, — но едва ли я теперь способен к ней. Впрочем, — добавляет он, — главное дело — не желать ничего для себя. Детский Круг Чтения есть достаточное служение».⁵

Среди многочисленных друзей и единомышленников Толстого, помогавших великому писателю материалами для «Круга Чтения», были и его чешские и словацкие почитатели. Они стремились познакомить Толстого с культурой, историей, современным положением их народов. Главным источником информации об этом был Д. П. Маковицкий (1869—1920), исполнявший в последние годы жизни Толстого обязанности его личного врача. Он снабжал писателя славянскими книгами, устанавливал связи с русскими сла-

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч. Юбилейное издание, т. 56, стр. 185 (далее: Л. Н. Толстой).

² Там же, стр. 186.

³ Там же, стр. 190.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ Там же, стр. 27.

вистами, прося выслать нужную литературу и т. п. Посетивший в августе 1907 года Ясную Поляну чешский педагог К. Велеминский, сторонник педагогических взглядов Толстого, писал в своей книге, которую он издал после посещения: «Я обещал ему (Толстому, — И. П.) послать некоторые сказки Б. Немцовой для „Детского Круга“. Он попросил у меня и других материалов из чешской литературы, не только сказок, а чего-нибудь повеселее, поостроумнее, чего, как он сказал, так не хватает в детской литературе».⁶

К австро-венгерским толстовцам, трансформировавшим взгляды Толстого с позиций партиархально-утопического социализма и порой вступавшим в серьезные конфликты с государственными властями Австро-Венгерской монархии, принадлежал молодой словацкий врач А. Шкарван (1869—1926). С середины 90-х годов он состоял в переписке с Толстым, неоднократно посещал его и много сделал для распространения произведений Толстого за пределами России, переводя их на словацкий, чешский, венгерский и немецкий языки.⁷ Демонстративный отказ Шкарвана от военной службы и его мужественное поведение при последовавших репрессиях поразили Толстого и нашли отражение в его драме «И свет во тьме светит».

Из материалов, которые посылал Толстому А. Шкарван, особого внимания заслуживает обработка чешских средневековых историй о Яне Палечке, принадлежавшая перу чешского писателя Я. Гербена (1857—1936).

Ян Палечек, по преданию, был шутком чешского короля Иржи из Подебрада, вступившего на чешский престол в смутное время после гуситских войн (середины XV века) и, пользуясь своим положением, выступал ревностным поборником христианского гуманизма чешских братьев. Его озорные проделки, веселые шутки, острый ум, находчивость, всесторонняя ученость снискали ему всеобщее восхищение, и Палечек стал героем дошедшего до нас цикла рассказов, записанных в первой половине XVI века.⁸

В 1868 году чешский ученый и писатель К. Я. Эрбен издал выявленный к тому времени вариант «Истории Палечка».⁹ Поэтромантик И. В. Фрич печатает свои вариации на тему Палечка, характеризую его как «единственного безумца среди мудрецов и единственного мудреца среди безумцев».¹⁰ Отдают дань Палечку и крупнейшие чешские поэты второй половины XIX века Я. Не-

⁶ K. V e l e m í n s k ý. U. Tolstého. Praha, 1908, str. 9.

⁷ О деятельности А. Шкарвана в качестве пропагандиста Толстого см.: П. Г. Б о г а т ы р е в. Глазами словацкого друга. Литературное наследство, т. 75, кн. 2, стр. 121—130.

⁸ Наиболее обстоятельно сюжеты о Палечке разобраны в исследовании Р. Урбанека (Jan Paleček, šašek krále Jiřího a jeho předchůdci v zemích českých. В кн.: Příspěvky k dějinám starší české literatury. Praha, 1958).

⁹ В кн.: Výbor ze starší české literatury. II. Praha, 1868.

¹⁰ J. V. F r i č. Z kratochvilné historie o bratru Palečkovi. Květy, 1866, čl. str. 35.

руда и Св. Чех,¹¹ а в начале 80-х годов к Палечеку с целью изучения истории о нем и его времени обращается Я. Гербен. Первая его статья появилась в 1882 году в приложении к журналу «Палечек»,¹² год спустя — историческое исследование «Кленовский — Палечек»,¹³ в 1898 году Гербен расширил издание 1882 года,¹⁴ а в 1902 году художественно обработал для детей историю о Яне Палечеке.¹⁵ Именно эта обработка и вошла в историю чешско-русских связей.

В небольшой монографии, посвященной памяти историка, журналиста, издателя, прозаика, близкого к Масарику политика, каким был Гербен, чешский писатель Я. Врба назвал его книгу «Брат Ян Палечек, шут короля Иржи» «прекрасной книгой», «которая, несмотря на то что она уже исчезла с книжного рынка, все еще продолжает ходить по рукам маленьких читателей, и ее с увлечением читают».¹⁶ В послесловии к последнему изданию «Палечека» Гербена (изд. «Детская книга», Прага, 1958) известный чешский писатель Ф. Кубка подчеркивает значение обработки Гербена «и для юности наших дней».¹⁷ Между тем сам Гербен, по-видимому, не придавал особого значения своим историческим трудам (ему принадлежат также статьи о Яне Непомуцком, о смысле чешской истории, о Яне Гусе и др.) и своей обработке «Палечека». В написанной им к концу жизни «Книге воспоминаний» он, бегло замечая о своем интересе к чешской истории, «Палечека» даже не упоминает.¹⁸

«Брат Ян Палечек» Гербена обратил на себя внимание словацких толстовцев. К. Ионаш предпринимает попытку создать пьесу о Палечеке,¹⁹ а Шкарван не жалеет труда на перевод книги на русский язык, чтобы ознакомить с «Палечеком» Толстого и рекомендовать его в «Детский Круг Чтения».

О получении Толстым рукописи Шкарвана и работе над рассказом о Палечеке сообщается Н. Н. Гусевым в комментариях к «Неизданным текстам» Толстого (М., 1933) и к сороковому тому Юбилейного издания сочинений писателя (М., 1956). Эти сообщения следует несколько уточнить и дополнить. 12 мая 1907 г. Маковицкий записывает в своем дневнике: «Утром от Шкарвана получил в Детский Круг Чтения „Брата Палечека“. Льву Николаевичу он понравился, кое-что выберет».²⁰ Таким об-

¹¹ J. Neruda. Balada česká; Sv. Čech. Král a šašek.

¹² J. Herben. Jan Paleček. Historický obraz. Paleček, 1822.

¹³ J. Herben. Klenovsky — Paleček. Historický sborník. Praha, 1883.

¹⁴ J. Herben. Jan Paleček. Běsedy Času, 1898.

¹⁵ J. Herben. Bratr Jan Paleček, šašek krále Jiřího. Praha, 1902.

¹⁶ J. Vřba. Jan Herben. V Praze, 1937, str. 9.

¹⁷ J. Herben. Bratr Jan Paleček, šašek krále Jiřího. Praha, 1958, str. 52.

¹⁸ J. Herben. Kniha vzpomínek. Praha, 1935, str. 123—124.

¹⁹ K. Jonaš. Smavý rek. Květy, r. I, 1905.

²⁰ Д. П. Маковицкий. Яснополяские записки. Рукопись. Тетрадь XXVI. Архив Гос. Музея Толстого (дальше; GMT). В творческой практике

разом, Толстой сразу же ознакомился с присланной рукописью и стал думать о возможной обработке ее. Толстому не могла не быть близка основная идея, заложенная в образе чешского средневекового героя. Близость Палечека к общине чешских братьев, провозглашавших равенство всех людей, всеобщую любовь и непротивление злу насилем, вели к любимому Толстым чешскому философу Петру Хельчицкому, основателю братской общины, хотя в произведении Гербена его имя даже не упоминается. За два года до этого Толстой, считая, что произведения чешского мыслителя незаслуженно забыты, написал статью о Хельчицком. Писатель надеялся, что «Круг Чтения», в котором он наряду со статьей поместил отрывки из «Сети веры» Хельчицкого, «откроет его англичанам и немцам».²¹

21 мая Маковицкий записывает: «Сегодня утром, а потом еще раз днем, Лев Николаевич спрашивал меня про Палечека, Юрия Подебрада и Хельчицкого. „Я хочу, — сказал он, — Палечком воспользоваться, придумать, как он попал в шуты. Я представляю себе, что он был юродивый: «У меня один царь — на небесах», — и пошел к старцу посоветоваться, поступать ли ему в шуты, и тот ему сказал, что можно, и тогда он поступил. Детям очень нравятся такие рассказы... Он плакал, когда быка вели на бойню... Сюда можно поместить сказки, изречения восточной мудрости... Был шут Балакирев у Петра — ничтожный, но на него много придумали,²² а тут шут — единомышленник (Л. Н. употребил не это слово) Хельчицкого, моравский брат“».²³

О «братьях» в России знали. Члены братской Общины, эмигрировавшие после гонения 1620—1626 годов, поселились и в некоторых русских губерниях. Даже среди близких Толстому людей оказались потомки чешских переселенцев. Брат А. К. Чертовой — И. К. Дитерихс, или «Жозя», как называли его в семье Толстого, рассказал К. Велеминскому, что их предки были выходцами из Чехии, спасавшимися от религиозных гонений в начале XVII века.²⁴ «Моравским» братом Палечек рисовался Толстому, по-видимому, безотчетно. Территориально широко распространенное объединение последователей Хельчицкого получило наименование «Общины чешских братьев». Возможно, сыграли роль представления, сложившиеся у Толстого еще в раннем дет-

Толстого уже был случай переработки до некоторой степени родственного сюжета, превратившегося под пером писателя в рассказ «Где любовь — там и бог» (1885). Исходным материалом для вольной переделки послужил тогда тоже нерусский источник — рассказ французского писателя Р. Сайленса «Дядя Мартин».

²¹ Д. П. Маковицкий. Яснополяние записки. 31 марта 1905 г. ГМТ.

²² О шуте Балакиреве Толстым был написан рассказ для «Азбуки» в 1871—1872 годах.

²³ Л. Н. Толстой, т. 40, стр. 511.

²⁴ K. V e l e m í n s k ý, op. cit., p. 40.

стве, о «муравейных братьях». Вот, что об этом писал Толстой в «Воспоминаниях»: «... когда нам с братьями было — мне 5, Митеньке 6, Сереже 7 Николенька объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди станут счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья)».²⁵

Безусловно в «Шуте Палечке» Толстой не стремился к исторической точности, а его занимала сама идея братского единения, в ту пору особенно его привлекавшая. «Смешно писать такую всем известную истину в конце жизни, а истина эта для меня, как я ее теперь понимаю, скорее чувствую, представляется совершенно новой. Истина эта в том, что надо всех любить, и всю жизнь строить так, чтобы можно было всех любить», — записывает Толстой в дневнике 14 января 1907 г.²⁶ Вскоре после завершения работы над Палечком, продумывая предстоящую встречу с детьми, Толстой заносит в дневник слова, которые он хотел бы сказать им: «Дети, любите друг друга. Лучше этого ничего сказать нельзя, потому что в этих словах все, что нужно людям. Исполняй люди эти слова, только старайся люди отучаться от ссор, зависти, брани, осуждения и всяких недобрых чувств к *братьям* (курсив мой, — *И. П.*) — и всем было бы хорошо и радостно жить на свете».²⁷

Замысел, изложенный Маковицкому 24 мая, не был воплощен. Толстой ограничился лишь небольшой обработкой присланного текста.²⁸ И в том виде, в каком он был получен, он во многом удовлетворял Толстого. Среди намеченных писателем тем рассказов для детей была «о неунывающем весельчаке в бедствиях».²⁹ Вероятно, в какой-то степени Палечек ей соответствовал (хотя отнюдь не этот оптимистический мотив стал главной пружиной его поведения).

Толстой составляет план будущего рассказа, затем зачеркивает его, и на обложке рукописи Шкарвана появляется новый план, уже окончательный. «Ничего не писал. Обдумывал Палечка», — читаем мы в записной книжке Толстого за 10 июня 1907 г.³⁰ Писать же Толстой начал, по-видимому, лишь во второй

²⁵ Л. Н. Толстой, т. 34, стр. 386.

²⁶ Там же, т. 56, стр. 5.

²⁷ Там же, стр. 43.

²⁸ О редакторской работе Толстого над рукописью Шкарвана см. публикацию И. А. Покровской в кн.: «Толстой — редактор». М., 1965, стр. 281—302. Следует отметить, что в книге «Толстой — редактор» чешские средневековые истории о Яне Палечке неправильно названы «словацкой легендой».

²⁹ Л. Н. Толстой, т. 56, стр. 28.

³⁰ Там же, стр. 198.

половине июня. В карманный ежедневник 24 июня писатель заносит: «Писал Палечка. Порядочно».³¹ На следующий день рассказ был отпечатан на ремингтоне дочерью Толстого Александрой Львовной. Любопытна сделанная по этому поводу запись Маковицкого от 25 мая 1907 г.: «После полудня Лев Николаевич два раза прошел через комнату, где я живу (извиняясь, что беспокоит меня), под своды, где Александра Львовна и Варвара Михайловна писали на ремингтонах. Оттуда было слышно: „Папа, как мне нравится этот Палечек!“. Второй раз, возвращаясь, Лев Николаевич сказал, что Александре Львовне „Палечек“ нравится. Мне это было очень приятно, и я сейчас же вошел к пишущим и сказал, как я рад этому. Александра Львовна ответила: „Папа говорит, что человек — христианин, в каком бы положении он ни находился, всегда может вести свою линию. И это Палечек, придворный шут — звание, казалось бы, самое неподходящее, чтобы проявлять свое христианство, а он проводит его“».³²

Об интерпретации Толстым образа Палечка скажем несколько ниже, здесь же заметим, что и после написания рассказа Толстой продолжает интересоваться своим героем, о чем свидетельствует Велеминский. «Его интересовало, не осталось ли у нас следов каких-либо сект, и особенно чешских братьев. Когда я ему пояснил, что чешские братья после антиреформации слились с церковью реформистской, он хотел знать, в какой мере евангелисты восприняли чешскобратское вероучение».³³ И далее Велеминский пишет: «Его интересует все, что связано с чешским братством. Ему так понравился гербеновский „Палечек“ в русском переводе Шкарвана, что он включил его с небольшими изменениями в свое новое сочинение для юношества. Ему хотелось бы получить дополнительные сведения о личности Палечка, но, к сожалению, таковых нет».³⁴ Кстати, имя Гербена, называемое Велеминским, ушло от внимания русских исследователей творчества Толстого; впервые оно появилось в связи с Палечком в 1965 году одновременно в двух изданиях — в 75-м томе «Литературного наследства» (в статье П. Г. Богатырева о Шкарване) и в сборнике «Толстой — редактор» (в публикации И. А. Покровской).

Упомянутые Толстым в разговоре с Велеминским «небольшие изменения» сводились к введению некоторых деталей и композиционным перестановкам. Например, эпизод с рыбами, по-видимому, как менее значительный, отнесен Толстым в самый конец, а эпизод с обедом у богатых крестьян — в самое начало. Возможно, это было вызвано тем, что Толстой упразднил деление на главы, и для связного рассказа логичнее было сообщить об

³¹ Там же, стр. 200.

³² Д. П. Маковицкий. Яснополяские записки. Тетр. XXVI, стр. 73. ГМТ.

³³ K. V e l e m i n s k ý, op. cit., p. 8.

³⁴ Там же, стр. 9.

этом до прихода Палечека в Прагу. Деление на главки было существенным в варианте Гербена — это соответствовало традиции (сюжет о Палечеке в дошедших до нас памятниках распадается на двенадцать историй). Толстой строит свой рассказ скорее по принципу житийной литературы, усиливая дидактичность отдельных эпизодов и подчеркивая религиозный радикализм своего героя. Весьма характерен в этом отношении эпизод встречи с разбойником. Палечек Гербена добровольно отдает напавшему на него свой кафтан и суму с деньгами впридачу, говоря: «Жизни своей я тебе не дам, она принадлежит богу, а платье, если хочешь, возьми, оно принадлежит мне».³⁵ Палечек Толстого в аналогичной ситуации произносит: «Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую. А если кто отымает у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку».³⁶ Гербен во вступительной части поясняет роль *шута* при королевском дворе, Толстой рассказывает, что собой представляли «*братья*», об их связи с Хельчицким и о величии последнего. В эпилоге Гербен сообщает о всеобщем уважении к Палечеку и о его славе еще при жизни, о том, что «у него смекалистый ум и доброе сердце, он весело шутит и озорничает и при том он вовсе не юродивый». Толстой заключает свое повествование канонической фразой о том, что после смерти Палечека всем стало ясно, «что шут был мудрец и святой человек».³⁷ Хотя изменения были действительно небольшие, они существенно преобразили текст. Отнюдь не искажая чешского оригинала и не выходя за пределы исторического правдоподобия, Толстой усилил в нем идеи всеобщей любви, братства, служения другим, почти с буквальной точностью вложив в текст мысли, выраженные им в его дневниках. Для сравнения приведем запись Толстого от 8 августа 1907 г.: «Прекрасна мысль Лао-цзы о смирении, как я ее понимаю. Он говорит так: человек, ищущий славы людской, все больше и больше возвеличивается и по мере того, как он возвеличивается в глазах людей, он все более и более слабеет в самом себе и доходит, наконец, до того, что сам ничего не может сделать. Человек же, ищущий одобрения Бога, все больше и больше унижается перед людьми, но делается все более и более могущественным и, наконец, доходит до того, что нет того дела, которого бы он не мог сделать».³⁸ В «Палечеке» Толстого мы читаем: «Палечек знал, что нет для христианина соблазна страшнее соблазна славы людской, того, чтоб жить доброй жизнью не для души своей, не для бога, а для похвалы людской, и больше всего боялся этого соблазна. А потому шутовский наряд его и то, что над ним смеялись, было только приятно ему.

³⁵ J. Herben. Bratr Jan Paleček, šašek krále Jiřího. Praha, 1958, str. 35.

³⁶ Л. Н. Толстой, т. 40, стр. 420.

³⁷ Там же, стр. 422.

³⁸ Там же, т. 56, стр. 52.

Теперь, будучи шутом, он знал, что все, что он сделает доброго, он уже наверняка сделает не для похвалы людской. Над шутом все смеются, а никто его не хвалит. Это-то самое и нужно было Палечку.

И вскоре после того, как Палечек поступил на место, ему довелось сделать такое дело, что он долго радовался, вспоминая о нем.³⁹

Толстой иначе определяет Палечка социально. В его рассказе Палечек крестьянин, который, «пока родители были стары», а братья малы, «за скотиной ходил, кормил семью», а когда родители умерли, а братья выросли, ушел из дома учить людей, «как жить истинной христианской жизнью».⁴⁰ Палечек Гербена — в соответствии с народной традицией — скорее вольнолюбивая, мудрая душа народа, он бьется за некую абстрактно-христианскую правду и справедливость, наделен неиссякаемым юмором и житейским практицизмом, а по происхождению он — мелкий дворянин, раздавший свое имущество бедным.

«Детский Круг Чтения» не был осуществлен. Толстой внес в машинописный текст рассказа некоторые исправления и передал его И. И. Горбунову-Посадову для его «Библиотеки для детей и юношества». Однако по цензурным причинам рассказ так и не увидел света. В архиве Горбунова-Посадова он пролежал до 1933 года, когда был включен в том «Неизданные тексты».⁴¹

В 1935 году «Шут Палечек» Толстого был переведен на чешский язык писателем И. Коптой (1894—1962), бывшим легионером, хорошо владевшим русским языком, автором ряда получивших признание романов, рассказов, стихов, в творчестве которого не иссякала русская тема. В 1933—1936 годах Копта работал в редакции крупнейшего пражского еженедельника «Лидове новины». В предисловии к одному из изданий перевода Копта сообщает, что «к двадцать пятой годовщине смерти великого русского художника советское посольство в Праге передало русский оригинал редакции тогдашних „ЛН“ для юбилейного номера, где он и вышел в настоящем переводе, в первом иноязычном переводе вообще».⁴² В 1947 году пражское издательство «Сфинкс» выпустило рассказ Толстого в переводе Копты отдельной книгой, снабженной гравюрами К. Штики.⁴³ Книга представляла собой так называемое новогоднее подарочное издание. В 1950 году ее переиздал Клуб социалистической культуры, а в 1955 году перевод

³⁹ Там же, т. 40, стр. 415.

⁴⁰ Там же, стр. 412.

⁴¹ Л. Н. Толстой. Неизданные тексты. Редакция и комментарии Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева. ГИХЛ, 1933.

⁴² J. Kopta. Větrný mlýn. Praha, 1955.

⁴³ L. N. Tolstoj. O bratru Palečkovi. SFINX. Praha, 1947, 30 str. Послесловие (стр. 29—31) было написано Коптой совместно с В. Ф. Булгаковым.

Копты с небольшим предисловием переводчика вошел в сборник избранных журнальных работ Копты.⁴⁴

Таким образом, «Шут Палечек» Толстого вышел на чешском языке четырежды в одном и том же переводе. Копте удалось воссоздать стилистический строй рассказа Толстого, за исключением нескольких мест, не совсем правильно понятых или не очень удачно переданных (например, у Толстого афористичное «чтобы жить — богу служить», в переводе упрощенное *vésti je k službě boží* — «чтобы учить их служению богу»; у Толстого «в ближайший приход» — у Копты *do nejbližšího předměstí*, т. е. «в ближайший пригород», «на ближайшую окраину» и т. п.). Сличение текстов наводит на мысль, что переводчик находился под влиянием произведения Гербена, и некоторые его фразы выглядят как приближение русской версии к чешскому источнику. Так, король Иржи из Подебрад (у Толстого — король Юрий) в соответствии с тогдашним пониманием его исторической роли представлен у Гербена умным, проницательным правителем, который нуждался не столько в шуте, сколько в советчике в государственных делах. «Король Иржи был король мудрый, благородный и справедливый, он был мудрее, благороднее и справедливее других королей. И потому как он был мудрее, благороднее и справедливее, ему не нравилось иметь обыкновенного шута, который бы скакал перед ним в шутовском наряде и звонил колокольцами... Он хотел, чтобы это был остроумный человек, который мог бы то развеселить его, а то так и умно посоветовать».⁴⁵ Толстого мотив благородного короля не интересует: «И захотел чешский король Юрий видеть его и взять его к себе во дворец, чтобы он служил ему шутом и забавлял его и гостей его». Переводчик заменяет не согласовывающуюся с гербеновской трактовкой фразу Толстого предложением: *a zaměstnat ho jako šaška* — «и принять его на службу в качестве шута».

Поскольку перевод осуществлялся с рукописи, в нем оказались воспроизведены места, вычеркнутые Толстым в машинописной копии. Для чехов, очевидно, прошло незамеченным советское издание 1933 года, и места эти сохранились во всех перепечатках. В послесловии Копты 1947 года, в его предисловии 1955 года, так же как и в послесловии Кубки к новому переизданию Гербена 1958 года утверждается, будто рассказ был обнаружен лишь в 1935 году.

Работа Толстого над чешским сюжетом призвала в Чехословакии сильное впечатление. Уже в наши дни превосходный знаток и исследователь различных текстов о Палечеке, а также литературы о нем, чехословацкий ученый Р. Урбанек назвал рассказ Толстого прекрасным и замечательным.⁴⁶ В творчестве самого

⁴⁴ J. K o p t a. *Větrný mlýn*. Praha, 1955.

⁴⁵ J. H e r b e n. *Bratr Jah Paleček, šašek krále Jiřího*. Praha, 1958, str. 7.

⁴⁶ R. U r b á n e k, *op. cit.*, p. 82.

Копты с 1935 года появляется образ веселого балагура, воплощенного в себе кое-что от шута, кое-что от поэта, кое-что от бунтовщика. Этот непоседа Кабрнос многими своими чертами родственен Палечеку.⁴⁷ После второй мировой войны Копта не раз обращался к шуточным народным сюжетам.⁴⁸

Если в отношении Копты можно лишь предполагать влияние на его творчество Толстого, то с уверенностью можно утверждать воздействие Толстого на другого чешского писателя, современника Копты, Ф. Кубку. Ф. Кубка (1894), тоже в свое время легионер, автор романов, сборников рассказов, фельетонов, воспоминаний, с произведениями Толстого познакомился с детства, позднее «учился его великому языку» «на его поэме в духе Руссо о любви и плодотворной природе — „Казаках“»⁴⁹ — первой русской книге, которую он прочитал в русском плену, не раз беседовал о Толстом с последним секретарем писателя В. Ф. Булгаковым, много лет жившим в Праге; переводил «Анну Каренину»,⁵⁰ писал о Толстом. После первой мировой войны у Кубки рождается замысел романа о Тиле Уленшпигеле в Праге. Но работа над произведением о герое нижненемецкой легенды не пошла дальше черновых набросков: «Слишком чужд был Уленшпигель, хотя и бунтарь и утешитель униженных, чешскому сюжету, слишком мало было в нем чешского».⁵¹ Позднее Кубка знакомится с произведением Толстого о чешском шуте — мудреце, что дает новый толчок его творческим исканиям. «Для меня всегда будет иметь значение, — писал он впоследствии, — что Толстой пересказал „Брата Яна Палечека“ Гербена. С той поры, как я узнал об этом, меня неотступно преследовала мысль написать роман о Палечеке, шуте короля Иржи».⁵²

Над будущим романом, который вышел под заглавием «Улыбка и слезы Палечека» вскоре после войны (1946—1948), Кубка начал работать во время оккупации. За книгой исторических новелл «Скифский всадник» (1941) последовал сборник «Пражский ноктюрн» (1943), в котором была опубликована новелла «Улыбка Палечека» — зародыш будущего романа.

Интерпретация образа Палечека у Кубки резко отличается от толкований Гербена и Толстого. Палечек Кубки — благородный рыцарь, образованный дворянин, разорившийся в тревожное время междоусобиц — отголосков недавних гуситских сражений. Он от-

⁴⁷ См.: J. Kopta: 1) Několik příběhů ze života blázna Padrnosa. Praha, 1935; 2) Smějte se s bláznem. Praha, 1939; 3) Hodiny a sen, 1941; 4) Blázen Kabrnos, 1945.

⁴⁸ См.: J. Kopta: 1) Kratochvílné děje naší vlasti. Praha, 1952; 2) Chytrý Honza z Cech. Praha, 1957.

⁴⁹ F. Kubka. Setkání s knihami. Praha, 1963, str. 100.

⁵⁰ Вышла в переводе Кубки дважды: в 1929 и 1931 годах.

⁵¹ F. Kubka. Setkání s knihami, str. 19.

⁵² Там же, стр. 113.

нюдь не шут короля, а слуга народа, его заступник в маске шута, он близок к нашему времени, о чем свидетельствует сам писатель: «Во время оккупации погиб друг моей молодости, коммунист, врач Яромир Боучек. До самой смерти он колесил, блуждал по Праге, веселый и сердечный, принося знакомым и незнакомым утешение и надежду на будущее. Таким я представлял себе рыцаря Палечека, утешителя скорбящих! Мой Палечек пятнадцатого столетия стал для меня родным братом чешского прогрессивного интеллигента времен фашистской неволи».⁵³

Но, как шутивно признается Кубка, «такого гения, как Толстой, нельзя безнаказанно читать и переводить».⁵⁴ При всем отличии замысла в отдельных эпизодах романа, особенно в его первоначальном варианте, какими бы осложненными и опосредствованными они ни были, проглядывает Толстой.⁵⁵ В пятой главе «Пражского ноктурна», где автор сгруппировал некоторые истории о Палечеке, еще не нашедшие здесь своей окончательной разработки, в эпизоде с разбойником трудно сказать, кого больше — Гербена или Толстого. Слова, с которыми герой отдает напавшему на него разбойнику платье и деньги («Как стоит в писании: если у тебя отнимают платье, добавь и плащ, а если кто возьмет у тебя платье и плащ и уйдет, пойдй за ним и отдай ему еще и кошелек»⁵⁶), не спокойно рассудительны по-гербеновски («Жизни своей я тебе не отдам, она принадлежит богу, а платье возьми, оно мое»), а приближаются к религиозному пафосу евангельской заповеди, произносимой толстовским героем. Впрочем, сцена эта в окончательном варианте изменилась до неузнаваемости: юный рыцарь Палечек, направляющийся в сопровождении своего верного слуги на учение в далекую Италию, не только не отдает напавшим на них в дремучем лесу разбойникам платье и деньги, но, накормив их, приводит в город и передает городской страже с условием, что им дадут работу. В завершённом к 1948 году романе с трудом узнаются средневековые истории, некогда сложившиеся в типично ренессансной форме коротких рассказов. Они преобразовались в сочный, с изобретательной фабулой, насыщенный воздухом эпохи исторический роман. Но вот, скажем, манера Палечека подавать милостыню, бросая монеты как можно дальше от себя и поспешно удаляясь, пока они расхватывают деньги, чтобы не выслушивать благодарности, идет от рассказа Толстого.

Роман Ф. Кубки «Улыбка и слезы Палечека» стал значительным явлением послевоенной чехословацкой литературы.

⁵³ Ф. Кубка. Улыбка и слезы Палечека. М., 1963, стр. 10.

⁵⁴ F. Kubka. Setkání s knihami, str. 10.

⁵⁵ На сцену рождения Яна Палечека в крепости Страж указывает сам Кубка, как на пример следования описанию родов в «Анне Карениной». Там же, стр. 113.

⁵⁶ F. Kubka. Pražské nokturno. Praha, 1944, str. 151.

Спустя десять лет после выхода романа Кубка снабдил предисловием последнее чехословацкое издание «Брата Яна Палечека, шута короля Иржи» Гербена, подлинного первооткрывателя старинного сюжета в новое время. Горячо рекомендуя книгу читателям и коротко рассказывая об авторе, Кубка в заключение пишет:

«Если Толстому была особенно дорога идея самоотречения, покорности и глубокой человечности, которой проникнуты приключения Палечека, то нам всегда будет близка честность, остроумное балагурство и нравственная непримиримость Палечека, его юмор, который является юмором позитивным и боевым. Этот юмор служит делу справедливости и борьбы за правду, он на стороне бедных и униженных. Он подготавливает лучший, прекрасный мир. Это — юмор глубоко чешский по своему благодушию и пронизательности. Это — юмор творческий и человеческий».⁵⁷

⁵⁷ F. Kubka. Herbenův Paleček. Doslov ke kn.: J. Herben. Bratr Jan Paleček, šašek krále Jiříno. Praha, 1958, str. 52.

М. П. Алексеев

СЛАВЯНО-РОМАНО-ГЕРМАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

1. Чешский фольклорный мотив в английской повести XVI века

В начальной истории английской повествовательной прозы видное и очень своеобразное место занимают произведения Томаса Делонея, живописующие быт ремесленных корпораций елизаветинской эпохи: суконщиков, ткачей шелка, башмачников. Жизнь Делонея (Deloney) плохо известна; скудные известия о нем, извлекаемые из документов и современной ему печати, недостаточны для того, чтобы мы могли более или менее явственно представить себе его облик и воссоздать историю его жизни. Несомненно, однако, что он родился около 1543 года, происходил из ремесленной среды, сам был некоторое время ткачом, затем сделался странствующим певцом-балладником и в 80—90-е годы XVI века пользовался известностью в Англии и как исполнитель баллад и как издатель их лубочных изданий. Около 1586 года Т. Делоней жил уже в Лондоне; здесь он и умер в бедности в первые месяцы 1600 года.¹

Литературное наследие Делонея состоит из нескольких десятков баллад, написанных большей частью на злободневные темы и

¹ Richard Sievers. Thomas Deloney. Berlin, 1904 = Palaestra, N. XXXVI; Abel Chevalley. Thomas Deloney. Paris, 1926 (ср.: Revue de Littérature Comparée, 1926, № 4, p. 694); Л. Гроссман. Производственный роман в эпоху Шекспира. Томас Делонэ и его забытая эпопея. Печать и революция, 1927, № 1, стр. 29—41; эта статья перепечатана в единственном русском издании «Джека из Ньюбери» и «Томаса из Рэдинга» (М.—Л., 1928, стр. 10—30). Краткая справка о Делонее, написанная М. М. Морозовым, помещена также в «Истории английской литературы» (т. I, вып. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 108—110); ср. также: Д. М. Урнов. Формирование английского романа эпохи Возрождения. В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, стр. 431—435.

обративших на себя подозрительное внимание лондонских властей (против одной из его баллад — «О неурожае» возбуждено было даже судебное преследование, так как она, по словам официального документа, была «полна возмутительных выражений, грубо преувеличивающих недовольство толпы в целях вызвать смуту»). Особую группу его произведений составляют три повести, написанные в последнее десятилетие XVI века; все они интересны не менее, если не более, чем его баллады, для понимания его личности, времени, своеобразия его творческой деятельности. «Джек из Ньюбери» (Jack of Newbury) и «Томас из Рэдинга» (Thomas of Reading) посвящены возвеличению ремесла суконщиков и ткачей, «Благородное ремесло» (The Gentle Craft) — башмачников.

Повести Т. Делонея отличаются таким же воинствующим демократизмом, как и предшествующие им баллады. Они представляют собой своеобразный сплав очень разнородных элементов, приведенных автором к некоему повествовательному единству. В основу своих повестей Делоней положил факты и легенды из истории ремесленных цехов, соответственным образом приукрашенные и целенаправленные, но к основному сюжетному стержню он прибавил много побочных эпизодов, заимствованных из лубочных книг, из итальянских новелл, из международного фонда анекдотической литературы, из фольклорных источников, с которыми Делоней был близко знаком в качестве профессионального «балладника — ткача шелка» (the ballating silk-weaver), как его аттестовал современник Делонея — Томас Нэш (Nash).²

Интересно отметить, что все указанные повести Делонея не только имели своих читателей — прежде всего, конечно, из среды тех ремесленников, быт которых он описывал, — но и пользовались чрезвычайной популярностью в течение долгого времени. Ранние издания этих повестей до нас не дошли, зато сохранились последующие многочисленные их переиздания, вышедшие в XVII веке. По подсчетам Чарльза Миша, повесть о «Джеке из Ньюбери», например, перепечатывалась в XVII веке четырнадцать раз, а «Славное ремесло» — шестнадцать, поэтому библиограф с полным основанием отнес их к числу типичнейших «бестселлеров», т. е. самых распространенных и читаемых произведений этого столетия в Англии,³ несмотря на то что «большая» литература этого времени презрительно отворачивалась от них, как от произведений «низких» жанров, грубых и «неизящных» по своему языку и стилю.

Все три повести Делонея, хотя они и изображают различную профессиональную среду, имеют между собой много общего,

² Edwin Haviland Miller. The Professional Writer in Elisabethan England. A Study of Nondramatic Literature. Cambridge Mass., 1959, p. 56—57.

³ Charles C. Mish. Best-sellers in Seventeenth Century Fiction. The Papers of the Bibliographical Society of America, vol. XLVII, № 4, 1953, pp. 362—363.

прежде всего по своей основной тенденции. Главные их действующие лица, независимо от того, чем они заняты в жизни и что считают своей основной профессией, — это выходцы из «низов», бедняки или отщепенцы, которые благодаря своей природной смекалке, трезвому отношению к жизни, любви к труду, настойчивости и энергии в конце концов достигают прочного общественного положения, преуспевания и благоденствия. Джек из Ньюбери — простой ткач, но он становится владельцем большой мастерской, известным самому королю Генриху VIII и в нужную минуту оказывает существенную поддержку всей Англии; в повести «Славное ремесло» рядовой башмачник Саймон Эйр — превращается в лорд-мэра Лондона, а другой, Пичи, становится таким влиятельным, что по своему усмотрению распоряжается назначениями капитанов британского торгового флота. Рассказывая подобные жизненные истории, Делоней, вопреки исторической правде, пытается объявить их типическими и назидательными прежде всего для того, чтобы подчеркнуть значение ремесленников в английской общественной и экономической жизни и содействовать представлению о действительной роли, какую они играют в государстве. Это одновременно и социальная проповедь и воображаемая идиллия.

Первая повесть Делоней имела следующее заглавие: «Забавная история Джона Уинчкомба, прозванного в его молодые годы Джеком из Ньюбери, достойного и славного суконщика Англии, повествующая о его жизни, а также о его добрых деяниях и великом дружелюбии, и каким образом он постоянно доставлял работу пятистам беднякам для наибольшей выгоды государства» (*The Pleasant Historie of John Winchcomb, in his younger yeares called Jack of Newbury. . . etc.*). Повесть эта была внесена в издательские списки 7 марта 1597 г., но так как в письме лорда-мэра Лондона к лорду Берлею от 25 июля 1596 г. с резкой характеристикой Делоней есть намек на эту его «книгу, написанную для ткачей шелка, в которой находятся и глупости и подстрекательства» («a book for the silk weavers, wherein was found like foolish and disordered matter»),⁴ то очевидно, что она создана до этого времени. Первые издания «Джека из Ньюбери» 1596—1597 годов до нас не дошли, но сохранился ряд последующих, не отличающихся друг от друга по своему тексту; можно предположить, что все они довольно точно воспроизводили предшествующие.⁵

⁴ Это письмо опубликовано в кн.: *Th. Wright. Queen Elisabeth and her Times*, vol. II. London, 1838, p. 462.

⁵ Сохранились издания 1630 года «Джека из Ньюбери» с пометой, что оно является одиннадцатым по счету: 1631 год — 12-е изд.; 1672 — 13-е; 1775 — 14-е, но, по-видимому, существовали и другие их перепечатки. В 1859 году новое издание в крайне ограниченном количестве экземпляров выпустил в Лондоне Холливелл (J. O. Halliwell); по этому изданию оно воспроизведено в кн.: *Richard Sievers. Thomas Deloney. Eine Studie über Bal-*

Повесть о Джеке из Ньюбери посвящена «всем славным работникам английского сукна», которым автор желает «благополучия и братского содружества». Рассказывая о своем герое, Делоней основывался на действительной истории одного богатого суконщика Джона Уинчкомба, жившего в конце XV и начале XVI века; его ткацкая мастерская в Ньюбери пользовалась известностью во всей Англии. Однако Делоней безусловно преувеличил размеры этого предприятия и, кроме того, сильно идеализировал его владельца, разбогатевшего английского суконщика. В повести рассказывается о том, как Джек, работник этой мастерской, всеми любимый за свой веселый и добрый нрав, после смерти своего хозяина женится на его вдове, затем сам становится владельцем ткацкой мастерской и достигает полного материального благополучия. Он строит себе роскошный дом, достигает почта и уважения, но не забывает и своих работников, все время заботясь об их судьбе и благополучии. Один из эпизодов этого романа повествует «О картинах, которые Джек из Ньюбери имел в своем доме, и как при посредстве их он поощрял своих служащих в достижении почестей и званий». Здесь рассказывается, что в большой и красивой гостиной своего помещительного дома Джек развесил по стенам пятнадцать картин; все они были задернуты зеленой шелковой занавеской с золотой бахромой, которая, впрочем, часто раскрывалась, потому что Джек имел обыкновение показывать эти картины своим друзьям и подмастерьям и объяснять им, что было на этих картинах изображено.

Все пятнадцать картин представляли собой портреты знаменитых мужей древности и прошлых времен, достигших известности и почта, несмотря на свое «низкое» происхождение. Здесь были изображены пастухи и ремесленники, ставшие царями, императорами, полководцами или выдающимися государственными деятелями. Так, один из портретов изображал, например, легендарного португальского короля Вириафа, отец которого был пастухом; на другом портрете представлен был сын бедного горшечника Агафокл, сделавшийся «королем Сицилии». «Когда этот король устраивал пиршество, — замечает Делоней, — он обыкновенно повелевал ставить на стол вместе с золотой посудой глиняные горшки, дабы это напоминало ему не только скромность его происхождения, но также дом и семью его предков». Следующие портреты изображали афинского уроженца Исикрата, сделавшегося победителем спартанцев, который был сыном простого сапожника; Аэция Пертинакса, ставшего римским императором, «хотя отец его был всего только ткач»; императора Валентиниана, сына бед-

ladenliteratur des Shakespeare-Zeit. Berlin, 1904 (Palaestra, H. XXXVI), SS. 149—244. Впоследствии оно было переиздано в единственном существующем доныне критическом издании «Сочинений» Делоней Ф. О. Манном (The Works of Th. Deloney, ed. Francis O. Mann. Oxford, 1912).

ного канатчика; Марка Аврелия, «сына бедного ткача»; императора Габриана, бывшего раньше пастухом, и т. д.

«Четырнадцатая картина, — продолжает Делоней, — изображала Премислава, короля Богемии (Primislas, king of Bohemia). Перед ним стоял конь без узды и седла; там же, на полях, за плугом трудились земледельцы. Вот почему, по словам Джека, этот король изображен таким образом. В это время король Богемии умер, не оставив потомства, и сильная борьба за нового короля разгорелась между вельможами. Наконец они согласились на том, что выпустят в поле коня без узды и седла, и порешили, что признают королем того, перед кем конь остановится. Конь и остановился перед Премиславом, простым человеком, работавшим тогда с плугом (before this Primislas, being a simple creature, who was then busie driuing the plough); тогда они и выбрали его своим королем (they . . . made him their sovereigne. . .), и он управлял с большой мудростью. Он установил многие справедливые законы, окружил город Прагу крепкими стенами и заслужил вечные похвалы и прославления еще многими другими своими действиями».⁶

Нетрудно заметить, что Делоней изложил здесь в общих чертах знаменитую чешскую историческую легенду из цикла сказаний о Любуше, чрезвычайно популярную, как и весь указанный цикл, не только в чешской, но и во многих других литературах Западной Европы. Гораздо труднее определить источник, из которого она заимствована Делонеем в конце XVI века, т. е. еще до того времени, когда популярность этого цикла на дальнем Западе стала очевидной; поэтому этот вопрос представляет известный интерес, тем более, что, насколько нам известно, в многочисленных исследованиях, посвященных данному циклу и его отражениям в художественной литературе, вышеприведенный эпизод из повести Делоней «Джек из Ньюбери» еще не приводился ни разу.

Уоррен Робертс в своей недавней работе о фольклоре в повествовательных произведениях Томаса Делоней⁷ привел много данных, свидетельствующих о том, как тесно связаны они с фольклорной традицией. Во всех трех повестях Делоней, столь близко стоявшего к народной массе, фольклор нашел разнообразное отражения и применения. Мы находим здесь отчетливые следы сказочных мотивов и сюжетов, легенд, баллад, пословиц, записи

⁶ Томас Делоней. Джек из Ньюбери. Томас из Рэдинга. Предисловие П. С. Когана. Редакция и вступительная статья Л. П. Гроссмана. ГИЗ, М., 1928, стр. 94—95. Значительные неточности этого перевода исправлены мной при сверке его с оригинальным текстом по изданию Манна (Th. Deloney, The Works, ed. F. O. Mann. Oxford, 1912, pp. 40—43).

⁷ Warren E. Roberts. Folklore in the Novels of Thomas Deloney. В кн.: Studies in Folklore . . . in honour of . . . S. Thompson. Indiana University Press, 1957, pp. 119—127.

народных обычаев, обрядов и суеверий. Как и следовало ожидать, повести эти оказались весьма ценным и еще мало исследованным источником для изучения не только английского, но и европейского фольклора вообще. Однако не всегда легко определить, откуда Делоней почерпнул все эти разнородные материалы — из письменных (печатных) или устных источников. Так, например, один из эпизодов в той же повести о «Джеке из Ньюбери» находит себе близкое соответствие в новелле «Декамерона» Боккаччо, но Делоней не мог читать эту книгу, так как первый полный английский перевод «Декамерона» вышел в Англии лишь в 1620 году, т. е. через двадцать лет после смерти Делоней. Остается предположить, что эту новеллу он мог знать только в устном пересказе. Возможно, что кое-какие мотивы Делоней почерпнул у английских драматургов, присутствуя на представлениях их пьес в лондонских театрах, из ходячих анекдотов, слышанных им в тавернах, на рынках и других местах общественных сборищ или читанных им в печатных сборниках подобных анекдотических рассказов (так называемых *jest-books*). У Робертс отметил в своем исследовании целый ряд эпизодов в повестях Делоней, представляющих очевидные аналогии фольклорным повествовательным мотивам по известному указателю Ст. Томпсона; среди них он называет также мотив, зарегистрированный в этом указателе в следующей формулировке: «Конь указывает человека, который будет избран королем» (S. Thompson, H. 171.3).⁸ В фольклорном происхождении чешской легенды о пахаре — Пжемысле, основателе княжеской династии, на которого указал белый конь Любуши, никто никогда не сомневался с тех пор, как методы изучения устных народных преданий были применены к исследованию старых письменных источников. Рассказ о Пжемысле в различных редакциях, с разнообразными легендарными прибавками и амплификациями находится уже у древних чешских хронистов: Козьмы Пражского, Далимила и их продолжателей. В особенностях и отличиях этих рассказов пытался разобраться уже Ф. Палацкий;⁹ однако и еще ранее появилось много обработок этих легенд по чешским источникам, в частности в немецкой художественной литературе (баллада Гердера «Die Fürstentafel», 1779; сказка Музеуса в его «*Volksmärchen der Deutschen*», 1782; произведения Брентано, Грильпарцера, и т. д.),¹⁰ подчеркнувших их родство с европейским фольклором. Обработке подверглась и легенда о трапезе Пжемысла на «железном столе», о его легендарных, но превратившихся в историческую реликвию лаптях, о таинственном исчезновении в расщелине скалы быков, которыми пахал Пжемысл,

⁸ Warren E. Roberts, op. cit., p. 122.

⁹ F. Palacky. 1) Geschichte von Böhmen. Bd. I. Prag, 1914; 2) Würdigung der alten Böhmischnen Geschichtsschreiber. Prag, 1830, S. 169.

¹⁰ E. Grigorovitz. Libussa in der deutschen Literatur, Berlin, 1901. SS. 11—14.

когда к нему явились послы от Любуши, и т. д. Еще до того, как известный чешский фольклорист Вацлав Тилле собрал все народные легенды о Пжемысле,¹¹ на их народно-поэтические истоки указал Ф. И. Буслаев, связавший их с некоторыми мотивами русского былевого эпоса,¹² а вслед за ним ту же связь пытался раскрыть О. Миллер.¹³

Последующие работы, в особенности А. Краппе о «Короле-пахаре» и о «Легенде о Любуше и Пжемысле»¹⁴ позволили поставить вопрос о происхождении этих легенд на широком сравнительном материале. А. Краппе указал на чрезвычайную распространенность мотива «призвания на престол от плуга» во всей Европе. Древнейшие случаи исторических применений этого мотива — притом именно в редакции, чрезвычайно близкой к той, какая встречается у чешских хронистов (в особенности в «Kronika Marignolova»), — мы находим у Юстина (XI, 71) и у Ариана (De expeditionibus Alexandri, II, 3). Подобные предания были вообще широко распространены в античной литературе: напомним, например, рассказ о Цинциннате, много раз повторенный (Тит Ливий III, 26; Дион Кассий V, 23, и др.); та редакция аналогичного рассказа, которую мы находим у Плутарха (De Alexandri Magni fortuna II, 8), по мнению А. Краппе, близко соответствует преданию о Пжемысле, как оно изложено у Козьмы Пражского, и т. д. То обстоятельство, что тот же рассказ мы находим у готов Испании, у славян, в большинстве стран Южной Европы, в Италии, на Кипре и в Малой Азии, позволяет, по его мнению, искать общие истоки этого рассказа в древнейшем сельскохозяйственном обряде, который он и пытается реконструировать. Таким образом, если фольклорные корни этого предания представляются несомненными и доказанными, то, с другой стороны, чрезвычайная популярность его в устной словесности и письменности на самой широкой территории и в течение весьма длительного периода весьма затрудняет установление путей, по которым в позднее время он странствовал из страны в страну.

Устным или письменным источником пользовался Делоней? Случайная находка, сделанная Хайдером Роллинсом, ответила на

¹¹ V. Tille. Lidove povidki o panovníkovi, povoláním od železného stolu. Český lid, 1891, I, str. 118—125, 233—237, 402—468.

¹² Ф. И. Буслаев. 1) Русский богатырский эпос. Русский вестник, 1862, № 9, стр. 10; 2) Очерки русской народной словесности в искусстве, т. I, стр. 372.

¹³ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское, СПб., 1869, стр. 207, 226—233 (с большими извлечениями из чешских хроник). К легенде о Пжемысле см. еще: Зенон Кузеля. Угорский король Матвей Корвин в славянский устный словесности, Львов, 1906, стр. 49 и сл.

¹⁴ А. Н. Краппе. 1) The Ploughman King. Revue Hispanique, 1919; t. XLVI; 1922, t. LVI; 2) La légende de Libuše et de Premysl. Revue des études slaves, 1923, t. III, fasc. 1—2, pp. 86—89.

этот вопрос.¹⁵ Если бы речь шла только о Пжемысле-пахаре, трудно было бы с уверенностью сказать, откуда узнал о нем Делоней, хотя то обстоятельство, что он называет его имя в той форме, в какой оно встречается в латинских хрониках или исторических компиляциях (например, у Энея Сильвия Пикколомини, в «Historica Bohemica», 1532), и прямо относит это предание к истории Богемии, позволило бы утверждать, что дело идет о чешской исторической легенде, а не просто о мотиве о «пахаре-короле». Х. Роллинс, однако, нашел книгу, в которой находится весь эпизод о замечательных исторических лицах из «низов», достигших высоких должностей, почета и преуспевания: Делоней взял из нее весь этот перечень и обработал его в эпизоде о картинной галерее Джека из Ньюбери.

Книга эта издана была Томасом Фортестью (личность которого донные остается для нас загадочной), и в обоих лондонских изданиях 1571 и 1596 годов имела следующее заглавие: «Лес, или Собрание историй, столь же полезных, сколь приятных и необходимых, переведенное с французского языка на английский» («The Forest, or Collection of Histories no lesse profitable, then pleasant and necessary, doone out of French into English»). В предисловии Фортестью указал и автора переведенной им книги: по его словам, она «сочинена была на испанском языке Петром Мессием (by Petrus Messia), севильским джентльменом, затем переведена на итальянский, а потом и на французский Клаудием Грюже, парижским гражданином». Книга такая, действительно, существует; она издана была в Севилье в 1542 году под заглавием «Silva de varias lecciones» Педро Мессия (Messia, или Mexia, 1496—1552) и представляла собой тяжеловесную компиляцию (напоминавшую «Аттические ночи» Авла Геллия), которая, несмотря на свою неудобоваримость, очень ценилась людьми эпохи Возрождения. Клод Грюже (Gruget) издал ее в Париже в 1572 году под заглавием «Diverses leçons de Pierre Messia». Педро Мессия в своих «Лесах» выступает прежде всего как эрудит-начетчик; здесь приведено им множество исторических и псевдоисторических фактов, из которых автор пытается извлечь нравственные уроки и общеполезные наставления. В этой книге мы и находим перечисление замечательных исторических лиц, бывших первоначально пастухами, ремесленниками и т. д., среди них и Пжемысла. Делоней буквально следовал за переводом Фортестью, но он усилил тенденцию оригинала в своем пересказе. Он и Марка Аврелия сделал «суконщиком», вопреки нелепому свидетельству его источника, а в легенде о Пжемысле для него

¹⁵ Hyder E. Rollins. Thomas Deloney's Euphuistic Learning and «The Forest». PMLA, 1935, vol. L, № 3, pp. 679—686. На эту работу кратко сослался также У. Робертс.

важнее всего было известие, что будущий «богемский король» был «сыном пахаря» и сам пахарь¹⁶ и что он оказался мудрым и знаменитым правителем государства.

2. К сказаниям о пане Твардовском в русской литературе

*Посвящено
академику Ю. Кшижановскому
к его 70-летию*

Судьба цикла сказаний о пане Твардовском в литературе и народной словесности восточных славян не была предметом специального исследования; в суждениях, которые высказывались по этому поводу, издавна установилось много путаницы и очевидных, хотя и доныне не раскрытых еще заблуждений. В качестве примера сошлемся на книгу А. Чубриньского о происхождении сказаний о Твардовском, в которой целая страница уделена отзывам их в России;¹ к сожалению, большая часть сообщенных им по этому поводу сведений основана на явных ошибках. «Русские, — пишет Чубриньский, — по-своему переработали сказания о Твардовском, приписав ему народные предания о битвах с чернокнижниками своих древних героев. В повести о битве Алеши Поповича с чернокнижником Тугариным последний именуется Твардовским». Следует ссыла на «Песни русского народа» И. Сахарова (V, 24). Далее, ссылаясь на «Русские сказки» (изд. 3, 1820, стр. 169), Чубриньский излагает «сказку» об Алеше Поповиче, и в частности последнее приключение киевского богатыря, когда тот является в замок Твардовского, выдерживает побоище с бесами, его стерегущими, и в конце концов побеждает их: «И тем освободил душу Твардовского от силы бесовской, и смогла она теперь обрести в могиле вечный покой. А за дело то доброе одарил чернокнижник Алешу Поповича волшебным перстнем. Воротился в Киев русский богатырь, поведал князю Великому Владимиру о приключившемся с ним. А так как русские народные предания все важные события, когда-либо и где-либо случившиеся, относят ко времени Владимира Великого, то и Твардовского из XV века они переносят в IX и X век». Против послед-

¹⁶ Соответственно этому роль Любуши в данном пересказе легенды затмилась вовсе. Любуша не только не упомянута у Делонея, но он утверждает даже, что выбор Пжемьсла состоялся только после того, как умер, не оставив потомства, предшествующий «король Богемии»; тем самым разрушилась и народно-песенная основа легенды, восходящая в свою очередь, повидимому, к древнему сельскохозяйственному обряду. Легенда о Пжемьсле у Делонея более походит на исторический анекдот. Тем не менее и в этой форме она представляет для нас интерес: Делоней верно угадал ее патриархально-демократический колорит и потому именно выделил ее особо в своем рассказе об исторических портретах Джека из Ньюбери.

¹ Antony Czubryński. Mistrz Twardowski. Studjum mitogenetyczne. Warszawa, 1930, str. 13.

него утверждения следует решительно возразить; все это построение основано на целом ряде недоразумений.

В настоящее время все источники допущенных здесь ошибок могут быть раскрыты; одним из них была, по-видимому, статья В. Мацейковского,² который, однако, в свою очередь был введен в заблуждение некоторыми своими русскими предшественниками. Попробуем разобраться в этом более внимательно.

И. П. Сахаров в 1839 году в своих «Песнях русского народа» действительно напечатал текст былины об Алеше Поповиче, снабдив его примечанием, которое А. Чубринский и имел в виду: «Замечательнее всего, что сказка (былина) эта имеет сходство с известною малорусской (?) повестью „Пан Твардовский“»;³ любопытно, что два года спустя, перепечатывая тот же текст былины об Алеше и Тугарине в третьем издании своих «Сказаний русского народа»,⁴ И. Сахаров все это примечание опустил; не было им больше повторено и сюжетное сопоставление между былей (сказкой) об Алеше и повестью о Твардовском. Что же он имел в виду? Былина об Алеше Поповиче и Тугарине была заимствована Сахаровым из известного сборника Кирши Данилова по изданию 1818 года. Эта былина входит в центральное ядро древнейшего русского героического эпоса, и дающийся в ней образ иноземного чудовища Тугарина Змеевича, с которым бьется богатырь Алеша, не представляет с Твардовским ни малейшего сходства; по мнению ряда исследователей, имя Тугарина восходит к имени половецкого хана Тугоркана, убитого под Переяславлем в 1096 году.⁵

Тем не менее известное основание для сопоставления Тугарина с Твардовским у Сахарова все же существовало, только он не сумел его объяснить и не смог им воспользоваться. Хорошо известно, что И. П. Сахаров, хотя и приобрел в 30—40-е годы XIX века известную популярность как этнограф и собиратель памятников народного творчества, отличался наивностью как ученый историк и к тому же проявлял склонность к фальсификации публиковавшихся им текстов, в чем его как издателя русских народных песен и сказок упрекали уже его современники — А. Григорьев, П. А. Бессонов и др.⁶ В 1841 году Сахаров

² W. Maciejowski. Sowizdrzał i Twardowski. Biblioteka Warszawska, 1841, III, str. 8—9.

³ [И. Сахаров]. Песни русского народа, ч. V. СПб., 1839, стр. 456—457 (текст: стр. 94—114).

⁴ И. Сахаров. Сказания русского народа, т. I. СПб., 1841, кн. 1, стр. 22—26.

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 533; Былины Севера. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, т. II. М.—Л., 1951, стр. 697—700.

⁶ А. Григорьев (в рецензии на «Русские народные песни») отметил, что искажения текста попадают «на каждом шагу»; П. А. Бессонов, издавая «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. V, стр. СXXIII—СXLIII; вып. VII, стр. 146—147), весьма сурово отзывался о редакторских приемах Сахарова, при публикации записей допускавшего в них свои переделки и

издал первый выпуск «Русских народных сказок», текст которых, по его словам, заимствован из рукописи тульского купца Бельского, будто бы писанной в XVIII веке; кроме «былин», в этой рукописи якобы находилось 14 сказок, которые Сахаров и перечислил: на девятом месте этого списка стоит и «Алеша Попович»; но второй выпуск этого издания в свет не вышел, а в первом выпуске напечатано только пять сказок.⁷ Таким образом, мы не знаем, что должна была представлять собой данная сказка об Алеше, поскольку никакой рукописи Бельского, как догадываются историки русской фольклористики не существовало, а печатавшиеся Сахаровым сказки он сам компилировал из различных изданий, в частности лубочных. Очень вероятно, что ему была известна также одна книжная сказка об Алеше Поповиче XVIII века, в которой упомянут и Твардовский; этим, скорее всего, и следует объяснить вышеприведенное замечание в «Русских народных песнях» 1839 года о Тугарине — Твардовском. Сахаров был введен в заблуждение, с одной стороны, М. А. Максимовичем, а с другой — старым сказочным сборником В. А. Левшина.

В 1827 году М. Каченовский напечатал в своем журнале «Вестник Европы» «малороссийскую балладу» под заглавием «Твардовский»⁸ и отметил в редакционном примечании к ней: «Польская словесность с некоторого времени хвалится балладою такого же содержания — произведением таланта г-на Мицкевича — отличного поэта. Герой баллады и его союз с бесом известны не менее в Польше и за Днепром, как в Малороссии и Украине: рассказы об удалстве Твардовского, об его приключениях слушаются с неослабным любопытством, и простодушные поселяне в досужие часы весьма охотно возобновляют чувство страха в своем сердце воспоминаниями о судьбе Твардовского. Баллада малороссийская есть подражание польской».⁹ Украинский текст подписан инициалом Г. Вскоре с небольшими изменениями (и без имени автора) та же баллада напечатана в журнале «Славянин» (1827, № XXVII), а затем и выпущена отдельным оттиском, на обложке которого было полностью раскрыто имя автора: «Твардовский. Малороссийская баллада. Соч. Петра Гулак-Артемовского» (СПб., 1827). В том же году эта баллада напечатана была еще раз М. А. Максимовичем в первом издании его книги «Малороссийские песни» (М., 1927, в приложении с отдельной пагинацией: стр. 1—9). Это издание было хорошо известно И. Сахарову, и на него он неоднократно ссылается; возможно, что он

вставки. Ср. также: А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 305—310; 313; Н. Виноградов. И. П. Сахаров и его «Русские народные загадки и притчи». ЖМНП., 1906, кн. 6, стр. 230—231.

⁷ С. В. Савченко. Русская народная сказка (история собирания и изучения). Киев, 1914, стр. 124—125, 128.

⁸ Вестник Европы, 1827, ч. 152, № 6, апрель, стр. 116—129.

⁹ Там же, стр. 120.

счел эту балладу записью из народных уст (в издании Максимо- вича автор баллады обозначен инициалом А., т. е., по-видимому, Артемовский)¹⁰ и во всяком случае мог принять во внимание цити- рованные замечания М. Каченовского о популярности сказаний о Твардовском среди украинских «поселян»; все это и приготовило И. Сахарова к возможности считать подлинными некоторые мотивы этих повестей в русских сказках или даже «былинах». На са- мом деле, П. П. Гулак-Артемовский (1790—1865) — один из осно- воположников новой украинской литературы — создал свою бал- ладу, как это давно известно, в подражание прославленной балладе А. Мицкевича «Pani Twardowska»,¹¹ постаравшись лишь придать своему произведению насыщенный национально-украинский колорит. Эта украинская баллада была очень популярна как на Украине, так и в Белоруссии (где возник и ее белорусский вариант, перевод-пере- работка «Пані Твардоуская»),¹² но в основе ее все же лежит поль- ский литературный источник, и, следовательно, ни о какой фоль- клорной традиции — украинской или белорусской, к которой якобы мог восходить сюжет этой баллады, — говорить не приходится.¹³

¹⁰ Редактор новейшего фототипического издания этой книги М. Макси- мовича П. Н. Попов утверждает, что в числе песен, присланных Максимо- вичу из Вильны проф. И. И. Лобойкой (и частично напечатанных в сборнике в «Прибавлении»), была песня (№ 2), которая «загадує про бешкетніка-чарі вника, пана-кріпосника Твардовського» (см.: Українські пісні видані М. Макси- мовичем. Фотокопія з видання 1827 р. Академія наук УРСР, Київ, 1962, стр. 317).

¹¹ На это, как мы видели, обратил внимание первый издатель баллады П. Гулака — М. Каченовский со слов автора; о том, что эта баллада явля- ется лишь переработкой произведения Мицкевича, писал также Иван Франко (Нарис історії українсько-руської літератури, Львів, 1910, стр. 87).

¹² П. П. О х р и м е н к о. Творческие переработки баллады «Пани Твар- довская» Адама Мицкевича в украинской и белорусской литературах первой половины XIX века. Уч. зап. Гомельск. пед. инст., вып. III, 1956, стр. 89—97.

¹³ Некоторые исследователи настаивали на том, что П. П. Гулак в своей обработке учел украинские народно-поэтические произведения о продаже души черту (см., например: М. Драгоманов. Малорусские предания и рас- сказы. Киев, 1876, стр. 56—57; П. П. О х р и м е н к о, ук. соч., стр. 92), но сходство их с сюжетом о Твардовском сильно преувеличено, да и имя Твардовского в фольклорных записях Украины встречается редко (ср.: Етно- графичний збірник, Львов, 1902, стр. 203; рец. К. Копержинского на «Твори» П. Гулака-Артемовского под ред. И. Я. Айзенштока (Харьков, 1927) в жур- нале «Україна» (1927, кн. 4, стр. 198—199). П. П. Охрименко (там же, стр. 92), утверждая, что «на Украине, по свидетельству некоторых польских ученых — современников Мицкевича, имели распространение легенды о Твар- довском», ссылается на С. Бандтке. (S. Bandtke. Dzieje narodu Polskiego, t. II, Warszawa, 1853, str. 75—76) и на А. Мацейовского, утверждающего, что одну такую легенду он сам слышал о корчме около г. Лубен на Полтав- шине под названием «Рим», где бесами, по преданию, и был растерзан Твар- довский (А. М а с і е ј о w s k i. Polska aż do pierwszej połowy XVII w. pod względem obyczajów, t. IV, 1842). Однако, вероятнее всего, что подобные рас- сказы восходили к тем же произведениям Мицкевича или П. Гулака. Бал- лада Мицкевича была популярна и в России; ее много раз переводили на русский язык. См.: Адам Мицкевич в русской печати, 1825—1955. Библио- графические материалы. М.—Л., 1955, указатель, стр. 545.

Возвратимся к утверждениям А. Чубриньского. Сказку об Алеше Поповиче, в одном из приключений которого появляется и Твардовский, он излагает по книге: «Русские сказки», изд. 3, 1820; именно ее мог иметь в виду и И. Сахаров. Это известный сборник В. А. Левшина (1748—1826), без имени автора первый раз вышедший в Москве в 1780—1783 годах: «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти, приключения» (10 частей). Второе сокращенное издание этого сборника вышло в свет в 1807 году, третье, на которое и сделана ссылака, — в 6 частях в 1820 году, четвертое — в 1829 году.¹⁴ Во всех изданиях этого сборника помещена интересующая нас «Повесть об Алиоше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру».

Сборник этот пользовался большой известностью; долгое время его приписывали перу Н. П. Чулкова, хотя на В. А. Левшина как на автора его указывал еще К. Калайдович;¹⁵ ныне подлинное авторство В. А. Левшина восстановлено окончательно.¹⁶ Историки русской фольклористики определили, что Левшин был довольно хорошо знаком с русской устной поэзией, в том числе былевой, однако он не ограничивался воспроизведением записей ее, но всячески украшал их, обильно снабжая всевозможными прибавками, заимствованными из разнообразных книг, в том числе западноевропейских. С этими весьма разнокачественными материалами Левшин обращался весьма свободно: он «соединяет разные сюжеты, соединяет сказку с былинной, подчиняет все в целом стилю западного рыцарского авантюрного романа. В его сказках встречаются и Василий Богуславич, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович, и Чурила, и другие богатыри; однако, кроме имен, в них нет ничего от русского эпоса: их поступки, образ действий, речи — все ведет к стихии западноевропейского рыцарского романа, но только в славянской, вернее псевдославянской оболочке. Рядом с Владимиром и Добрыней действуют герои, заимствованные от западных и восточных повестей: волшебница Добрада, польский волшебник Твардовский».¹⁷ Критический раз-

¹⁴ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ред. В. Н. Рогожина, ч. IV. СПб., 1905, стр. 241 (№ 10316).

¹⁵ Древние российские стихотворения, собранные К. Даниловым, М., 1818, стр. XXI и сл.

¹⁶ В. Шкловский и Ч. Чулков и Левшин, Л., 1933, стр. 97.

¹⁷ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 67—68. И. Колесницкая, говоря о «Русских сказках» В. Левшина в статье «Русские сказочные сборники последней четверти восемнадцатого века» (Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 33, стр. 190—191), в свою очередь заметила, что «Левшин ... не выполнил поставленной перед собой задачи, дав вместо русских сказок сборник романов западного образца... От русской быliny ... в романе остались лишь имена героев-богатырей. Из русской народной сказки вошли отдельные ситуации и образы».

бор «Русских сказок» Левшина произвел В. В. Сиповский и пришел к заключению, что в числе их источников были произведения Ариосто, Тассо, Виланда, Мармонтеля.¹⁸ Такой результат его изысканий еще больше скомпрометировал значение их русской фольклорной основы. Подробно пересказал В. В. Сиповский также и «Повесть об Алиоше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру», заметив в другом месте своей работы, что «из сложной легенды о Твардовском» Левшин «удержал лишь самый конец»: ¹⁹ «Твардовский наказан, но, по-видимому, в полную власть ада он не попал: в польской легенде молитва спасает его, и он остается висеть в воздухе между небом и землею, у Чулкова (у Левшина, — М. А.) он тоже в ад не попадает; гроб его находится на земле, хотя и во власти демонов. Герой Чулкова (Левшина, — М. А.) отгоняет от гроба бесов и этим „избавляет“ покаявшегося чародея — теперь он может умереть спокойно».²⁰ Добавим, что «избавление» Твардовского составляет у Левшина последний подвиг Алеши Поповича: перед этим он побеждает девять исполинов у царя Аланского, а затем возвращается в родной Киев кратчайшей дорогой через Польшу, которая оставалась непроезжей в течение тридцати лет вследствие того, что по пути находилась могила Твардовского, «который умерщвлял всех проезжих». Сначала Алеша встречает зятя Твардовского, который горюет, что привидения стерегут богатства тестя и не дают ими пользоваться; затем Алеша прибывает в замок Твардовского, располагается здесь на ночлег, а в полночь вступает в бой с бесами, являющимися к нему с гробом Твардовского; Алеша отрывает от тела голову пана, бросает ее в печь, но она в огне превращается в змея, на котором восседает сам Твардовский, и т. д. Перебив всех демонов, Алеша выслушивает благодарность пана: «Вы уничтожили клятвы мои, — сказал он избавителю, — доставили покой дому моему, дочери и самому мне! Земля, не принимавшая меня досель, присоединяет меня к себе!». В благодарность Твардовский дарит Алеше перстень, благодаря которому можно делаться невидимым, предсказывает, что Алеша победит царь-девицу, и окончательно умирает, спокойно улегшись в гроб.²¹

¹⁸ В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, кн. 2. СПб., 1910, стр. 174—175. В недавнее время эти выводы пытались ограничить — с моей точки зрения совершенно напрасно — И. П. Лупанова в книге «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в.» (Петрозаводск, 1959, стр. 12—26). См. также: Памятники русского фольклора. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. Изд. подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960. 303—304.

¹⁹ В. В. Сиповский, ук. соч., стр. 228.

²⁰ Там же.

²¹ [В. Левшин]. Русские сказки..., ч. I. М., 1780, стр. 187—248. Отметим, что у Левшина имя чародея Твардовский и что такая транскрипция удерживалась во многих последующих произведениях русской литературы, восходящих к левшинскому сборнику.

Указанная «повесть» об Алеше Поповиче явилась ближайшим и основным источником сказочно-богатырской поэмы Николая Радищева (сына А. Н. Радищева); все приключение с Твардовским (здесь он, как у Левшина, именуется Твардовский) изложено пространно во второй и особенно в третьей песнях этой поэмы.²² Сначала Алеша встречает некоего нищего, которого, как выясняется из дальнейшего, пустил по миру Твардовский.

Он мертв назад тому три года,
Но тень его еще живет;
Его страшится вся природа,
Дрожит, робеет целый свет.
Я милу дочь его люблю,
Для ней нещастие терплю. . .

Тогда Алеша, как и у Левшина, решает сразиться с Твардовским и со сторожащими его бесами; на другое утро он

Едва проснулся и стремится
В чертог Твардовского вступить,
В ночи желает с ним сразиться,
Бесов всех в доме поразить.
Он входит смелою ногой
В чертог богатой и пустой. . .

Последующие строфы во всех подробностях излагают рассказ Левшина о появлении гроба с Твардовским, несомого «толпой уродов», и страшную битву с ним, когда он превратился в огнедышащего змея. Алеша проявляет чудеса храбрости и побеждает всех:

Твардовский также тут пропал
Мгновенно прахом мелким стал. . .²³

Сказочно-богатырская поэма Н. Радищева была одним из наиболее законченных образцов стихотворно-волшебного-рыцарского романа в русской литературе начала XIX века и пользовалась некоторой известностью. Интересно, что ее несомненно хорошо знал юноша Пушкин и что некоторые ее подробности — как раз из эпизода с Твардовским — отразились в его собственной ранней поэме «Руслан и Людмила».²⁴

²² [Николай Радищев]. Альоша Попович, богатырское песнотворение, ч. I. М., 1801, песнь вторая, стр. 72—73; песнь третья, стр. 88—102.

²³ Указывая на «Русские сказки» В. Левшина как на главный источник поэмы Н. Радищева, А. Н. Соколов в книге «Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в.» (М., 1955, стр. 327) отметил также, что, несмотря на это, Н. Радищев «самостоятельно развивает основную сюжетную линию, используя многочисленные традиционные мотивы волшебного-рыцарской поэмы и романа».

²⁴ На это сходство впервые обратил внимание П. В. Владимиров, указавший, что у Н. Радищева «Алеша встречает главу говорящую» и что «все эти подробности, повторяющиеся у Пушкина, вставлены у Радищева в рамки повести о Твардовском». См.: П. В. Владимиров. 1) Происхождение

Эпизоды о Твардовском, рассказанные В. Левшиным и повторенные в стихах Н. Радищевым, не были забыты в русской литературе и позже. В 1837 году М. Н. Загоскин издал обранный цикл «страшных рассказов», из которых первый назван «Пан Твардовский».²⁵ Дело происходит в 1772 году неподалеку от Кракова. Русский офицер с денщиком останавливается на ночь у польского помещика, и тот устраивает с помощью слуг целое маскарадно-театральное представление о Твардовском, чтобы привести в ужас офицера и заставить его удалиться. Все, что видит офицер ночью, — это пересказ приключения Алеши, по Левшину, и на этот источник сделана прямая ссылка: «„Слышали ли вы когда-нибудь о пане Твардовском“, — спрашивает офицера польский хозяин уединенного дома. „О пане Твардовском?“, — повторил я, — и только что хотел было сказать, что нет, как вспомнил, что читал однажды русскую сказку о храбром витязе, Алеше Поповиче, где, между прочим, говорится и о польском колдуне пане Твардовском, с которым русский богатырь провозился целую ночь „А, знаю, знаю! — сказал я. — Этого пана Твардовского, или Твардовского, утащили черти?“. „Не только утащили, — прервал хозяин, — а даже протащили сквозь каменную стену, на которой, как рассказывают старики, долго еще после этого видны были кровавые пятна“». ²⁶ В конце концов весь этот рассказ обертывается шуткой, когда становится известным ловко подстроенный маскарад, но и в этом последнем автор рассказа не вышел за пределы фантазии своего русского предшественника; не чувствуется никаких следов знакомства с подлинными польскими сказаниями о Твардовском.

За десять лет перед тем тот же М. Н. Загоскин написал либретто оперы для композитора А. Н. Верстовского «Пан Твардовский», которая и была поставлена в Москве в 1828 году. С. Т. Аксаков, скрывшись под псевдонимом «Любитель русского театра», поместил в журнале «Атеней»²⁷ подробное изложение содержания и постановки этой оперы. Если в музыкальном отношении «Пан Твардовский» Верстовского «был интересным явлением русского оперного театра»,²⁸ то либретто М. Н. Заго-

«Руслана и Людмилы» Пушкина. Университетские известия, Киев, 1899, № 6, стр. 5; 2) А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе. Киев, 1899, стр. 16—17; В. В. Сиповский. «Руслан и Людмила». Пушкин и его современники, вып. IV, СПб., 1908, стр. 59—84; С. Ф. Елеонский. Литература и народное творчество. М., 1956, стр. 118.

²⁵ М. Загоскин. Повести в двух частях, ч. I. М., 1837, стр. 43—79. Первоначально этот рассказ опубликован в журнале «Библиотека для чтения» (1834, т. 3, отд. 1, стр. 63—128).

²⁶ М. Загоскин, ук. соч., стр. 61—62.

²⁷ Атеней, М., 1828, ч. III, № 10, стр. 225—234; С. Аксаков. Разные сочинения. М., 1858, стр. 195—196.

²⁸ А. Гозенпуд. Музыкальный театр в России от истоков до Глинки. Л., 1959, стр. 664—671; Б. Доброхотов. А. Н. Верстовский. М.—Л.,

скина было довольно жалкой и беспомощной вариацией на все те же мотивы левшинской сказки об Алеше Поповиче.

Таким образом, как мы видели, приведенные материалы не свидетельствуют о ранней популярности на русской почве сказки о Твардовском, как это представляется А. Чубринскому и некоторым другим исследователям; долгим источником для их распространения оставалась псевдорусская сказка-былина, скомбинированная искусным компилятором В. Левшиным из разнообразных западноевропейских источников.

Все попытки исследователей установить возможность родства ранних русских повестей с легендами о Твардовском, оказались бесплодными.²⁹ Сказания эти стали известны сначала из баллады Мицкевича и ее переработки на Украине. В 40-х годах их пересказал по польским источникам И. Боричевский.³⁰ Но и эти пересказы не повредили популярности лишенной всякой философской содержательности компиляции В. Левшина 1780 года. Лишь появившийся в русском переводе в конце 1840-х годов роман Ю. Крашевского «Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий» (1847)³¹ познакомил русских читателей со всем циклом этих сказаний и вызвал, между прочим, весьма интересный отзыв В. Белинского.³²

1949, стр. 30—34. Либретто М. Н. Загоскина («Пан Твардовский. Романтическая опера в четырех действиях, с хорами и танцами») впервые по рукописи напечатано в кн.: М. Н. Загоскин, Полн. собр. соч., т. 10, изд. М. О. Вольфа, СПб., 1898, стр. 129—167.

²⁹ В. А. Розов. Повесть о Савве Грудцыне. Университетские известия. Киев, 1905, № 3, стр. 1; Eranos. Сборник статей в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906, стр. 236; K. Bittner. Die Faustsage im russischen Schrifttum, Prag, 1930, SS. 63—81 (сопоставления сказаний о Фаусте, Твардовском и Савве Грудцыне). Едва ли прав был также А. Стендер-Петерсен (Der Ursprung des Gogolischen Teufels. Göteborg, 1920), возводивший демонологию Гоголя к польским образцам в украинской народной передаче, и в частности сопоставлявший с легендой о Твардовском мотивы «Ночи перед рождеством» (ср.: В. Виноградов. Гоголь и натуральная школа. Л., 1925, стр. 36).

³⁰ И. Боричевский. «Пан Твардовский. Повесть польская». В кн.: Повести и предания народов славянского племени. СПб., 1840, стр. 19—25; одним из его источников были «Klechdy» Войцицкого (1836), которые вскоре пересказаны были С. Победоносцевым в статье «Казимир Владимир Войцицкий» (Русский вестник, 1842, № 5—6, стр. 112—136).

³¹ Первый перевод этой повести Ю. Крашевского принадлежал С. П. Победоносцеву (Репертуар и пантеон, 1847, т. I, стр. 1—102; т. II, стр. 1—74; отд. изд. в 3 частях, СПб., 1847). Впоследствии роман Крашевского переиздавался многократно.

³² В. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 244—246. Ср.: Д. С. Прокófьева. Отклики русской общественности на творчество Юзефа Игнация Крашевского. Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка, 1963, т. XII, вып. 6, стр. 532—535.

Л. И. Ровнякова

ВУКОЛ ЛАВРОВ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Литературные контакты между Россией и Польшей существовали издавна. Страны сближало географическое положение, общность исторических судеб, сходные тенденции в идеологической форме и социально-классовом содержании названных культур. И все же ни в какую другую эпоху польская литература не была столь популярна в России, как в последнюю четверть XIX века.

Начиная с 80-х годов литература ближайшего западного соседа привлекает к себе внимание огромного числа переводчиков и издателей, становится предметом оживленной литературной полемики и научных исследований. Вот что писал по этому поводу в 1885 году критик газеты «Неделя»: «Нет ни одного более или менее талантливого польского писателя, произведения которого не переводились бы на русский язык и о котором русская критика не сказала бы своего доброго слова. Произведения польских писателей переводятся немедленно после выхода их в свет, а некоторые, как нам известно, переводились даже с корректурных листов. Сочинения Сенкевича, Ежа, Сырокомли наполняют столбцы наших столичных и провинциальных журналов и газет».¹

Интерес русской читающей публики к литературе соседнего славянского народа рос из года в год. В статье Ф. Батюшкова «К русско-польским отношениям» (1905) читаем: «Если из прошлой польской литературы представляется нам только Мицкевич, да, может быть, по именам известен Мальчевский как байронист, отчасти Красинский и Словацкий, то в настоящее время целая плеяда молодых и уже немолодых писателей —

¹ Е. Б. Русско-польские литературные отношения. Неделя, 1885, № 45, стр. 1584.

Ожешко, Свентоховский, Сенкевич, Прус, Жеромский и Пшибышевский заполняют страницы русских журналов, появляются и в отдельных изданиях».²

Популярности польской литературы на русской почве в эпоху краха народнических иллюзий и нарастания революционного движения способствовал целый ряд факторов. Главную роль, по видимому, играло сочувствие передовой части русского общества угнетенному положению поляков, резко ухудшившемуся после кровавого разгрома восстания 1863—1864 годов. Причину широкой известности произведений польских писателей в России следует искать также и в самом характере этой литературы, которую начиная с 60-х годов отличал глубокий интерес к социальным вопросам, обращению к жизни народа, рост реалистических тенденций. Наконец, с именами Болеслава Пруса, Генрика Сенкевича и Элизы Ожешко были связаны «заслуги в области стилистики и композиционных форм, развитии жанров прозы прошлого века, особенно многопланового романа».³

Названные выше черты польской литературы высоко ценили прогрессивные писатели и критики России, продолжавшие в условиях жестокого «безвременья» бороться за гражданский пафос, высокую идейность и реализм, живо откликаясь на все явления, которые отвечали требованиям демократической и реалистической литературы как внутри страны, так и за рубежом. Так, русский критик и публицист В. Мякотин, близкий по своим взглядам народникам, группировавшимся вокруг «Русского богатства», писал в статье о Марии Конопницкой: «В сравнительно короткое время в Польше образовалась целая школа беллетристов, принадлежащих новому направлению, которое ближе всего определяется названием народничества, хотя при ближайшем рассмотрении в нем можно увидеть и некоторые отличия от того, что мы называем именем народничества у себя дома».⁴ «Это сравнение становится понятным, — пишет современный исследователь, — если учесть, что представители позитивизма Э. Ожешко, Б. Прус и Г. Сенкевич (раннее творчество) обратились к изображению жизни народа и создали многочисленные образы представителей трудового населения города и деревни».⁵

² Мир божий, 1905, № 4, стр. 7.

³ H. Markiewicz. Literatura okresu pozytywizmu w perspektywie polskiej i światowej. Pamiętnik Literacki, Warszawa—Wrocław, 1962, rocz. III, zeszyt 3, str. 193.

⁴ В. Мякотин. Мария Конопницкая (Очерк из современной польской литературы). Русская мысль, М., 1892, № 4, стр. 70—98; Ср. также: А. Ледницкий. Мария Конопницкая. Русская мысль, 1903, № 4, отд. II, стр. 1—14.

⁵ А. Пиотровская. Мария Конопницкая и русская литература. В сб.: Из истории связей славянских литератур, М., 1959, стр. 15. Следует, однако, заметить, что русская критика понимала неоднородность нового литературного течения в польской литературе, ограниченность лозунгов позитивистов

Итак, близость польской и русской литератур последней четверти XIX века выражалась прежде всего в идейной направленности произведений, в общности эстетических принципов (осуждение искусства для искусства), в принадлежности к одному, наиболее прогрессивному литературному направлению — критическому реализму. Общими были также обращение к новой тематике (крестьянский вопрос и положение женщины) и стремление сделать литературу достоянием народа.

Произведения польских писателей в рассматриваемый период печатали почти все известные русские журналы, а именно: «Русское богатство», «Русская мысль», «Современный мир», «Русская беседа», «Живописное обозрение», «Север» и др. Причем переводы справедливо расценивались как «прочный шаг к сближению русских с поляками». Нередко переводы делались прямо с корректурных листов, а произведения выходили в свет одновременно с их появлением на родине.⁶

Анализируя произведения польских писателей, русская критика нередко отмечала их близость к русской литературе. «Для русского читателя, — писал М. Славинский, — имя Э. Ожешко уже давно стало своим, родным и дорогим, а произведения ее в переводах прочно вошли в каждую библиотеку».⁷ Подобных примеров можно было бы привести немало. Ограничимся, однако, еще одним. Автор послесловия к собранию сочинений Пруса, он же переводчик, В. Манюков, отмечая «гармоничность сочетания гражданина и человека» в произведениях крупнейшего польского романиста, писал: «И это последнее обстоятельство делает его для нас, русских читателей, наиболее близким из всех польских писателей, так как наша литература никогда не отрывалась от действительности с ее горем, тоской по лучезарным идеалам, всяческой нуждой, нищетой народа, его бесправным положением, и в силу этого всегда почти за редким исключением в ней звучали гражданские мотивы и очень мало замечалось эстетического смакования различных красот».⁸

и отход от них Ожешко, Сенкевича, Пруса (ср.: Л. Полонский. Современный польский роман. Вестник Европы, 1906, № 6, стр. 580). См. также: Zb. Ważyński. Literatura w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wrocław, 1962, str. 61. В своих оценках произведений писателей Польши русская критика ориентировалась на критический реализм. Вот почему восторженный прием ранних рассказов Сенкевича, где реалистически изображена жизнь крестьян, сменилась резкой критикой его тенденциозных произведений «Семья Поланецких» и «Огнем и мечом».

⁶ Так было с романом Э. Ожешко «Аргонавты» (Вестник Европы, 1899). Об истории рукописи, присланной Стасюлевичу, см.: S. Fiszman, A. Sepczuk. Listy Elizy Orzeszkowej do Wiktora Golcewa i Michała Stasiulewicza. Slavia Orientalis, 1957, rocz. VI, str. 297—298.

⁷ М. Славинский. Элиза Ожешко. Вестник Европы, 1910, № 6, стр. 409.

⁸ Б. Прус, Полн. собр. соч., т. V, пер. В. И. Манюкова, Киев—Харьков, 1899—1900, стр. V.

Русская критика внимательно следила за развитием польской литературы. Нередко русские рецензии появлялись раньше польских и служили последним образцами в оценке того или иного произведения отечественной литературы.⁹ Особый интерес вызывали те русские отклики, в которых сопоставлялись сочинения русских и польских авторов.¹⁰

Сказанное выше непосредственно относится к журналу «Русская мысль». На страницах этого московского издания русский читатель имел возможность знакомиться с творчеством почти всех выдающихся мастеров польской художественной прозы. Здесь печатались произведения Болеслава Пруса и Виктора Гомулицкого, Густава Даниловского и Стефана Жеромского, Марии Конопницкой и Владислава Реймонта. В журнале Лаврова и Гольцева увидели свет романы выдающегося представителя реалистического направления Генрика Сенкевича. Здесь печатались рассказы Казимежа Тетмайера, Клеменса Юноши и Адама Шиманского, «Исторические очерки» К. Шайнохи, повести и рассказы Вацлава Серошевского. Особенно много сделал журнал для популяризации творчества Элизы Ожешко, которой суждено было снискать в России особую известность.¹¹

С журналом «Русская мысль» тесно связана творческая биография Вукола Михайловича Лаврова (1852—1912). Биографические сведения о будущем известном журналисте и переводчике необычайно скудны. Известно, что родом он из Ельца, происходил из купеческой семьи. С ранних лет Вукол помогал отцу в торговле хлебом, а вскоре стал вести дело самостоятельно. Все свободное от работы время молодой Лавров отдавал любимому

⁹ Ср.: Рец. В. Михайловского на «Niezaradni» Т. Ежа. Русская мысль, 1884, т. XI, библиотечный отдел, стр. 37—39.

¹⁰ А. Сахарова в статье «Предвестники обновления» сравнивала «Одну сотую» Э. Ожешко с «Крейцеровой сонатой» Л. Толстого (Благовест, 1890, № 5, стр. 148—152); критик А. Б. роман Ожешко «Аргонавты» сравнивал с «Куда идти?» Боборыкина и «Равнодушным» К. Станюковича (Мир божий, 1899, № 5, отд. 2, стр. 1—13).

¹¹ «У Элизы Ожешко, — отмечалось в лучшем дореволюционном исследовании ее творчества, — встречаются многие черты, которые роднят ее со всем, что было и есть лучшего в нашей литературе» (М. Ц е б р и к о в а. Э. Ожешко. Русская мысль, 1894, № 4, стр. 31). «Действующие лица ее повестей, — читаем у другого русского критика, — нам ближе и понятнее, чем действующие лица в немецких, английских, французских или итальянских романах» (В. Г о л ь ц е в. О Повестях Элизы Ожешко. Русская мысль, 1891, № 9). Из современных исследований творчества писательницы см.: А. Н. Г р и б о в с к а я. Элиза Ожешко в оценке русской критики. Доклады и сообщения. Львовск. гос. унив., вып. 2, 1958; Е. З. Ц ы б е н к о. 1) Элиза Ожешко и Болеслав Прус в современной им русской критике. В сб.: Славянская филология, вып. III, Изд. МГУ, 1960, стр. 80—95; 2) Элиза Ожешко и русская литература. В сб.: Славянская филология, вып. V, Изд. МГУ, 1963, стр. 401—435. Заметим попутно, что польская писательница была лично знакома и состояла в переписке со многими русскими литераторами. Об этом подробнее см. ниже.

занятию — чтению. Благодаря жажде знаний, природной остроте ума Лавров стал широкообразованным человеком. Во время одной из деловых поездок, будучи в Москве, Лавров случайно попал на вечер к А. И. Кошелеву, в избранный кружок московских литераторов. Этот вечер, по собственным воспоминаниям Лаврова, сыграл решающую роль в его дальнейшей судьбе: у него созрело желание посвятить себя журнальной деятельности.

В декабре 1878 года в Главное управление по делам печати поступило прошение о разрешении издавать в Москве новое повременное издание без предварительной цензуры под названием «Русская мысль». В прошении было указано, что редакцию издания принимает на себя коллежский секретарь С. А. Юрьев; проситель — В. М. Лавров, известный хлеботорговец, — претендовал на роль издателя «Русской мысли». Эти лица не вызывали сомнений в политической благонадежности, и 5 марта 1879 г. Лаврову было объявлено о разрешении издавать «Русскую мысль». Первая книга нового журнала вышла в январе 1880 года. В 1885 году Юрьев ушел из журнала, и Лавров вступил в литературную кооперацию с Виктором Александровичем Гольцевым. Последний взял на себя руководство публицистическим и научным отделами журнала, Лавров же возглавил литературно-художественную часть.

Прогрессивные веяния, охватившие русское общество в 60-е годы, наложили отпечаток на мировоззрение Вукола Михайловича. Он остался верен им до конца своей жизни. «Именно в противовес реакционным веяниям, — писала в некрологе издателя «Русская мысль», — росло его сочувствие началам гуманизма и прогресса».¹²

Являясь редактором и издателем «Русской мысли», В. Лавров сумел сосредоточить в журнале лучшие литературные силы своего времени. Перечислять вкладчиков журнала в этот период¹³ — значило бы называть все те имена, которыми по праву гордится русская литература последней трети XIX века.

Сотрудничество в журнале Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко, Я. П. Полонского и В. М. Гаршина, Д. В. Григоровича и Г. И. Успенского, Н. К. Михайловского и Н. В. Шелгунова, а также публикация произведений Н. Г. Чернышевского,¹⁴

¹² Русская мысль, 1912, № 2.

¹³ Либерально-буржуазный характер журнала резко изменился в 1905 году, когда он перешел в руки П. Струве и стал органом партии кадетов.

¹⁴ Знакомство В. М. Лаврова с Чернышевским состоялось в Астрахани в 1888 году. Великий русский революционер-демократ высоко ценил Лаврова-литератора. В письме от 19 августа того же года он писал ему, в частности: «Людей таких хороших, как Вы, я знаю несколько. Но между литераторами, которых я знаю, таких мало» (см. в кн.: Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940, стр. 48—50). В последнее время установлено, что Чернышевский сотрудничал в «Русской мысли» по приглашению Лаврова. Он поместил здесь в 1885 году несколько

Н. С. Лескова¹⁵ и Чехова¹⁶ немало способствовали популярности «Русской мысли», которая с закрытием «Отечественных записок» (апрель 1884 года) превратилась в одно из лучших изданий той поры.¹⁷

Успеху нового московского издания в немалой степени способствовал его интерес к зарубежной литературе, и в частности интерес к Польше. С самого начала своего существования «Русская мысль» пристально интересовалась судьбой польского народа¹⁸ и его литературой.

статей научного характера за подписью «Старый трансформист» и под псевдонимом Андреев стихотворение «Гимн деве неба». Заметим, однако, что сотрудничество Чернышевского на страницах «Русской мысли» не дает никаких оснований говорить о его близости к идейному направлению этого журнала. Со слов самого Чернышевского известно, что его мнение по многим вопросам отличалось от мнения журнала (см. об этом подробнее в кн.: История русской журналистики XVIII—XIX вв. М., 1963, стр. 473—474).

¹⁵ В «Русской мысли» были напечатаны следующие произведения Лескова: «Сказание о Федоре-христианине и его друге Абраме-жидовине» (1886, № 12); первая часть незавершенного романа «Чертовы куклы» (1890, № 1) и ряд рассказов (Итоги, М., 1903, стр. 44—46). Критическую статью М. Протопопова «Большой талант», помещенную журналом в № 12 за 1891 год, Лесков считал «положительно самой лучшей, какие он о себе читал» (Из письма к Гольцеву от 23 декабря 1888 г. В сб.: Памяти Гольцева, М., 1910, стр. 251). Из неопубликованного письма к Лаврову (ИРЛИ. Отд. рук., ф. 530, ед. хр. 15) видно, что писатель предназначал первоначально для «Русской мысли» и новеллу «Оскорбленная Нетэта», которая увидела свет лишь 18 лет спустя в «Невском Альманахе» (Петроград, 1917, вып. II). Не лишено основания предположение, высказанное польским литературоведом Р. Сливовским, что Лаврова и Лескова сближал общий интерес к Польше и ее литературе (R. Sliwowski. Sprawa polska w powieści rosyjskiej lat sześćdziesiątych XIX wieku. Język rosyjski, Warszawa, 1959, № 2, str. 5—7). Известно, что Лесков хорошо знал и высоко ценил современную ему польскую литературу. «Увлекаюсь в свободные минуты польской литературой, — говорил он в 1860 году, — какие силы в ней есть! Например, Сигизмунт Качковский, Корженевский, Крашевский. Про поэтов уж и не говорю...» (А. Гроссман. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 36). Следует отметить, что к концу жизни Лесков отошел от этих своих увлечений. Это не мешало ему, однако, в 1894 году с «большим интересом читать переводы с польского, выполненные Вуколом Лавровым (ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 115).

¹⁶ Незадолго до смерти А. П. Чехов принял участие в редактировании беллетристического отдела «Русской мысли». Отдавая должное заслугам Лаврова перед отечественной литературой, Чехов писал ему в феврале 1900 года: «Поздравляю двадцатилетием твоей талантливой и беспорочной службы на пользу русской литературы, пламенная твоя любовь к которой так очевидна» (ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр.).

¹⁷ Очерки по истории журналистики и критики, т. II, Изд. ЛГУ, 1965, стр. 383.

¹⁸ Долгое время «Русская мысль» оставалась важнейшей трибуной польского вопроса в русской журналистике. В самом начале своего существования в статье «Польский вопрос» редакция писала: «А Польша? Разве не жива в каждом народе память об утраченной свободе, разве не стремится он к восстановлению своего государства. Конечно, да и иначе быть не может» (Русская мысль, 1881, № 3). Эту же мысль повторил Лавров позднее в «Ответе г-же Ожешко», где читаем: «Основная часть русского общества сочувственно относится к Польше, подчеркивает ее отношение к свободе, добивается для по-

Задачи своего журнала по пропаганде польской литературы в России В. Лавров изложил в одном из двух, дошедших до нас писем в редакцию варшавской газеты «Wiek». В письме от 16 апреля 1880 г. будущий издатель писал редактору этой газеты: «С начала текущего года в Москве начал выходить под моим руководством ежемесячный журнал на русском языке „Русская мысль“. Как редактор имею честь обратиться к уважаемому господину с просьбой оказывать нашему журналу всяческую с Вашей стороны поддержку и любезное сотрудничество».¹⁹ Далее шло подробное изложение целей предпринятого издания, которое, по мнению издателя, должно было служить делу «братской связи между всеми славянскими народами на основе свободного союза», стать беспристрастной «платформой для обмена общественными и политическими мыслями касательно истории и будущих судеб славянства». Всем этим журнал был призван «пробуждать уверенность, что только в братском единении славянские народы обретут свою силу и возможность всестороннего развития».

Из сказанного следует, что Лавров, приступая к изданию журнала, ставил перед ним совершенно определенную задачу по популяризации славянских, и в первую очередь польской литературы, которой издавна интересовался.²⁰

В годы, о которых идет речь, В. Лавров известен как знаток польского языка,²¹ литературы и как неутомимый ее пропагандист.

В 80-е годы Вукол Лавров поддерживает тесные связи с рядом польских периодических изданий. Среди личных бумаг издателя находим упомянутые выше письма в редакцию литературно-общественной газеты «Wiek», письмо к нему секретаря краковского журнала «Zycie» А. Седецкого²² и четыре письма Лаврову от редакции еженедельника «Tygodnik Iustrowany».²³ В этих

ляков религиозной терпимости, свободы языка и решительных реформ» (там же, 1898, № 3, стр. 159—161).

¹⁹ ИРЛИ, Р. III, оп. 1, №№ 1375, 1376.

²⁰ Свидетельством давнего интереса к судьбе Польши и ее литературе может служить его письмо к Э. Ожешко от 8 мая 1885 г., в котором читаем: «Мои глубокие симпатии к польской поэзии вспыхнули еще в Ельце (родина Лаврова, — Л. Р.) под непосредственным впечатлением событий, сопровождавших восстание 1863 года. Начавшаяся в те годы в известной части русского общества травля всего польского возбудила во мне чувства возмущения и протеста. Под этим влиянием я изучил польский язык и увлекся польской литературой» (см. комментарий к письму 122 Э. Ожешко к Л. Мейе в кн.: E. O g z e s z k o w a. Listy zebrane, t. II. Wrocław, 1955, str. 332).

²¹ К Лаврову как знатоку польского языка обращается известный романист Г. П. Данилевский, прося его высказать свое мнение о переведенной им арабской «повести» А. Мицкевича «Фарис». В письме от 14 апреля 1889 г. Данилевский писал Лаврову: «Приношу Вам глубокую благодарность за Ваши лестные отзывы о „Черном годе“, напечатанном у Вас и о переводе „Фариса“» (ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 69).

²² ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 130.

²³ Там же, ед. хр. 67.

письмах предложения об обмене изданиями, просьба о присылке тех или иных оттисков или статей.

Неустанно редактируя беллетристический отдел «Русской мысли», В. Лавров сам являлся ее усердным вкладчиком. Если не считать нескольких оригинальных рассказов,²⁴ можно смело сказать, что основное место в литературном наследии Лаврова занимают переводы с польского. Подробная библиография печатных переводов приводится нами в конце статьи.²⁵

Русская пресса не могла пройти мимо переводческой деятельности издателя «Русской мысли». О переводах Лаврова писали в разное время и по разному поводу «Мир божий», «Новь», «Русское богатство», «Северный вестник» и газета «Русские ведомости».

Однако, как правило, это были лишь упоминания о переводчике, венчающие изложение содержания очередной переводной новинки. Лишь в отдельных случаях давалась общая положительная оценка типа — «перевод хорош, снабжен многочисленными необходимыми замечаниями».²⁶ Иногда рецензия бывала и более развернутой. «Прекрасно владея литературным языком, — писал корреспондент «Исторического вестника», — он дал на страницах своего журнала превосходные переводы современных польских писателей во главе с Г. Сенкевичем и Э. Ожешко. Без преувеличения можно сказать, что сама популярность этих писателей в русском обществе создавалась благодаря образцовым переводам В. М. Лаврова».²⁷

Высокая оценка переводов Лаврова содержится в письмах к нему Л. Полонского. В одном из своих писем Полонский писал: «Сокрушаюсь, что не лично, а заочно приходится мне благодарить Вас за присылку книги Вашей „Путевые очерки“ Сенке-

²⁴ Рассказы Лаврова, по-видимому, были малоизвестны и в России, и за рубежом. Вот что писала об одном из этих рассказов Э. Ожешко в апреле 1900 года: «Я совсем не знала о Ваших оригинальных произведениях. Как бы я хотела их иметь» (Zb. Wa g a ń s k i, M. J a k ó b i e c. Listy Elizy Orzeszkowej do Wukola Ławrowa. Slavia Orientalis, Warszawa, 1957, rocz. VI, str. 273).

²⁵ Кроме переводов, опубликованных и зафиксированных в существующих библиографиях, среди бумаг Лаврова, хранящихся в ЦГАЛИ (ф. 640), нам удалось обнаружить несколько неизвестных переводов, среди которых перевод рассказа М. Конопницкой «Стахо Шафарчик» (ед. хр. 1); предисловия И. Крашевского к книге по истории Польши (1813); машинопись с правой переводчика (ед. хр. 3); перевод рассказа А. Мошковского «Сверхнечестье» (из дневника); машинопись с правой переводчика и авторская подпись (ед. хр. 6); перевод части 1 романа Э. Ожешко «На дне совести» (ед. хр. 7); перевод рассказов Б. Пруса «Антек» и «Михалко» (ед. хр. 8) и книги «Самые общие жизненные идеалы» (ед. хр. 9); перевод части 1 (без конца) романа Реймонта «Земля обетованная»; рукопись-автограф (ед. хр. 10). Перу В. Лаврова принадлежит также критическая статья о поэзии А. Кондратовича, озаглавленная «Певец Литвы» (Педагогический листок, 1904, № 7—8).

²⁶ Мир божий, 1896, № 5, стр. 243 (о переводе романа Г. Сенкевича «Камо грядеши»).

²⁷ Исторический вестник, 1912, февраль, стр. 805.

вича. Какой интересный автор и какой Вы мастер переводить! Я не хотел писать Вам, пока не прочел Вашего перевода. В нем едва ли не больше поэзии, чем в наших теперешних стихах, давно уже утративших способность ударять по сердцам с неведомою силой».²⁸

Только одно возражение вызвал у Полонского перевод «Семьи Поланецких», выполненный Лавровым: «Перевод Ваш хорош, но на нем лежит печать торопливости. Одно слово Ваше мне не пришлось по вкусу, простите за откровенность. Это слово „лежебочанье“ вместо „лежание на боку“. По моему мнению, от слова „бок“ никак нельзя грамматически произвести „бочанье“».²⁹

За «превосходные переводы романа Э. Ожешко „Сильвек“ и „Повестей и рассказов“ Г. Сенкевича» от души благодарят В. Лаврова в своих письмах к нему А. Кони³⁰ и Н. Лесков.³¹ Высоко оценил переводческое мастерство издателя «Русской мысли» А. Яцимирский. В книге «Новейшая польская литература» он писал: «Из лучших переводчиков Сенкевича лучшим считается В. Лавров».³²

Когда в 1890 году «Русская мысль» закончила печатать роман Сенкевича «Без догмата», А. Эртель восторженно отозвался о переводе. Он писал: «Я с живейшим интересом читал этот роман в „Русской мысли“ и нахожу его произведением глубоко выдающимся и прекрасно переведенным».³³ Перечень хвалебных отзывов русской критики на переводы Лаврова можно было бы значительно увеличить.³⁴ Вместе с тем нужно подчеркнуть, что эти отзывы, как правило, не содержали анализа переводческой техники и по своим выводам были слишком общи.³⁵ В чем же

²⁸ Русская мысль, 1912, № 10, стр. 130—131.

²⁹ Там же, стр. 132.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 98.

³¹ Там же, ед. хр. 115.

³² А. Яцимирский. Новейшая польская литература. От восстания до наших дней, т. 1. СПб., 1908, стр. 129. Сенкевич, по словам Лаврова, был одним из его любимейших прозаиков наряду с Достоевским, Диккенсом и Доде. Из ответа на анкету «Русской мысли» под заглавием «Ваши личные вкусы и интеллектуальные запросы» (ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 301).

³³ См. об этом: Zb. W a r a Ń s k i. Z korespondencji A. Ertela. Nieznany list o Sienkiewicz. Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, Warszawa, 1956. № 3—4, стр. 67.

³⁴ Ср. также: Мир божий, 1893, № 7, стр. 194—199; Русская мысль, 1894, № 4, стр. 182—184; Северный вестник, 1893, № 8, стр. 68; Русская мысль, 1894, № 12, стр. 58; Русские ведомости, 1899, № 349, и др.

³⁵ Исключением является, пожалуй, лишь заметка, появившаяся в газете «Русские ведомости» за 1893 год в связи с только что изданными «Повестями и рассказами» Сенкевича. Критик, скрывшийся под криптонимом Z, писал по этому поводу следующее: «Для русского переводчика польский стиль вообще представляет большие трудности; они не могли не сказаться, конечно, при переводе произведений стилиста, столь тонкого и разнообразного, каким бесспорно является Сенкевич. Принимая в расчет это обстоятельство, нельзя не признать перевод г. Лаврова в литературном отношении удовлетворительным:

причина того, что переводческое мастерство В. Лаврова, заслужившее высокую похвалу самих польских писателей, произведения которых он переводил, не получило должного резонанса на родине переводчика. Или, может быть, Лавров составлял в этом смысле известное исключение? Обращение к истории переводческой мысли России последних десятилетий прошлого века наглядно убеждает нас, что «невнимание» к Лаврову коренится в уровне русской переводческой культуры. Известно, что в последнюю треть XIX века ведущие деятели русской литературы уже не уделяли проблеме перевода должного внимания. Ослабел интерес к проблеме усвоения иноязычных литератур и со стороны русской критики.³⁶ И, хотя кривая переводов иноязычных произведений на русский продолжает неуклонно ползти вверх, усвоение иностранных литератур перестает быть насущной задачей.³⁷

Значительно более развернутую оценку получает переводческое мастерство Лаврова в Польше. Об этом свидетельствуют письма к нему деятелей польской культуры. Так, Б. Прус называл Лаврова «милейшим Вуколом» и «отличным переводчиком».³⁸ Станислав Бэлза считал переводы, выполненные Лавровым, «знаменитыми».³⁹ Очень высоко ценила Лаврова-переводчика Элиза Ожешко, которая была связана с издателем «Русской мысли» узами многолетней дружбы⁴⁰ и поддерживала длительную переписку.⁴¹ «Я уже давно намеревалась искренне поблагодарить ува-

он дает достаточное понятие о достоинствах оригинала. Что касается до точности перевода, его возможной близости к оригиналу, в этом отношении следует, кажется, различать время появления отдельных переводов: в последнем по времени переводе («Пойдем за ним») мы почти не заметили пропусков трудных мест подлинника, нельзя указать в нем и неправильного понимания отдельных слов и оборотов, что иногда встречается в других рассказах (например, «Старый слуга», «Янко-музыкант»), при тщательном слисании их текста с польским оригиналом. Эти небольшие недостатки являются, впрочем, у почтенного переводчика в виде редких исключений. Разбираемая книжка читается с величайшим интересом и составляет выдающийся вклад в нашу переводную литературу». (Русские ведомости, 1893, № 98, стр. 3).

³⁶ Выдающийся переводчик своего времени П. И. Вейнберг жаловался на то, что русская критика или «полностью игнорирует предмет, или ограничивается «мимолетными отзывами газетного свойства». Причину поверхностного отношения к труду переводчиков Вейнберг объясняет тем, что в России, по его словам, «еще не установились и до сих пор остаются довольно разнообразными мнения на счет того, что значит истинно хороший перевод, какие качества нужно иметь, чтобы быть истинно хорошим переводчиком» (ЖМНП, 1889, № 8, стр. 437—439).

³⁷ Ю. Левин. Об исторической эволюции принципов перевода. В сб.: Международные связи русской литературы, М., 1963, стр. 49.

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 178.

³⁹ Там же, ед. хр. 38.

⁴⁰ В письмах к Леопольду Мейе от 14 февраля 1895 г. Ожешко упоминала о Лаврове как о своем «ближайшем друге». См.: E. O g z e s z k o w a. Listy zebrane, t. II. Wrocław, 1955, str. 62.

⁴¹ 48 писем Э. Ожешко к Лаврову между 1894 и 1905 годом опубликованы Зб. Бараньским и М. Якубцем в журнале «Slavia Orientalis», (1957,

жаемого переводчика моих произведений в „Русской мысли“⁴² как за самую мысль о переводе их, так и за тот отпечаток истинного таланта и артистизма, которыми он в своих переводах украшает мой труд», — писала Ожешко Лаврову в сентябре 1891 года (стр. 243).

Спустя три года Ожешко вновь выражает благодарность Лаврову за перевод «Над Неманом» и «Хама». В октябре 1894 года она пишет: «Я питаю к Вам весьма понятную благодарность автора, понятого до дна и в совершенстве переложенного на чужой язык. Случается это очень редко и тем более радует» (стр. 243).

Желая как можно скорее «испытать такую же радость» и надеясь, что в переводе Лаврова ее вещь будет представлена «с самой выгодной стороны», Ожешко вложила в письмо рукопись⁴³ только что оконченной новеллы «Великий». Новелла увидела свет в январском номере «Русской мысли» за 1895 год. Ожешко была восхищена удачным переводом, о чем не замедлила сообщить Лаврову. «Еще раз благодарю за перевод „Великого“, — писала она 12 ноября 1895 г., — настолько превосходный, какого мне еще никогда не приходилось встречать. Это привело меня в восторг тем более, что стиль моей новеллы, намеренно отличающийся от других, казался мне очень трудным для перевода. Вы должны превосходно знать польский язык и его тончайшие оттенки, что даже музыка его речи слышна при передаче на чужой язык, а это — верх искусства переводчика». Польская писательница с удовлетворением отмечала, что переводчик «Великого» удивительно верно передал не только мысль и образ, но и самый тон повествования, саму «певучесть слов» (стр. 248).

Нередко Ожешко склонна была приписывать «триумф» той или иной вещи в России таланту ее переводчика. После выхода в свет на русском языке новеллы «Момент» (Русская мысль, 1899, № 1) она писала Лаврову: «Мне всегда кажется, что в Вашем переводе каждая моя черта выходит лучше, чем в оригинале. С другими переводчиками бывает иначе: „Аргонавты“ выходят в „Вестнике Европы“. Не скажу, что плохо, но не точно. Оттенки пропадают, образность утрачивается, мысль остается ясною, но форма — в особенности в местах деликатных — подвергается искажению. В Ваших переводах, дорогой друг, смысл никогда не тонет, и я всегда удивляюсь Вашему знанию моего языка в самых

г. VI, str. 233—289). В дальнейшем ссылки на эту статью будут даваться с указанием соответствующих страниц прямо в тексте.

⁴² До сентября 1891 года в «Русской мысли» были опубликованы следующие переводы из Ожешко: «Серенькая идиллия» (1882, № 4, стр. 256—314); «Сильвек» (1884, №№ 1, 2, 4, 6); «Сильный Самсон» (1886, № 10, стр. 172—210); «Над Неманом» (1888, №№ 4—12); «Хам» (1889, №№ 3—7); «Аскетка» (1891, № 1, стр. 112—160).

⁴³ Рукопись новеллы «Великий» хранится среди личных бумаг В. Лаврова в ЦГАЛИ (ф. 640, ед. хр. 275); там же автограф рассказа «Вопросы» (Pytania). Там же, ед. хр. 276.

тончайших его оттенках. Даже архаичный язык Сенкевича в „Крестоносцах“ не утрачивает у Вас своего характера. Чтобы перевести так, нужно быть самому артистом в душе» (стр. 269).

Справедливость оценки Ожешко переводов Лаврова и ее мысли о присущем ему чувстве чужа этого языка можно проиллюстрировать примерами. Возьмем один из них, а именно, схожим новеллу «Момент» в переводе В. Лаврова (Русская мысль, 1899, № 1) и Э. Журавской (Русское богатство, 1901, № 6).⁴⁴ Вот несколько выдержек из перевода. Описывая убожество захолустного местечка, где разворачивалось действие рассказа, Ожешко пишет: «Gdzie niegdzie, wśród szarzyny, płot nowy, świecący jaskrawą żółtością».

У Лаврова:

Кое-где на сером фоне новый забор, светящийся яркой желтизной.

У Журавской:

Там и сям отделялся от этого серого фона новый плетень, бивший в глаза своєю желтизною.

А вот как рисует Ожешко неприглядный вид сельских улочек: «Środkiem uliczek pasy czarnej grudy; to błoto, ścięte przez upały letnie».

У Лаврова:

Посередине улиц тянется черная полоса грязи, высушенная летним зноем.

У Журавской:

Посередине улочек полосы черной изрытой земли; это грязь, отвердевшая от летних жаров.

Следовательно, там, где у Лаврова — короткие образные формы (черная полоса грязи; забор, светящийся яркой желтизной), у Журавской — многословные распространенные сочетания (полосы черной изрытой земли; это грязь, отвердевшая от летних жаров).

Бескрылый буквализм часто ведет у Журавской к тяжеловесности и неясности выражений. Сравним обращение служанки к приехавшей даме.

В оригинале: «Niech jasna pani posiedzi sobie na ganku, nim pokój wumiotą. Pogoda taka piękna. Drugie odpowiedziało: proszę pozwolić mi wejść».

У Лаврова:

Посидите, пани, на крылечке, пока пол выметут. Погода такая хорошая. Приезжая ответила: «Позвольте мне войти в дом».

У Журавской:

Пусть ясная пани посидит себе на крылечке, покуда я пол вымету. Погода такая хорошая. Другое ответило: «Позвольте мне войти в дом».

⁴⁴ Выбор нами указанной новеллы не случаен. Во-первых, над ее переводом трудились два известных переводчика-профессионала В. Лавров и Э. Журавская; во-вторых, оба перевода выполнены почти одновременно, т. е. в русле переводческих требований одного и того же этапа в развитии переводческой культуры в России. Ограничимся приведенным примером, ибо детальный анализ переводческого мастерства Лаврова заслуживает быть рассмотренным в специальной статье.

Нередки у Журавской и случаи смысловых отступлений там, где Лавров находит точные эквиваленты. Описывая впечатление, которое приезжая богатая дама с бриллиантовыми серьгами в изящном шелковом платье со шлейфом произвела на служанку, Ожешко пишет: «Gitla stanęła u drzwi gościnnego pokoju, jakby plecami do ściany przyklejona».

У Лаврова:

Гитля остановилась на пороге гостиной, словно вросла спиной в стену.

У Журавской:

Гитля стала у дверей комнаты для гостей, словно приклеенная плечами к стене.

Более лаконично и выразительно, с большей динамикой передает Лавров состояние душевного смятения приезжей.

В оригинале: «Szła wprost w chmurę kurzawy, krztuszac się nią, lecz jej nie widząc».

У Лаврова:

Она шла прямо на тучу пыли, давсь ею, но не замечая ее.

У Журавской:

Она вошла прямо в облако пыли, кружившееся вокруг нее, не замечая ее.

Наряду с неточностями у Журавской встречаются примеры неправильной передачи текста оригинала. Так, описывая дома, выходящие на площадь и выделявшиеся среди других своим добротным видом, Ожешко пишет: «...domy posiadały małe ganki na słupkach, drzewa u ganków i kwiaty u okien».

В переводе Лаврова читаем: «...дома эти походили на деревенские, с узорчатыми крыльцами». У Журавской это место звучит так: «...они были похожи на деревенские усадьбы с большими подъездами на колоннах». Но «słupek» в данном контексте, конечно, не подъезд, а крыльцо. Тем более что слово «подъезд» нарушает картину той серой убогости, которую так мастерски рисует Ожешко. Неправоммерность употребления слова «подъезд» в данном случае подтверждает следующий за ним абзац: «...деревья и цветы имели здесь чахлый вид, а на крыльцах валялась помятая солома, клочки бумаги, тряпки, щепки, разные отбросы без формы и названия».

Уже из этих немногих примеров видно, что перевод Лаврова выгодно отличается от перевода Журавской как в смысле идейно-эмоционального воздействия на читателя, так и адекватностью передачи колорита и ритма оригинала.

Букол Михайлович Лавров не только сам трудился неустанно над переводами с польского, но и склонял к этому своих друзей. Выше мы говорили уже о Лескове и Лаврове, которых роднил интерес к «польской теме». Не без влияния Лаврова обратился к переводам польских поэтов Дм. Минаев.⁴⁵

⁴⁵ В письме Минаева к Лаврову от 2 октября (6. г.) читаем: «От перевода новой поэмы не отказываюсь, потому что я вошел во вкус Сырокомли

Интерес к переводу Лавров сохранил до последних дней жизни, как, впрочем, и сочувствие судьбе польского народа.⁴⁶

Уйдя из журнала (1906) и поселившись в своем подмосковном имении Руза, Лавров и здесь отдается целиком своему любимому делу — печатает переводы из Ожешко, Лады, Реймонта, Пруса и Немоевского в разных русских журналах.

Труд Лаврова-переводчика, скромного и неутомимого труженика, был оценен уже его современниками.

«Польская литература вообще, а я в особенности, — писала Э. Ожешко в октябре 1905 года Лаврову, — многим обязана Вам, среди взаимных отношений грозы общественных дел». И продолжала: «Вы в значительной, очень значительной степени содействовали тому сердечному движению, которое теперь, в момент перелома, приближает друг к другу оба наши народа».⁴⁷

Широко и торжественно отметила Москва в 1895 году пятидесятилетие, а в 1900 — двадцатилетие «Русской мысли». Вместе с журналом чествовали его бессменного издателя и вдохновителя А. Чехов, В. Короленко, А. Эртель, Н. Лесков, В. Спасович, М. Салтыков-Щедрин, Мамин-Сибиряк, Сеченов, Венгеров, Тимирязев, редакции «Отечественных записок», «Русского богатства», слушали академий, библиотек, учителя и газеты из различных уголков России.

В ноябре 1900 года организационный комитет Варшавского благотворительного общества обратился к Лаврову, «заслуженному в Польше человеку, сделавшему много для пропаганды их родной литературы», с просьбой прислать открытку с автографом для организуемой в польской столице выставки почтовых открыток.⁴⁸

Признанием заслуг Лаврова на ниве просвещения явилось его избрание, по предложению В. Короленко, почетным членом Общества любителей российской словесности.⁴⁹

Имя В. М. Лаврова не забыто и в наши дни. Своеобразным памятником переводческому таланту Лаврова является переизда-

и он мне по сердцу, особенно в некоторых мелких лирических видах» (ИРЛИ, ф. 530, ед. хр. 5).

⁴⁶ В Польше Лавров был известен не только как переводчик отечественной литературы, но и как человек, сочувствующий делу национального освобождения страны. В письме от 12 ноября 1895 г. Ожешко писала ему: «В некоторых наших кружках, знающих Вашу деятельность и убеждения, Вы носите имя польского Парнелля» (Zb. Barański, M. Jakóbiec, op. cit., p. 249). Известно, что Лавров был участником русско-польского съезда в Москве в 1905 году, на котором стоял вопрос об автономии Польши. См. об этом: S. F i s z m a n, A. S e m c z u k. Listy E. Orzeszkowej do Golcewa i Stasiulewicza. Slavia Orientalis, Warszawa, 1957, г. VI, str. 293.

⁴⁷ См.: Zb. Barański, M. Jakóbiec, op. cit., p. 285.

⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 640, ед. хр. 157.

⁴⁹ См.: письмо Короленко председателю ОЛРС (ГБЛ, Отд. рук., ф. 207, п. 14, ед. хр. 53) и благодарность Лаврова (там же, п. 32, ед. хр. 51).

ние его переводов в советское время — время возросшего переводческого мастерства и создания подлинно научной теории перевода.⁵⁰

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ В. ЛАВРОВА

А н г е ц к и й Антони.

Мастер. В сб.: Дети-артисты. М., 1905, с. 56—64.

Мастер. «Детское чтение», 1904, № 6, с. 92—100.

Г а й о т а Елена Янина (Рогозинская).

Поминальный день Адамка. Сборник статей, рецензий и факсимиле русских писателей, М. 1887.

30 сентября (Новелла в двух письмах). «Русская мысль», 1903, № 5, с. 160—172.

Г о м у л и ц к и й Виктор.

Воспоминания синего мундирчика. М., кн-во В. М. Саблина, 1909, 226 с.

Зеленая тетрадь. «Русская мысль», 1896, № 11, с. 112—154.

Солдат. М., 6-ка «Русской мысли», 1909.

Солдат. «Русская мысль», 1909, № 7, с. 72—117.

Халат. Цветы из леса. Вампир. Тучка. Духи болот. «Русская мысль», 1902, № 7, с. 25—56.

Что красит жизнь. (В соавторстве с Яном Лада), М., кн-во Д. И. Тихомирова, 1905.

Д а н и л о в с к и й Густав.

Nego. «Русская мысль», 1897, № 7, с. 205—208.

Юмористический рассказ. «Русская мысль», 1904, № 9, с. 68—78.

Ж е р о м с к и й Стефан.

Доктор химии. «Русская мысль», 1896, № 9, с. 155—182.

Сильная. Сборник в пользу недостаточных студентов, М., 1897, с. 84—105.

З а п о л ь с к а я Габриеля.

Поминальный день Белого Жана. «Мир божий», 1894, № 9, с. 123—132.

Е ж Т о м а ш Теодор (Милковский Зигмунд).

Бурное время. Исторический роман. М., «Русская мысль», 1899, 412 с.

К о н о п н и ц к а я Мария.

Аквилея. «Русские ведомости», 1895, № 210, август.

Contra spem spero. Русская мысль», 1901, № 2, с. 160—161.

Из книги «Мои знакомые». (Посыльный. Урбаново. Куклы моих детей. Банасова). «Живописное общество», 1905, № 16—18.

История о гномах и о сиротке Марысе. М., кн-во Тихомиров. 1905, 228 с.

Море. «Русская мысль», 1904, № 11, с. 80—103.

Прометей и Сизиф. «Русская мысль», 1892, № 9, с. 197—221.

⁵⁰ Э. О ж е ш к о, Избранные сочинения в двух томах, пер. Лаврова, М., 1940: т. 1. Над Неманом; т. 2. Рассказ «Четырнадцатая часть»; Собрание сочинений Э. Ожешко в 5 томах. М., 1954: т. III. Над Неманом; т. V. Рассказы.

К о с я к е в и ч Винцент.

Миражи. Среда. Голубой кафтан. Литература моей жены. Клад. «Русская мысль», 1889, № 11, с. 70—99.

Пан судья охотится. «Русские ведомости», 1895, № 311, ноябрь.

Л а д а Ян (Гнатовский).

Дети-артисты и другие рассказы. М., кн-во Тихомирова, 1905.

Пастели. Прогулка. Кто он? В Тироле. «Русские ведомости», 1896, № 637.

Sweet boy. «Русская мысль», 1906, № 3, с. 42—67; № 4, с. 23—57.

Что красит жизнь. (В соавторстве с Гомулицким). М., кн-во Тихомирова, 1905.

М а т у ш е в с к и й Игнаций.

Дьявол в поэзии. М., изд. ред. ж. «Русская мысль», 1901, 282 с.

Н е м о е в с к и й Анджей.

Евнухи. «Русская мысль». 1908, № 1, с. 155—190; № 2, с. 72—96.

О ж е ш к о Элиза.

Аскетка. «Русская мысль», 1891, № 1, с. 112—160.

Бабушка. «Русская мысль», 1896, № 1, с. 197—212.

Братья. «Русская мысль», 1898, № 7—8.

Брошенная. М., 1901, 190 с.

Великий. «Русская мысль», 1895, № 1, с. 54—83.

Вопросы. «Русская мысль», 1902, № 3, с. 40—60.

Две. «Русская мысль», 1902, № 1, с. 224—242.

Загадка. «Нива» (Лит. приложение), 1901, № 2, с. 633—660.

И песня пусть заплачет. «Русская мысль», 1905, № 4—5.

И песня пусть заплачет. М., 6-ка «Русской мысли», 1905, 200 с.

Из сумерек. «Русские ведомости», 1899, №№ 327, 337, 348.

Милорд. Бабушка. М., 6-ка «Русской мысли», 1896, 187 с.

Момент. «Русская мысль», 1899, № 1, с. 107—130.

Над Неманом. Роман. «Русская мысль», 1888, №№ 4—12.

Над Неманом. Роман в трех частях. М., 6-ка «Русской мысли», 1895—1900, 553 с.

Одна согая. «Русская мысль», 1899, № 6, с. 162—202.

Отрывок из автобиографии Элизы Ожешковой. «Мир божий», 1892, № 12, с. 51—69.

Панна Роза. «Русская мысль», 1898, № 1, с. 24—53.

Панна Роза. Великий. Среди цветов. М., 6-ка «Русской мысли», 1898, 171 с.

Повести и рассказы, тт. 1—2. М., изд. «Русская мысль», 1895—1900.

Т. 1. Серенькая идиллия. Сильный Самсон. Хам. Подвижница. 1895, 459 с.; т. 2. Ни клочка. Смерть дома. С пожара. Четырнадцатая часть. Юлианка. Момент. 1900, 434 с.

Повести и рассказы, т. III. Меланхолики. Ни клочка. Дым. Четыре картинки. Жемчужина счастья. М., изд. «Юная Россия», 1904, 164 с.

Повести и рассказы. М., изд. 2, изд. «Юная Россия», 1918, 64 с.

Подкидыш. (Юлианка). М., изд. «Посредник», 1900, 144 с.

Подкидыш. М., изд. «Посредник», 1912, 96 с.

Полька. Ист. очерк. «Русская мысль», 1897, № 1, с. 143—171.

Серенькая идиллия. «Русская мысль», 1882, № 4, с. 256—314.

Сильвек. «Русская мысль», 1884, №№ 1, 2, 4—6.

Сильвек, М., изд. «Русская мысль», 1898, 320 с.

Сильный Самсон. «Русская мысль», 1886, № 10, с. 172—210.

Смерть дома. «Русские ведомости», 1898, № 133, 135, июль.

С пожара. (Из воспоминаний). «Русская мысль», 1899, № 8—9.

С разных дорог. «Русская мысль», 1901, № 3, с. 74—90.

- Среди цветов. «Русские ведомости», 1896, № 130, май.
 Старые картинки. «Детское чтение», 1903, № 1, с. 125—134.
 Хам. «Русская мысль», 1889, № 3—7.
 Юлианка. Городская картинка. М., изд. «Русская мысль», 1901, 109 с.
 Юлианка. М., изд. «Юная Россия», 1916, 95 с.
- О с т о я** (Савицкая — Остоя Юзефа).
 Философка. «Мир божий», 1895, № 3, с. 96—101.
- П о т о ц к и й** Антоний.
 Будничный день. «Русская мысль», 1900, № 12, с. 154—168.
- П р у с** Болеслав.
 Возвратная волна. «Русская мысль», 1907, № 5, с. 75—146.
 Возвратная волна. М., 6-ка «Русской мысли», 1907, 181 с.
 Дети. Роман. М., 1909, 259 с.
 Из воспоминаний циклиста. «Русская мысль», 1903, № 7—9.
 Из воспоминаний циклиста. М., изд. «Русская мысль», 1904, 186 с.
- Р е й м о н т** Владислав.
 Возмездие. «Русская мысль», 1906, № 8, с. 43—69.
 Возмездие. М., 1906.
 Перед рассветом. Новелла. «Русская мысль», 1904, № 5, с. 157—168.
- С е в е р** (Мацевский Игнатий).
 Euthanasya. «Русская мысль», 1902, № 6, с. 44—59.
- С е н к е в и ч** Генрик.
 Американские очерки и рассказы, тт. 1—2. М., 1883.
 Без догмата. «Русская мысль», 1890, №№ 1—3, 5—10.
 Будь благословенна. «Русская мысль», 1893, № 6, с. 163—165.
 Водоворот. Роман. М., 1912, 327 с.
 Два луга. М., 1909, 24 с.
 Два друга. М., изд. «Русская мысль», 1909, 178 с.
 Идиллия (Лесная картинка). «Русская мысль», 1890, № 12, с. 13—26.
 Камо грядеши. «Русская мысль», 1895, №№ 4—12; 1896, №№ 1—3.
 Камо грядеши. М., изд. «Русская мысль», 1896, 516 с.
 Камо грядеши. «Северный вестник», 1896, №№ 1—5. изд. 2, М., 1897, 528 с.
 Камо грядеши. Сокр. пер. чч. I—II. СПб., изд. «Б-ка юного читателя», 1901, ч. I, 280 с., ч. II, 282 с.
 Камо грядеши. СПб., изд. 2, 1904, 362 с.
 Камо грядеши. СПб., изд. 3, 1910, 350 с.
 Камо грядеши. СПб., изд. 4, 1913, 350 с.
 Крестоносцы. Роман. «Русская мысль», 1897, №№ 2—12; 1898, №№ 1, 2, 5, 6, 10, 12; 1899, №№ 1—6, 9—10, 12; 1900, № 6.
 Крестоносцы. М., изд. «Русская мысль», 1900, 691 с.
 На ясном берегу. «Русская мысль», 1897, №№ 1—3, 5.
 На ясном берегу. М., изд. 2, 1913, 80 с.
 На развалинах нового Рима. «Новый мир», 1902, № 85, с. 184—187.
 Нерви. «Русские ведомости», 1893, № 189, июль.
 Огнем и мечом. «Русская мысль», 1885, №№ 1—10.
 Огнем и мечом. М., изд. «Русская мысль», 1886, 678 с.
 Орсо. Прилож. к журн. «Детское чтение», М., 1906, 31 с.
 Ошибка. «Русская мысль», 1881, № 12, с. 340—354.
 Письмо с дороги. «Русская мысль», 1882, № 3, с. 308—328.
 Письма из Африки. «Русская мысль», 1891, №№ 10—12; 1892, №№ 1—3.
 Повести и рассказы. М., изд. ж. «Русская мысль», 1893, 451 с.
 Повести и рассказы. М., изд. 2, 1898, 325 с.
 Пойдем за ним. «Русская мысль», 1893, № 1—2.
 Пойдем за ним. М., изд. ж. «Русская мысль», 1895, 56 с.
 Пойдем за ним. М., изд. 2, 1899, 48 с.

- Пойдем за ним. М., изд. 3, 1912, 48 с.
- Полн. собр. соч., тт. 1—6, М., изд. ж. «Русская мысль». Т. 1. Камо
грядеши; т. 2. Без догмата; т. 3. Огнем и мечом; т. 4—5. Потоп;
т. 6. Пан Володиевский.
- Потоп. «Русская мысль», 1887, №№ 1—12.
- Потоп. Исторический роман в 6 частях, тт. 1—2. М., изд. «Русская
мысль», 1888, чч. I—III, 552 с.; чч. IV—VI, 310 с.
- Путевые очерки. М., 1883, 439 с.
- Путевые очерки. М., изд. «Русская мысль», 1893, 439 с.
- Сахем. Сборник в пользу голодающих студентов, М., 1891, с. 79—92.
- Сахем. М., изд. «Русская мысль», 1892, 13 с.
- Семья Поланецких. «Русская мысль», 1893, №№ 1—12; 1894,
№№ 1—7, 9—12.
- Семья Поланецких. М., изд. «Русская мысль», 1895, 1023 с.
- Семья Поланецких. М., изд. 2, 1913, 555 с.
- Та третья. «Русская мысль», 1889, № 1, с. 194—243.
- У источника. «Русская мысль», 1892, № 6, с. 165—182.
- У источника. «Живописное обозрение», 1894, № 49—50.
- Фонарщик на маяке. «Русский курьер», 1883, №№ 94, 95.
- Фонарщик на маяке. Янко-музыкант. М., изд. «Русская мысль», 1903,
43 с.
- Фонарщик на маяке. М., изд. 2, 1913, 31 с.
- Через степи. «Русская мысль», 1882, № 5, с. 219—270.
- Через степи. М., б-ка «Русской мысли», 1895, 127 с.
- Я должен отдохнуть! «Русские ведомости», 1897, № 10, январь.
- Янко-музыкант. Письмо с дороги. «Русская мысль», 1882, № 3,
с. 302—328.
- Янко-музыкант. М., изд. ж. «Русская мысль», 1893, с. 1—15.
- Т е т м а й е р** Казимеж.
Лавреат. Сборник в пользу недостаточных студентов, М., 1897, с. 216—
219.
- Ш а й н о х а** Кароль.
Исторические очерки. «Русская мысль», 1884, №№ 9, 10.
- Ш и м а н с к и й** Адам.
Мацей-Мазур. «Русская мысль», 1888, № 3, с. 140—167.
Юноша (Шанявский). Клеменс.
Сизиф. «Русская мысль», 1891, №№ 5—8.
Сизиф. Картинки деревенской жизни. М., изд. «Русская мысль», 1891,
155 с.

II

В. Н. Баскаков

ПИСЬМА РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ И УЧЕНЫХ Ю. И. КРАШЕВСКОМУ

Творческая судьба и биография выдающегося польского романиста и ученого Юзефа Игнация Крашевского тесно связаны с Россией, с русским общественным и литературным движением. Крашевский родился и провел значительную часть своей жизни на Волыни, много путешествовал по западным областям Украины и Белоруссии, бывал в Одессе (1843, 1852),¹ жил и вел большую общественно-культурную работу в Житомире (1853—1860).² Превосходно владея русским языком, он всегда внимательно следил за развитием русской литературы, выступая пропагандистом и популяризатором ее достижений, завязывая личные или заочные знакомства со многими представителями русской литературной и научной мысли. Однако русские связи знаменитого польского романиста до сих пор почти не затронуты исследователями, а поэтому публикуемые ниже письма русских литераторов и ученых, адресованные Крашевскому и извлеченные нами из его обширного архива, сохраняющегося ныне в фондах Библиотеки Ягеллонского университета в Кракове,³ представляют собой опре-

¹ Результатом поездки в Одессу в 1843 году явились воспоминания писателя, изданные в трех томах и имеющие исключительное значение для изучения истории и нравов Одессы 1840-х годов (см.: J. I. Kraszewski. Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budżaku, tt. I—III, Wilno, 1845—1846). Впечатления о пребывании в Одессе в 1852 году изложены Крашевским в письмах «Listy z podróży», опубликованных на страницах «Gazety Warszawskiej» (№№ 234, 236—237, 256, 258—260, 303—306). См. также: М. Г. Попруженко. И. И. Крашевский в Одессе. Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XXXI. 1913, Отд. II, стр. 39—43.

² См.: P ł u g A. Józef Ignacy Kraszewski (Zyciorys). В кн.: Książka jubileuszowa dla uczczenia pięćdziesięcioletniej działalności literackiej J. I. Kraszewskiego. Warszawa, 1880, str. I—CIV (жизни и деятельности Крашевского в Житомире посвящены стр. LXXIV—LXXXVI).

³ Перечень корреспондентов Крашевского см. в кн.: A. B a r. Indeks korespondencji Józefa Ignacego Kraszewskiego przechowywanej w zbiorach Biblioteki

деленный интерес, свидетельствуя о многочисленности литературно-научных контактов и популярности писателя в русском обществе.

Первое письмо принадлежит перу романиста и драматурга Нестора Васильевича Кукольника (1809—1868) и датируется по содержанию 1842 годом, т. е. временем выхода в свет романа Кукольника «Альф и Альдона», который, как следует из письма, посылается Крашевскому с просьбой «принять милостиво».⁴

Имя Нестора Кукольника было хорошо знакомо Крашевскому, ибо он был исправным читателем «Художественной газеты», с 1836 по 1842 год издаваемой Кукольников. Отдельные материалы из «Художественной газеты» Крашевский перепечатывал в «Atheneum», лестное упоминание о котором заключено в публикуемом письме.⁵

Кукольник, обращаясь к Крашевскому, преследовал две цели: во-первых, завязать знакомство с польским писателем, во-вторых, заручиться его поддержкой в осуществлении польской публикации своего четырехтомного романа «Эвелина де Вальероль».⁶ Оба эти намерения осуществлены, видимо, не были и переписка оборвалась в самом начале: в архиве Крашевского среди адресованных ему писем (а они объединены в 101 том) сохранилось только одно письмо Кукольника. Польский же перевод романа «Эвелина де Вальероль» в свет не вышел.⁷

Письмо не имеет обращения и даты. Написано оно в Петербурге, получено Крашевским в местечке Грудек.⁸

Вы не можете представить себе, до какой степени я обременен занятиями самого разнообразного рода. Кроме собственных работ, у меня теперь до со-

Jagiellońskiej. Kraków, 1929, 117 str. Характеристика корреспонденции Крашевского содержится в кн.: Inwentarz rękopisów Biblioteki Jagiellońskiej. Część I. Kraków, 1962, str. 219—283; то же, część II. Kraków, 1963.

⁴ Четырехтомный исторический роман Н. В. Кукольника «Альф и Альдона» вышел в свет в 1842 году в Петербурге. Рецензия на этот роман напечатана в журнале «Отечественные записки» (1842, № 6, отд. VI, стр. 25—29). Об Н. В. Кукольнике см.: А. И. Шверубович. Братья Кукольники. Очерк их жизни. Вильна, 1885, 76 стр.

⁵ См.: Atheneum, 1841, т. II, стр. 135—153 (биографии И. К. Айвазовского и О. А. Кипренского); 1841, т. III, стр. 132—135 (Отчет Комитета Общества поощрения художников); 1841, т. IV, стр. 154—167 (статья о ксилографии) и др.

⁶ Роман Н. В. Кукольника «Эвелина де Вальероль» в 1841 году печатался в «Библиотеке для чтения» (№№ 3—10), и в том же году появилось отдельное его издание в четырех томах. Рецензия Белинского на этот роман напечатана в журнале «Отечественные записки» (1842, № 3, отд. VI, стр. 1—3).

⁷ Перевод романа «Эвелина де Вальероль» в Польшу не зарегистрирован (см.: K. E. Streicher. Bibliografia polska XIX stolecia, t. II. Kraków, 1874, str. 521).

⁸ Публикация писем к Крашевскому построена в хронологическом порядке. Все письма печатаются на языке оригинала с подстрочным переводом иноязычных фрагментов. Сомнительные прочтения отдельных слов оригинала сопровождаются вопросительным знаком, заключенным в скобки. Неподдающиеся прочтению фрагменты особо обозначены в тексте писем.

рока чужих рукописей, удостоверяющих, что наша литература не дремлет; напротив, деятельность возбуждена в высшей степени, недостает издателей, да и те появляются (?). Эти хлопоты были причиною, что я до сих пор не мог исполнить искреннейшего моего желания письменно с Вами познакомиться. Труды Ваши восхищают меня. Кроме удовольствия, я многому из них научился, что трудно найти в большей части произведений нашего времени. «*Athenum*» крайне меня интересует и составляет единственный журнал (кроме иностранных), который я читаю; русских журналов не люблю. Только ругательства, только переливание (?) воды, надеюсь, что со временем и это прекратится. Тогда, пожалуй, буду читать за чаем.

Не сердитесь, что первое письмо начинаю просьбами. Во-первых, принять милостиво роман мой «Альфа и Альдону», который при сем препровождаю; во-вторых, просмотреть прилагаемую рукопись польского перевода первого моего романа «Эвелина де Вальероль». Если он, т. е. перевод, вам понравится, то я перешлю на Ваш строгий суд и остальные, а Вы мне посоветуете, как бы его издать. На немецкий и французский он также переводится. Хотелось бы видеть его и в польской одежде.

Я должен кончить письмо. Таково мое положение. Но в следующем постараюсь побеседовать с Вами побольше. Боюсь одного. Чтобы Вам не наскучить. Впрочем, верьте искреннему и душевному уважению и совершенной преданности к Вам. Честь имею быть Вашим, Милостивый государь, покорным слугою

Н. Кукольник.

Jeżeli będę tak szczęśliwy, że Pan będzie łaskaw pisać do mnie słów kilka, niech ze pisze po polsku. Dawniej i sam pisałem po polsku, nawet wierszy. Dziś trudy i chłopoty do jednej przyprowadziły mnie Ruszczyzny.⁹

Второе письмо написано Николаем Никифоровичем Мурзакевичем (1806—1883), известным историком и археологом, одним из одесских друзей Крашевского, с которым писатель познакомился во время своего первого пребывания в Одессе в июле—августе 1843 года.¹⁰ В то время Н. Н. Мурзакевич состоял библиотекарем Одесской городской публичной библиотеки (с мая 1843 года) и секретарем Одесского общества истории и древностей (с 1839 года).¹¹ Это он в июле 1843 года знакомил Крашевского с фондами публичной библиотеки и музея общества. Его рассказы и пояснения писатель использовал в двадцатой главе воспоминаний о пребывании в Одессе, которая представляет собой рассказ о публичной библиотеке и музее, их фондах и примечательных книгах, рукописях, экспонатах.¹² Вскоре после отъезда Крашевского из Одессы, он был избран 12 ноября 1843 г. одновременно с И. И. Срезневским действительным членом Одесского

⁹ Если я буду так счастлив, что получу от пана несколько слов, то пусть они будут написаны по-польски. Когда-то и сам я писал по-польски, даже стихи. Сегодня же труды и заботы вынуждают меня писать только по-русски.

¹⁰ Подробные сведения о Н. Н. Мурзакевиче см. в кн.: Николай Никифорович Мурзакевич. Автобиография. Примечания и биографический очерк кн. В. Д. Дабижа. СПб., 1889, 233 стр.

¹¹ М. Г. Попруженко. Одесская городская публичная библиотека. 1830—1910 гг. Исторический очерк. Одесса, 1911, стр. 20—21.

¹² См.: J. I. K r a s z e w s k i. Wspomnienia Odessy, Jedysanu i Budżaku, t. II. Wilno, 1845, str. 94—246.

общества истории и древностей.¹³ Публикуемое письмо и представляет собой обращение Н. Н. Мурзакевича как секретаря Общества к Крашевскому с просьбой принять посильное участие в готовящемся томе «Записок». Однако во втором томе, вышедшем в 1848 (отделение I) и в 1850 году (отделение II и III), работы Крашевского не появлялись, не был опубликован и упоминающийся в письме «турецкий фирман». Не удалось обнаружить участия Крашевского и в последующих томах этого издания.

Кроме публикуемого письма, в библиотеке Ягеллонского университета хранятся еще три записки Н. Н. Мурзакевича к Крашевскому с повторными приглашениями к участию в «Записках» и с уведомлением о высылке ему их первого тома.

Письмо написано в Одессе на бланке Одесского общества истории и древностей и датировано 21 июня 1845 г. Получено Крашевским в местечке Грудек.

Милостивый государь,

Общество, намереваясь приступить к изданию 2-го тома своих «Записок», в начале следующего, 1846, года ласкает себя надеждою, что Вы, Милостивый государь, не откажетесь участвовать в общественном деле.

Если бы Вам угодно было что сообщить для «Записок», то все то, о чем можно писать, приспособительно к Новороссийскому краю, изволите найти в программе, изложенной в § 66 Устава.

Торговля литовцев через Качибейский и Белгородский порты, войны, набеги и миры Литвы с крымскими татарами могут дать Вашему искусному и опытному историческому перу обширное поле для описания. И Общество, получив от Вас такого содержания Ваши статьи, украсило бы второй том своих трудов.

Обществу приятно было бы иметь начертание путешествия, совершенного Вами в запрошлом году.

Общество свидетельствует Вам искреннюю свою благодарность за копию сообщенного Вами турецкого фирмана. Он теперь отдан для перевода и, буде что заключает в себе любопытного и относящегося к истории Южной России, поместится во 2-м томе «Записок».

Примите уверение в истинном почтении и совершенной преданности, с какими имею честь пребыть

Милостивый государь
Ваш покорный слуга
Н. Мурзакевич.

Следующее письмо принадлежит Модесту Яковлевичу Киттары (1825—1880), в 1857 году переехавшему из Казани в Москву, и связано с его редакторскими обязанностями в «Промышленном листке» (1858—1859) и «Журнале сельского хозяйства», издаваемом Московским обществом сельского хозяйства (издание прекратилось в 1859 году). Ответ Крашевского на письмо Киттары с приглашением участвовать в названных изданиях неизвестен, но ни в «Промышленном листке», ни в «Журнале сельского хозяй-

¹³ См.: Записки Имп. Одесского общества истории и древностей, т. I. 1844, стр. 569.

ства» материалы за подписью Крашевского в 1858—1859 годах не появлялись.

Письмо написано в Москве. Даты и подписи оно не имеет. Датируется по содержанию второй половиной 1857 года. К письму приложена программа изданий. Адресовано Крашевскому в Житомир.

Милостивый государь
Осип Иванович.

Рассчитывая на Ваше просвещенное сочувствие ко всякому делу, клонящемуся к пользе Отечества, я беру смелость препроводить при сем на благосклонное внимание Ваше программу «Журнала сельского хозяйства» на 1857 год и вновь издаваемой газеты «Промышленный листок», прося, с одной стороны, Вашего содействия к распространению этих изданий в кругу Ваших знакомых, с другой — лично Вашего сотрудничества. Всякое сообщение Ваше будет принято не только с глубокою благодарностию, но если денежный гонорарий для Вас безынттересен, то редакция «Промышленного листка» выдает этот гонорар от 50 до 100 руб. серебром с печатного листа. Сообщения краткие складываются в общий счет и вся почтовая пересылка принимается на этот же счет. Редакция «Журнала сельского хозяйства» на первый раз гонорара не предлагает определенного за неизвестностью средств ее — но во всяком случае и она не останется непризнательною.

Извините, что я пишу так подробно об обстоятельствах, которые для Вас, может быть, совершенно неинтересны, но я буду несказанно Вам обязан, ежели Вы сообщите их тем из Ваших знакомых, которые захотят быть сотрудниками вышесказанных изданий.

Простите, что я утомил Вас письмом моим и примите уверение в истинном уважении, с каким имею честь быть

Вашим, милостивый
государь.

В заключение приводим два письма писателя, этнографа и переводчика А. С. Афанасьева-Чужбинского (1817—1875), адресованные Крашевскому. В 1851 году совместно с книгоиздателем И. Завадским он предпринял в Киеве издание «Галереи польских писателей», первоначально предполагая включить в ее состав только произведения Крашевского («Будник», «Осторожней с огнем», «Записки незнакомца»). В ходе работы план был несколько изменен, и место «Записок незнакомца» заняла повесть Ю. Коженевского «Коллокация».¹⁴

Публикуемые письма Афанасьева-Чужбинского непосредственно связаны с подготовительными работами к изданию «Галереи». Первое из них написано из Киева 7 октября 1850 г. с целью завязать знакомство и информировать Крашевского о своих переводческих замыслах в отношении его произведений. В нем Афанасьев-Чужбинский писал:

¹⁴ Подробнее об издании в Киеве «Галереи польских писателей» см.: В. Н. Баскаков. Юзеф Коженевский в России. В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 324—355.

Vous rencontrez quelquefois de traductions de vos écrivains en russe, mais pour bien traduire il faut posséder en même degré les deux langues, sans quoi se perd l'intérêt d'original, et la copie n'en est que pauvre et pâle. Il me semble que je connais bien la langue Polonoise, la langue Russe est ma seule et unique occupation, et pour cette raison je veux faire une jolie édition de beautés de la littérature Polonoise. .¹⁵

Однако переводческие опыты Афанасьева-Чужбинского, несмотря на хорошее знание им польского языка, не вызывали восторга у читателей и рецензентов. Слепое следование за оригиналом обусловило низкий художественный уровень переводов, что явилось наряду с неудачным выбором произведений для перевода основным поводом для отрицательных суждений критики о предпринятом издании.¹⁶

Цитированное выше письмо написано Афанасьевым-Чужбинским по-французски, последующие письма — по-русски.

Милостивый государь
Иосиф Иванович.

Приятно было для меня узнать из Вашего письма, что русский язык незнаком Вам, в чем я хотя и не сомневался, но мы живем в таком странном веке, что говорим ли, пишем ли — все стараемся употреблять язык французский, сделавшийся всеобщим. Поздний ответ мой на ваше милое приветливое письмо¹⁷ происходит оттого, что вчера я только приехал домой и имел удовольствие получить его; а сегодня, несмотря на праздник, спешу не пропустить почту, чтобы побеседовать с одним из тех людей, кого, не зная лично, я полюбил душою, с кем сроднился, кого изучил по его дивным созданиям. Между нами не может быть комплиментов, да мы и не имеем никакой надобности делать их друг другу, и потому я прямо и откровенно скажу, что вы меня увлекаете. С тех пор как я написал к Вам, я уже кончил «Вудник»,¹⁸ «Ostrożnie z ogniem»¹⁹ и оканчиваю «Pamiętniki Nieznajomego».²⁰ Иосиф Завадский начал издавать мои переводы под заглавием «Галерея польских писателей». Очень рад и очень благодарен Вам за готовность помочь мне иногда советом и непременно воспользуюсь этим при первом удобном случае. Что же касается до экземпляра переводов, то первой моей мыслью было прислать Вам, как только они выйдут из типографии.

¹⁵ «Переводы ваших писателей на русский язык иногда появляются, но, чтобы хорошо переводить, необходимо владеть в равной степени русским и польским языками, без чего теряется колорит оригинала и копия становится убогой и бледной. Мне кажется, что я хорошо знаю польский язык, в литературе же я выступаю только исключительно по-русски, а поэтому я и хочу предпринять хорошее издание шедевров польской литературы. . .»

¹⁶ Отзывы о переводах произведений Крашевского, изданных в составе «Галереи польских писателей», печатались в 1851 году в журналах «Современник» (№№ 6 и 12), «Москвитянин» (№№ 7, 19—20), «Библиотека для чтения» (№№ 3—4, 9), «Сын отечества» (№ 7) «Отечественные записки» (№ 6).

¹⁷ Письмо Крашевского к Афанасьеву-Чужбинскому неизвестно.

¹⁸ И. Крашевский. Будник. Пер. А. Афанасьева. Изд. И. Завадского, Киев, 1851, 240 стр. (Галерея польских писателей, ч. 1).

¹⁹ И. Крашевский. Осторожней с огнем. Пер. А. Афанасьева. Изд. И. Завадского, Киев, 1851, 323 стр. (Галерея польских писателей, ч. 2).

²⁰ «Записки незнакомца» в русском переводе опубликованы не были. Судьба перевода, выполненного Афанасьевым-Чужбинским, неизвестна.

Вы так добры, что предлагаете мне свои сочинения; я их читал все, но в настоящую минуту желал бы иметь «Poeta i Swiat»²¹ и «Pod włoskim Niebem».²² В ваших созданиях поражает меня больше всего поэтическое направление, которому я всегда симпатизирую, и скажу Вам, что в «Pamiętnikach Nieznanajomego» *нрзб* и сотой доли. Я сам поэт и все высокое и прекрасное походит *нрзб* мой; я сам смотрю на свет подобно вам и увлекаюсь, несмотря на много бедствий и невзгод, которые гремели над моей головою. Но как бы ни было горько поэту — жизнь его всегда прекрасна и благородна, потому что поэзия, — то непостижимое звено, которое соединяет небо с землею, несмотря, изливается ли оно в звуках инструмента, словах поэмы или в красках живописца. Десятки тысяч людей ее не понимают, сотни тысяч ей не сочувствуют, но как отраднo встретить того, в ком горит божественная искра, кто смотрит на невежественную толпу не с презрением, но с состраданием и проповедует ей свое высокое слово истины и смирения. Вы тот один из моих любимых. У меня уже давно была мысль познакомить нашу читающую публику с Вашими дивными творениями, но я не решался; наконец, когда удостоверился, что знаю польский язык основательно, тогда только занялся переводом. Со временем надеюсь, что могу дать моим соотечественникам хоть небольшое понятие о драгоценностях, рассыпанных щедрою рукою в Ваших созданиях. В знак особенного уважения посылаю Вам свой безымянный очерк «Доктор»,²³ вырезанный из «Северной пчелы», только что полученной. Это особенный род литературы, собственно мной изобретенный. Я уже давно печатаю эти очерки, но всегда их помещаю в газетах и потому ничего не слышал печатного о их достоинстве или недостатках. С Нового года вследствие разных обстоятельств я переменяю псевдоним (Чужбинский) на свою настоящую фамилию и потому посылаю Вам новый адрес в надежде, что мы будем беседовать хоть через почту. Пишите ко мне всегда по-польски, я к Вам буду по-русски — мне по крайней мере кажется, что как-то мысли гораздо легче плывут на бумагу, когда выражаешь их на своем природном языке. Я останусь дома лишь несколько дней, а потому и прошу писать ко мне по приложенному адресу. До свидания! Жду с нетерпением увидеть в свете какое-нибудь новое Ваше создание.

Истинно уважающий Вас
А. Афанасьев.

1850, декабря 25.
Искровцы.

Адрес: Александру Степановичу Афанасьеву в г. Киев в гостинице «Лондон».

Извините, уважаемый Иосиф Иванович, что так давно не отвечал на ваше милое письмо: причина та, что я ожидал выхода I тома «Галереи польских писателей» и 1-ю часть моего «Русского солдата»,²⁴ которые обе вместе этим Вам посылаю. Примите их от меня на память искренней дружбы и верьте, что я умею ценить и понимать людей по их сочинениям. В творениях Ваших я постоянно встречаю свой образ мыслей: ту же пламенную любовь к человечеству, то же самое желание — показать людям их заблуждения и ошибки. О, тяжела доля писателя, вы правду говорите. На контрактах я познакомился с Михаилом Грабовским и очень рад этому приятному знакомству с писателем, приобревшим такую известность.

²¹ «Поэт и свет». На русском языке не публиковалось.

²² «Под итальянским небом». На русском языке не публиковалось.

²³ Чужбинский [А. С. Афанасьев]. Доктор. Северная пчела, СПб., 1850, 12 декабря, № 287, стр. 1111—1112.

²⁴ А. Афанасьев. Русский солдат. Рассказы в стихах, ч. I. Киев, 1851, 86 стр.

Для второй серии моей «Галереи» я перевожу Коржениновского, перевел уже «Коллокацию»²⁵ и примусь за что-нибудь другое. Будьте добры уведомьте меня откровенно: какие сочинения ваши вы желали бы видеть в переводе, и я примусь за них. Я перевел: «Budnik», «Ostrożnie z ogniem», «Pamiętniki nieznanego». Не знаю как будет дальше, но до сих пор переводы мои входят в круг читателей, хотя я и недоволен на печатание «Будника». Корректор плохо смотрел, и вышло множество ошибок. Вторую и следующие части я постараюсь просматривать сам, и тогда дело пойдет гораздо лучше. Теперь я читаю последние сочинения гр. Ржевуского и нахожу их очень интересными, в особенности I том.²⁶ Сочинение Ваше «Komedianci» еще в Киеве не получено, и я желал бы от души прочесть поскорее Ваше новое произведение.²⁷ За «Atheneum» благодарю — потрудитесь выслать его на имя Завадского для доставления мне: это будет для меня самый приятный подарок.²⁸ Напишите мне свое мнение о моем «Русском солдате». Я буду ожидать с нетерпением дружеских замечаний опытного литератора.

Прошайте и радуйте меня почаще вашей приятной беседой

Преданный Вам
А. Афанасьев.

1851, февраля 16
Киев.

Приведенные выше письма наряду с опубликованными ранее исследованиями, посвященными взаимоотношениям Крашевского с И. С. Тургеневым²⁹ и В. В. Стасовым,³⁰ свидетельствуют о широкой известности писателя в русском обществе, об интересе к его трудам, о стремлениях ближе привлечь его к участию в русской литературно-научной жизни. Правда, среди авторов публикуемых писем нет выдающихся деятелей русской литературы и науки, тем не менее это не снижает их значения для биографии Крашевского и для истории польско-русских культурных взаимосвязей в целом.

²⁵ И. Коженевский. Коллокация, т. I—III. Пер. А. Афанасьева. Изд. Иосифа Завадского, Кнев, 1852 (Галерея польских писателей, чч. 3—5).

²⁶ Речь идет о первом томе семитомного издания сочинений Генрика Ржевуского, в 1851 году вышедшем в Петербурге на польском языке.

²⁷ Повесть «Комедианты» на польском языке вышла в свет в 1851 году. На русский язык не переводилась.

²⁸ Журнал «Atheneum» выходил в Вильно в 1841—1852 годах. Издавал его Крашевский.

²⁹ Е. С. Андреева. И. С. Тургенев и Иосиф Крашевский. Научн. бюлл. ЛГУ, 1946, № 11—12, стр. 50—53.

³⁰ Д. С. Прокофьева. Письма Ю. Крашевского В. В. Стасову. В кн.: Славянский архив. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 215—223.

Т. С. Карская

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

(А. Н. Пыпин и Божена Немцова)

Характеристику творчества Б. Немцовой в чешском разделе «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпин заключает следующими словами: «Сочинения Божены Немцовой были отражением ее лично благородной и поэтической натуры, которая осталась для нас лично светлым воспоминанием».¹ В этой фразе обратил на себя внимание специалистов намек на состоявшееся некогда знакомство русского ученого с замечательной чешской писательницей. Возникали разные догадки и предположения о дате встречи, ее обстоятельствах, содержании самой беседы — всех тех фактах, выявление которых могло бы открыть новые стороны в творческой биографии Немцовой, придать дополнительные штрихи характеристике ее общественных взглядов и литературных интересов. Однако до самого последнего времени все эти вопросы оставались без сколько-нибудь удовлетворительного ответа, так как в литературоведческий обиход не были введены архивные документы, относящиеся к этой встрече. В числе таких документов: записная книжка А. Н. Пыпина, отражающая его первое пребывание в Праге в ноябре—январе 1859 года;² черновик письма ученого «к неустановленному лицу» — 1889 год;³ наконец, письмо чешского литератора П. Дурдика⁴ к Пыпину от 7 июня (26 мая) 1889 г.,⁵ содержащее доказательство того, что

¹ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II. СПб., 1881, стр. 96б.

² ИРЛИ, ф. 250, № 96. Тематический обзор содержания «пражских» записных книжек Пыпина даю в статье «Три месяца в Праге (Записные книжки А. Н. Пыпина)», принятой в печать.

³ Там же. Без номера.

⁴ Павел Дурдик (1843—1903) — чешский писатель. Его деятельность как популяризатора русской литературы в Чехии охарактеризована в статье М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника“» (в сб.: Творчество Тургенева, Учпедгиз, М., 1959, стр. 130).

⁵ ГПБ, ф. 621, № 298, л. 1.

автор этого письма и является тем лицом, которому Пыпин адресовал названную корреспонденцию.⁶ Первые два документа, удачно дополняя друг друга, заключают в себе достаточно подробные сведения о знакомстве Пыпина с Немцовой. Но их значение не ограничивается установлением фактической стороны дела. Они дают возможность также проследить возникновение и нарастание у Пыпина интереса к творчеству Немцовой, благодаря им раскрывается содержание беседы между ними, и вообще они служат превосходным комментарием ко всему, написанному ученым о чешской писательнице в последовательном ряду его трудов по истории чешской культуры. Вместе с тем эти документы вносят некоторые новые черты в характеристику идейно-творческих исканий писательницы конца 1850-х годов.

Привлекшее внимание исследователей заявление Пыпина о знакомстве с Немцовой не могло не заинтересовать и Дурдика. Он обратился к Пыпину с соответствующей, по-видимому, устной просьбой через Л. Ф. Пантелеева,⁷ который в то время после долгого пребывания за границей готовился к отъезду на родину. Как можно понять из названного письма Пыпина, Дурдик просил русского ученого рассказать о встрече с Немцовой. Пыпин тотчас откликнулся на просьбу чешского литератора. Он не только ответил ему, но и послал специально заказанную по этому случаю копию с хранившегося у него фотографического портрета Немцовой.

На листке белой почтовой бумаги рукой Пыпина, но более крупно и разборчиво, чем обычно, написано следующее:

Милостивый Государь!

Л. Ф. [Пантелеев] передал мне Ваше желание, чтобы я сообщил Вам, что мне известно о Божене Немцовой, которую я, по-видимому, должен был бы знать лично. Я действительно имел удовольствие видаться с нею — теперь 30 лет тому назад. К сожалению, я могу сказать только немного. Я познакомился с ней, когда жил в Праге в конце [18]58 и начале [18]59 года. Посредником нашего знакомства был г. Иосиф Колардж.⁸ Я раньше уже знал имя Немцовой как писательницы. Она интересовала меня как именно писательница из народного быта; я находил у нее больше, чем у других чешских писателей, простого реализма, сочувственного мне по русским образцам этого рода литературы, без сентиментальной приторности, которая так вредила некоторым другим чешским писателям в этой области, по немецким примерам. Лично г-жа Немцова произвела на меня очень приятное впечатление своей скромной простотой и интересом к народному быту: между прочим, она расспрашивала меня о русском народном быте и особенно об общине: об этом тогда много писалось по поводу готовившегося освобо-

⁶ По нашим сведениям, в архивах ЧССР письмо Пыпина к Дурдику отсутствует.

⁷ Лонгин Федорович Пантелеев (1840—1919) — революционный деятель шестидесятник. Впоследствии прогрессивный издатель. В 1888—1889 годах жил за границей.

⁸ Черновик письма содержит некоторые исправления, в частности «Коваржд» переправлено на «Колардж»; далее эта фамилия приведена в ее верном правописании «Коларж».

ждения крестьян. Жила она в очень небогатой обстановке: тогдашний адрес ее может быть помнит г. Коларж.

У меня сохранился с тех пор (конец 1858 или начало 1859 года) ее портрет, тогда очень схожий. Я дал его переснять и при сем Вам посылаю. Буду очень рад, если портрет окажется полезным.

Возможно, при переписке письма набело Пыпин кое-что изменил в нем, но это не имеет существенного значения, так как важен сам по себе факт встречи Пыпина с писательницей и указание на содержание беседы с нею.

Дурдик не замедлил поблагодарить Пыпина. Он отправил ему (на русском языке) такое письмо:

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Примите мою искреннюю благодарность за Ваше любезное письмо от 10 мая и за портрет Немцовой. Я намерен собрать все русские рецензии о Немцовой и написать на их основании небольшую статью о достоинствах этой писательницы с точки зрения русского реализма.

Портрет выйдет осенью в одном из пражских иллюстрированных изданий вместе с вышеупомянутой статьей, после чего номер издания немедленно будет Вам выслан.

Если Вам понадобятся сведения касательно чешской литературы, потрудитесь обратиться ко мне, я не премину доставить их в самом скором времени.

Глубокоуважающий Вас и готовый к услугам
П. Дурдик.

Карлсбад, 7 июня (26 мая) 1889 г.

Адрес в Праге: Betlemské nám [ěsti] 6.

Со времени, когда произошла встреча Пыпина с Немцовой, прошло 30 лет. Естественно, что главное в его впечатлениях, быть может, еще углубилось в результате многолетнего опыта общения с людьми, но некоторые детали, конечно, стерлись в его памяти. Раскрытию истины во всей ее полноте помогают пражские «дневники» ученого — заметки в уже упомянутой записной книжке. К сожалению, немногочисленные, эти заметки все же фиксируют развитие у Пыпина интереса к Божене Немцовой, приведшего его в конце концов к встрече с ней.

Впервые имя Немцовой появилось в записной книжке на одиннадцатый день пребывания ученого в Праге.⁹ В тот день, 27 ноября, Пыпин сделал такие записи: «Небеский ... просил меня сегодня написать о русской литературе для „Часописа“. Мне бы очень хотелось это сделать». Затем передано впечатление о посещении им с Ганкой группы лужицких сербов, обучавшихся в католической семинарии; в самом же низу странички нашла себе место следующая библиографическая заметка: «В альманахе 1858 Maj Chyže pod horami — Obrázek ze Slovenska od Boženy Němcové

⁹ По записям в этой книжке уточняются даты пребывания Пыпина в Праге в его первый приезд: 16 ноября 1858—26 января 1859 г. (лл. 14 и 52).

pp. 225—285; Přivozník od V. J. Háčka, 55—90; Upomínka na Karla Hínka Mácha od K. S., pp. 295—307» (л. 25).

Запись свидетельствует о том, что в тот же день или накануне Пыпин просмотрел, а быть может, прочел альманах. Взяв себе на заметку лучшие вещи, он особенно выделил рассказ Немцовой «Домик в горах»,¹⁰ поместив его в своем списке первым, тогда как в книге он расположен после рассказа Галека. Очевидно, при этом сыграло роль то, что «Домик в горах» принадлежал перу уже знакомого Пыпину своими произведениями, симпатичного ему автора, а может быть, этот рассказ больше понравился ему, чем второй, также привлекавший его внимание. Нет сомнения, что в этом рассказе Немцовой, как и в других знакомых ему произведениях чешской писательницы, Пыпин нашел «больше, чем у других чешских писателей, простого реализма», «сочувственного» ему «по русским образцам этого рода литературы. . .».¹¹

Признание в Немцовой писателя, близкого ему по направлению, побуждало Пыпина и к личной встрече, тем более, что одной из главных целей его пребывания в Праге было установление личных контактов с представителями учено-литературных кругов. «Я познакомился чуть ли не со всем более крупным личным составом тогдашней чешской литературы», — вспоминал ученый впоследствии.¹² Однако по причине нездоровья Немцова в ту зиму почти не бывала в обществе, познакомиться с ней можно было, только посетив ее дома. Занятый написанием статьи, заказанной ему Небеским, ежедневными занятиями в Музее и в университетской библиотеке, увлеченный волновавшей всю Прагу дискуссией о Краледворской и Зеленогорской рукописях,¹³ Пыпин, можно думать, отложил на время это посещение. Имя Немцовой вновь появляется в его записной книжке лишь 23 декабря. Обстоятельно изложив впечатление от беседы с Клишперой, у которого он был вместе со своим пражским «чичероне» Й. Коларжем¹⁴ в тот день «после обеда», Пыпин записывает далее: «Потом мы отправились к Божене Немцовой, но не застали ее дома. Наша писательница имеет старца-мужа, впрочем крепкого еще парня и, как следует, страстного славянофила и патриота. Он служил прежде в Уграх, и там жена его насмотрелась словацких обы-

¹⁰ Перевод названия даю по кн.: Божене Немцова. Сказки, повести, рассказы. Пер. с чешского, ГИХЛ, М.—Л., 1961.

¹¹ Достоинно внимания, что в своем первом «Письме к В. В. Ганке о русской литературе» Пыпин прежде всего характеризует произведения о народе: рассказы Тургенева «Муму» и «Постоялый двор», повесть Григоровича «Антон Горемыка». Знакомя чешских читателей с именем Некрасова, он полностью приводит текст стихотворения «Забятая деревня». Архив АН СССР (ЛО), ф. 111, оп. 1, № 30.

¹² А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 139.

¹³ Все эти занятия и интересы Пыпина нашли отражение на страницах его записной книжки.

¹⁴ А. Н. Пыпин. Мои заметки, стр. 216.

чаев, которые так хорошо описывает. Они вообще много надеются на „батушку“, который носит еще название „strejček“. ¹⁵ Они говорят очень серьезно» (л. 36). ¹⁶

Эта запись свидетельствует о том, что, не застав дома Б. Немцову (в словах Пыпина «наша писательница» чувствуется живая симпатия к ней), молодые люди побеседовали с ее супругом. Коларж хорошо знал И. Немца, так как иногда навещал писательницу, ¹⁷ с которой был знаком еще со времени ее сотрудничества в альманахе «Лада-Ниола», т. е. с 1854—1855 годов. Узнав, что один из гостей был русским, И. Немец, человек темпераментный и безбоязненный, воодушевился и обнаружил свойственный ему, как и многим другим из пражских знакомых Пыпина, страстный патриотизм, сочетающийся с горячими общеславянскими симпатиями и надеждой на помощь России в освободительной борьбе славян против австрийского ига.

Выше было сказано, что, знакомясь с альманахом «Май», Пыпин обратил особое внимание на рассказ Немцовой. Кроме указанных причин, несомненно сыграло свою роль и то, что это произведение написано на тему чешско-словацкого единства и в нем большое место отведено словацкому фольклорно-этнографическому материалу. ¹⁸ Судьба словаков — большого славянского народа, вынужденного страдать от агрессивно настроенного по отношению к нему мадьярского меньшинства, интересовала тогда молодого ученого. Эта проблема нашла отражение в его очерке «Два месяца в Праге», особенно в первой его части, напечатанной в мартовской книге журнала «Современник» за 1859 год. Не случайно поэтому, занося в записную книжку заметку о несостоявшейся встрече с Немцовой, признанным в то время знатоком словацкой культуры, Пыпин прежде всего регистрирует полученную от И. Немца информацию о происхождении этих знаний у писательницы, которые тот связывает с фактами своей биографии — службой «в Уграх», забывая упомянуть о самостоятельной поездке Немцовой в Словакию с научными целями в 1855 году.

¹⁵ Чешское «strejček» в переводе на русский язык — «дяденька».

¹⁶ Страница записной книжки, на которой приведена большая часть беседы с Клицперой и начата история неудавшегося посещения Немцовой, кончая словами «крепкого еще парня и. . .», вошла в факсимиле к книге А. Н. Пыпина «Мои заметки» (М., 1910). Остальная часть приведенной здесь записи расположена на обороте того же листка.

¹⁷ См. письмо Немцовой к В. Ч. Бендлю от 14 декабря 1856 г. *Vožena N ě m c o v á. Spisy, sv. třinactý. Praha, 1952, Listy, II, str. 272* (в дальнейшем: *Listy*).

¹⁸ К этому времени Пыпин без сомнения уже ознакомился с изданными Немцовой на чешском языке «Словацкими сказками», последний выпуск которых с ее послесловием вышел в сентябре 1858 года, и с очерком «Венгерский город (Дьярмоты)», значительная часть которого была опубликована во второй и третьей книжках «Часописа чешского музея» за 1858 год.

Знакомство Пыпина с Й. Немцем привело к встрече с самой писательницей. События развивались следующим образом. На л. 46 записной книжки помещена такая заметка: «4-го, вторн[ик].

... Потом отправились¹⁹ по той же улице дальше и вошли в скромную Bieghalle, где за средним столом сидела компания, игравшая в засаленные карты и пившая пиво. У меня знакомые нашлись: был „Немец“, супруг Б. Немцовой, и Томичек, к которому собственно мы пришли».

По всей вероятности, тогда, 4 января, Пыпин и получил через Й. Немца приглашение от писательницы навестить ее.²⁰ Был уточнен день и час визита.

Вечером 9 января, в воскресенье, Пыпин записывает: «После обеда перед театром б[ыл]²¹ у Б. Немцовой. Очень милая и умная дама, но не éпансирéе. У нее очень милый юноша-сын и дочка» (л. 46 об.).

Запись более чем лаконичная. Сделана она карандашом, беглым почерком, разбирается с трудом. Слово «был» сокращено до одной буквы «б». Внешний вид записи и ее краткость позволяют думать, что писавший сильно устал (в тот день Пыпин побывал еще и в театре). Может быть, тут сыграла роль и непродолжительность самой встречи: если иметь в виду, что чешские спектакли в то время начинались не позднее 15 час. 45 мин.,²² кратковременность визита становится очевидной. Могло иметь значение и то, что Немцова больше расспрашивала гостя, чем говорила о себе, так как она получила редкую возможность говорить с одним из представителей того народа, который она в самом ближайшем будущем намеревалась знакомить с народным бытом «чехов, мораван и словаков».²³ Более же всего, как можно догадаться, она была довольна тем, что гость был знатком русской народной словесности и этнографии²⁴ и мог компе-

¹⁹ Пыпин и Коларж.

²⁰ Немцовой снимали тогда квартиру из двух небольших комнат на 4-м этаже дома № 1360-II по Ржезницкей улице. См.: Fr. Kubka a V. Novotný. Vožena Němcová. Praha—Smichow. MCMLI, str. 250.

²¹ Вероятно, Пыпин был у Немцовой один. К тому времени он настолько владел чешским языком, что мог вести беседу самостоятельно.

²² Сведения о том, что чешские спектакли начинались в 1858—1859 годах в Ставовском театре в 15 час. 45 мин., получены мной от заведующего литературным архивом при Музее чешской литературы в Праге д-ра Яромира Лоужила. Приношу ему свою глубокую благодарность.

²³ См. черновик письма В. Ганки к А. Ф. Гильфердингу в кн.: Письма к В. Ганке из славянских земель. Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 221.

²⁴ Ко времени встречи с Немцовой Пыпин уже был автором следующих работ: «О русских народных сказках» (Отч. зап., тт. CV и CVI, 1856); «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857); «Народные стихи и песни» (Отч. зап., т. CXVI, 1858).

тентно информировать ее о разных сторонах русской народной жизни.²⁵

Как бы там ни было, не подлежит сомнению, что, несмотря на внешнюю краткость записи, Пыпин сумел точно передать впечатление, которое осталось у него в ту пору от личного знакомства с Немцовой. В краткой формуле «очень милая и умная дама» он выразил то, что узнал о ее уме, эрудиции, интересах, наконец, манере обращения с людьми, однако запись в целом содержит в себе оттенок некоторого разочарования, ощущающегося в самой противительной конструкции предложения. Это естественно для молодого Пыпина, вдосталь наслаждавшегося от своих пражских знакомых отзывом о Немцовой как об «*émancipée*»,²⁶ и, вопреки всякому ожиданию, увидевшего в ней прежде всего скромную семьянинку.

Все, что Пыпин опустил в этой ранней записи, впоследствии предстало перед ним в новом свете. С большим теплом пишет он Дурдику о «скромной простоте» Немцовой, об ее интересах. Особенно выделяет он интерес писательницы «к русскому народному быту» и к общине. Последнее указание чрезвычайно важно, можно даже сказать, драгоценно как свидетельство не угасавшего у Немцовой на протяжении всей ее творческой жизни интереса к устройству общества на социалистических началах.

Пыпин связывает особенный интерес Немцовой к общине с тем, что «об этом тогда много писалось по поводу готовившегося освобождения крестьян». В самом деле, в доходивших до чехов статьях «Колокола», «Современника», «Русской беседы» немало места уделялось издавна существовавшим в России разным видам «коммунистического владения землею»,²⁷ что, по представлению многих, могло решить главный экономический вопрос эпохи — предохранить страну от охватившего все западноевропейские государства пауперизма, «пролетариатства».

Как известно, Немцова неизменно обращалась в своих произведениях к теме народных бедствий.²⁸ Занятая поисками той проч-

²⁵ Следует иметь в виду, что в то время Немцова обдумывала очерк «Картины словацкой жизни», содержащий в себе целый ряд межславянских фольклорно-этнографических параллелей. В перспективе она замышляла издать наряду с другими славянскими сказками и русские. Об этом см. ее письмо к Зехентеру от 6 июля 1858 г. (Listy, III, str. 268).

²⁶ Именно как «*émancipée*» мог отрекомендовать Немцову Пыпину и Коларж, хорошо помнивший, как сопоставляли в компании Й. В. Фрича ее имя с именем Жорж Санд, полагая, что она «способна к еще более смелым взлетам», чем знаменитая француженка (см. об этом: I. V. Frič. Paměti, II, Praha, 1960, str. 498).

²⁷ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах. т. XIV, М., 1958, стр. 13.

²⁸ Приведем для примера хотя бы только очерки Немцовой: «Z Domažlic» и «Сельская политика» и ее рассказы: «Барушка», «Rozarka», «Добрый человек», «В замке и около замка», «Cesta z pouiti». (В русском переводе даны названия произведений, вошедших в сб. «Божена Немцова. Сказки, повести, рассказы» (ГИХЛ, М.—Л., 1961).

ной основы, на которой ее мечтания о всеобщем благе могли бы обрести силу действительности, она не могла не заинтересоваться живым опытом иного социального устройства. Настойчивые упоминания о русской общине в печати, противоречивые толки о ней, возможно, наконец, и прямое знакомство писательницы с чрезвычайно популярным в то время в Европе трудом А. Гакстгаузена,²⁹ усиливали этот интерес, пополняя новыми сведениями ту характеристику общинного принципа, которую Немцова узнала в свое время от Ф. М. Клацела, писавшего об общине как об «укладе славянского происхождения», что позволяло ему делать вывод: «Уже наши предки были социалистами в полном смысле слова».³⁰ Привлекла также писательницу универсальность этого социально-экономического уклада, на что обратил ее внимание Клацел, писавший: «Говорят, в России таким вот образом устроены не одни только крестьянские общины, но и ремесленные».³¹

Вполне естественно, что, беседуя с русским гостем, Немцова не преминула воспользоваться случаем, чтобы внести ясность в постоянно занимавший ее вопрос, тем более, что перед ней был человек, несомненно знакомый с предметом как по своим научным интересам, так и в связи с принадлежностью его к кругу передовой русской интеллигенции.

В заключительной части письма к Дурдику Пыпин упоминает о посылаемой им копии с хранящегося у него фотографического портрета Немцовой. В фондах Литературного музея Пушкинского дома хранится второй экземпляр этой копии с автографом Пыпина на обороте: «Божена Немцова. Переснимок В. Г. Котельникова. СПб., 1889».³² Это известный портрет чешской писательницы, относимый к последним годам ее жизни, где она изображена стоящей у стола с книгой в левой руке. Однако это копия. Где же оригинал? Не исключена возможность, что оригиналом следует признать фотографический портрет Немцовой, хранящийся ныне в Архиве АН СССР (ЛО) в фонде академика А. А. Шахматова³³ вместе с фотографиями других славянских деятелей: Палацкого, Ригера, Браунера, Эрбена, Патеры, Янко Шафарика и др. В пользу этого предположения говорит надпись на обороте паспарту, выполненная почерком, чрезвычайно напоминающим руку Пыпина: «Божена Немцова, ум. 1862 г.». В настоящее время трудно установить пути, которыми эта фотография могла попасть в архив Шахматова. Следовало бы скорее обратить внимание на другую сторону дела. Фирменные знаки на паспарту указывают,

²⁹ N a x t h a u s e n. Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands. Bd. I—III (1847—1852).

³⁰ F. Matouš Klacel. Stýřiatřicaty «Politický list» v Moravských Novinach. Život Boženy Němcové. Dopisy a dokumenty. Uspořádal M. Novotný. D. II 1951, str. 164.

³¹ Там же.

³² ИРЛИ, Литературный музей. Инв. 41.046.

³³ Архив АН СССР (ЛО), ф. 134, оп. 1, № 465-5.

что портрет был сделан в фотоателье М. Л. Винтера в Праге в 1862 году. Если иметь в виду, что Немцова скончалась 21 января 1862 г., то история этой фотографии представляется не вполне ясной. Возможно, перед нами отпечаток с негатива фотографа В. Руппа (он снимал Немцову в июле 1859 года),³⁴ выполненный с участием сына писательницы — Ярослава, с 1861 года служившего ретушером в ателье Винтера. Такое предположение вносит коррективы в приведенное выше заявление Пыпина и уточняет время приобретения им этого портрета — 1862 год, третий приезд в Прагу!

Естественно было бы ожидать, что встреча с Пыпиным получила отзвук в дальнейшем творчестве Немцовой. Однако до сих пор не удается обнаружить на этот счет никаких следов, тем более, что писательница в последние годы жизни не сумела выполнить и малой доли задуманного ею. Не нашла эта встреча отражения в известной нам части корреспонденции Немцовой. Писательница, наверное, все-таки поделилась своими впечатлениями с сыном Карелом, с Бендлем, Зехентером или Само Халупкой — корреспондентами, в письмах к которым часто имеет место русская тематика, но эти письма безвозвратно погибли в стенах австрийского полицейского сыска. Как иначе объяснить четырехмесячный пробел (с января по апрель) в письмах Немцовой, обычно весьма аккуратной в переписке? Очевидно, был прав ее сын Карел, когда, удивляясь молчанию матери, высказывал следующее предположение: «Может быть, твое письмо задержали? ... Скорее всего это так».³⁵ Через некоторое время он писал: «Не сомневаюсь, что эти пакостники задерживали либо твои, либо мои письма».³⁶

Встреча с Немцовой оставила след не только в памяти, но и в трудах Пыпина. Внимательно изучивший произведения чешской писательницы, переговоривший с ней самой, Пыпин сумел уже в самой первой своей работе о новой чешской литературе — очерке «Два месяца в Праге» — верно определить место Немцовой в создании и развитии этой литературы. Твердо отстаивавший мысль об общественном назначении художественного творчества, о необходимости его демократизации, Пыпин здесь, как и в дальнейших трудах — «Обзоре истории славянских литератур»³⁷

³⁴ Немцова писала 27 июля 1859 г. дочери Теодоре: «На днях меня фотографировали». *Listy*, IV, str. 31. Сыну Карелу она писала 19 декабря того же года: «После Нового года я получу несколько экземпляров моего литографированного портрета; сняли меня у Руппа очень хорошо, гравюруют в Лейпциге». *Listy*, IV, str. 61.

³⁵ Карел Немец — матери от 18—19 апреля 1859 г. *Zd. Z a h o ě. Dopisy Karla Němce Vožene Němcové. Časopis Musea Království českého*, 1918, č. 2, str. 153.

³⁶ Карел Немец — матери от 12 августа 1859 г. Там же, № 3, стр. 240.

³⁷ А. Н. Пыпин и В. Д. С п а с о в и ч. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

и «Истории славянских литератур» (т. II), придавал большое значение в формировании новой чешской литературы направлению, возглавлявшемуся Божей Немцовой, «даровитой чешской писательницей».³⁸ Он ценил писательницу за превосходное знание ею народной жизни, сочетавшееся в ее произведениях с совершенством художественной формы. Творчество Немцовой было для Пыпина своего рода критерием и в оценке новых и новейших явлений чешской прозы, среди которой он неизменно выдвигает на первое место литературу о народе.

Замысел П. Дурдика «собрать все русские рецензии о Немцовой и написать на их основании небольшую статью о достоинствах этой писательницы с точки зрения русского реализма» не был осуществлен, во всяком случае не увидел света. Причина этого неясна, но можно с уверенностью сказать, что дело не в малочисленности и не в безынтересности русских «отзывов». Кроме Пыпина, о Немцовой в разное время писали Лесков, Гильфердинг, Петровская, Быков. Недостаточная оригинальность фактических данных — все эти статьи построены на чешском материале — полностью искупается своеобразным в каждом отдельном случае его освещением, отражающим литературно-общественную позицию авторов. Бесспорно эти статьи могли бы явиться достаточным основанием для соответствующей информации чешских читателей.

³⁸ А. Н. Пыпин. Мои заметки, стр. 181.

Л. Н. Назарова

ПИСЬМА Ю. П. ВРЕВСКОЙ

(Из истории русско-болгарских отношений
1877—1878 годов)

Юлия Петровна Вревская (1841—1878), русская сестра милосердия, умершая от тифа в одном из госпиталей Болгарии во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, была близким другом И. С. Тургенева,¹ который, узнав о ее преждевременной гибели, с чувством большой скорби отмечал в письме к П. В. Анненкову 11(23) февраля 1878 г.: «Она (Ю. П. Вревская, — Л. Н.) получила тот мученический венок, к которому стремилась ее душа, жаждая жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо».² А в сентябре того же года в заключительных строчках своего стихотворения в прозе «Памяти Ю. П. Вревской» Тургенев писал: «Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!».

Поэт Я. П. Полонский, также лично знавший эту незаурядную женщину, написал стихотворение «Под красным крестом» (посвящается памяти Ю. П. баронессы Вревской).³

Публикуемые ниже отрывки из писем Ю. П. Вревской принадлежат к довольно многочисленным воспоминаниям участников русско-турецкой войны (сестер милосердия и врачей). Ряд из них

¹ Пятьдесят писем И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской (1873—1877 гг.) см.: И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах, т. X, изд. «Наука», М.—Л., 1965; тт. XI, XII, кн. 1, М.—Л., 1966 (в дальнейшем: Тургенев, Письма). О взаимоотношениях Тургенева с Вревской см.: Л. Назарова, И. С. Тургенев и Ю. П. Вревская. Русская литература, 1958, № 3, стр. 185—192.

² Тургенев, Письма, т. XII, кн. 1, стр. 280.

³ Новое время, 1878, № 745, 26 марта (7 апреля). Известны также два черновика биографического очерка о Ю. П. Вревской, написанного Я. П. Полонским (ИРЛИ, 11.119. LXVI б. 5, лл. 95—99, 100 об.—102).

уже давно напечатан,⁴ но письма Ю. П. Вревской у нас до сих пор не были известны.

Имея в виду Вревскую и ее товарок, П. А. Рихтер, главноуполномоченный Общества попечения о раненых и больных, писал в 1879 году: «Русская женщина в звании сестры милосердия приобрела . . . почетную славу в минувшую кампанию, стяжала . . . неотъемлемое, всенародно признанное право на всеобщую признательность и уважение как лучший друг солдата посреди страданий и болезни. . .».⁵

В Скобелевском парке г. Плевны, в филиале Военно-исторического музея, где хранятся останки и личные вещи русских солдат и офицеров, погибших в боях за освобождение этого города от турецкого ига, висит писанный маслом портрет Ю. П. Вревской. Художник изобразил ее в костюме сестры милосердия. В Народной Республике Болгарии оценен по достоинству скромный подвиг Ю. П. Вревской, которая, как это видно из публикуемых ниже отрывков из ее писем, так самоотверженно, в необычайно тяжелых условиях трудилась в качестве сестры милосердия сначала в Яссах (Румыния), а затем в Беле (Болгария).

О Ю. П. Вревской (урожденной Варпаховской) мы знаем очень немного. Шестнадцать лет она вышла замуж за вдовца, генерал-лейтенанта, барона Ипполита Александровича Вревского, командовавшего войсками на лезгинской линии Кавказа. Он был товарищем М. Ю. Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и только годом раньше великого русского поэта окончил это учебное заведение. Позднее, служа на Кавказе, И. А. Вревский сблизился там с декабристами А. П. Беляевым, М. А. Назимовым и др. По словам А. П. Беляева, И. А. Вревский был «одним из образованнейших и умнейших людей своего времени». Когда происходили военные операции, он «всегда старался выбирать самые почетные позиции по опасности». «Я восхищался его хладнокровием и мужеством»,⁶ — пишет А. П. Беляев.

⁴ См.: С. А. Кениг (Чирикова). Воспоминания сестры милосердия. (Дорогим пермцам на память 1877—1878 гг. от их сестры милосердия). Исторический вестник, 1916, №№ 10—12; Н. Драгневич. Страничка из воспоминаний старой студентки. Исторический вестник, 1901, № 8; Н. Драгневич. Из воспоминаний женщины-врача. Русское богатство, 1903, № 1; Воспоминания сестры милосердия 1877—1878 гг. Русская старина, 1887, №№ 7 и 8; Е. С. Некрасова. Студентка на войне. Письма с войны 1877 года (из Румынии). Русская мысль, 1898, № 6—7; Кружок «Круглой башни». Из воспоминаний В. Д. Хрущевой 1877—1878 гг. Вестник Европы, 1901, №№ 1—4; В. Д. Подгаецкий. Из медицинского быта в прошлую турецкую войну. 1877—1878 гг. Русская старина, 1893, № 10; Г. Н. Вырубов. Военные воспоминания. Война 1877 г. Вестник Европы, 1911, № 2, и др.

⁵ П. А. Рихтер. Красный Крест в Румынии и Северной Болгарии 1877—1878. СПб., 1879, стр. 266.

⁶ А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. СПб., 1882, стр. 500.

В 1858 году И. А. Вревский получил смертельную рану при штурме лезгинского аула Китури и 30 августа умер, «оставив по себе память искусного и храброго военачальника».⁷

После гибели мужа Ю. П. Вревская жила в столице. Ближко знавший ее писатель В. А. Соллогуб пишет, что за всю свою жизнь он «не встречал такой пленительной женщины». По его словам, Ю. П. Вревская была «пленительной не только своей наружностью, но своею женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой».⁸

Активную натуру Ю. П. Вревской, жаждавшей деятельного добра, по-видимому, не удовлетворяла монотонная и малосодержательная жизнь петербургского великосветского общества, к которому она принадлежала в качестве вдовы прославленного генерала.

И, когда началась русско-турецкая война 1877—1878 годов, Вревская начала готовиться к поездке на театр военных действий. Узнав об этом, И. С. Тургенев писал ей из Парижа 12(24) мая 1877 г.: «Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желая от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным...». Далее писатель выражал надежду на то, что «эта бедственная война не затянется», хотя «едва ли можно предвидеть ей скорый конец». «А какой Ваш костюм? Костюм сестер милосердия? Посмотрел бы я на Вас... и, вероятно, тоже был бы тронут. Знаете ли Вы по крайней мере Ваших будущих товарок? Я даже не могу себе представить: как это так — 22 женщины вместе? ... С особенным чувством благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне — и с великой нежностью целую Ваши милые руки, которым предстоит делать много добрых дел».⁹

19 июня 1877 г. Ю. П. Вревская вместе с другими сестрами Свято-Троицкой общины, к которой она присоединилась в Петербурге, приехала в Яссы для работы в 45-м военно-временном эвакуационном госпитале. Он был расположен в здании большого каменного пакгауза, находящегося на расстоянии 200 шагов от вокзала. Уже 21 июня в Яссы пришел из Браилова первый санитарный поезд с ранеными и больными. Прибывших переводили из вагонов в барак, где их осматривали врачи. Тяжело раненых оставляли в госпитале, а способных к дальнейшей транспортировке отправляли дальше, в Россию.

«Весь конец июня и начало июля прошли для всего персонала Ясского эвакуационного барака в весьма напряженных трудах», писал Н. С. Абаза.¹⁰ Наиболее обременены разнообразными

⁷ [В. Потто]. Исторический очерк николаевского кавалерийского училища. 1823—1873. СПб., 1873, стр. 144.

⁸ В. А. Соллогуб. Воспоминания. «Academia», М.—Л., 1931, стр. 497.

⁹ Тургенев, Письма, т. XII, кн. 1, стр. 161.

¹⁰ Н. Абаза. Красный Крест в тылу действующей армии в 1877—1878 гг., т. I. СПб., 1880, стр. 65.

обязанностями были в Ясском госпитале сестры. Они перевязывали раненых, раздавали по назначению врачей лекарства, пищу, наблюдали за сменой белья, собственноручно кормили тяжело больных и раненых. Некоторые из сестер заведывали кухней, буфетом, складом белья.

Н. Абаза особо отмечает, что заслуги отряда Свято-Троицкой общины были «неизмеримо велики»: «Нет слов, чтобы достойным образом выразить те чувства глубокого уважения . . . к самоотверженным и неутомимым трудам, которые останутся неизгладимо в памяти тех, кто имел счастье работать с сестрами этой общины».¹¹

И. С. Тургенев 22 августа (3 сентября) 1877 г. сообщал А. В. Топорову: «Баронесса Вревская мне изредка пишет из Ясс. — Завалены они все там работою. . . Самое тяжелое впереди».¹²

Весь сентябрь и часть октября заполнены были у Вревской напряженным и утомительным трудом, который, как это видно из «Дневника», приносил ей большое моральное удовлетворение.

Чувствуя сильную усталость, Вревская взяла отпуск на два месяца (ноябрь—декабрь), собираясь провести их в России с тем, чтобы затем снова возвратиться в Яссы. Это намерение она, однако, не осуществила. Выехав 8(20) ноября 1877 г. в Бухарест, Вревская отправилась оттуда в маленькое болгарское селение Белу (в письмах оно всюду называется Белая). Здесь она устроилась работать в 48-й военно-временный госпиталь. В письмах ее рассказывается о тех необычайно тяжелых условиях, в которых протекали (в Беле и Обертенике) ее жизнь и деятельность, полная самоотвержения и горячей любви к раненым и больным воинам.

5 января 1878 г. Ю. П. Вревская тяжело заболела. «Четыре дня ей было нехорошо, не хотела лечиться . . . не знала опасности своего положения; вскоре болезнь сделалась сильна, впала в беспамятство и была все время без памяти до кончины, т. е. до 24 января 1878 г. У нее был сыпной тиф, сильный; очень страдала, умерла от сердца, потому что у нее была болезнь сердца», — пишет, очевидно со слов кого-либо из сослуживцев Юлии Петровны, ее сестра Н. П. Вревская.¹³ Она же сообщает, что могилу Ю. П. Вревской «копали раненые, за которыми она ухаживала и они же несли ее гроб, не дали никому».¹⁴

Краткая характеристика Ю. П. Вревской периода ее работы в Беле содержится в письме М. Павлова (по-видимому, начальника госпиталя). 30 марта 1878 г. он писал А. В. (Топорову):

¹¹ Там же, стр. 116.

¹² Тургенев, Письма, т. XII, кн. 1, стр. 200.

¹³ Она была замужем за пасынком Юлии Петровны — Н. И. Вревским.

¹⁴ ИРЛИ, Рук. отд., 13. 452. LXXIII б. 2, л. 13.

«Покойная баронесса Вревская в короткое время нашего знакомства приобрела как женщина полную мою симпатию, а как человек — глубокое уважение строгим исполнением принятой на себя обязанности ... Юлия Петровна, как Вам, вероятно, известно, состояла в Общине сестер, находившейся в Яссах, но, движимая желанием быть ближе к военным делам, взяла отпуск и приехала к нам в Бела, около которого в то время разыгрывалась кровавая драма, и действительно не только имела случай быть на перевязочных пунктах, но и видела воочию самый ход сраженья. По возвращении в Бела после десятидневной отлучки, хотя стремление ее и было вполне удовлетворено, она отклонила мой совет ехать в Яссы, пожелала еще некоторое время пробыть в Бела и усердно занималась в приемном покое 48-го военно-временного госпиталя в самый разгар развития сыпного тифа. При этом условии при ее свежей, по-видимому, здоровой натуре она не избежала участи, постигшей всех без исключения сестер госпиталя и заразилась ... Как до болезни, так и в течение ее ни от покойной и ни от кого из ее окружавших я не слышал, чтоб она выражала какие-либо желания и вообще была замечательно спокойна. Не принадлежа в сущности к Общине сестер, она тем не менее безукоризненно носила красный крест, со всеми безразлично была ласкова и обходительна, никогда не заявляла никаких личных претензий и своим ровным и милым обращением снискала себе общее расположение. Смерть Юлии Петровны произвела на всех нас, оторванных, подобно ей, от всего нам близкого, тяжелое впечатление и не одна слеза скатилась при погребении тела покойной».¹⁵

Известия о кончине Ю. П. Вревской были помещены в петербургских газетах.¹⁶

Письма Ю. П. Вревской (за июль—декабрь 1877 года) адресованы ею к сестре — Н. П. Вревской.¹⁷ Подлинники их неизвестны; а публикуемые выписки в копиях хранятся в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР (шифр — 13.452. XXIII б. 2, лл. 4—12 об.).

1877 г.

Вторая половина июля

...раненых у нас много умирает, офицеров пропасть под Плевной вышло из строя 16-го [июля]...¹ ты можешь себе представить, что у нас делалось, едва успевали высаживать в другие поезда — стоны, страдания, насекомые ... просто душа надрывалась. Мы очень устали, и когда приходили домой, то как снопы сваливались на кровать, нельзя было писать, и давно я уже не читала ни строчки, даже газет, которые у нас получает Абаза.² На днях у нас при передвижении поездов у самого барака раздавило рельсами двух ране-

¹⁵ ИРЛИ, 13452. ПЛХХIII б. 2, лл. 1—2 об.

¹⁶ См.: Новое время, 1878, № 689, 28 января (9 февраля).

¹⁷ В переводе на болгарский язык были опубликованы нами (с сокращениями) в издании: «Военно-исторически сборник», София, 1960, № 2, март—апрел, стр. 119—123.

ных. Я не имела духу взглянуть на эти раздавленные черепа, хотя беспрестанно должна была проходить мимо для перевязок в вагонах.

1 сентября.

Благополучно вернулась из Харькова в Яссы и снова вступила в исполнение своих обязанностей. Я была уполномоченной с поездом,³ и у меня были счета казенные на 200 р., и я очень боялась не сбиться, и каждый грош записывала. У нас начинает быть холодно в бараке.

24 сентября.

Я была нездорова эти дни, точно вроде лихорадки. Мы сильно утомились, дела было гибель: до 3 тысяч больных в день, и мы иные дни перевязывали до 5 часов утра, не покладая рук.⁴ Теперь я взяла хинины, и лихорадка прошла. Многие из наших дам думают уехать в октябре: Корниловы, кн. Голицына и Философова.⁵ Княгиня Голицына очень хворает и кашляет, но она удивительная женщина, и я ее очень полюбила. Я же не знаю, на что решиться; буду оставаться, покуда здоровья хватит; говорят, что в конце октября нас переведут в Галац, где строится теплый зимний эвакуационный барак, но верно ничего нет. Я совершенно привыкла к нашей жизни, и мне было бы скучно без дела. Я очень рада работе, и меня тут кажется довольно любят.^a

Я окончательно должна экипировываться, и мое белье стало в лохмотьях, также платья за три месяца такой работы страшно обтрепались. У нас настает холода.

3(15) октября.

Я думаю, ты беспокоилась моим долгим молчанием, но я со дня на день откладывала писать тебе, так как хотелось сказать что-либо положительное. Все мы, т. е. dobroволицы или волонтерки, как нас некоторые называют, очень утомились. Кн. Голицына все хворает, похудела; она берет отпуск на 4 месяца и, может быть, вовсе не вернется. Многие уезжают совсем. М-ше Новосильцева⁶ и я берем отпуск на 2 месяца, т. е. от 1 ноября до 1 января. Здоровье мое хорошо, лихорадка давно прошла, но чувствую, что нет уже той энергии, что прежде, и что надо отдохнуть. Кроме того, мне хочется видеть вас, и я решила выехать в начале ноября на Кавказ. Пробуду с вами праздники и в первых числах января опять вернусь сюда, если господь поможет. Игак, может быть, до скорого свиданья. У нас все тоже, но больных больше, чем раненых; барак наш все еще не приспособлен к зиме, и в нем холодно.

18 октября.

Не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем. Я получила отпуск на два месяца: ноябрь и декабрь, но что с ним будет — бог знает. Я намереваюсь, если не будет много дела, отправиться в ноябре в Бухарест и проехать во Фратешги. И в декабре приеду на Кавказ провести с вами Рождество. В январе опять вернусь сюда обратно и буду тут всю зиму, если война продолжится. Княгиня Голицына и Марья Петровна Новосильцева, Философова, Корниловы и Нарышкина⁷ сегодня уезжают, и я очень жалею о их отъезде. Корниловы со всем остальным хотят вернуться. Я ночью дежурю очень редко; все Киприяновские сестры⁸ приехали сюда к нам, у нас теперь мало раненых, все больные, но сию минуту сказали, что ждут большую партию раненых после победы Гурко.⁹ Следовательно, будет опять много дела. Если будет очень много дела тут, то я в отпуск, может быть, не поеду.

25-го октября.

У нас опять работа, завтра ждем 1500 человек, сегодня было 800.¹⁰ Но я нахожу, что работаю мало, так как сестер великое множество и раненые

^a Тут тщательно зачеркнуто несколько слов.

нарасхват, но, несмотря на это, дни проходят в бараке и писать почти не нахожу минуты. Со мною живет теперь m-elle Булгакова¹¹ и Цурикова,¹² обе очень милые, и мне веселее, нежели с Корниловыми. Барак у нас очень холодный.¹³ Я, по всем вероятностям, скоро поеду в Бухарест и Фратешти с одним из санитарных поездов и не знаю, когда выеду к вам. Много поговаривают о мире в декабре, и тогда, конечно, я до Рождества тут пробуду, чтобы кончить кампанию. Наши прежние доктора все раскассированы в другие госпитали, о чем многие очень тужили. Одна я осталась застрахована. Сердце, как и всегда, спокойно. Абаза еще у нас, но все хворает, остается еще месяц. Она очень умна и подчас забавна. Матушка поздоровела и поправилась и по-прежнему зорко следит за всеми нами.¹⁴ Повезли на днях тело Сер[гея] Максимилиановича,¹⁵ его везли оба брата, Евгений¹⁶ и Николай.¹⁷ На станции были панихиды, где были и мы. Оба пр[инца] подходили ко мне, был также молодой Барятинский¹⁸ и Тучков¹⁹ — все они говорили, что если Плевну возьмут, то будет мир.

Болгары нас, говорят, вовсе не любят²⁰ и ничего не дают. Дни у нас очень холодные.

26 октября. Продолжение.

У нас жизнь однообразна и очень деятельна. В 10 часов мы все уже храним, никуда не ездим и не выходим, даже не видали яссские окрестности. Оживление нашего барака значительно уменьшилось с отъездом наших, как мы говорим, сестер.²¹ Сестра Марья²² часто ездит с поездами, изредка приезжают ревизоры, все без толку. Сестер завелось много авантюристок²³ и кухарок, что не совсем радостно для больных, которые милы и умны донельзя. Я говорю о солдатах; офицеры армейские плохи, много здоровых — страм иногда перевязывать. Зато есть и ужасные раны: безносые и безгубые. Сколько горя, сколько вдов и сирот. Война вблизи ужасна.

2-го ноября.

Я жду со дня на день денег от Топорова²⁴ и тогда думаю отправиться в путь. У меня осталось всего 100 руб., хотя я ничего себе не купила. Не заметно издержала, правда, давала понемногу нашим бедным солдатикам. Все тут на курс втридорога: за 1 р. дают всего 2 ф. 50 и то курс был 2—3 ф., когда я меняла; все тут по случаю войны вздорожало, и бедный Красный Крест сидит без денег очень часто. Я опять больше сошлась с Матушкой²⁵ и нахожу, что иначе, как она, трудно быть, невозможно всех распустить. Петергофская община ведет тут себя очень плохо²⁶ и страмит других. К-ня Дондукова²⁷ — святая женщина, и я ничего подобного не видала, а ей уже 50 лет. Нового у нас мало. Больных меньше эти дни, но ждут битвы под Рушуком,²⁸ и все говорят о перемирии к Рождеству. Калек много, вчера привезли опять несколько с отвалившимися пальцами на ногах от мороза. Я сама один вчера отрезала ножницами у солдата. Был у меня вчера также один раненый — одной пулей выбило оба глаза. Конногренадер, молодой, здоровый солдат. Вчера также привезли двух генералов раненых (бригадных): Зеделера²⁹ и Розенбаха.³⁰ Павловский и Егерский полки очень пострадали под Софией.

8-го ноября.

Сию минуту еду в Бухарест.³¹ Все благополучно. Давно нет от тебя писем. Мой отпуск начинается а с 5-го ноября.

10-го ноября.

Выехала я благополучно из Ясс, напутствуемая всеми нашими. Переезд не интересен, на полпути находится Плоешти, где летом жил государь, городок совершенно на плоскости, но весь в садах. Болгаров никаких нет, все

^a Следовало: начался (по-видимому, тут имеет место описка).

длинноносые молдаване и жиды. Впрочем, теперь уже листьев нет, и всё в другом виде. В Бухаресте в отелях нет ни угла. Чичерин,³² который тут при складе, познакомил меня с кн. Щербатовым,³³ который уполномоч[енный] летучею отрядом в армии наследника; но, к несчастью, он мне сказал, [что] в Красном Кресте денег нет и что при отряде 14 сестер георгиевских.³⁴ Госпитали закрывают и расходы уменьшают. Я тут живу в доме Краси[ого] Креста и думаю выехать послезавтра во Фратешти и если можно посмотреть Дунай. Не беспокойся, если не будет писем, отсюда никогда не доходят, пиши ко мне на имя Чичерина, он отошлет. Может быть, очень скоро вернусь из Фратешти и, может быть, проеду несколько далее, в Дольний монастырь, где Дондукова-Корсакова; там, говорят, лазареты в ужасном виде и нет ни одной сестры; опасности нет, даю тебе слово, но солдаты страдают ужасно. Сегодня утром видала Горчакова — очень потолстел и постарел, по-прежнему очень мил, но едва держится на ногах. Много тут петербургских знакомых, но не выдаю никого — и лень, и заняты мыслями другим. Заказала себе сегодня большие сапоги, надо завтра купить еще кое-что теплое, я решилась пробыть сестрою милосердия всю зиму, по крайней мере, дело, которое мне по сердцу; жизнь тут ужасно дорога: фунт сыру стоит 2 р. 40 к. сер. и все в пропорции; в лагере, говорят, цены невероятные; я получила деньги свои, буду экономничать, чтобы употребить деньги [там], где, как ты знаешь, нужно. Ко мне сегодня приехала дама — г-жа Корнева;³⁵ с которой я ехала из Ясс; она едет к своему мужу в Тырново и надеялась его встретить тут. Вообрази, его нет, и она в отчаянии, у нее всего осталось 40 франков, и она к тому же ужасная трусиха, не знаю, удастся ли мне пристроить ее тут как-нибудь, пока муж приедет.

21-го ноября Беляя.^a

Сегодня всю ночь ты снилась мне. Я даже отвыкла беспокоиться, потому что почти никогда не получаю твоих писем.³⁶ Не знаю, огорчит ли тебя очень мое решение отложить до поры до времени мое путешествие к вам. Я не приеду на Рождество и буду молиться и желать вам счастья издалека. Хотя я терплю тут большие лишения, живу чуть не в лачуге, питаюсь плохо, но жизнь эта мне по душе и мне нравится. Я встаю рано, мету и прибираю сама свою комнату с глиняным полом и одеваю длинные сапоги; иду за три версты в страшную грязь в госпиталь. Там больные лежат в кибитках калмыцких и мазанках, раненные страдают ужасно и часто бывают операции.³⁷ Недавно одному вырезали всю верхнюю челюсть со всеми зубами. Я кормлю, перевязываю и читаю больным до 7 часов вечера. Затем за нами приезжает фургон или телега и забирает нас 5 сестер. Я возвращаюсь к себе или захожу к сестрам ужинать; ужин в Красном Кресте не роскошный: курица и картофель — все это почти без тарелок, без ложек и без чашек. Князь Щербатов³⁸ — уполномоченный; он очень умный и милый человек, и мне очень симпатичен он; отлично ведет дела. Я, вероятно, пробуду тут весь свой отпуск; если возможно будет, постараюсь прикомандироваться к этому отряду. Тут осень в полном разгаре, и бывают морозы. Кажется, нет надежды, чтобы война кончилась к Рождеству. Плевна, говорят, хорошо снабжена сухарями и может держаться долго. Турки нападают на Тырново.³⁹

5 декабря. Обертеник.

Вот я и достигла моего задушевного желанья и была на перевязочном пункте, т. е. в деле. 29-го дали тут знать в Белую, что турки шевелятся. Я не имела права ехать с сестрами, так как я не прикомандирована к отряду Щербатова, но считалась в отпуске. Мне достали тарагайку, и я особо приехала в Обертеник — деревушка, где живут постоянно две сестры при лаза-

^a Справа написано: Пропущено письмо, смотри 10 ноября. (На этом основании нами сделана перестановка: письмо от 10 ноября поставлено раньше, чем письмо от 21 ноября.)

рете, это в 12 верстах от Белой. На следующий день ничего не было, и Щербатов уехал с двумя сестрами. Две другие остались и я также; 30-го с 8 час. утра в 10 верстах началось дело при Мечке, мы были на самом передовом пункте, но, конечно, в овраге. Я видела издали летающие снаряды и дым, и к нам беспрестанно привозили по 2, по 3 человека окровавленных солдат и офицеров. Двух привезли с раздробленными ногами, и им тут же сделали ампутацию; один из них уже умер; сцены были ужасные и потрясающие — мы, конечно, были вне опасности, и весь день до глубокой ночи все делали перевязки. Нас было всего три сестры, другие не успели. Раненых в этот день на разных пунктах было 600 с убитыми, раны все почти тяжелые и многие из них уже умерли; победа осталась за нами, как ты знаешь, и к нам привезли много раненых турок,⁴⁰ и нам же их приходилось перевязывать. У иных по 11 ран. Я так усовершенствовалась в перевязках, что даже на днях *вырезала пулю сама*, и вчера была ассистентом при двух ампутациях. Дела эти дни пропасть у нас, но понемногу раненых увозят из сараев, где они тут расположены в полевых лазаретах. Тут грязь непроходимая, сегодня выпал мокрый снег. Болгарки похожи совершенно на черкешенок и увы! недоступны для русских ловеласов,⁴¹ так по крайней мере все говорят. Страна тут дикая и ничего, кроме кукурузы, не садят. Я живу тут в болгарской хате, довольно холодной, и жожу в сапогах, обедаю и ужинаю с сестрами на ящике (и плачу за это). Всякий день мы едим похлебку и котлеты, а вечером баранину и чай. Никого мы тут не видим, кроме докторов в госпитале. Щербатов уехал в Систово, я еще не знаю, что буду делать, т. е. останусь ли тут, или уеду в Белую. Вчера проезжал государь недалеко отсюда; уехал в Петербург. Я не получила еще ни одного письма, почта не ходит сюда вовсе, а в Бухарест не было еще случая послать, так что вот, кажется, уже 2 месяца, что я не знаю, что ты делаешь. Обо мне не беспокойся, если не будешь получать известий. У меня в комнате нет ни стула, ни стола. Пишу на чемодане и лежа на носилках.

14 декабря. Обертеник.

Вот уже 15 дней, как длится мое пребывание в Обертенике, после 30-го дела не было и не предвидится. На меня напала хандра и апатия, и хотя тут в материальном отношении много невзгод, но я не двигаюсь с места, живу в крошечной болгарской комнате, которая ночью бывает страшно холодна, утром встаю в 7 ч. 30 м., набираю себе снегу в умывальники у нас же на дворе и начинаю свой туалет. Затем выпиваю стакан красного легкого вина болгарского (очень кислого, но другого нет) и ем сухарь. Затем убираю свою комнату, мету ее и пр., и отправляюсь к 9 час. в зимник, т. е. сарай, в котором лежат раненые, которые далеко от меня. Начинаю перевязывать ампутированных, которые очень умирают, и остаюсь у больных до 12 час. В 3 иду обедать к сестрам, за обед плачу, так как я в отпуске. Всякий день у нас все то же: похлебка и котлеты, и чай, и сыр. После обеда идем опять к больным. В 7 час. я беру работу, большей частью кисты для солдат и провожу вечер опять-таки у сестер. В 9 ч. ужин, и в 10 я возвращаюсь к себе спать — всякий день то же самое, иногда приходит кто-нибудь из Белой и расскажет новости; ни газет, ни книг мы не видим. Снег у нас по колени, и дороги всюду очень дурные. Наследник на днях уезжает с В[ладимирам] А[лександровичем]⁴² в Петербург, на его место Тотлебен.⁴³ Что-то еще не хочется возвращаться в Яссы, я тут работаю сама по себе, это мне очень по сердцу, к раненым я очень привязана — это такие добрячки. Вот более месяца не получаю твоих писем. Жду я с нетерпением, не привезут ли мне чего из Бухареста, куда поехал наш доктор. Щербатов в Белой.

Но как можно роптать, когда видишь перед собою столько калек, безруких, безногих и все это без куска хлеба в будущем. Зато они не боятся смерти. Все тут страшно дорого: фунт сыру 8 франк., что по курсу более 3 руб. Булка 40 к. и пр., и пр. Так что война эта должна стоить ужасно много и за болгар не стоит и пальца о палец ударить, они с солдат берут и всё вчетверо; *противные братишки*, они меня страшно сердят.⁴⁴ Вчера повесили

тут колокол, и звонили весь день, это подарок наследника. Не беспокойся обо мне, письма тут идут долго, попробуй написать мне в Белую, Болгария, склад Кр[асного] Креста. Авошь дойдет.

21 декабря. Белая.

Вчера наконец получила твое письмо. Я решила оставить Обертеник и своих тамошних раненых по многим причинам: во-первых, хата моя была страшно холодна и крысы очень бегали,^a во-вторых, деньги мои стали приходить к концу и я беспокоилась, чтоб не остаться на мели. К счастью, мне вчера привезли деньги и, вообрази, взяли 150 сер. р. за комиссию, правда по телеграфу, но иначе тут никогда ничего не получишь. И письма, и даже телеграммы пропадают. Я ничего ни от кого не получаю, и твое письмо — единственное за 2 месяца; тут лишений очень много, и я живу чуть ли не в хлебе, холодно и снег, и мороз. Есть тоже нечего, кроме ветчины, сыра и чая, но все-таки я не хочу уезжать в Яссы. Тут мало слишком сестер — две уезжают в Россию в отпуск, я же намереваюсь пробыть еще тут, я теперь занимаюсь транспортными больными, которые прибывают ежедневно от 30 до 100 в день, оборванные, без сапог, замерзшие. Я их пою, кормлю. Это жалости подобно видеть этих несчастных поистине героев, которые терпят такие страшные лишения без ропота; все это живет в землянках, на морозе, с мышами, на одних сухарях, да велик Русский солдат!

Все поговаривают, что будет мир. Посмотрим. От Володи⁴⁵ получила телеграмму из Кишинева, он туда пришел с эскадромом, и его там остановили. Не знаю, когда с ним увижусь. Пиши в Белую, склад Кр[асного] Креста, Болгария. С Новым годом, с новым счастьем.

31 декабря. Белая. Болгария.

Получила твое письмо, удивляюсь, что ты меня еще ждешь; я давно уже писала тебе, что не буду; тут слишком много дела, чтобы можно было бы решиться оставить, все меня тут привязывает, интересует. Труд здешний мне по сердцу и меня не утомляет в том виде, как он тут, а в болезни бог волен; тут я подвержена эпидемии менее, нежели в другом месте. Все тут дорого, я живу на свой счет, малейшая вещь тут на вес золота, око сахару до 7 франк., что составляет 3 р. сер. Я переменила квартиру; по несчастью, должна жить в одной комнате с 2 болгарками и 2 детьми, что почти невыносимо, но совестно мне их выгнать жить в холодную комнату (на что я имею право). Все болгарские дома состоят из 2 комнат: одна вроде кухни, холодная, другая — теплая, и тут уже помещается все семейство, на полу, на циновке. К счастью, они чисты, и можно жить в любой хате. У меня хозяйка, мать ее и двое ребят, одна девочка 3 лет и очень больна. Я весь день в больнице, у нас все еще снег и мороз, в приемном покое у меня бывает в день от 30 до 75 больных, теперь мне привезли два дни одного сумасшедшего солдата. Он очень страдает, его привязывают к кровати в сумасшедшей рубашке, и он едва укротим 5 человеками, но все бедный молится. Так мне его жаль, я его кормлю, и он меня узнает.* Наследник на днях уезжает, говорят, берет отряд Гурко; Воронцов⁴⁶ (в Вене лечит ногу, на которой у него сделалась рожа выше 2-го пальца) будет командовать у него авангардом. Скобелева слава велика, и об нем говорят и много хорошего, и много дурного; и то и другое, говорят, правда, но все-таки, говорят, он человек, отмеченный судьбой на великие подвиги — ему всего 33 год, он уже генерал с белым орлом.⁴⁷

Пиши мне в Белую, в Болгарию, Ск[лад] Крас[ного] Креста.

^a Сестра до безумия боялась крыс и мышей. (Примечание Н. П. Вревской).

* Это был тифной, и кн. Щербатов, уполномочен[ный] Кр[асного] Креста, сказал мне, что моя сестра, вероятно, от него и заразилась. (Примечание Н. П. Вревской).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет, по-видимому, о первом сражении под Плевной, которое произошло 18 (30) июля 1877 г. Главноуполномоченный общества попечения о раненых и больных воинах — Н. С. Абаза пишет: «... с половины июля взятие Никополя и первый штурм Плевны отразились на бараке тем, что прибытие двух поездов в сутки стало общим правилом. Во второй половине июля и в августе прилив больных и раненых быстро возрастал... Пушенные в ход... воинские поезда... весьма часто не успевали вывозить из Ясс массы прибывавших туда раненых и больных» (Н. Абаза, ук. соч., стр. 66—67). См. также: Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, стр. 142—146.

² Вера Агеевна Абаза (1828—1903) прибыла в Яссы с отрядом Свято-Троицкой общины сестер милосердия одновременно с Ю. П. Вревской 19 июня 1877 г. Впоследствии была настоятельницей этой общины. См.: П. А. Илинский. Русская женщина в войну 1877—1878 гг. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерниц и женщин — врачей. СПб., 1879, стр. 149; Петербургский некрополь, т. I (А—Г), СПб., 1912, стр. 6.

³ Н. С. Абаза пишет: «... уже в июле пришлось отрывать персонал от барачной работы и назначать его на воинские поезда. Сначала поездов этих было не особенно много, и им давались короткие рейсы, так что через 3—4 дня персонал возвращался обратно, но в течение августа число воинских поездов с каждым днем возрастало, а вместе с тем увеличивалась и отдаленность рейсов — поезда эти стали ходить до Киева, Харькова...» (Н. Абаза, ук. соч., стр. 125). Указав далее, что сестры милосердия все время назначались сопровождать поезда, Н. Абаза подчеркивает, что «в августе отправлено из Ясс 27 воинских поездов с больными и ранеными, а в сентябре 32» (там же, стр. 126).

⁴ О том, что работа в 45-м военно-временном эвакуационном госпитале, расположенном в Яссах, была в сентябре 1877 года исключительно тяжелой и напряженной, пишет и Н. Абаза. По его словам, «в продолжение 12 дней (с 7 по 18 сентября) происходил такой наплыв раненых и больных, какого в Яссах не испытывали еще. Ежедневно прибывало средним числом 3 поезда, а 11 числа их прибыло 5. Каждый поезд, большей частью воинский, привозил огромные транспорты (доходило до 795 человек в одном поезде). С 11 по 18 число эвакуация достигла своего апогея: за эти семь дней прибыло в Яссы 11641 человек, причем максимум суточного прибытия доходил до 2067 (11 сентября). Барак был невообразимо переполнен, в нем буквально не было свободного местечка... Персонал барака работал до изнеможения...» (там же, стр. 200—201).

⁵ С. П. и В. П. Корниловы, А. В. Голицына и А. Н. Философова, как и Ю. П. Вревская, прибыли в Яссы с отрядом Свято-Троицкой общины сестер милосердия 19 июня 1877 г. (см.: П. А. Илинский, ук. соч., стр. 149; Н. Абаза, ук. соч., стр. 93, 115).

⁶ Мария Петровна Новосильцева (ум. в 1910 г.) принадлежала к отряду Свято-Троицкой общины сестер милосердия (П. А. Илинский, ук. соч., стр. 149; Новое Время, 1910, № 12158, 16 (29) января).

⁷ Вероятно, имеется в виду А. Н. Нарышкина, которая ранее заведовала казенной кухней на станции в Кишиневе. «Пища приготавливалась и раздавалась под личным наблюдением А. Н. Нарышкиной, всегда находившейся на станции к приходу поезда», — пишет Н. Абаза (стр. 221). Ею же были устроены в Кишиневе две швейные мастерские для пополнения бельем центрального склада, снабжавшего расположенные в тылу военно-врачебные учреждения (там же, стр. 344—345, 351—352).

⁸ Отряд Свято-Троицкой общины сестер милосердия «с причисленными к нему 11 дамами» уже при отправлении из Петербурга был разделен на две части. Одна из них, состоявшая из 9 сестер и 2 дам, командирована была в лазарет I отдела С.-Петербургского дамского комитета общества Красного Креста, расположенный в Киприановском монастыре (он находился на линии

железной дороги между г. Кишиневом и Унгенами). После закрытия этого лазарета (он функционировал с 1 июня по 1 октября 1877 г.) отряд Киприяновских сестер откомандировали в Ясский военно-временный эвакуационный госпиталь (П. А. Илинский, ук. соч., стр. 149; Н. Абаза, ук. соч., стр. 366).

⁹ Иосиф Владимирович Гурко (1828—1901) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии; во время русско-турецкой войны (1877—1878) командовал гвардейскими войсками западного отряда армии, действовавшей на европейском театре военных действий. «Вчера, 12-го октября, генерал Гурко со вверенным ему отрядом, в котором были и части гвардии, после отчаянной десятичасовой битвы, взял сильно укрепленную турецкую позицию между Горным Дубняком и Телешем и стал на Софийском шоссе, где и усиливает позицию новыми „укреплениями“, — писал «Русский инвалид» (1877, № 224, 14 октября). Та же газета сообщала немного позже, что «наши потери 12-го октября ... около 2500 убитыми и ранеными» (№ 226, 16 октября).

¹⁰ По словам Н. Абазы, «взятие гвардейцами Горного Дубняка и Телеша (12 октября) вызвало новое усиление эвакуации, отразившееся в Яссах в последней трети октября: в течение 10 дней прибыло 7 тысяч больных и раненых, причем максимум суточного прибытия (25 октября) достиг 1539 человек, а скопление на пункте дошло того же числа до 2250 человек...» (стр. 213).

¹¹ Речь идет, о Екатерине Константиновне Булгаковой (род. в 1830 г.), дочери петербургского почт-директора Константина Яковлевича Булгакова. С 1855 года она состояла действительным членом Императорского женского патриотического общества, занимая должности помощниц попечительниц различных учебных заведений, находящихся в ведении этого общества (см. о ней: Е. С. Шумигорский. Императорское женское патриотическое общество. СПб., 1912, приложение, стр. 137, 146, 155, 162; П. А. Илинский, ук. соч., стр. 149).

¹² Варвара Александровна Цурикова (р. 1851 г.) — впоследствии писательница — автор рассказов «Буренчиха» (Русское обозрение, 1890, № 12), «Скорбная» (Вестник Европы, 1895, № 9) и «Сердце сердцу весть подает» (Вестник Европы, 1896, № 9). О ней см.: Дневник А. С. Суворина, М.—Пг., 1923, стр. 264. Уроженка Орловской губернии, В. А. Цурикова переписывалась с И. С. Тургеневым. Известны четыре его письма к ней 1872—1883 годов (см.: Тургенев В. Письма, тт. X, XIII; В. Д. Ахрамеев. К переписке И. С. Тургенева с В. А. Цуриковой. Уч. зап. Курского пед. инст., вып. 15, 1963, стр. 65—81).

¹³ Н. Абаза также отмечал, что «в октябре (...) начались осенние дожди и холод стал давать себя чувствовать». В связи с этим «необходимо было горючиться с приспособлением барака к зимнему времени» (стр. 68—69).

¹⁴ Речь идет о Елизавете Алексеевне Кублицкой-Пиотух (1812—1886), прослужившей в качестве настоятельницы Свято-Троицкой общины 28 лет. Н. Абаза, отмечая, что отряд сестер милосердия этой общины «явился в виде прекрасно подготовленного, прочно организованного и замечательно дисциплинированного целого и послужил ... образцом для отрядов, прибывших в Яссы: позже», подчеркивал, что «самая важная заслуга в высокополезной деятельности Свято-Троицкого отряда принадлежит без сомнения начальнице его, Е. А. Кублицкой, которая с необыкновенным умением, опытностью и кротостью руководила действиями сестер не только своего отряда, но и всех других групп...». Е. А. Кублицкая «с редкою для ее преклонных лет живостью и энергией разделяла с сестрами все их труды, проводя целые дни в бараке и подавая пример трудолюбия и самоотвержения» (стр. 115—116). Ю. П. Вревская была хорошо знакома с Кублицкой еще в Петербурге. В одном из писем к И. С. Тургеневу она сообщала: «Видаю часто мою старую приятельницу, сестер милосердия начальницу, учусь ходить за больными и утешаю себя мыслью, что делаю дело» (Русская литература, 1958, № 3, стр. 188).

¹⁵ Сергей Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский (р. в 1849 г.) — внук Николая I (сын его дочери Марии Николаевны) был

убит 12 октября 1877 г. под Руцуком. См. Санкт-Петербургские ведомости, 1877, № 284, 14 (26) октября.

¹⁶ Евгений Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский (1847—1901) — в период войны 1877—1878 годов — флигель-адъютант, командир отдельной кавалерийской бригады.

¹⁷ Николай Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский (1843—1890) — генерал-адъютант, командовал кавалерийской бригадой в отряде И. В. Гурко. О сопровождении тела Сергея Максимилиановича его братьями см.: Санкт-Петербургские ведомости, 1877, № 293, 23 октября (4 ноября).

¹⁸ По-видимому, речь идет о Владимире Анатольевиче Бяратинском, князе (1843—1914), который провел в армии всю турецкую кампанию. Так как ему было в это время 34 года, то именно к нему скорее всего мог относиться эпитет «молодой».

¹⁹ Михаил Павлович Тучков (1832—1890) — генерал-майор свиты е. и. в. ²⁰ Подобного рода мнения Вревская, по-видимому, действительно слышала не раз. В частности, С. П. Боткин также сообщал в письме от 14 июля 1877 г., что в Беле, где «народ смотрит очень богато обставленным», очевидно, не слишком чувствовался турецкий гнет, чем и вызваны «апатия и равнодушие болгар к русским». Далее С. П. Боткин, стремясь вскрыть настоящие причины этого явления, указывал: «...впрочем, может быть, болгаря бояться, что турки снова сюда явятся и будут душить их за сочувствие к русским» (С. П. Боткин. Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893, стр. 90). Совершенно иные факты отмечал в одном из писем (от 24 июня 1877 г.) В. М. Гаршин, находившийся тогда близ Систова. Он писал матери: «Болгары рады ужасно. Проходим через деревню — все мужчины бегутся, здороваются. Даже руки жмут» (В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. в трех томах, т. III, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 128; см. также: В. Конобеев. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., М., 1953).

²¹ Вревская имеет в виду А. В. Голицыну, М. П. Новосильцеву, А. Н. Философову, С. П. и В. П. Корниловых, т. е. сестер милосердия Свято-Троицкой общины.

²² Вероятно, речь идет о сестре Свято-Троицкой общины — Марии Долгудиной, впоследствии умершей в Яссах от сыпного тифа 26 ноября 1877 г. (см.: Н. Абаза, ук. соч., стр. 329).

²³ Аналогичного мнения придерживался, по-видимому, Н. И. Пирогов, который, указав, что многие из сестер милосердия заслужили «бесспорно общую признательность», писал тем не менее, что «в нынешнюю войну выбор так называемых добровольных сестер и надзор за ними не были вполне безупречными...» (Н. Пирогов. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877—1878 гг. СПб., 1879, [т. I], стр. 336).

²⁴ Александр Васильевич Топоров (1831—1887) — близкий приятель И. С. Тургенева, исполнявший многочисленные и разнообразные поручения не только писателя, но и Ю. П. Вревской (см. о нем: Литературный архив, т. 4, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 196—200; Тургенев, Письма, т. X, стр. 723).

²⁵ Т. е. Е. А. Кублицкой-Пиотух. См. прим. 14.

²⁶ Речь идет о сестрах первой и второй Петергофских групп; каждая из них включала 20 человек. Первая группа прибыла в Яссы во второй половине августа и работала в бараке и на поездах до декабря. Вторая группа с сентября работала на воинских поездах, а в октябре была распределена по Ясским госпиталям (см.: Н. Абаза, ук. соч., стр. 117).

²⁷ Это была не княгиня, а княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова. Ее брат, А. М. Дондуков-Корсаков записал в своем дневнике 19 сентября 1877 г.: «...я посетил довольно хорошо устроенный барак Красного Креста. Масса раненых и больных наполняла как барак, так и временно разбитые палатки. Скопление неимоверное. Из Ясс эвакуируют в Россию. Мы застали как раз время перевозки в лазаретах. В числе сестер милосердия встре-

тил знакомых мне: Абазу, вдову князя Голицына, Вревскую, а также сестру мою Мери, которую очень рад был видеть за настоящим делом после всех непрактических и филантропических действий» (Старина и новизна, кн. 9, СПб., 1905, стр. 14—15).

²⁸ Д. А. Милотин писал 8 ноября: «Вчера было довольно жаркое дело в Рушукском отряде: в то время как торжественно открывали вновь построенный мост через Дунай у Петрошана или Батина, турки со стороны Рушука атаковали наш левый фланг у Пиргоса и сожгли эту деревню, но потом были отгеснены обратно за Лом» (см.: Д. А. Милотин. Дневник. 1876—1877, т. II. М., 1949, стр. 242).

²⁹ Отмечая в «Дневникс» сражение у Горного Дубняка и Телиша (12 октября 1877 г.), в котором впервые участвовала гвардия (1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии), Д. А. Милотин сообщил о больших потерях: «... в особенности много раненых начальников: командиры бригад ген. бар. Зедделер и Розенбах ... и др.» (Д. А. Милотин, ук. соч., стр. 231). Логин Логинович Зедделер, барон (1831—1899) — генерал-майор свиты е. и. в., в период войны 1877—1878 годов — командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии.

³⁰ Николай Оттонович Розенбах (1836—1901) — генерал-майор свиты е. и. в., с 1877 года — командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 1878 года — начальник штаба гвардейского корпуса.

³¹ Характеризуя поступок Ю. П. Вревской как подвиг, Н. С. Абаза пишет, что «желая послужить делу ухода за больными и ранеными там, где чувствовался наибольший недостаток в сестрах милосердия она в начале ноября оставила на время Яссы и отправилась в Белу» (Н. Абаза, ук. соч., стр. 116). Письмо позволяет внести уточнение: Вревская, покинув Яссы, отправилась сначала в Бухарест.

³² Владимир Николаевич Чичерин — уполномоченный Общества Красного Креста. С начала октября 1877 года заведовал бухарестским складом (см.: П. А. Рихтер. Красный Крест в Румынии и Северной Болгарии 1877—1878. СПб., 1879, стр. 229—230).

³³ Уполномоченным так называемого летучего перевязочного отряда в армии наследника (Александр Александрович, 1845—1894) был князь Алексей Григорьевич Щербатов (см.: П. А. Рихтер, ук. соч., стр. 192—201).

³⁴ Имеются в виду сестры Георгиевской общины, обслуживавшей Рушукский отряд. См.: Санкт-Петербургские ведомости, 1877, № 279, 9 (21) октября.

³⁵ Может быть, речь идет о Екатерине Александровне Корневой (1829—1887) и ее муже Петре Сергеевиче Корневе (1830—1898).

³⁶ Специальный корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» (1877, № 285, 15 (27) октября) П. Трифонов также сообщил с театра военных действий, что «... письма доходят сюда крайне неисправно: многие совсем пропадают, другие блуждают чрезвычайно долго. Я знаю случаи, что офицеры не имели известий из России два—три месяца...».

³⁷ В письме к И. С. Тургеневу от 27 ноября (9 декабря) 1877 г. Вревская также сообщала: «Всякое утро мне приходится ходить за три версты в 48-й госпиталь, куда я временно прикомандирована; там лежат раненые в калмыцких кибитках и мазанках. На 400 человек нас 5 сестер, раненые все очень тяжелые. Бывают частые операции, на которых я тоже присутствую...» (Русская литература, 1958, № 3, стр. 190).

³⁸ Князь Александр Григорьевич Щербатов (брат Алексея Г. Щербатова — см. прим. 33). В его ведении находился Рушукский район, предназначенный для помощи санитарным учреждениям частей, входивших в состав отряда, бывшего под начальством наследника, а также двум военным госпиталям в Беле, где находился и склад Красного Креста (см.: П. А. Рихтер, ук. соч., стр. 192).

³⁹ В «Общем перечне военных действий (с 21 по 27 ноября)» сообщалось, что Сулейман-паша выбрал для нападения «направление от Осман-Ба-

зара через Елену к Тырнову». Орловский и Севский пехотные полки (22 ноября 1877 г.) «в течение нескольких часов отбивались от шестеро сильнейшего неприятеля, но, понеся чувствительные потери, отступили с боем на яковичскую укрепленную позицию, в пяти верстах к западу от Елены, по дороге в Тырнов. На другой день неприятель возобновил нападение, но атаки его были отбиты» (Русский инвалид, 1877, № 262, 27 ноября).

⁴⁰ В «Общем перечне военных действий (с 28 ноября по 4 декабря)» читаем: «... турецкие силы ... атаковали утром 30 ноября корпус великого князя Владимира Александровича, направив главный удар на Мечку. ... Многократные ожесточенные атаки неприятеля были каждый раз отбиваемы войсками 12-го корпуса; когда же после полудня прибыла на поле сражения свежая бригада ... весь корпус перешел в наступление и настойчиво преследовал отбитого неприятеля до Красной. Отступление турок было, по-видимому, для них губительным, так как, кроме массы убитых ... они бросили и своих раненых; наши же потери ... простираются до 25 офицеров и 700 нижних чинов, выбывшими из строя» (Русский инвалид, 1877, № 268, 4 декабря).

⁴¹ Об этом имеются свидетельства многих современников. Так, например, В. В. Крестовский пишет в работе Двадцать месяцев в действующей армии (1877—1878): «... болгарские женщины отличаются своим целомудрием и супружеской верностью» (В. В. Крестовский, Собр. соч., т. V, стр. 166).

⁴² Владимир Александрович (1847—1909) — великий князь, сын Александра II, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии.

⁴³ Эдуард Иванович Тотлебен (1818—1884) — генерал-адъютант, выдающийся военный инженер; в период войны 1877—1878 годов сначала руководил осадными работами под Плевной, затем был назначен главнокомандующим армией, действовавшей на Балканах.

⁴⁴ Имеются в виду болгары-лавочники («чорбаджи», т. е. богачи). О большой дороговизне в Болгарии, естественной в разоренной войной стране, см. также: В. В. Крестовский, Собр. соч., т. V, стр. 424—425.

⁴⁵ Речь идет о брате Вревской — Владимире Петровиче Варпаховском, гвардейском офицере. Впоследствии, уже после смерти от тифа его сестры, Варпаховский приезжал в Белу, где «распорядился имуществом» покойной (см. письмо М. Павлова к А. В. Топорову от 30 марта 1878 г. ИРЛИ, 13.452.LXXIIIб.2, л. 3).

⁴⁶ Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916) во время войны 1877—1878 годов сначала генерал, командующий кавалерией Рущукского отряда наследника, затем (с 1878 г.) — начальник второй гвардейской пехотной дивизии.

⁴⁷ Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882) — один из популярнейших русских военачальников, проявивший большие военные способности в период русско-турецкой войны (1877—1878) и одержавший ряд побед над турками. Мнения о нем были тогда действительно разные. Так, например, С. П. Боткин писал, что Скобелева «и в России целая партия, и здесь ... ставят героем войны. Некоторые солидные люди смотрят на него иначе, не отнимая у него личной храбрости. Все его донесения, говорят, отличаются преувеличением...» (С. П. Боткин. Письма из Болгарии 1877 г., СПб., 1893, стр. 348). Далее, описывая свою встречу и разговор с одним из офицеров, Боткин указывал, что о Скобелеве тот «говорит с увлечением, как о герое; солдаты его обожают — уж очень он умеет с ними говорить...» (там же, стр. 356).

В. П. Вильчинский

ДИМИТР РИЗОВ В РОССИИ

Дмитрий Христофорович Ризов (1863—1918) — болгарский публицист, видный общественный деятель и дипломат — был горячим поклонником русской литературы. В 1890-е годы он неоднократно приезжал в Россию, где встречался со многими известными литераторами и политическими деятелями. Сообщаемые ниже сведения касаются трех эпизодов его жизни: знакомства с Н. К. Михайловским и М. М. Стасюлевичем и встречи с Л. Н. Толстым.

Хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР письма Ризова к Михайловскому¹ связаны с некоторыми обстоятельствами сентябрьской революции в Восточной Румелии, активным участником которой был болгарский публицист. История их написания такова.

В 9-м и 10-м номерах журнала «Северный вестник» за 1886 год была напечатана большая статья «Сентябрьская революция в Румелии» с подзаголовком «Рассказ очевидца». Ее автор, «И. Иванович»,² подробно описывал политические и экономические обстоятельства развития Болгарии после Берлинского трактата 1878 года, по условиям которого, продиктованным реакционными европейскими правительствами, страна оказалась искусственно разорванной на три части. Дабы уничтожить само название Болгарии, территория ее юга получила название Восточной Румелии, объявленной турецкой провинцией с христианским генерал-губернатором во главе.

«Постановления Берлинского конгресса, явившиеся результатом сговора западноевропейских держав против России и славянских народов Балканского государства, свели до минимума результаты

¹ ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 590. За указание на эти письма приношу благодарность В. Э. Бограду.

² Иванович И. — псевдоним Ив. Ив. Добровольского. Привлеченный к судебной ответственности по процессу 193, Добровольский бежал в 1878 году за границу, где прожил до 1905 года. В середине 80-х годов он (под чужим именем) служил участковым врачом в Восточной Румелии.

русских побед над Турцией и нанесли огромный ущерб балканским славянам и прежде всего болгарскому народу».³ Под влиянием острого недовольства народных масс условиями Берлинского трактата в передовых слоях общества Македонии, Северной и Южной Болгарии вспыхнула идея воссоединения, которая была успешно реализована в сентябре 1885 года. Основной тезис И. Ивановича сформулирован им в начале статьи, где сказано буквально следующее: «Румелинский переворот разве только с большою натяжкою может быть назван делом народным, он был задуман и выполнен *болгаро-румелинскою интеллигенциею* путем заговора, причем народ, втянутый в движение искусственно и в значительной степени путем обмана разыграл роль слепого орудия в руках политических авантюристов».⁴

Рисуя портреты руководителей «соединистского» движения, И. Иванович особенно резко отзываясь об одном из его главных деятелей — Ризове, председателе тамошнего «Македонского Дружества», редакторе газеты «Македонский Глас», про которого «не без оснований говорят, что, собственно, он один и «сделал соединение».⁵

Слухи о статье в «Северном вестнике» дошли до Ризова, который обратился к Н. К. Михайловскому с решительным протестом против тенденциозного освещения событий сентябрьской революции в Болгарии и с требованием напечатать опровержение.⁶

Приводим полностью текст этого письма. В тех случаях, когда недостаточное знание Ризовым особенностей русской грамматики приводит к искажению смысла, даем грамматически правильный вариант слова.

София 10 (1) [18]87 г.

Глубокоуважаемый г. Михайловский!

Позволяю себе написать вам, не зная вас лично, и при том на малознакомом мне русском языке.

Некоторые мои знакомые в Цюрихе и Женеве пишут мне, что в одной из книжек «Северного Вестника» (за август или сентябрь прошлого года), напечатана была статья, озаглавленная: «Деятели Филиппольского переворота»⁷ (или что-то в этом роде) и подписанная, вероятно, псевдонимом — Ивановичем.

³ История Болгарии, т. I. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 331.

⁴ Северный вестник, 1886, № 9, стр. 60. Подчеркнуто автором.

⁵ Там же, стр. 67, 69.

⁶ С аналогичными просьбами Ризов обращался также в редакции других периодических изданий. Так, 27 сентября 1885 г. он совместно с Э. Стояновым послал из Филиппополя телеграмму (на французском языке) И. С. Аксакову с требованием напечатать в газете «Русь» опровержение на ее сообщение в номере от 19 октября 1885 г. о том, что якобы по утверждению газеты «Самозащита» переворот 8 сентября был совершен князем Александром Баттенбергом и министром П. Каравеловым против воли России (ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 583).

⁷ Филиппополь — старинное название г. Пловдива, где в ночь с 5 на 6 сентября 1885 г. отряды вооруженных крестьян при поддержке милиции свергли румелистское правительство. Арестовав генерал-губернатора, ставлен-

Так как здесь не получается «Сев[ерный] Вестник», а я сам не располагаю нужными средствами выписать его, то мне до сих пор не было возможно знать об этой статье и, следовательно, опровергнуть ее. Теперь я и хочу сделать это.

Прежде всего я должен предупредить вас, что никогда не занялся бы опровержением на клеветы и инсинуации, помещаемые в русских газетах и журналах, если я считал бы «Сев[ерный] Вестник» одним из этих русских журналов, которые пишут согласно указаний главного управления печати».

Но так как на русские газеты «Р[усские] Ведомости» и «Неделя» и на русские журналы «С[еверный] Вестник», «В[естник] Европы» и «Р[усскую] Мысль» я смотрю совершенно иначе и так как, состоя давным-давно вашим поклонником,⁸ «С[еверный] Вестник» особенно дорог мне по вашему в нем участию, а также и по участию в нем гг. Г. Успенского, В. Лессевича и С. Южакова, то я и не могу замолчать. Для меня настолько свята и дорога неофициальная, мыслящая и прогрессивная Русь, что положительно я считаю себя несчастным, пока я унижен и скомпрометирован в глазах этой России.⁹

Теперь вы хорошо понимаете, что заставило меня адресоваться к вам и попросить вас опровергнуть опубликованная в «С[еверном] Вестнике» клевета, будто бы мы, деятели Филиппольского переворота (З. Стоянов, майор Панида и я), обратили у какого-то Румынского банкира какие-то банкноты и купоны.¹⁰ Я уполномочиваю вас объяснить публично г. Ивановичу, что мы неспособны красть деньги у банкиров и что самое крупное доказательство этому служит обстоятельство, что мы известны нашему обществу как люди, постоянно страдающие хроническим безденежьем. Ни я, ни мои товарищи не отрицаем, что существует одна история «краденых банкнотов и купонов», но вот суть этой истории.

В начале 1885 года в обеих Болгарии устроены были тайные революционные комитеты об освобождение Македонии. Эти комитеты имели три главных центра: София — для Западной Болгарии, Рушук — для Восточной Болгарии и Филипполь — для Восточной Румелии. Первому, который считался главным и который непосредственно действовал в Македонии от имени всех комитетов, председателем был я; второму — майор (тогда — капитан) Панида, а третьему — З. Стоянов.

За 3—4 месяца до Филиппольского переворота в Рушукском комитете поступили вольные жертвования в размере несколько тысяч франков, со-

ника Порты, повстанческий комитет во главе с Захарием Стояновым провозгласил объединение Северной и Южной Болгарии под «скипетром» болгарского князя Александра Баттенберга. По версии И. Ивановича, дать на это согласие князя принудил все тот же Ризов, вошедший затем в состав временного правительства объединенной Болгарии (Северный вестник, 1886, № 10, стр. 32, 55).

⁸ Свое глубокое уважение к Михайловскому Ризов подтвердил впоследствии печатно (см.: Мысль, 1900, кн. III и IV, стр. 151).

⁹ По вопросам национально-освободительного движения Д. Ризов выступал также печатно. В предисловии к историко-географическому атласу, изданному в 1917 году в Берлине на четырех языках (немецком, английском, французском и болгарском) он писал: «Македонские болгары решили сами завоевать автономию с оружием в руках. С этой целью скоро почти вся Македония покрылась сетью революционных комитетов и начала неравную борьбу с Турцией с помощью своих революционных войск» (Болгария в ее исторических, этнографических и политических границах. Атлас, содержащий 40 карт, с предисловием Д. Ризова. Берлин, 1917, стр. VIII).

¹⁰ В статье И. Ивановича упоминалось о якобы разработанном Ризовым плане ограбления в румынском городе Галаце банкира болгарского происхождения и намекалось, что далеко не все отобранные у банкира богатства были употреблены на дело «освобождения македонских братьев» (Северный вестник, 1886, № 9, стр. 67).

стоящих в ценных бумагах, от какого-то «болгарского патриота», назвавшего себя «М. Поппов» и оказывающегося теперь псевдонимом одного из начальников разбойничьих шаек в Румынии. Понятно, комитет их принял благосклонно и тотчас их употребил в дело. Но скоро они были схвачены, как краденные, и мы были вынуждены просить о проведении судебного следствия. Следствие это доказало, что действительно они украдены, но неизвестно кем. Так и прекратилось это дело за невозможностью установить личность псевдонима М. Поппова.

Следствие еще показало, что упомянутые банкноты и купоны украдены еще за год перед составлением македонских комитетов. Вот вся сущность этой истории, которую вы можете ее проверить, где хотите.

Сообщив это г. Ивановичу, я прошу вас прибавить ему, что наша общественная нравственность позволяет нам для высокопатриотических предприятий снабжаться деньгами у богатых даже и насильственно (с оружием в руках), но отнюдь не разбойничеством и мошенничеством. Далее вы можете сообщить г. Ивановичу, что в революционном комитете Румелии было решено взять нужные средства для покупки 50 револьверов, нужные для переворота 6-го сентября у господина К. Калчева (один из членов болгарской депутации в Европе), и действительно двое из нас вооружены кинжалами и револьверами, взяли у Калчева эти средства.

Надеясь, что вы не замедлите сделать это опровержение в один из ближайших номеров «С[еверного] Вестника», или где вы найдете уместным, я не могу не воспользоваться этим случаем попросить вас для такого совета: что нам делать в вашей России, чтобы выйти из тепершнего нашего кризиса.¹ Ведь вы лучше знаете свою Россию и понимаете, как нужно установить истинно братские отношения между вами и нами.

Я прошу вас с этим советом поторопиться ввиду того, что в ближайшем будущем будет снова создано Великое Нар[одное] Собрание, в котором я состою депутатом.

Считаю лишним сообщить вам свое «верую», предполагая, что вы знакомы с ним по тем нападкам на нас, которыми наполнены страницы русской полицейской печати.¹¹ Кажется, довольно будет для вас знать, что я крайний руссофоб (как и мои товарищи)¹² и останусь таким, доколе в России властвует «самодержец» — но руссофоб по отношению к официальной России, которую все прогрессивные у нас элементы настолько ненавидят, насколько любят неофициальную.

Итак, я буду ждать вашего совета на этот счет, а до тех пор останусь
глубокоуважающий вас
Д. Ризов.

Адрес: D. Risoff Sofia (Bulgarie).

Ответ Михайловского на это письмо нам неизвестен, но содержание его легко предположить. Во-первых, писатель, хотя и сотрудничал в журнале, не был его редактором. Что же касается руководства «Северного вестника», то, публикуя статью

¹¹ Сенсационный характер сообщений этой печати о событиях на Балканах привлек внимание сатирической журналистики тех лет (см., например, рассказ А. П. Чехова «Светлая личность», напечатанный осенью 1886 года в журнале «Стрекоза»).

¹² Вот как характеризуют эту проблему авторы «Истории Болгарии»: «Большая часть болгарской буржуазии была связана с западноевропейским капиталом. Поэтому она держала сторону противников России в болгарском вопросе. Формально руссофобы выдвигали лозунги борьбы за национальную независимость Болгарии, на деле же они способствовали экономическому закабалению страны западноевропейскими капиталистическими хищниками ... поддерживали реакционную политику Баттенберга и старались укрепить его власть в стране» (История Болгарии, т. 1, стр. 394).

И. Ивановича, редакция сразу же отмежевалась от авторских оценок деятелей Филиппопольского переворота, поместив следующее примечание: «Давая место этому интересному рассказу о прошлогодних событиях в Болгарии, освещающему и современную историю этой страны, редакция, конечно, оставляет на ответственности автора характеристики действующих лиц болгарской политической жизни».¹³

В таком духе, вероятно, и был составлен ответ Михайловского Ризову. Во всяком случае в номерах «Северного вестника» за 1887—1888 года мы не обнаружили требуемого болгарским патриотом «разъяснения», хотя события на Балканах живо обсуждались на страницах журнала в это время.¹⁴

В 1888 году Д. Ризов основал газету «Христо Ботев», которая выходила с перерывами до 1899 года и была затем возобновлена в 1900 году. Первый номер этого издания, по свидетельству современников, «был весь посвящен борьбе с тиранией некогда всемогущего Стамбулова. . . За этот доблестный поступок Ризов немедленно был арестован, газета его конфискована и сам он отдан под суд „за бунт против държавата“ и присужден к 18 месяцам тюремного заключения. Разошедшись окончательно с своими прежними друзьями З. Стояновым и Д. Петковым, всецело отдавшим себя в услужение Стамбулову и его партии, Ризов, вынужденный к эмиграции, удалился сперва в Сербию, а потом в Россию, живя временами подолгу также в Швейцарии, Бельгии и Франции».¹⁵

В России Ризов возобновил свое знакомство с Михайловским, начало которому положило приведенное выше письмо. С годами оно приобрело более близкий характер, о чем свидетельствует еще одно письмо, сохранившееся в ИРЛИ.

9 XII [18]92 СПб.

Глубокоуважаемый г. Михайловский!

Я хотел прийти к вам на прошлой неделе, но не посмел отнимать у вас деловых часов. По этой же самой причине я и теперь не смею сделать этого. А мне хотелось бы спросить вас насчет г. Павленкова,¹⁶ что сделано. Боюсь, что вы забыли об этом. Ожидая вашего ответа на этот вопрос, я прошу вас верить, что не считаю грехом, если вы и забыли, потому что знаю, как вы заняты.

¹³ Северный вестник, 1886, № 9, стр. 59.

¹⁴ См., например: Северный вестник, 1887, №№ 2, 7, 8, 10 и др., раздел «Политическая летопись».

¹⁵ См.: Санкт-Петербургские ведомости, 24 июня, 1900, № 170. В статье «Д. Ризов и его газета» он характеризуется как «талантливый болгарский публицист и политический деятель», «знаеток нескольких языков и большой почитатель русской литературы». Он вел македонский отдел в газетах «Марица» и «Балкан», был соредактором — издателем газет «Македонский глас», «Борьба», «Независимость и свобода», основателем газет «Маленькая Болгария» и «Христо Ботев». О нем см. также: Н. Г. Данчев и И. Г. Данчев. Българска енциклопедия. София, 1936, стр. 1334.

¹⁶ Ф. Ф. Павленков (1839—1900) — известный книгоиздатель; занимался также переводческой и книготорговой деятельностью.

Сегодня у меня был молодой человек, назвавший себя В. В. Водовозов.¹⁷ Он мне сказал, что вы ему рекомендовали повидаться со мною по нашим делам. По наружности он мне внушает полное доверие, но все-таки считаю нужным спросить вас, что за человек г. Водовозов?

Кстати. Оказывается, что 6-го декабря вы праздновали день своего ангела, а я и не знал. Нельзя ли испросить у вас извинения за это, поздравляя вас сегодня письменно? От глубины души желаю вам пожить еще много лет на пользу России и нашей Болгарии!

Не думаете ли заговорить о Панамском деле?¹⁸

Истинноуважающий вас Д. Ризов.¹⁹

В 1887 году Ризов переезжает в Бельгию и поступает учиться в Льежский университет. В это время он, как следует из его письма к М. М. Стасюлевичу, находился в «пассивной оппозиции» к своему правительству, так как, признавая выдвинутый им лозунг «свобода и независимость Болгарии», не был согласен с ним в способах достижения этой цели. «Поддерживаемый вольными вспомоществованиями» своих болгарских друзей, Ризов одновременно с учебой в университете занимается журналистской работой. 16 (28) декабря 1887 г. он обратился к редактору «Вестника Европы» с предложением написать для этого журнала о событиях в современной Болгарии. Основные положения задуманной статьи заключались в следующем: «Исходная моя точка та: а) что причина кризиса заключается в неискренности русско-болгарских отношений, проявляющихся в том, что русские представители домогаются создать русскую партию в Болгарии, а болгарские деятели — захватить власть в руки с помощью этих представителей; б) что теперешнее состояние Болгарии непрочное, как несоответствующее стремлениям болг[арского] народа, и что внутренними средствами (кроме нежелательной и почти безуспешной революции) ей нельзя перенестись из сегодняшней диктатуры, крайне губельно влияющей на политическое и экономическое ее состояние, в нормальное конституционное положение; в) что Болгарии нужно примириться с Россией на почве полной своей по-

¹⁷ Речь, видимо, идет о Василии Васильевиче Водовозове (1864—1933), сыне известного педагога В. И. Водовозова, участнике революционно-освободительного движения, публицисте, выступавшем в 90-е годы на страницах «Русского богатства», «Недели», «Северного вестника». Народнические воззрения Водовозова объясняют его рекомендацию Михайловским, который считал интеллигенцию «внеклассовой» силой, призванной искоренить социальные бедствия. Взгляды его и Ризова на тактику революционного движения, как можно увидеть по письмам последнего, в ряде случаев совпадали.

¹⁸ Вероятно, имеется в виду скандал во Франции в 1892—1893 годах, вызванный финансовым крахом первого акционерного общества по строительству Панамского канала. Расследование дела, переданного в суд, вскрыло грандиозную систему подкупа парламентариев, членов правительства и буржуазной прессы.

¹⁹ На обороте письма адрес: Здесь, Его В/благородию Н. К. Михайловскому (Кабинетная ул., д. 10, кв. 5). ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 590.

литической самостоятельности, допуская преобладающее влияние последней в чисто внешних своих вопросах и вообще в делах, имеющих тесную связь с ними; г) что самое рациональное разрешение кризиса — это создание одной международной комиссии в Болгарии, которая бы взяла верховную власть в стране в свои руки (вместо Кобурга), составила бы коалиционное или бесцветное болг[арское] министерство, которое с своей стороны произвело бы выборы в новое В[ременное] Н[ародное] Собрание, должествующее выбрать для князя серьезного кандидата России... и тем возвратить Болгарии прежнее ее нормальное (конституционное) положение».²⁰

Ризов предполагал прислать задуманную статью в начале 1888 года с тем, чтобы она была напечатана в февральской книжке «Вестника Европы». Однако Стасюлевич, как можно судить по следующему письму Ризова, не согласился с рядом моментов в его концепции, о чем и сообщил автору в Льеж. В пространном письме от 25 декабря (6 января) 1888 г. Ризов, полемизируя со Стасюлевичем, выдвинул новые доказательства своей точки зрения; в ожидании ответа он сообщал в конце письма: «Если ваши доводы окажутся вескими, то я расстанусь с моей статьей без сожаления». Можно предположить, что ответ редактора журнала, если он был, показался Ризову убедительным, во всяком случае задуманная им статья в издании Стасюлевича не появилась.

Во втором письме Ризова, как и в письмах его к Михайловскому, а также в других известных нам его работах,²¹ высказывается задушевная мысль болгарского патриота об исторически сложившейся дружбе двух братских народов и ее развитии в будущем: «Болгарский народ в преодолевавшем своем большинстве искренно и страстно желает помирения с Россией, глубоко веря в скорытность ея целей в Болгарии, болгарский народ... знает предание, что Россия всегда была и будет ея покровительницей и спасительницей».²²

Такова вкратце история несостоявшегося сотрудничества Ризова в «Вестнике Европы». Как и его письма к Михайловскому, обращение Ризова к Стасюлевичу проливает дополнительный свет на отношения русских литераторов конца века с общественными деятелями в славянских странах.

²⁰ ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1221.

²¹ См.: Болгария в ее исторических, этнографических и политических границах. Атлас, содержащий 40 карт с предисловием Д. Ризова, Берлин, стр. V—VI (Атлас издан на четырех языках: немецком, английском, французском и болгарском).

²² ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1221. В письме к Стасюлевичу от 16 (28) декабря 1887 г. Ризов иронизирует над своим «довольно варварским русским языком», упоминая, что он обучался ему в Македонии.

Начиная с 1897 года, не порывая с журналистикой, Д. Ризов вступает на путь дипломата²³ и использует свои приезды в нашу страну для организации общественного мнения в пользу национально-освободительной борьбы славянских народов. В декабре 1898 года, запасшись рекомендательным письмом от служившего тогда в Болгарии профессора П. Милюкова, он посещает Л. Толстого с надеждой умолить «современного апостола поднять свой могучий голос в пользу недобитых моих братьев в Македонии».²⁴ Бывая в России, Ризов живо интересуется событиями литературно-общественной жизни страны.

До посещения Толстого он принял участие в публичном диспуте в связи с присуждением М. И. Туган-Барановскому степени доктора политической экономии и побывал на литературно-музыкальном вечере в честь Л. Н. Толстого, билет на который помог Ризову достать Михайловский. Оба эти «события» происходили 19 декабря 1898 г., первое — в актовом зале Московского университета, второе — в театре Корша. Литературный вечер, на котором читались рефераты о творчестве Толстого (Н. К. Михайловским, Н. Н. Златовратским, П. И. Вейнбергом, Вл. Ив. Немировичем-Данченко, А. И. Эртелем и др.), исполнялись отрывки из произведений писателя и ставились живые картины по мотивам его сочинений, произвел большое впечатление на Ризова. По его словам, вечер вылился во «впечатляющую могучую манифестацию в честь гениального писателя» (стр. 158). Автор статьи пишет о своей глубокой любви к творческому гению Л. Толстого, все основные произведения которого он хорошо знал, и одновременно о сдержанном отношении к его вероучению, которое возникло у Ризова под влиянием критики последнего Михайловским (стр. 151).

На следующий день после литературного вечера Ризов отправился к писателю в его дом в Хамовническом переулке, но застал только дочь и жену Толстого. Татьяна Львовна, девушка «с твердым интеллигентным лицом . . . одна из наипреданнейших последовательниц учения своего отца и его личный секретарь» (стр. 160), узнав о цели визита гостя, выразила сомнение в том, сможет ли Толстой помочь ему в македонском вопросе, и одновременно подчеркнула, что двери дома ее отца широко открыты для всех желающих. Во время беседы появилась Софья Андреевна, которую Ризов характеризует как женщину «высокого роста, с энергичным лицом, выглядевшую значительно моложе своих лет». Поздоровавшись с гостем, она тут же извинилась,

²³ В 1897—1899 годах Ризов находился на дипломатической работе в Скопле (Българска енциклопедия, София, 1936, стр. 1334).

²⁴ Д. Ризов. На гости у графа Л. Н. Толстой (Мисль, 1900, кн. III и IV, стр. 153). В дальнейших цитатах из этой статьи, совершенно обойденной нашим толстоведением, номера страниц журнала указываются непосредственно в тексте.

что вынуждена оставить его, так как торопится на музыкальный вечер в честь Рубинштейна, большой поклонницей которого она назвалась (стр. 161). Татьяна Львовна собиралась на следующий день поехать в Ясную Поляну и пригласила с собой Ризова. На станции Ясенка прибывших встретил сын писателя, Лев Львович, «совсем еще молодой человек, слабого телосложения, с рыжими усами и бородой, абсолютно не похожий на своего знаменитого отца» (стр. 162). По просьбе Ризова, брат с сестрой уехали вперед, а он, наняв извозчика, по дороге в имение разговаривал с ним о Л. Толстом. «Эх . . . много видел я на свете господ, — сказал возница, — но никогда не встречал такого доброго барина. Граф просто святой: он живет с нами, одевается в нашу одежду, говорит, как крестьянин, и помогает нашему брату, чем только может. Граф пишет крестьянам прошения начальству, когда встретится в том нужда, пашет и жнет за простых крестьян и делает это не хуже нашего брата. Недавно он целых три дня чинил печь у одной бедной вдовы. Он так хорошо знает простых людей, как будто родился среди них, и сразу видит, действительно ли нуждается человек, или притворяется, чтобы чем-нибудь от графа поживиться. Словом, просто святой и все тут.

И графиня и дети его тоже хорошие люди» (стр. 163).

Расспрашивая возницу, автор статьи пришел к выводу, что услышал общее мнение о Толстом местных крестьян.

Приехав в Ясную Поляну, Ризов сразу же был проведен в столовую, где его уже ждал Толстой, предупрежденный о приезде болгарского гостя своими детьми. «Передо мною находился старик лет 70, среднего роста, с сияющим лицом, с большой белой бородой и усами, с довольно крупным приплюснутым носом, с не особенно большими серыми глазами и необыкновенно широким челом, с темными волосами на голове. Он был одет в черную домотканную блузу и такие же панталоны, перепоясан кожаным черным ремнем и обут в грубые сапоги наподобие арестантских кот» (стр. 164).

Отмечая большое сходство с оригиналом многих известных ему портретов Толстого, Ризов вместе с тем подчеркивает, что ни один из них не передает характерную для писателя печать гения. Не сумел, по мнению автора статьи, уловить эту особенность и «знаменитый русский художник Репин, написавший с натуры наиболее удачный портрет Толстого. Этот неуловимый признак заключен во взгляде писателя. Ничего подобного толстовским глазам я не видел в жизни. В них нет того пламени, которым, по рассказам очевидцев, Наполеон покорял своих собеседников. Но когда всмотришься в глаза писателя, вам кажется, что они бездонны и бескрайны, как перспектива в известной картине Делатая „Бивуак“. А когда Толстой посмотрит на вас, вы не можете преодолеть странного чувства, что этот прозрачный взгляд, эти серые глаза, которые, кажется, только добродушно смотрят

на вас, пронзают ваш череп, проникают в душу и видят там все, как в зеркале. Заглянув в глаза Толстого, вы сразу же поймете, что невозможно скрыть от него свои чувства. И вам станет ясно, почему даже такой первоклассный портретист, как Репин, не смог уловить и передать его всевидящий и всепроникающий взгляд» (стр. 165).

Ниже приводится текст беседы Ризова с Толстым, который, по нашему мнению, воспроизводит *подлинное содержание* состоявшегося между ними разговора. Об этом, в частности, свидетельствует тождество сведений, сообщенных собеседником Толстого, с печатными выступлениями русского писателя, которые в ряде случаев стали известны только длительное время спустя после публикации воспоминаний Ризова. Характерно и то, что в тех случаях, когда собеседник Толстого недостаточно точно запомнил его высказывания (например, некоторые суждения о Марксе и русских марксистах), он отказался от их публикации. Случаи совпадения сообщаемых Ризовым сведений с известными высказываниями Толстого оговариваются нами в примечаниях.

Беседа началась с воспоминаний писателя о его жизни в Болгарии накануне Крымской войны. В шуточной форме Толстой рассказал Ризову и присутствовавшим на беседе своим детям, что он на всю жизнь запомнил одну из своих поездок с ординарцем в имение болгарского вельможи во время осады Силистры, в которой принимал участие, благодаря мучениям, доставленным ему блохами. «Никогда в жизни, — с комическим ужасом воскликнул Толстой, — я не встречал в одном месте такого количества блох, которые бы так зло кусали и так высоко прыгали» (стр. 165).

Этот эпизод, рассказанный писателем, вероятно с целью дать возможность гостю оправиться от первого смущения, сразу придал беседе непринужденный характер. После рассказа Ризова об успехах в Болгарии Милюкова, выслушанного Толстым с большим интересом, собеседники касались самых различных общественно-политических, литературных и бытовых тем. Краткое упоминание В. Велчева о том, что Ризов обратился к Толстому с просьбой «выступить в защиту поработенного македонского народа и других славянских народов»²⁵ составляет хотя и важный, но только один из эпизодов этого интересного и весьма примечательного разговора. Подтверждая известную интерпретацию Толстым некоторых существенных сторон жизни его эпохи, он вместе с тем содержит дополнительные штрихи, важные для характеристики мировоззрения писателя.

Любопытно, например, возмущение Толстого вероотступничеством болгарского князя, который согласился для получения престола переменить веру своих отцов. Приводя этот эпизод, Ризов упоминает, что он даже не пытался возражать хозяину, так как

²⁵ Литературное наследство, т. 75, кн. 2, М., 1965, стр. 333.

понимал, что всякое убеждение Толстого — результат длительного и мучительного процесса его мысли. Она настолько срослась со всем его существом, чем легче «отнять часть его тела, чем лишиться убеждения» (стр. 166).

Глубокая убежденность писателя в справедливости выстраданных им мыслей бросалась в глаза во всем. Так, например, он заметил за обедом, состоявшим из вегетарианских блюд: «Растительная пища предпочтительнее во всех отношениях, она вкусна и питательна. Обратите внимание на животных: наиболее полезны из них те, которые едят растительную пищу» (стр. 168). Во время обеда Ризов рассказал о своих впечатлениях от московского вечера в честь Толстого, на котором, как выяснилось, присутствовала также Татьяна Львовна. Писатель был «приятно смущен» оказанными ему почестями, а услышав от дочери, что из докладчиков особый успех выпал на долю Михайловского, заметил: «Этого и следовало ожидать: молодежь его очень любит» (стр. 169).

В связи с упоминанием Ризовым о диспуте Туган-Барановского зашла речь о марксизме в России. Толстой высказал свое отрицательное отношение к марксизму, назвав его «общественной эпидемией», и ошибочно приписал ему стремление к обезземеливанию крестьянства с целью превращения последнего в фабричного рабочего.²⁶ Имея в виду широкое распространение в России 90-х годов легального марксизма, писатель видел причину этого явления не в пролетаризации основного населения страны, а «в сектантской общественной атмосфере», которую создал и поддерживает «наш государственный строй» (стр. 169). «По поводу марксизма и Маркса, — добавляет Ризов, — Толстой говорил еще что-то, но я плохо это запомнил и потому боюсь передать, чтобы не исказить мысли Толстого» (там же).

В беседе об евангелии, к которому разговор перешел затем, писатель повторил свои широко известные мысли. С глубоким убеждением, с горящим взглядом «вдохновенного пророка» Толстой сказал: «Когда правда и любовь преобладают в мире, наступит подлинная свобода и настоящий мир среди людей. Только правдой и любовью можно основать на земле „царство божие“, которое составляет высшее благо, доступное человечеству» (стр. 170). Выслушав религиозно-нравственные сентенции Тол-

²⁶ Сходные мысли Толстой высказывал печатно. Так, в статье «Рабство нашего времени» он писал: «Экономическая наука уверилась в том, что все сельские рабочие должны неизбежно пройти через городское фабричное состояние» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 34, ГИХЛ, М., 1952, стр. 158). В вариантах статьи «Великий грех» писатель приводил по этому поводу мнение «передового русского социалиста»: «Если русский народ еще не пролетариат, то это оттого, что он отстал. Он должен *опролетариться*; сам Маркс сказал это» (там же, т. 36, стр. 471). О марксизме см. также дневниковые записи Толстого (т. 53, стр. 85, 206).

стого, Ризов пришел, однако, к парадоксальному на первый взгляд выводу о его весьма критическом отношении к религии и широком свободомыслии. Считая писателя «анархистом» в самом «широком, чистом и гуманном» понимании этого слова, Ризов остроумно замечает: «Если бы сегодня на землю сошел Иисус Христос воевать с существующим злом, он, вероятно, бы назначил Толстого начальником своего штаба» (стр. 179).

Любопытен рассказанный Толстым его разговор с одним из деятелей консервативной партии, на вопрос которого о причинах отсутствия в этом лагере талантливых людей писатель ответил: «Это обыкновенное и легко объяснимое явление. Талантливые люди, которые не рабы и низкие эгоисты, не могут быть в вашем лагере по той простой причине, что вы, консерваторы, защищаете жестокий, несправедливый общественный порядок, оставшийся нам от самых мрачных исторических эпох. Этот общественный строй находится в противоречии с „правдой божьей“. И поскольку всякий талантливый человек это хорошо понимает, он не может прийти в ваш лагерь, если в нем не угасли окончательно те благородные человеческие порывы, которые вложил в его душу бог. Чувство справедливости у человека врожденно» (стр. 170—171).

Воспользовавшись нравственным оттенком беседы, Ризов обратился к Толстому со своей заветной просьбой, о которой упоминалось выше. Однако, как и предвидела Татьяна Львовна, писатель отказался выступить печатно в защиту македонцев от турецкого ига, подчеркнув, что задача его «чисто этическая, а не политическая» (стр. 172). Верный своему учению, он при этом заметил, что при всем сочувствии к угнетенным болгарам не может принять участия в борьбе одного народа с другим, защищать власть христиан над властью турок, так как ему «всякая человеческая власть противна» (стр. 173).

Из других тем, которые затрагивались в беседе, отметим ответы писателя на некоторые специальные вопросы, заданные ему Ризовым. Так, Толстой высказался против вмешательства в пресловутое «дело Дрейфуса», отметив, что в России «невинно арестованных гораздо больше, чем во Франции. Недавно тюремный священник сообщил мне, что только жертвы судебных ошибок составляют 7% между нашими арестантами; а истинно невинны — почти все. Так стоит ли заступаться за единственного невинно заключенного во Франции, когда в нашей России их несметное число?» (стр. 176).²⁷

²⁷ В статье «О Шекспире и о драме» Толстой, отмечая ажиотаж, охвативший мировую прессу в связи с делом Дрейфуса, писал, что «только через несколько лет люди стали опоминаться от внушения» и пришли к выводу, «что у каждого есть тысяча дел, гораздо более близких и интересных» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 261).

На вопрос Ризова, собирается ли писатель продолжить работу над романом «Декабристы», последовал отрицательный ответ, как и относительно романа о Петре Великом: «В обоих этих работах я не нашел того, что искал, — общечеловеческого интереса. И затем я был сильно увлечен своим новым романом „Воскресенье“ который надеюсь скоро окончить» (стр. 177).

В посткриптуме статьи, напечатанной через полтора года после его визита к Толстому, Ризов сообщал, что прочитал «Воскресенье» в двух изданиях, русском и заграничном, и обнаружил существенные разночтения, вызванные цензурными изъятиями в первом из них. Автор статьи извещал о своем намерении перевести на болгарский язык заграничное издание романа, переведенное Толстым и снабженное превосходными иллюстрациями Пастернака. В июльской книжке журнала «Мысль» за тот же 1900 год объявлялось о скорой публикации «Воскресенья» в переводе Ризова, который, очевидно, явился первым переводом знаменитого произведения Толстого на болгарский язык. . .

В начале своей статьи о Толстом Ризов сообщал, что, находясь в России, он встречался со многими политическими и литературными деятелями нашей страны. Рассказанные выше эпизоды делают очевидным необходимость дальнейшего исследования связей болгарского журналиста с русскими литераторами.²⁸

²⁸ В 1910-е годы, в бытность послом Болгарии в Италии, а затем в Германии, Ризов познакомился с Горьким и несколько раз писал ему. См. об этом нашу статью: М. Горький и Д. Ризов. В кн.: Горький и его современники. Изд. АН СССР, Л., 1968.

В. К. Петухов

ИЗ АРХИВА П. А. РОВИНСКОГО

Научная деятельность П. А. Ровинского (1831—1916) оставила заметный след в развитии отечественного славяноведения.

Судьба ученого богата неожиданными поворотами и отмечена печатью подлинного драматизма. Еще будучи студентом Казанского университета, Ровинский делает свой выбор: увлеченный лекциями В. И. Григоровича, он решает посвятить себя славяноведению. «Трудно было ожидать, чтобы при тогдашней скудности библиотечных средств много было охотников изучать „славянские наречия“, но охотники все-таки были, например, мое любопытство и любознательность в этом направлении встретились с такой же любознательностью моего старшего приятеля П. А. Ровинского», — вспоминает по этому поводу А. Н. Пыпин.¹

В 1852 году по окончании курса Ровинский получает место преподавателя Казанского университета. Казалось бы, перед начинающим ученым открываются блестящие перспективы. Однако три года спустя, осенью 1855 года, он навсегда лишен права преподавания. Причиной столь крутой перемены в жизни Ровинского послужило его участие в революционном движении. Позднее он выступает в роли одного из активных руководителей «Земли и воли».² В 1860—1861 годах ученому довелось побывать в Чехии, а в конце 60-х годов он становится корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей» в Австрии и Сербии. Результатом этой поездки, помимо многочисленных корреспонденций, явились статьи, опубликованные в «Вестнике Европы».³

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М., 1910, стр. 38.

² Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. ГИХЛ, 1958, стр. 322, 324, 327—328, 557—559; Е. В. Михайлов. Письмо А. А. Слепцова П. А. Ровинскому от 3 (16) апреля 1905 г. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., изд. «Наука», М., 1965, стр. 426—431.

³ Санкт-Петербургские ведомости, 1868, №№ 81, 97, 117, 120, 150, 151, 171, 173, 178, 190, 212, 219, 277, 291; Два месяца в Сербии. Вестник

В 1870 году в судьбе Ровинского намечается новый поворот: он едет в Западную Сибирь и Монголию. Судя по ряду обстоятельств, маршрут поездки обусловлен не только живым интересом ученого к этнографии. Именно в этот период единомышленники Ровинского готовят побег с каторги Н. Г. Чернышевского. Так или иначе, поездка дала ученому богатый материал для трудов, обнаруживающих яркое дарование Ровинского как этнографа.⁴

В 1874—1878 годах мы застаем Ровинского в несколько неожиданной роли директора колонии для малолетних преступников под Петербургом. Впрочем, роль эта перестает казаться столь уж неожиданной, если вспомнить о давней склонности ученого к педагогической деятельности, в праве на которую ему было отказано.

Дальнейшая деятельность Ровинского самым тесным образом связана с Черногорией, где он с незначительными перерывами живет начиная с 1879 года в течение почти тридцати лет.

В этот период ученый трудится над фундаментальным исследованием «Черногория в прошлом и настоящем» (тт. I—III, 1888—1911), который ему, к сожалению, не суждено было завершить и полностью опубликовать — ряд фрагментов дошел до нашего времени в рукописных набросках.

Той же теме посвящены десятки статей и заметок Ровинского, рассеянных в русской периодике конца XIX—начала XX века.

Такова в общих чертах пока еще малоизученная творческая биография П. А. Ровинского, чьи труды могут послужить серьезным подспорьем для современных исследователей истории русской общественной мысли и славистики.

Целесообразно напомнить о богатейшем рукописном наследии ученого, хранящемся в Ленинградском отделении Архива АН СССР.

Большая часть материалов личного архива Ровинского отражает его неослабевающий интерес к истории, археологии, этнографии и литературе Черногории конца прошлого—начала нынешнего столетия.

Существенным вкладом в изучение культуры этой страны могла бы явиться оставшаяся в рукописи работа Ровинского о черногорской литературе XIX века, которая, по замыслу автора, должна была войти в состав четвертого, неосуществленного тома его исследования — «Черногория в прошлом и настоящем». Значительное место в ней занимает анализ творческой деятельности выдающегося поэта Югославии П. Негоша.

Работа Ровинского представляет тем больший интерес, что создавалась в очевидной полемике с единственной пока в русском

Европы, 1868, кн. 6, стр. 364—386; Белград, его устройство и общественная жизнь. Вестник Европы, 1870, кн. 4—5, стр. 132—188; 530—579.

⁴ Изв. Сиб. отд. РГО, 1871, т. I, вып. 4—5; 1872, т. 2, вып. 4—5; 1872, т. 3, вып. 3, и т. д.

славяноведении многографией, посвященной поэзии Негоша, автором которой является П. А. Лавров.⁵ Интересно отметить, что следы этой полемики можно обнаружить и в более раннем труде Ровинского, в котором автор подходит к решению проблем, связанных с наследием Негоша, скорее как историк, нежели как литературовед.⁶

Определенную ценность для славистов имеет также публикуемая ниже заметка, написанная в 1903 году по поводу черногорских периодических изданий XIX века и вводящая читателя в круг научных интересов Ровинского.⁷

Черногорские издания второй половины века

Возобновление литературной деятельности при князе Николае, как и при владыке Петре II, связано с именами сербов, не являющихся уроженцами Черногории. Первым из них был поп Йован Сундечич, родом далматинец, бывший преподаватель высшей богословской православной школы в Задре, успевший уже в то время обратить на себя внимание в сербском мире своим патриотизмом и поэтическим даром.

Первым шагом на литературном поприще было издание календаря «Орлић» в 1865 году. В этом проявилось влияние направления, взятого еще в период правления владыки Петра II, при котором издавался альманах «Грлица», тем более, что и по содержанию это издание носило тот же характер.

В самом начале был календарь, а затем шли статьи, заключающие в себе сведения относительно современного положения Черногории — статистические данные о княжеском семействе и составе правительств; рассказы из прошлого Черногории и относящиеся к тому повести; наконец, поэзия — народная песня и стихотворения. Главным образом альманах этот наполнялся самим редактором; сотрудником его был архимандрит Никифор Дучич, сподвижник Луки Вукаловича в герцоговинском восстании, после которого он перешел на жительство в Черногорию. В числе сотрудников был известный католический священник, далматинский патриот и писатель М. Павлинович и другие сербо-хорватские писатели; но участие местных литературных сил незаметно, да и не было их. Только князь печатал некоторые из своих стихотворений и между ними отрывок из драмы «Краль Вукашин».

Календарь этот продолжался подряд шесть лет, затем возобновлялся в 1875 и 1885, но ограничивался одним годом.

⁵ П. А. Лавров. Петр II Петрович Негош. Владыка Черногорский и его литературная деятельность. М., 1887.

⁶ П. А. Ровинский. Петр II (Раде) Петрович Негош. Владыка Черногорский (1830—1851), СПб., 1889, стр. III—IV, стр. 154—155.

⁷ Архив АН СССР, ЛО, ф. 123, оп. 1, № 75, стр. 30—40.

В 1871 году стал выходить «Црногорац», еженедельная политическая газета, под редакцией серба из Воеводины С. Поповича и рядом с этим в виде научно-литературного приложения «Црногорка». Но первый прекратился в начале третьего года своего существования, вследствие того что ему запрещен был вход в австрийские земли, а второй вышло только 22 номера: для дальнейшего продолжения ее не было в Сербии достаточно литературных сил. «Черногорец» же в 1873 году продолжался, переименовав свое название на «Глас Црногорца», и сохранился до наших дней, переменял только своих редакторов. Не выходил только год и три месяца, во время последней войны (1877—1878). За все это время только с нынешнего года он редактируется черногорцем (1903 г. июнь месяц — Ж. Драгович), а то все были сербы из Австрии.

Кстати поименуем и другие журналы, выходившие в Черногории, так как в них главным образом и выразилась ее литературная деятельность. Иован Павлович, редактировавший с 1879 года «Глас Црногорца», в 1884 вздумал издавать литературный еженедельный журнал «Црногорка». Этот журнал тотчас обратил на себя внимание сербской читающей публики. Во всех сербских журналах появились самые лестные отзывы о «Черногорке». Люди литературы и науки в том же смысле выражались в частных письмах редактору. И действительно, после первых черногорских изданий «Черногорка» представляла крупный шаг вперед. Особенное внимание обращалось на критику и рецензии вновь вышедших сочинений о Черногории.

Тем не менее она просуществовала только полтора года.

М. Драгович в своей библиографии⁸ видит причину этого в том, что ей был запрещен доступ в австрийские земли, где больше всего могло быть читателей. Но мы имеем более веское свидетельство об этом самого редактора Й. Павловича, который по прошествии полутора года, тогда достаточно полно определил положение журнала; в передовой статье «Мртачки оглас Црногорца» (Объявление о смерти), № 20, заявляет что издание прекращается, так как «Сербский народ не хочет читать „Черногорку“, а это доказывается тем, что за полтора года она не могла приобрести больше 83 подписчиков». Несмотря на это, в том же году, как бы взамен «Черногорки», начинает выходить «Зета», но и она едва дотянулась до конца года (вышло всего 20 номеров). После этого три года черногорские литературные силы отдыхали, участвуя в других сербских изданиях. Зато в 1889 году возникает сразу три издания «Просвета», как орган министерства народного просвещения и церковных дел, под редакцией особого комитета; научно-литературный журнал «Нова Зета» — оба ежемесячные; и календарь «Грлица» — оба под редакцией Л. Томановича. Пер-

⁸ Покушај за библиографију о Црној Горе Цетиње, 1892.

вое из них имело все условия для существования, так как была органом министерства, которое больше всех других нуждалось в более широком, гласном обсуждении различных вопросов, касающихся народного просвещения; для учителей и священников, составлявших в то время главный контингент черногорской интеллигенции; с одной стороны, оно служило руководством и поучением, с другой — давало возможность высказать свои мысли, почерпаемые из школьной практики, свои потребности и желания. Учителя и священники являлись в одно время его читателями и сотрудниками; они же были его обязательными подписчиками. За границей также обратили на нее внимание, особенно интересовали печатавшиеся в нем отчеты о состоянии школ. Русский синод выписывал 50 экземпляров для рассылки по своим духовным заведениям. Таким образом обеспечивалось его материальное существование. Оно, однако, останавливалось менее чем на один год, а в 1892 году жило под редакцией И. Сундечича и уже не прерывалось до 1903 года, редактируемое потом самим министерством. «Нова Зета» не была так счастлива и едва дотянулась до 1891 года, в котором вышло только 4 номера. На один год пережила ее и «Грлица».

В 1895 году выходит новый литературный ежемесячный журнал «Луча», орган общества «Горски Вијенац», продолжавшаяся до 1900, а с прекращением ее в 1901 году стал выходить «Књижевни лист», орган «Џетињске Читаонице и Горског и Вијенца», но в конце 1902 года он прекратился, не выпустивши книжек за ноябрь и декабрь.

Приобрел типографию и город Никшич, и там стали тотчас же (1898) издавать политическую газету «Невесинье», которая, однако, скоро прекратилась вследствие протеста австрийского правительства, так как в ней были слишком разные статьи против действий Австрии в Боснии и Герцеговине. После стали издавать «Оногшт» (старинное имя Никшича), который занимался уже только черногорскими делами и просуществовал два года.

Теперь следовало бы охарактеризовать каждое из этих изданий по отдельности, но по содержанию и направлению разницы между ними нет никакой. Задачу каждого составляло, с одной стороны, воспитать в своем народе любовь к чтению, с другой — вынести на свет то, что Черногория представляла и представляет в своей исторической и современной жизни. В общем направление патриотическое. Поэтому вы тут найдете поэзию в народной песне и произведения в стихотворной форме современных поэтов; повести и рассказы из народной сербской жизни; научные статьи, касающиеся Черногории, исторического и фольклористического характера; затем следуют биографии знаменитых людей, главным образом сербов и вообще славян, и сведения о новых сочинениях, касающихся Сербства или появившихся в сербско-хорватской ли-

тературе; наконец, критика некоторых сочинений, переходящая в полемику, иногда очень упорную. «Просвета» отличалась тем, что в ней печатались распоряжения епархиального начальства, проповеди и вообще статьи богословского характера, а также отчеты о школах. Пока участвовал в ней И. Сундечич, появились статьи в духе сближения сербов и хорватов, православных и католиков, что составляло его излюбленную идею. Разница еще и та в целой журналистике, что вначале редакторами и руководителями были сербы не из Черногории и участвовали более зрелые силы, проявлявшие себя раньше, в чужих изданиях, а потом появляются новые, молодые силы и, наконец, последние два издания «Луча» и «Књижевни лист» переходят совершенно в руки этих молодых сил, что, однако, не исключает участие в них более старых литераторов.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

**А. ФЕТ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ИМЕНИ СЛАВЯН**

(Новый автограф поэта)

Введение в научный оборот прежде неизвестного автографа писателя всегда является определенным событием историко-литературного значения. Но еще большую важность приобретает оно, когда документ приоткрывает какую-либо дополнительную черту жизни и творчества, доселе либо совершенно неизвестную, либо плохо изученную. К числу таких примеров без преувеличения можно отнести пока еще неопубликованное сочинение А. Фета «Объяснение имени словянин по Шафартику и Колару и собственное мое мнение по этому предмету».

Рукопись, на которую мы хотим обратить внимание, хранится в Институте украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР в составе фонда О. М. Бодянского — она поступила сюда в 1930-е годы из Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, куда в свое время попала вместе с другими рукописями собрания А. А. Титова.

Рукопись Фета представляет собой автограф поэта и невелика, занимая всего 12 страниц. Она написана чернилами некрупным и довольно хорошо читаемым почерком с собственноручной подписью автора в конце.

Судя по содержанию сочинения и по записи, сделанной вверху на первой странице карандашом («Апреля 26-го 1844 г., в среду»), перед нами студенческая работа, относящаяся к последнему году пребывания Фета в Московском университете. Само по себе это чрезвычайно существенно для понимания истории возникновения славистического произведения Фета и места, которое юношеское произведение может занимать в его творческой биографии.

Как известно, в 40-е годы прошлого столетия в русских научных и литературных кругах проблемы происхождения славян вызвали оживленную полемику и становились порой предметом

не только узконаучных, но и общественно-политических спекуляций. Примечательно, что именно в этом своем качестве они нередко вызывали подозрительное отношение к себе со стороны властей. Даже благонамеренные издатели «Москвитянина» С. П. Шевырев и М. П. Погодин оказались при этом под наблюдением. Так, попечитель Московского учебного округа граф Строганов в 1842 году направил в Министерство народного просвещения донос, в котором обвинил «Москвитянин» в стремлении поддерживать национальную борьбу южных и западных славян и «явно рукоплескать порывам их к эмансипации».¹ Независимо от исходных позиций редакции подобное вмешательство в события текущей жизни представлялось официальным кругам неуместным вторжением в «виды правительства». И докладная Строганова, которой в тот период правительство не дало хода, не была единственным документом подобного рода.

Во всяком случае очевидно, что тема, избранная Фетом для студенческого сочинения, носила отнюдь не просто академический характер, а была навеяна научными и журнальными дебатами тех лет. Более того, возможно, она была прямо подсказана Фету кем-либо из круга М. П. Погодина, занимавшегося как раз в то время изданием «Славянских древностей» П. Шафарика в русском переводе О. М. Бодянского.

Как видно уже из заглавия, сочинение Фета построено на основе разбора трудов крупнейших представителей зарубежного славяноведения первой половины XIX века — П. Шафарика и Яна Коллара. Оба они, будучи словаками по происхождению, равно принадлежат культуре двух братских народов — чехов и словаков. Как можно судить, Фет воспользовался, во-первых, капитальным трудом П. Шафарика «Славянские древности», вышедшем в свет в Праге на чешском языке в 1837 году и, во-вторых, появившейся несколькими годами ранее книгой Яна Коллара «Рассуждения об имени, происхождении и древности славянского народа и его племени» (Будин, 1830). Помимо этих двух, основных для него трудов, Фет в той или иной степени ссылался и на другие источники и исследования. Среди них была и «История чешской литературы» Й. Добровского, вышедшая дважды на немецком языке в Праге в 1792 и 1818 годах.

Уже первые строки работы Фета свидетельствовали о том, что он стремился не просто изложить те или иные точки зрения, но и разобраться в них. «При вопросе о произношении слова славянин и связанного с ним производства этого имени, — писал Фет в начале своего сочинения, — смотря по тому, пишется оно через *О* — славянин или через *А* — славянин, два ученых изыскателя древностей славянских Шафарик и Коллар истожили всю свою ученость». Авторов, которые употребляли имена сла-

¹ ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, № 1550, л. 2,

зян, Фет делил на две группы — на отечественных, «у которых преобладает буква О ... и на иноземцев, у которых встречается буква А». Констатируя такое различие, Фет стремился выяснить, какое написание с исторической и филологической точек зрения более правильно. Для этого он и приступает к разбору аргументации и выводов Шафарика и Коллара, фамилию которого он, между прочим, пишет через одно «л».

Приступая к изложению позиции Шафарика, Фет упоминает приведенные в «Славянских древностях» ссылки на греческих и римских авторов, на данные русских летописей, фольклора и топонимики, а также на сочинения таких авторов, как Максим Грек, М. Смотрицкий и Дмитрий Ростовский. Кроме того, Фет вкратце отмечает отношение Шафарика к его предшественникам. «Отчего же произошло название славян», — спрашивает после всего сказанного Фет и пишет: «На этот вопрос Шафарик отвечает: „От слова“».

Затем он переходит к более подробной сравнительно с Шафариком характеристике позиций Яна Коллара. Примечательна общая оценка, которую давал Фет оппоненту Шафарика и творцу поэмы «Дочь Славы», воспевающей мотивы славянской общности. «Коллар, соотечественник Шафарика — словак, живущий в Пеште, — говорит Фет, — сначала с великим успехом подвизался на поэтическом поприще, так что между современными чешскими поэтами занял первое место. Впоследствии он оставил поэзию для критики и первым опытом было „Разыскание о происхождении Словян, Антов и Сербов“. Потом, по просьбе самого Шафарика написать несколько замечаний на его разыскания, он написал критику на сочинение сего последнего под названием „Богиня славы“».

Фет приводил соображения, содержащиеся в этих двух трактатах Яна Коллара и заключающие в себе попытку объяснить происхождение имени славян от древнего божества («Слава»), которое, по мнению Коллара, было связано с индийской или, как написано у Фета, индейской мифологией. Отметим, что в числе прочих доказательств Фет упоминает и употребление слова «слава» в памятниках древнеславянской письменности, в том числе в «Слове о полку Игореве».

Таким образом, сочинение Фета свидетельствует, что его автор довольно хорошо, отнюдь не понаслышке, знал труды Шафарика и Коллара и достаточно свободно оперировал содержащимися в них фактами и мыслями. Это не означает, разумеется, что изложение Фета безупречно. Наоборот, он далеко не всегда точно передавал оттенки позиции Шафарика и Коллара по спорному вопросу. Например, Шафарик совсем не так решительно и определенно высказывался о происхождении имени славян. Нам уже приходилось подчеркивать, что стремление к научной точности порой не позволяло Шафарiku делать окончательные выводы. Он

сознательно оставляя на усмотрение своих продолжателей те проблемы, для решения которых в данный момент не обладал необходимыми фактами. Именно так он поступил и в определении источников появления слова «славянин», решительно указав, что отказывается «от всяких других предложений, какими бы лестными и приятными для наших видов они ни были». Все та же научная добросовестность не позволила Шафарику принять или даже серьезно разобрать эмоциональные доводы Коллара в его концепции происхождения «славян» от культа языческой богини. «Признаюсь Вам, что я ослеплен столь великой славой, так что уж теперь ничего не вижу», — восклицал он в письме Й. Юнгману в 1830 году, ознакомившись с «Рассуждениями» Коллара.² Всего этого Фет в сочинении не уловил.

Но Фет не ограничился передачей взглядов Шафарика и Коллара. По ряду вопросов он не только высказывал определенные критические суждения, но и выдвигал собственные наблюдения. Заслуживает, в частности, внимания то глубокое понимание мифологии, какое обнаружил студент Фет и которое отнюдь не превратилось в те годы в общепризнанное положение. Касаясь доводов Коллара в «Богине Славы» в защиту важности использования данных мифологии в научном исследовании, Фет с недоумением замечал: «На это мы со своей стороны можем только заметить, что, несмотря на полную справедливость взгляда Коллара на мифологию, удивительно, как он доказывает истину, в которой едва ли кто будет сомневаться, зная, что в истории ничего не бывает даром, что мифология — это и есть зерно истории каждого народа и что в ней-то преимущественно выражается та или другая идея его жизни. разумеется по большей части *in Werden*», т. е. так, как это должно бы было быть. Следовательно, Фет, придерживавшийся мнения, что «мифология — это и есть зерно истории каждого народа», стоял на передовых для уровня науки своего времени позициях.

Не менее важно подчеркнуть, что Фет попытался вскрыть смысл спора о происхождении имени славян. Отрицая «пустое словопрение», которое «ни к чему не может привести, разве при разрывке исторического хлама, к какой-либо вовсе неожиданной и блестящей находке», он пронизательно обнаружил здесь «желание дать славянскому народу ту или другую основную мысль, лежащую в значении самого слова». Трудно сказать, это ли имел в виду Фет, но применительно к романтически-патриотической позиции Коллара высказанное им убеждение имело прямое отношение. Вспомним, какое значение в возбуждении чувства национального самосознания в Чехии сыграли в XIX веке так называемые древнечешские рукописи, «открытые» В. Ганкой, а на са-

² Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1959, стр. 217. Оригинал письма хранится в фонде Й. Юнгмана в ГПБ, отд. рукописей.

мом деле подделанные весьма искусно филологами-романтиками во имя патриотизма!

Но, быть может, Фет и не шел столь далеко, о чем говорит хотя бы его стремление в заключительных строках своего сочинения примирить, согласовать друг с другом взгляды Шафарика и Коллара. Сделать это было невозможно не только в силу разности аргументации и подхода того и другого, но и ввиду существенных различий в их идейной позиции: хотя Шафарик тоже отдал дань романтизму в науке, его суждения, основанные, как правило, на данных научной критики, не идут ни в какое сравнение с гипотезами поэта-романтика Коллара.

Как видно, небольшое студенческое сочинение Фета касалось одной из проблем, волновавших русское, в частности московское общество 1840-х годов. Фет несомненно продемонстрировал при этом не только умение работать над анализом трудов зарубежных славистов и интерес к ним, но и непосредственный интерес к чешской и словацкой культуре. Это тем более важно отметить, что позднее, сколько известно, славистика не привлекала к себе Фета специально. Поэтому студенческая работа Фета не просто неизвестный эпизод в его биографии, но и в определенном смысле документ литературно-культурного развития русского общества 40-х годов XIX века и расширявшегося в нем интереса к братской чешской и словацкой культуре.

* * *

Ниже приводится текст сочинения А. Фета, подготовленный нами к печати по фотокопии, любезно предоставленной Отделом рукописей Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко, сотрудником которого, пользуясь случаем, мы приносим благодарность.

*Объяснения имени словянин по Шафарику и Колару
и собственное мое мнение по этому предмету³*

При вопросе о произношении слова словянин и связанного с ним производства этого имени, смотря по тому, пишется оно через *О* — словянин или через *А* — славянин, два ученых изыскателя древностей славянских Шафарик и Колар истощили всю свою ученость. Постараемся сначала изложить по возможности сжато мнение того и другого по порядку и потом скажем наше собственное.

Шафарик исследует сначала, где встречается это название у древних писателей, и находит, что слово это встречается очень

³ Здесь и далее примечания наши. Слова, набранные в разрядку в оригинале рукописи Фетом подчеркнуты или выделены иным образом. В подготовке текста к печати принимала участие Т. А. Мыльникова.

часто у иноземных и своих писателей; у одних с буквой *А*, у других с *О*. Название это так часто встречается, что Ходаковский в своем Географическом словаре насчитывает до 200 имен, напоминающих славян. У русских это имя встречается в первый раз в печати в грамматике Смотрицкого так: Грамматика Словенская. Потом в грамматике Максима Грека уже другая форма: славянская. У самих славян в третий раз оно напечатано в букваре XVII века.⁴ Рассматривая встречающиеся имена славян у писателей, мы должны разделить этих последних на два порядка.

На отечественных, у которых преобладает буква *О*: словене, словине, словяне, и иноземцев, у коих встречается буква *А*: Slawi. Иностранные писатели вставляют еще букву *К* и *Т*, как например Stawani, Sklawones и пр. Какая же из этих форм чище?

Шафарик на этот вопрос отвечает, что наша, потому что мы сами, вероятно, лучше знали, как произносится имя наше. Что же касается до Греков и Римлян, то они везде заменяют *О* буквой *А* и вставка *К* и *Т* объясняется тем, что им трудно было произносить сочетание *SL*. Примером замены буквы *О* буквой *А* могут служить Δαβραγαστος вместо Доброгост, Драγαμῆρος вместо Драгомир. Но буква *О* изменяется в *А* и в некоторых славянских наречиях, что объясняется свойством самих наречий. Что касается восточных народов, то не удивительно, что у них название славян встречается с буквой *А*, например: Sqlawaei, Saklab, Sakalib. Во-первых, в санскритском, родственном нам языке, буква *А* до того преобладает перед всеми другими гласными, что всякая гласная уже по природе своей заключает в себе букву *А*.

Другие восточные народы подслушали произношение нашего имени, говорит Шафарик, у греков, а начальное *А* на арабских языках есть член. Это перешло и в другие языки. Сербы, кажется, и поныне употребляют слово а стол вместо стол.⁵

Касательно формы на *А* в русских книгах, Шафарик говорит, что они были переправлены греческими учеными и в этом случае: славянин подвергся одинаковой участи со многими другими словами: так, Русь, Русский из Россия, Российский, Иисус вместо Иус. В свое время Дмитрий Ростовский истощил все красноречие, чтобы доказать преимущество первой формы, приведенной нами, перед второй. От русских в XVII веке эта, так сказать, огреченная форма перешла через униатское духовенство и в Га-

⁴ Здесь Фетом допущено некоторое изменение последовательности событий. Деятельность Максима Грека на Руси относится к 1518—1556 годам. Первое издание «Грамматики» М. Смотрицкого выходит в свет в Евье в 1619 году, в Москве — в 1648 году. «Азбука», о которой пишет Фет, вероятно всего, учебник В. Ф. Бурцева, выпущенный им в Московском печатном дворе в 1634 году.

⁵ Видимо, описка. В сербохорватском языке бытуют два обозначения слова «стол» — астал и астала.

лицию. Название улицы новгородской С л а в а н ы Шафарик производит не от имени народного с л о в я н и н, но от главы семейства, отца, как это было и с другими, например Ильина, Добрыня, утверждая, что этот С л а в а н не давал своего имени народу и что в противном случае, если бы народ получил свое название от Слована, то по духу языка славяне назывались бы славичами, потому что наше ич, польское iz есть, так сказать, отеческое и соответствует греческому -ιδης, -ides: πεχειιδης, τριαμιδης и немецкому -ing.⁶ Отчего же произошло название славян? На этот вопрос Шафарик отвечает: от слова λόγος, что соответствует церковному слую, русскому слову. Последнее соответствует и однозвучным греческим κλώω. Только η перешло в ѳ. Из окончания они согласны с духом языка москвитянин, полочанин, лужичанин, Шафарик говорит, что с л о в я н и н — имя местное, получившее уже впоследствии общее значение. Добровский подтверждает это, замечая: я думаю, что земли первоначально назывались Slawi. Шафарик говорит, что если земли точно назывались с л а в и, то не от слава, ибо первоначально названия происходят от предметов видимых, а не отвлеченных. Немецкое Sklaw уже образовалось гораздо впоследствии. Вот мнение Шафарика. Теперь перейдем к противнику его и послушаем, что говорит он об этом предмете.

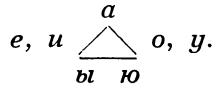
Прежде, нежели мы приступим к изложению доводов Колара, в оправдание своего мнения касательно нашего предмета позволим себе краткое отступление в пользу личности этого критика.

Колар, соотечественник Шафарика — словак, живущий в Пеште, сначала с великим успехом подвизался на поэтическом поприще, так что между современными чешскими поэтами занял первое место. Впоследствии он оставил поэзию для критики и первым его опытом было «Разыскание о происхождении Словян, Антов и Сербов». Потом по просьбе самого Шафарика написать несколько замечаний на его разыскания он написал критику на сочинение сего последнего под названием Б о г и н я с л а в ы. Это сочинение состоит из писем к Шафарiku и оканчивается сравнением славянской мифологии с индийской.⁷ В начале сочинения, говорит он, что корнесловие имени какого бы то ни было народа не ведет еще ни к чему, и в доказательство приводит пример самого Шафарика. Доводы свои разделяет он на три части: этимологическую, историческую и мифологическую. Здесь оправдывает он значение мифологии в деле истории. На это мы со своей стороны можем только заметить, что, несмотря на полную справедливость взгляда Колара на мифологию, удивительно, как он до-

⁶ О новгородских улицах, о которых здесь идет речь, см.: А. И. Семенов. Древняя топография южной части славянского конца Новгорода. Новгородский истор. сб., вып. 9, 1959, стр. 55—73. О Славенской ул. см. стр. 66.

⁷ Т. е. индийской.

казывает истину, в которой едва ли кто будет сомневаться, зная, что в истории ничего не бывает даром, что мифология — это и есть зерно истории каждого народа и что в ней-то преимущественно выражается та или другая идея его жизни, разумеется, по большей части *in Werden*. Приступая к критике, Колар сперва обращает внимание на звук *А* и замечает, что он старше других звуков. Он говорит, если мы представили б взаимное отношение гласных, то они образуют в глазах наших следующую фигуру:

Следовательно, *А* есть корень всех других гласных. В санскритском языке для означения подобного изменения употребляется знак, называемый *ви ра ма*. Изменения с одной стороны, т. е. в *е, и*, были свойственны немецким языкам, с другой же стороны, т. е. в *о, у*, — славянским. Так, санскритские слова с буквою *А*, переходя к нам, меняют ее на *О*. Например *агн*, огонь, агонь, ви-гонь; *заря*, зоря, зиря; *слава*, слова, слива, слува. Это слово перешло изменения по всем гласным. Главной причиной изменения, говорит Колар, в слове *славянин* буквы *А* в *О* было христианство. Строгий аскетический дух этого учения, низвергая идолы язычества, старался истребить все, что могло бы напомнить о них народу. Поэтому весьма естественно, что христианству было противно слышать народное имя, в котором звучит гордое языческое имя любимой богини *Славы*. (Имя этой богини соответствует греческой *клио* от слова *κλωω*). Чтобы увериться в таком предположении влияния христианства на изменение в языческом имени народа, стоит припомнить одушевленные проповеди против идолопоклонничества.

Кроме того, что христианство заключало в себе побудительную причину оставить слово *слава* для производства народного имени, оно подало еще и повод заменить его словом. В первые времена христианства образовалась сильная Иоаннитская секта. Духовные писатели избегали языческих имен, и христиане заменяли свои языческие христианскими. Так, *Владимир* — *Василий*, *Ярослав* — *Георгий*. В сказании о святом *Прокопии* даже *слава* изменена в *слово* из христианского смирения. В нем сказано: «слово его распространилось повсюду» вместо «слава его и пр.». В мирских же сочинениях напротив того *слава* сохранилась, так, в «Песне о полку *Игореве*» очень часто встречается *слава*. Так же личные имена, произведенные от этого слова, как менее общие, остались неизменными. Да они и менее противоречили духу христианства, как например, *Богуслав*, *Небослав*. Несмотря на то, некоторые из смирения и здесь не хотели носить это слово в имени своем. Так, *Ростислав*, основатель Велико-Моравской державы, не хотел полного имени и оставил только *Расти*, как известно

у многих писателей.⁸ Обращаясь к замечаниям Шафарика о словах: *слюю, словити, Колар* и тут доказывает ему, что *словити* и *славити* одно и то же. В плаче Ярославны встречается: «О, Днепр, *Словутич*», пресловутый в чешском и у нас, хотя это слово получило другое значение. В мифических именах тоже преобладает *А* у славян. Богиня *Морана* от *мор* миру и по-санскритски так называется, а у славян *Марана*. *Каляда* у западных славян, *Кащ, Кощей, Кашей* и т. д. Что касается до личных имен составных со словами *слава*, то они, смотря по свойству наречий, в которые переходят, изменяются, но только в первой половине, а во второй никогда: так, *Благослав* в *Блогослав*, *Рагислав* в *Рогислав*. Даже у полабских древлян, которых немцы по привязанности их к звуку *О* называли *Hohlzungen*, не изменяли буквы *А* в *О* в словах с *Slaw*.

О древности звука *А* в слав можно судить по *Дитмару*, который в IV веке переводит имя *Болеслав* словами *Majoslaus*.⁹ У большей части иностранных писателей *А*. Они пишут *Slawi, Sklawowi* и т. д.

Добровский говорит в «Истории чешской литературы»: *Sklaw ist das Lieblingswort der Slawen*. *А* почему? Потому что напоминает народность. *Шафарик* говорит, что столько же слов, составленных с *гость*, *мир*, как с *слав*. На это *Колар* отвечает числами. В суде *Любуши* на *gost, mig* ни одного, на *слав* 12,¹⁰ в слове о полку *Игоре* с *гость* 1, с *мир* 1, с *слав* 14, в *Договоре* *Олега* с греками с *гость* и *мир* ни одного, а с *слав* 3. Чтобы отклонить отговорку, будто бы личные имена не имеют связи с местными, приведем в пример *Иудеи, Иуда; Готы, <нрзб>; Элада, Эллас; Афины, Атений; Рим, Ромул и Рем*.

За этим следуют этимологические доказательства преимущества формы *Славянин*. Чем короче слово, тем оно древнее. *А* что *Slaw* было первоначальной формой, это доказывает окончательное прибавление в составных древних именах. Если бы вместо *Slaw* было *Слов*, то откуда же древние взяли первую форму.

Наконец, заключает *Колар*, несправедлив укор *Шафарика* иностранцам, будто бы они не умели правильно произносить нашего имени. Во-первых, если греки и римляне сохранили много наших имен правильно, то почему же бы именно они не сохранили народного имени. Во-вторых, греки и особливо римляне щеголяли звуком *О*, так что в одном периоде *Цицерона* насчитывается 160 *О*, и между

⁸ Великоморавская держава — одно из ранних государственных объединений чешского и словацкого народов в IX веке.

⁹ Скорее всего имеется в виду хронист *Дитмар Мерзебургский* (около 975—1019).

¹⁰ Так называемая древняя рукопись, содержащая «Суд *Любуши*», представляет собой подделку начала XIX века из круга *В. Ганки*, до второй половины столетия признававшуюся большинством ученых за подлинный памятник древнечешской письменности. Как таковую поэму рассматривали *Шафарик, Коллар*, а за ними и *Фет*.

тем эти же греки и римляне сохранили в имени нашем букву *А*, а не *О*. Что касается до нас, то мы сами еще более ломаем и чужие (так что узнать нельзя) и свои названия, например славянин в одном наречии звучит шловянин, в другом свованин, свовак. И можно ли предположить, чтобы мы только одни писали наше имя правильно, а вот иноземцы ложно? Касательно ссылки Шафарика на Птолемея, у которого сохранилась буква *О* — *Sloweni*. Колар говорит, что спор еще не решен, разумеет ли он под этим народ. А если и разумеет, то все-таки против одного *О*, встречающегося у древних писателей, у других говорят 100 *А*.

Заклучивши этот краткий ход доказательств того и другого критика, позволим себе мимоходом высказать некоторые мнения касательно этого предмета.

Во-первых, мы вполне соглашаемся с Коларом, что пустое словопрение ни к чему не может повести, разве при разрывке исторического хлама к какой-либо вовсе неожиданности и блестящей находке. Но, несмотря на чисто историческую цель почтенных критиков, в словах их проблескивает, против воли может быть, желание дать славянскому народу ту или другую основную мысль, лежащую в значении самого слова, в котором тот или другой хочет отыскать корень его названия.

Древность буквы *А* говорит в пользу Колара. Что касается до исправления духовных книг, то нельзя не согласиться, что греческое *О*-любивое ухо, о котором говорит Колар, внесло эту букву в наш книжный язык. Стоит только вслушаться и теперь в речь или чтение грамотного простолюдина, чтобы увериться, что он грек и душою и телом, у него звук *А* не существует, разве из милости где, когда на нем неизбежно ударение. Поэтому гораздо лучше допустить, что греческое духовенство переправляло у нас *А* на *О*, а не *О* на *А*. Что же касается до наречий, то одна Россия представляет в этом случае столько причудливых изменений, что едва легко можно составить какие-либо рамки для объяснения подобного разноязычия. Мы уже вверху заметили о тайном желании обоих критиков дать славянам значущее название и в этом-то желании мы видим точку их примирения. Согласясь даже с Шафариком в производстве слова славянин от *λόγος* — слую, слыву, словити, мы не можем не согласиться с Коларом в истине, очевидной всякому русскому, что словити и славити одно и то же. Итак, если мы и примем слово — *λόγος* за корень древнейший в имени славянин, то мы все-таки должны будем принять, что это корень не непосредственный, а посредствован через Славу Богиню и через Славонию землю. Тогда спор прекратится сам собою.

А. Фет.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза В. А. 238, 241, 245
 Абаза Н. С. 233—235, 237, 241—244
 Абкина М. 161
 Авл Геллий 185
 Азадовский М. К. 33, 190
 Айвазовский И. К. 214
 Айзеншток И. Я. 189
 Айхенвальд Ю. М. 162
 Аксаков И. С. 33, 34, 35, 37, 39—42, 52, 68, 73, 79—84, 86, 91—93, 109, 247
 Аксаков К. С. 37, 86, 109, 110
 Аксаков С. Т. 193
 Александр Александрович, наследник 240, 241, 245
 Алексеев В. А. 39
 Алексеев М. П. 164, 221
 Алмазов Б. Н. 68
 Амфитеатров А. В. 128, 132, 137, 153, 154, 156, 157, 161
 Андреев (см. Чернышевский)
 Андреев Л. Н. 151
 Андреева Е. С. 220
 Анненков П. В. 98, 231
 Анненский Н. Ф. 128, 132, 143, 145, 146, 162
 Антецкий А. 209
 Анучин Д. Н. 147, 149, 150
 Аптекман О. В. 131, 164
 Ариосто Л. 191
 Арменжон В. 159
 Арсеньев В. К. 130
 Астахова А. М. 187, 191
 Артнер Г., фон 11
 Атанацкович Пл. 26
 Афанасьев-Чужбинский А. С. 217—220
 Ахрамеев В. Д. 242
 Ашукин Н. С. 98

 Бабукич В. 23
 Базанов В. Г. 129

 Байрон Дж.-Г.-Н. 99—101, 104, 105
 Бандтке С. 189
 Бантыш-Каменский Д. Н. 68
 Бараньский Эб. 131, 132, 145, 198, 202, 203, 204, 208
 Бартеньев П. И. 82
 Барятинский В. А. князь 237, 243
 Баскаков В. Н. 217
 Батюшков Ф. Д. 195
 Бахтин Н. Н. 49
 Безбородко И. А. 95
 Белинский В. Г. 8, 101, 102, 194, 214
 Белый Л. М. 164
 Белянская И. М. 158
 Беляев Н. И. 241
 Бенда В.-Ч. 54, 66, 74—77, 225, 229
 Бенедиктов В. Г. 109
 Берг Н. В. 47, 48, 50, 51, 68, 69, 98, 103, 104, 108—115, 117
 Берлей В. С., лорд 180
 Бернштейн И. А. 43
 Бессонов П. А. 45, 46, 86, 187
 Бестужев М. А. 97
 Бестужев-Рюмин К. Н. 62
 Бжозовский (Бржозовский) Ст. 151
 Боборыкин П. Д. 111, 198
 Богатырев П. Г. 167, 171
 Богданович А. И. 141, 160
 Богович 114, 116, 117, 119
 Боград В. Э. 246
 Богучарский 128, 156, 157, 158
 Бодянский О. М. 12, 20, 28, 61, 265, 266
 Божаччо Дж. 183
 Болдырева Е. В. 157
 Боричевский И. 194
 Боткин С. П. 243, 245
 Боучек Я. 176
 Бочаров И. П. 101
 Браунер Фр.-А. 228
 Брентано К. 183
 Брокгауз Ф. А. 98

- Будилович А. С. 47, 59, 65, 66, 107, 117, 119
 Булгаков В. Ф. 173, 175
 Булгаков К. Я. 243
 Булгакова Е. К. 237, 242
 Бурцев В. Ф. 270
 Буслаев Ф. И. 184
 Быков П. В. 231
 Бэлза Ст. 204
 Бюргер Г.-А. 99
 Бялый Г. М. 164
- Вавра Э. М. 36, 66
 Варпаховский В. П. («Володя»), 240, 245
 Варынский Л. 125
 Василевский Л. В. 163
 Вахсмут В. 10
 Веже 162
 Вейнберг П. И. 100, 101, 115, 204, 253
 Велеминский К. 167, 169, 171
 Велчев В. 255
 Вельтман А. Ф. 96
 Венгеров С. А. 95, 109, 208
 Венелин Ю. 11, 12
 Вентцель Н. 163
 Венциг И. 84
 Вепринский П. М. 164
 Вересаев В. В. 144, 151
 Верстовский А. Н. 193
 Веселовский Алексей Н. 49, 52, 154, 155
 Веселовский В. 39
 Веселовский Н. И. 129, 133, 142
 Вико Дж. 101
 Виланд Х.-М. 191
 Вилани (Виллани) Д. М. 63, 114
 Вильчинский В. П. 247
 Винарицкий К. (см. Винаржицкий К.) 11, 63
 Виноградов В. В. 194
 Виноградов Н. Д. 188
 Винтер М.-Л. 229
 Владимир, вел. князь 19
 Владимир Александрович, вел. кн. 239—245
 Владимиров П. В. 192
 Владиславлевич Д. 23
 Вовчок Марко 68
 Войцицкий К. В. 194
 Волгин 98
 Вольф М. О. 194
 Вонлярлярский В. А. 68
 Воронцов-Дашков И. И. 240, 245
 Востоков А. Х. 15, 121
 Врба Я. 168
 Вревская Н. П. 234, 235, 240
- Вревская Ю. П. 231, 233—235, 241—244
 Вревский Н. И. 235
 Вревский И. А. 233
 Вржосек 163, 164
 Вртятко А. 73
 Вукалович Л. 261
 Вукатинович Л. 114
 Вульф К. 98
 Вырубов Г. Н. 232
 Выспянский С. 124
 Вяземский П. А. 110
- Габсбурги 53
 Гавличек-Боровский К. 42, 47—53, 64, 71, 76, 77, 112
 Гай Л. 21, 23
 Гайота Е.-Л. 209
 Гакстгаузен А. 228
 Галактионов А. А. 29, 31
 Галек В. 47, 66, 224
 Галуэицкий Б. 87, 90
 Ганейзер Е. В. 164
 Ганка В. 23, 39, 41, 43, 45, 47, 57, 62, 68, 73, 74, 77—84, 87, 91, 103, 111, 112, 223, 224, 226, 268, 273
 Гаршин В. М. 199, 243
 Гаттала М. 93
 Гегель Г.-Ф.-В. 30
 Гейдук А. 66
 Гельцелет Я. 78, 81
 Геннади Г. Н. 98
 Гербель Н. В. 48, 50, 95—111, 113—123
 Гербель Н.-Ф. 95
 Гербель О. И. 99
 Гербен Я. 167—169, 171—177
 Гердер И.-Г. 183
 Геродот 18
 Герцен А. И. 31, 32, 71, 74, 97—99, 101, 157, 158, 159, 160, 171, 227
 Гете И.-В. 99, 100, 102, 104, 123
 Гильфердинг А. Ф. 32, 33, 42—45, 47, 50, 54—68, 73—80, 83, 107, 117, 226, 230
 Глаголев Н. М. 152, 160—162
 Гнедич Н. И. 6
 Годжа М. 88
 Гозенпуд А. А. 193
 Гоголь Н. В. 68, 96, 194
 Голицын 245
 Голицына А. В. 236, 237, 241, 243
 Головацкий Я. Ф. 25, 118—120
 Гольцев В. А. 155, 156, 162, 197—200, 208
 Голубев М. 86
 Гомер 6

- Гомулицкий В. 198, 209, 210
 Гончаров И. А. 69, 71
 Горбунов-Посадов И. И. 166, 173
 Горнфельд А. Г. 128, 146
 Горький А. М. 128, 129, 141, 147, 150—154, 164, 258
 Гофман Э.-Т.-А. 104
 Грабарь И. Э. 95
 Грабовский М. 219
 Гребенка Е. П. 104
 Греков Н. П. 100
 Грибановский Н. Н. 124, 164
 Грибовская А. Н. 198
 Григорович В. И. 20, 28, 116, 259
 Григорович Д. В. 68, 199, 224
 Григорьев А. А. 7, 68, 187
 Грильпарцер Ф. 183
 Громова А. И. 133
 Гроссман Л. П. 178, 182, 200
 Грюже К. 185
 Гудзий Н. К. 173
 Гулак-Артемовский П. П. 188, 189
 Гурко Н. В. 236, 240, 242, 243
 Гурский П. 137
 Гус Я. 45, 59, 60, 168
 Гусев Н. Н. 168, 173
 Гюго В. 166
- Дабиж В. Д.** 216
 Далимил 183
 Даль В. И. 68
 Дамич А. Ф. 115
 Данилевский Г. П. 198, 201, 209
 Данилевский Н. Я. 34, 53
 Даниловский Г. 151, 153, 198, 209
 Данте (Дант) Алигьери 123
 Данчев И. Г. 250
 Данчев Н. Г. 250
 Даскалов Х. 39
 Дашиньский И. 157
 Дашкевич Н. П. 194
 Делоней (Делонэ) Т. 178—180, 182—184, 186
 Дементьев А. Г. 91
 Державин К. Н. 118
 Деспот-Зенович А. И. 134, 140
 Диккенс Ч. 203
 Дион Кассий 184
 Дитерихс И. К. 169
 Дитмар Мерзебургский 273
 Дмитриев С. С. 29
 Дмитрий Донской 15
 Дмитрий Ростовский 267, 270
 Добровольский Л. М. 98
 Добровский И. 15, 63, 266, 270
 Добролюбов Н. А. 100, 105
 Доброхотов Б. 193
 Доде А. 203
- Долодушна М. («сестра Марья»). 237, 243
 Дондуков-Корсаков А. М. 24, 244
 Дондукова-Корсакова М. М. 237, 238, 243
 Дороватовский С. 155, 160
 Достоевский Ф. М. 49, 69, 71, 74, 203
 Драверт П. 125
 Драгневич Н. 232
 Драгович Ж. 263
 Драгович М. 262
 Драгоманов М. П. 189
 Дружинин А. В. 104
 Дубенский Д. Н. 96
 Дубровский К. 164
 Дурдик П. 221—223, 227, 228, 230
 Дучич Н. 261
 Дюрингсфельд И. 76
- Евецкий О.** 11
 Еж Т. 195, 198, 209
 Екатерина II 96
 Елеонский С. Ф. 193
 Ельницкий А. Е. 95
- Жеромский С.** 124, 127, 144, 151, 196, 198, 209
 Жеротин К. 60
 Жинзифов К. (Р.) 117, 118
 Жирмунский В. М. 100
 Жозя (см. Дитернус И. К.)
 Жорж Санд 227
 Журавская Э. 206, 207
- Завадский И.** 217, 218, 220
 Завитневич В. В. 38
 Загоскин Н. Н. 68, 69, 193, 194
 Зайцева А. А. 62
 Заневский К. К. 164
 Запольская Г. 209
 Зедделер Л. Л. 237, 244
 Зейлер А. 119
 Зехентер Г.-К. 80, 82, 83, 87—90, 227, 229
 Златоврацкий Н. Н. 253
 Зох Ц. Т. 87
- Иван IV** 14
 Иванов-Желудков В. П. (см. Кельсиев В. И.)
 Иванович И. 247, 248, 250
 Иванчин-Писарев А. И. 142
 Иванчина-Писарева Л. В. 143
 Иванчич И. 88
 Игорь, кн. 18
 Иезбера (Езбера) Ф. 112
 Иероним Пражский 45
 Илинский П. А. 241, 242

- Ионаш К. 168
 Ионов В. М. 126, 163
 Ирасек И. 64, 70
- К**
 Казали А. 119
 Казанович Е. П. 97
 Калайдович К. Ф. 190
 Калоусек Й. 87, 90
 Калчев К. 249
 Камарит И. В. 63
 Каменский Г. 164
 Канаев Н. П. 164
 Каравелов П. 247
 Караджич В. С. 12, 21, 23, 26, 110
 Карская Г. С. 39, 64, 72
 Кастелец М. 121
 Касторский М. И. 108
 Катков М. Н. 34, 49
 Каченовский М. Т. 5, 18, 188, 189
 Качковский С. 200
 Кельсиев В. И. 88
 Кениг (Черикова) С. А. 232
 Кетчер Н. Х. 101, 102
 Кизеветтер А. А. 147, 156, 162
 Кипренский О. А. 214
 Киприяновские 236
 Киреев А. А. 36
 Киреевский П. В. 13, 14, 25, 68, 187
 Кирилл 108
 Кирша Данилов 187, 190
 Киттары М. Я. 216
 Клацел Ф.-М. 228
 Клеменс Ю. 198
 Клеменц Д. А. 130
 Клицпера В.-К. 43, 63, 66, 224, 225
 Клун К. 39
 Княжевич Д. М. 13, 17, 20
 Коган П. С. 182
 Коженевский Ю. И. 200, 217, 220
 Козлов И. И. 108
 Козлов П. А. 101, 109
 Козловский Л. 164
 Козьма Пражский 183, 184
 Козмин Н. К. 5, 13, 17
 Коларж Й. 48, 49, 52, 69, 94, 222, 224, 226
 Колейка Й. 34, 71
 Колесницкая Н. И. 190
 Коллар Я. 14, 23, 26, 38, 47, 48, 50, 51, 60, 61, 71, 111, 112, 116, 265—269, 271—273
 Коменский Л. А. 60
 Кон Ф. Я. 163, 164
 Кондратович Л. (см. Сырокомля)
 Кони А. Ф. 203
 Конобеев В. 243
 Конопницкая М. 124, 196, 198, 202, 209
 Копержинский К. А. 189
- Копга И. 173—175
 Копитар В. 21—23
 Корженевский (Коженевский) Ю. 200
 Корнев П. С. 244
 Корнева Е. А. 238, 244
 Корниловы С. П. и В. П. 236, 237, 241, 243
 Короленко В. Г. 125, 128, 130—132, 134, 141—147, 165, 199, 208
 Корш Ф. 253
 Костомаров Н. И. 117, 120
 Костромин В. 162
 Косякевич В. 210
 Котельников В. Г. 228
 Котляревский Н. А. 84
 Коубек Л. П. 63, 66
 Кохановская Е. В. см. Соханская Н. С.
 Кохановский Я. 114
 Кочнев Д. 126, 163, 164
 Кошелев А. И. 39, 40, 77, 79, 86, 92, 109, 199
 Кошелев Я. Р. 130, 164
 Крабб Дж. 99
 Краевский А. А. 54, 102
 Краппе А. Н. 184
 Красинский Э. 195
 Краснов Г. В. 118
 Крашевский Ю. И. 39, 194, 200, 202, 213—218, 220
 Крейчи Я. 93
 Крестовский В. В. 69, 245
 Крешев И. С. 104
 Кривенко С. Н. 132, 134, 143
 Кубка Ф. 168, 173—177, 226
 Кублицкая-Пиоттух Е. А. («Марушка») 237, 242, 243
 Кузеля Э. 184
 Кукольник Н. В. 214, 215
 Кукулевин-Сакцинский И. 92, 119
 Кулешов В. И. 157
 Кулиш П. А. 39, 68
 Куприна М. К. 152
 Кухарский А. 11
 Кшижановский Ю. 124, 186
- Л**
 Лавров В. М. 195, 198—212
 Лавров П. А. 131, 262
 Лавровский П. А. 33, 47, 77
 Лада 208—210
 Ладыжников И. П. 151
 Ламанский В. И. 33, 34, 35, 37, 38, 47, 117
 Лангер Л. 63, 66
 Ланды С. 128, 133
 Лебедев А. А. 94
 Левин Ю. Д. 48, 95, 98, 204
 Левицкий 137

- Левшин В. А. 188, 190—194
 Ледницкий А. 196
 Лемке М. К. 97, 128, 157—160
 Ленарчик Е. 151
 Ленин В. И. 29, 33, 70, 125—127, 155
 Лепко О. А. 109
 Лермонтов М. Ю. 66, 108, 232
 Лесевич В. В. 128, 130, 132, 141, 143, 164, 248
 Лесков Н. С. 69, 200, 203, 207, 208, 230
 Лешикар Й.-Л. 74
 Лион С. Е. 164
 Лобойко И. М. 189
 Ломоносов М. В. 15, 95, 96
 Лонгинов М. Н. 105
 Лоужил Я. 226
 Лупанов И. П. 191
 Льдов К. 164
 Ляцкий Е. А. 156
- Маак Р. К.** 129
 Мажуранич А. 21, 23, 117
 Майков А. Н. 47, 107, 109, 117
 Майнов И. И. 129, 130
 Макаров Н. Я. 103
 Маковицкий Д. П. 166, 168—171
 Максим Грек 267, 270
 Максимович М. А. 96, 188, 189
 Малый 39, 43
 Мальчевский А. 195
 Мамай 19
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 208
 Манн Ф. О. 181
 Маноцков В. 197
 Марек А. 63
 Мария Николаевна, вел. кн. 243
 Марк Аврелий 182, 185
 Маркевич А. 68
 Марк К. 255, 256
 Мармонтель Ж.-Ф. 191
 Мархлевский Ю. 145
 Масарик Т. Г. 168
 Матушевский И. 210
 Маха К. Г. 41, 43, 47, 63, 66, 71, 225
 Мацейовский В. 187, 189
 Мей Л. А. 47, 108, 109, 117
 Мейе Л. 201, 204
 Мейснер А. 69
 Мендельсон Н. М. 132, 133
 Менжинская Ю. И. 163
 Мериме П. 12
 Мессия П. 185
 Миддендорф А. Ф. 129
 Миклошич Ф. 22, 26
 Миковец Ф. Б. 43, 63
 Миличевич М. 39
 Миллер О. Ф. 107, 109, 117, 184
- Миллер Ф. Б. 109
 Милютин Д. А. 244
 Минаев Д. Д. 47, 65, 207
 Миролюбов В. С. 139, 141
 Митрофанова В. В. 191
 Михайлов Е. В. 260
 Михайлов М. Л. 47, 97, 98, 103, 104, 108, 117
 Михайлова-Штерн С. 161, 163
 Михайловская М. 162
 Михайловский В. 198
 Михайловский Н. К. 103, 106, 132, 141, 143, 158, 199, 246—253, 256
 Михаловский Д. Л. 104, 122
 Мицкевич А. 39, 108—111, 119, 126, 139, 158, 188, 189, 194, 195, 201
 Мицкевич В. 158
 Миш С. 179
 Морозов М. М. 178
 Мошковский А. 202
 Мстислав Владимирович, кн. 19
 Музепс П. К. 183
 Мурзакевич Н. Н. 215, 216,
 Мьяльников А. С. 266
 Мьяльникова Т. А. 269
 Мякотин В. 196
- Надеждин Н. И.** 5—28
 Надлер В. К. 45
 Назарова Л. Н. 231
 Назимов М. А. 232
 Налимов А. П. 162, 163
 Нарышкина А. Н. 236, 241
 Небеский В. Б. 63, 224, 225
 Негош П. 260, 261
 Недолин А. 160
 Некрасов Н. А. 97, 100, 104, 107, 110, 225
 Некрасова Е. С. 232
 Немец Й. 74, 75, 80, 225, 226
 Немец К. 75, 80, 83, 89, 91, 93, 230
 Немец Я. 229
 Немирович-Данченко В. И. 253
 Немоевский А. 208, 210
 Немцова Б. 39, 47, 49, 52—54, 63, 64, 71, 72—91, 93, 94, 167, 221, 222, 224—230
 Немцова Т. 230
 Непомуцкий Я. 168
 Неруда Я. 45, 65—67, 167, 168
 Нессельроде К. В. 24
 Нидерле Л. 18
 Никандров П. Ф. 29, 31
 Никитин С. А. 35, 36, 106
 Николаев В. Н. 125
 Николаев Н. 151
 Николай I 243
 Николай I Негош 262

- Новиков Е. П. 45
Новосильцева М. П. 236, 237, 241, 243
Новотный М. 74—76, 89, 226, 228
Нэш Т. 179
- Оболевич В. Б. 164
Огарев Н. П. 97, 108, 157
Огераль Ян. 76
Огородников В. 161
Огрызко И. 134
Ожешко Э. 124, 137, 196—198, 201—211
Оранский С. 160
Осипович Н. М. 125
Остоя (Савицкая) Ю. 211
Островский А. Н. 68, 69
Охрименко П. П. 189
- Павленков Ф. Ф. 250
Павлинович М. 262
Павлов М. 234, 245
Павлович Я. 23, 262
Павлович П. 39
Павский Г. 25, 26
Палацкий Ф. 62, 113, 121, 183, 228
Панаев И. И. 96, 100
Панаева (Головачева) А. Я. 96
Пантелеев Л. Ф. 98, 128, 129, 134, 135, 137—141, 144, 162, 163, 222, 259
Пантелеева С. В. 128, 134—138, 144
Паплонский И. И. 39
Патера А. 49, 53, 69, 70, 113, 228
Пекарский Э. К. 129
Першина Э. В. 71
Пестель П. И. 30
Петкович К. 39
Петр I 95, 96
Петр II Негош. 261
Петрович М. Б. 30
Петровская Э. Г. 47—50, 52, 93, 94, 231
Петровский М. П. 33, 42, 47, 48, 50—53, 68—70, 84—88, 91—95, 108, 109, 116, 117, 121
Петровский Н. М. 38
Петухов В. К. 260
Пешкова Е. П. 150, 164
Пикколомини Э. С. 185
Пиксанов Н. К. 131, 165
Пилсудский Ю. 127
Пиотровская А. Г. 196
Пирогов Н. И. 243
Пирх 11
Писемский А. Ф. 68, 69
Пихлер К. 11
Пихтин М. В. 133
Плетнева А. В. 74
- Плеханов Г. В. 128
Плещеев А. Н. 109
Плутарх 184
Плюмар 14, 16
Победоносцев С. П. 194
Погодин М. П. 31, 38, 50, 109, 266
Подгаецкий В. Д. 232
Покровская И. А. 170, 171
Полевой П. Н. 95, 96
Полонский Л. 197, 202, 203
Полонский Я. П. 199, 231
Пономарев С. И. 105
Попов А. Н. 38
Попов Н. А. 49
Попов П. Н. 189
Попова О. Н. 161, 162, 163
Попович В. 39, 262
Попович С. 263
Попруженско М. Г. 48, 213, 215
Порочкина И. М. 168
Поссе В. А. 128, 155
Потанин Г. М. 128—132, 138, 140
Потанина А. В. 139
Потоцкий А. 211
Потресов А. Н. 155
Потто В. 233
Прейс П. И. 20, 28
Прерадович П. 39, 117
Пресл Я. С. 62
Прешерн Ф. 114, 117
Прийма Ф. Я. 5
Пришбрам Я. 60
Пришелец Я. 125
Прокопович Н. Я. 104
Прокофьева Д. С. 194, 220
Протопопов М. А. 200
Прус Б. 124, 136, 196—198, 202, 204, 208, 211
Птоломей 274
Пугачев Е. 141, 144
Пуркине Я. Е. 62
Пушкин А. С. 66, 68, 74, 96, 98, 108, 109, 117, 193
Пфлегер-Моравский Г. 66, 113
Пшибышевский Ст. 196
Пыпин А. Н. 43—45, 47, 55, 58, 61, 63, 66, 70, 73, 77, 84, 86, 89, 119, 163, 189, 221—230, 259
Пятницкий К. П. 128, 150—153, 164
- Радлов В. В. 148
Раевский М. Ф. 41, 42, 68, 73, 75, 77, 79—83, 88, 91, 93
Радищев А. Н. 192
Радищев Н. А. 192, 193
Расстопчина (Ростопчина) Е. П. 68
Рашель (Феликс Э. Р.) 68
Рейсер С. А. 107
Редько А. М. 146

- Реймонт Вл. 124, 198, 202, 208, 211
 Реусс Г. 87
 Ржевуский Г. 220
 Ригер Ф.-Л. 42, 87, 113, 121, 228
 Ризов Д.-Х. 246—253, 255—258
 Риттерсберг Л. 39, 43, 77
 Рихтер А. А. 232, 244
 Робертс У. 182, 183
 Ровда К. И. 29, 55, 58, 64, 66, 70, 93, 95, 110, 113, 117
 Ровинский П. А. 47, 58, 63, 259, 260, 261
 Ровнякова Л. И. 124, 195
 Рогожин В. Н. 190
 Розенбах Н. О. 237, 244
 Розов В. А. 194
 Рокицана Л. 60
 Роллинс Х. 184, 185
 Романович-Славатинский А. В. 96
 Романовский Е. М. 237, 243
 Романовский Н. М. 237, 243
 Романовский С. М. 237, 242
 Ромась М. А. 151
 Рубеш Л. 66
 Рупп В. 229
 Руссо Ж.-Ж. 175
 Рылеев К. Ф. 98
 Рыскин Е. И. 98
- Сабина К. 63, 66, 67**
 Савченко С. В. 188
 Сайленс Р. 169
 Салтыков-Щедрин М. Е. 208, 265
 Самарин Ю. С. 38
 Самойлович А. 126, 164
 Сахаров И. П. 186—189, 190
 Сахарова А. 198
 Свентоховский А. 196
 Свенцицкий В. 125
 Светич М. 23
 Светлая К. 49
 Свистов И. 154
 Север (Мацеевский) И. 211
 Северов 165
 Седлецкий А. 201
 Семевский М. И. 109
 Семенов А. И. 271
 Семенов Тян-Шанский П. П. 126, 140, 148
 Семидалов В. И. 129, 130
 Семчук А. 197, 208
 Сенкевич Г. 124, 195, 196—198, 202, 203, 206, 211
 Серафимович А. С. 154
 Серошевская М. 152
 Серошевская П. 134
 Серошевский В. Л. (псевд. Wagrunowski, Супко) 124—160, 164, 165, 198
- Сеченов И. М. 208
 Сибирякова А. М. 143
 Сипович А. 129, 137
 Сиповский В. В. 191, 193
 Сирко Вацлав (см. Серошевский В.)
 Скляр А. 160
 Скобелев М. Д. 245
 Скрипилев М. О. 191
 Скосырев П. Г. 96
 Скотт В. 102
 Славинский М. 197
 Сладкович А. 72
 Слепцов А. А. 99, 134, 143, 259
 Сливовский Р. 200
 Словацкий Ю. 195
 Смотрицкий М. 267, 270
 Соймонов А. Д. 14
 Соймонов М. Н. 99
 Соколов А. Н. 192
 Соколовский А. Л. 104
 Соллогуб В. А. 233
 Соловьев С. М. 5
 Соловьева А. П. 67
 Сопиков В. С. 190
 Соханская Н. С. 69
 Спасович В. Д. 86, 119, 140, 208, 221, 229
 Срезневский В. И. 97
 Срезневский И. И. 16, 20, 28, 73, 96, 215
 Стаматович П. 23
 Станюкович К. Я. 130, 198
 Старчаков А. 161
 Стасов В. В. 220
 Стасюлевич М. М. 197, 208, 246, 251, 252
 Стебницкий А. (см. Лесков Н.)
 Стендер-Петерсен А. 194
 Степняк-Кравчинский С. М. 130
 Строганов А. С., граф 266
 Струве П. Б. 156, 199
 Струг А. 153
 Суворин А. С. 137, 242
 Сулейман-паша 247
 Сумароков А. П. 95
 Сундечич И. 261, 262, 264
 Сухово-Кобылина Е. В. 13
 Сухомлинов М. Н. 43, 47, 77
 Сушил Ф. 50
 Сырокомля (см. Кондратович Л.) 39, 195, 207
- Тан (Богораз) В. 125**
 Тассо Т. 191
 Теплинский М. В. 122
 Тетмайер К. 124, 198, 212
 Терехов С. Ф. 103
 Тилле В. 75, 76, 184
 Тимковский К. И. 102

- Тимирязев К. А. 208
 Тимофеев Б. 154
 Тит Ливий 184
 Титов А. А. 266
 Тихомиров Д. И. 209, 210
 Ткалац В. И. 36
 Толстой Л. Н. 49, 69, 71, 131, 166.
 167—177, 198, 199
 Толстая А. Л. 171
 Томанович Л. 262
 Томек В.-В. 73
 Томичек Л. С. 66, 227
 Томпсон С. 182, 183
 Топоров А. В. 234, 237, 243, 245
 Торгашев П. 165
 Тотлебен Э. И. 239, 245
 Трифонов П. 244
 Туган-Барановский М. И. 253, 256
 Туманов Г. М. 128
 Тупы К. Е. (см. Яблонский Б.)
 Тургенев И. С. 49, 66, 68, 69, 71,
 96, 100, 110, 220, 224, 231, 233,
 234, 242—244
 Турчанинов 143
 Тучков М. П. 237, 243
 Тыл И. К. 53, 63, 66
 Тютчев Ф. И. 47, 107, 110, 117

 Уваров С. С. 23, 24, 31
 Урд 131
 Урбанек Р. 167, 174
 Урнов Д. М. 178
 Успенский Г. И. 199, 248
 Утин Н. И. 98

 Федоров А. В. 47
 Федорович И. 104
 Федотов П. А. 68
 Фельдман В. 151, 165
 Фет А. А. 108, 117, 265—270, 273,
 274
 Фигнер В. Н. 162, 163
 Филиппов Т. Н. 68
 Философова А. Н. 236, 241, 243
 Фирсов А. И. 95, 99
 Фишман С. 197, 208
 Флорнан 165
 Фляшка С. 58
 Фортескью Т. 185
 Франко И. 189
 Францев В. А. 47, 78, 226
 Фрич Й.-В. 52, 83, 167, 227
 Фурх В. 63

 Хаджич Й. 23
 Халупка С. 80, 82, 87, 89, 119, 229
 Харлампович К. 92
 Харузин В. 163
 Хасегава Тоцуноски 146

 Хвостов А. И. 101
 Хельчицкий П. 60, 169, 172
 Хмеленский И. К. 63
 Ходаковский Д.-Э. 270
 Хощкий К. 142, 144
 Холливел Дж. О. 180
 Хомяков А. С. 34, 38, 68, 71, 109,
 110
 Хороших П. П. 165
 Хохолоушек М. 63
 Хрущева В. Д. 232
 Худяков И. А. 229

 Цебрикова М. 198
 Цегнар Ф. 117
 Цицерон 274
 Цурикова В. А. 237, 242
 Цыбенко Е. Э. 198

 Чаадаев П. Я. 8, 30
 Чаев Н. А. 69
 Чаплович И. 90
 Чарушников А. 155, 160
 Чаховский К. 124, 127, 140
 Челяковский Л. Ф. 42, 47, 48, 51,
 62, 66, 71
 Червеньский Б. 125
 Черный Георгий, кн. 24
 Чернышевский Н. Г. (псевд. Ан-
 дреев) 32, 34, 50, 51, 56, 63, 98,
 100, 105, 110, 118, 199, 200, 260
 Черткова А. К. 169
 Чех С. 168
 Чехов А. П. 141, 154, 155, 200, 208,
 249
 Чижев Ф. В. 91
 Чичерин В. Н. 238, 244
 Чокорил П. 39
 Чубриньский А. 186, 187, 190, 194
 Чуйко В. В. 100, 110
 Чулков Н. П. 190, 191

 Шайноха К. 198, 212
 Шафарик П. И. 10, 11, 13, 15, 23,
 25, 62, 121, 228, 266, 268, 269,
 271, 272, 274, 275
 Шафарик Янко 229
 Шахматов А. А. 228
 Шверубович А. И. 214
 Шевченко Т. Г. 103, 105, 108, 265,
 269
 Шевырев С. П. 31, 50, 68, 109, 112,
 266
 Шекспир В. 99, 101, 102, 104, 105,
 123, 178, 257
 Шелгунов Н. В. 97—99, 103, 199
 Шелгунова Л. П. 97, 103
 Шелли П.-Б. 99
 Шеллинг Ф.-В. 30

- Шиллер Ф. 99, 100, 102, 103, 105, 106
 Шембера В.-А. 80
 Шиманский А. 164, 198, 212
 Шишко Т. 128, 132, 142
 Шишков В. Я. 130
 Шкарван А. 167, 168, 170, 171, 180
 Шкловский В. Б. 190
 Шлецер А. Л. 22
 Штернберг Л. Я. 148
 Штика К. 173
 Штитный Ф. 59
 Штульц В. 63
 Штур Л. 73, 88
 Шумавский Ф. 85
 Шумигорский Е. С. 242
- Щ**
 Щепкин Н. М. 52
 Щербатов Александр Г., князь 244
 Щербатов Алексей Г., князь 238, 239, 240, 244
 Щербина Н. Ф. 42, 101, 109, 117, 121
- Эдельсон Е. Н. 68
 Эйдельман Н. Я. 97
 Эрбен К. Я. 39, 43, 44, 46—48, 50, 52, 53, 64, 65, 66, 73, 76, 77, 167, 228
 Эртель А. 203, 208, 253
- Ю**
 Юнгман Й. 62, 268
 Юноша К. 198
 Юрьев С. А. 199
- Я**
 Яблонский Б. 39, 44, 48, 52, 63, 77, 113, 137
 Ягич И. В. 5, 33
 Языков Д. Д. 95
 Языков Н. М. 68, 71
 Якубец М. 202, 204, 208
 Якубович-Мельшин П. Ф. 128, 146
 Якобсон Р. О. 48, 49, 52, 69
 Яцимирский А. И. 165, 203
- W**
 Wagrúnowski К. (см. Серошевский В. Л.)
 Wandtke S. (см. Бандтке С.)
 War A. 213
 Wagański Zb. (см. Бараньский Эб)
 Wiałokozowicz B. 131
 Wittner K. 194
 Wogovský K. H. (см. Гавличек-Боровский К.)
- Chojecki K. (см. Хоецкий К.)
 Ciechowski W. 134
- Czachowski K. (см. Чаховский К.)
 Czapłowicz J. (см. Чаплович И.)
 Czubryński A. (см. Чубриньский А.)
 Cech Sv. (см. Чех Св.)
- Delonej T. (см. Делоней)
 Dobšínský P. 86
- Erben K.-J. (см. Эрбен К.-Я.)
 Ertel A. (см. Эртель А.)
 Estreicher K. 214
- Fiszman S. (Фишман С.)
 Frič J. V. (Фрич Й.-В.)
- Golcew W. (см. Гольцев В. А.)
 Gorki M. (см. Горький М.)
 Grigorovitz E. 183
 Gruget K. (см. Грюже К.)
- Haluzický V. (см. Галузицкий Б.)
 Hálek V.-J. (см. Галек В.)
 Halliwell J. O. (см. Холливел)
 Haxthausen A. (см. Гакстгаузен А.)
 Herben J. (см. Гербен Я.)
 Hofman A. 36
- Jakóbiec M. (см. Якубец М.)
 Jonáš K. (см. Ионаш К.)
- Karská T.-S. (см. Карская Т. С.)
 Kocówna B. 128, 137
 Kolař (см. Коларж И.)
 Kollar J. (см. Коллар Я.)
 Kopta J. (см. Копта И.)
 Krappe A. N. (см. Краппе А.)
 Kraszewski J. I. (см. Крашевский Ю. И.)
 Kubka F. (см. Кубка Ф.)
- Lajske M. 80
 Lam A. 128
 Lenarczyk J. (см. Ленарчик Е.)
 Lewin P. 155, 157
 Ławrow W. (см. Лавров В. М.)
- Mácha K.—G. (см. Маха К.-Г.)
 Maciejowski A. (см. Мацеевский А.)
 Maciejowski W. (см. Мацеевский В.)
 Mann F. O. (Манн Ф. О.)
 Marchlewski J. (см. Мархлевский Ю.)
 Mariller 139
 Markiewicz H. 196
 Messia P. (см. Мессия П.)
 Miller E. H. 179
 Mish Charles C. (см. Миш Чарльз)

- Nash (см. Нэш Т.)
Němcová B. (см. Немцова Б.)
Neruda J. (см. Неруда Я.)
Novotný M. (см. Новотный М.)
- Orzeszkowa E. (см. Ожешко Э.)
- Palacký E. (см. Палацкий Ф.)
Pantelejew Ł. (см. Пантелеев Л. Ф.)
Patera A. (см. Патера А.)
Petrovich M. B. (см. Петрович М. Б.)
Pług A. 213
Pupín A. (см. Пыпин А. Н.)
- Rimavski J. 86
Roberts W.-E. (см. Робертс У.)
Rollins H.-E. (см. Роллинс Х.)
- Sabina K. (см. Сабина К.)
Semczuk A. (см. Семчук А.)
Sienkiewicz H. (см. Сенкевич Г.)
Sieroszewski W. (см. Серошевский В.)
- Sievers R. 178, 180
Stasiulewicz M. (см. Стасюлевич М. М.)
Stilke G. 97
Szyszko T. (см. Шишко Т.)
Škultetý A. 86
Šlíz A. 158
Sliwowski R. (см. Сливовский Р.)
- Thompson S. (см. Томпсон С.)
Tille V. (Тилле В.)
Tołstoj L. (см. Толстой Л. Н.)
- Velemínský K. (см. Велеминский К.)
Vrba J. (см. Врба Я.)
- Walicki A. 29
Wright T. 180
- Urban Z. 39, 72
- Zahoř Zd. 75, 229

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I	
Ф. Я. Прийма. Н. И. Надеждин и славяне	5
К. И. Ровда. Русские славянофилы и чешская литература	29
Т. С. Карская. Божена Немцова и русская славянофильская пресса	72
Ю. Д. Левин. Н. В. Гербель и его антология «Поэзия славян»	95
Л. И. Ровнякова. Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты	124
Приложение I	160
Приложение II	164
И. М. Порочкина. Чешский средневековый сюжет у Л. Н. Толстого	166
М. П. Алексеев. Славяно-романо-германские параллели	178
Л. И. Ровнякова. Вукол Лавров и распространение польской литературы в России	195
Приложение	209
II	
В. Н. Баскаков. Письма русских литераторов и ученых Ю. И. Крашевскому	213
Т. С. Карская. Памятная встреча. (А. Н. Пыпин и Божена Немцова)	221
Л. Н. Назарова. Письма Ю. П. Вревской. (Из истории русско-болгарских отношений 1877—1878 гг.)	231
В. П. Вильчинский. Димитр Ризов в России	246
В. К. Петухов. Из архива П. А. Ровинского	259
А. С. Мильников. А. Фет о происхождении имени славян	265
Указатель имен	275

Славянские литературные связи

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Художник *М. И. Разуевич*
Технический редактор *Л. А. Любимова*
Корректоры *М. А. Горилас, Н. И. Журавлева и Г. И. Яковлева*

Сдано в набор 24/Х 1967 г. Подписано к печати 19/III 1968 г.
РИСО АН СССР № 80—145В. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆.
Бум. л. = 9. Печ. л. 18 = 18 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21,04.
Изд. № 3618. Тип. зак. № 622. М-28932. Тираж 3100. Бумага
типографская № 1. *Цена 1 р. 53 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

Имеются в продаже книги

- Андреев Ю. А.** Русский советский исторический роман. 20—30-е гг. 1962. 167 стр. *Цена 77 к.*
- Базанов В. Г.** Ученая республика. (История „Вольного общества любителей российской словесности“). 1964. 463 стр. *Цена 1 р. 38 к.*
- Балашова Т. В. и др.** Советская литература за рубежом. (1917—1960 гг.). 1962. 226 стр. *Цена 69 к.*
- Богуславский А. О., Днев В. А.** Русская советская драматургия. Основные проблемы развития. 1917—1935. 1963. 376 стр. *Цена 1 р. 93 к.*
- Вопросы античной литературы в зарубежном литературоведении.** 1963. 190 стр. *Цена 50 к.*
- Время, пафос, стиль.** Художественные течения в современной советской литературе. 1965. 272 стр. *Цена 86 к.*
- Гуманизм и современная литература.** (Материалы дискуссии 1962 г.). 1963. 405 стр. *Цена 1 р. 74 к.*
- Данте и славяне.** Сборник статей. 1965. 271 стр. *Цена 1 р. 20 к.*
- Данте и всемирная литература.** 1967. 259 стр. *Цена 1 р. 43 к.*
- Елистратова А. А.** Наследие английского романтизма и современность. 1960. 505 стр. *Цена 1 р. 50 к.*
- Елистратова А. А.** Английский роман эпохи Просвещения. 1966. 472 стр. *Цена 2 р. 07 к.*
- Жантнева Д. Г.** Английский роман XX века. 1965. 346 стр. *Цена 1 р. 08 к.*
- История армянской советской литературы.** 1966. 615 стр. *Цена 2 р. 67 к.*
- История татарской советской литературы.** 1965. 578 стр. *Цена 1 р. 72 к.*
- Келдыш В. А.** Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия. 1964. 240 стр. *Цена 50 к.*
- Ковалев В. А.** Утверждающий характер советской литературы. 1960. 100 стр. *Цена 38 к.*
- Кутейщикова В. Н.** Роман Латинской Америки в XX веке. 1964. 335 стр. *Цена 90 к.*
- Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы.** 1967. 516 стр. *Цена 2 р. 32 к.*
- Мордовченко Н. И.** Русская критика первой четверти XIX в. 1959. 431 стр. *Цена 40 к.*

Муратова К. Д. Горький в борьбе за развитие советской литературы. 1958. 485 стр. *Цена 70 к.*

Некрасовский сборник.

Сборник 2. 1956. 516 стр. *Цена 50 к.*

Сборник 3. 1960. 398 стр. *Цена 50 к.*

Неупокоева И. Г. Проблемы взаимодействия современных литератур. (Три очерка). 1963. 226 стр. *Цена 69 к.*

Обломиевский Д. Литература Французской революции 1789—1794 гг. Очерки. 1964. 355 стр. *Цена 1 р. 14 к.*

Очерки истории азербайджанской советской литературы. 1963. 568 стр. *Цена 1 р. 75 к.*

Очерк истории казахской советской литературы. 1960. 687 стр. *Цена 1 р.*

Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. 1963. 723 стр. *Цена 2 р. 61 к.*

Очерки по истории римской литературной критики. 1963. 311 стр. *Цена 1 р.*

Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. 1961. 411 стр. *Цена 1 р. 79 к.*

Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. 1961. 272 стр. *Цена 1 р. 18 к.*

Пруцков Н. И. Русская классическая литература и наша современность. 1965. 248 стр. *Цена 68 к.*

Пути реализма в литературах стран народной демократии. 20—30-е гг. 1965. 256 стр. *Цена 87 к.*

Современные проблемы реализма и модернизм. 1965. 616 стр. *Цена 1 р. 73 к.*

Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Произведение. Литературное развитие. 1965. 504 стр. *Цена 2 р. 40 к.*

Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе. 1965. 320 стр. *Цена 90 к.*

Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература. 1965. 485 стр. *Цена 1 р. 91 к.*

Заявки на книги издательства „Наука“
направляйте в магазины конторы „Академкнига“

Адреса магазинов:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, „Академкнига“, магазин „Книга — почтой“; Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, „Академкнига“, магазин „Книга — почтой“

Заказы выполняются наложенным платежом